

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт всеобщей истории

В. А. ТИШКОВ

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ
В КОЛОНИАЛЬНОЙ
КАНАДЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1978

Книга, являющаяся первым в советской научной литературе исследованием по новой истории Канады, посвящена узловым вопросам исторического развития этой страны в период английского колониального господства. На основе использования широкого круга источников, в том числе архивных, в работе рассматриваются предпосылки, основные этапы, движущие силы, формы и характер канадского освободительного движения, вскрывается природа франкоканадского национального вопроса. Большое внимание уделено освещению крупнейшего события в истории Канады — антиколониальной революции 1837 года, приведшей к образованию самостоятельного канадского государства.

Ответственный редактор

доктор исторических наук Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ

На форзацах помещены:

передний — Документы освободительного движения в Канаде: листовка «Независимость» (Верхняя Канада), «Декларация независимости» (Нижняя Канада);

задний — Прокламации колониальных властей о вознаграждении за поимку руководителей освободительного движения Макензи и Папино.

На страницах 27, 122, 124, 146, 151, 152, 201, 219, 225, 230, 260, 276 помещены рисунки канадского художника Ч. У. Джеффриса, которые перепечатываются с издания: *Jefferys Ch. W. The Picture Gallery of Canadian History. Toronto, 1942—1945, v. 3.*

Валерий Александрович ТИШКОВ

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОЛОНИАЛЬНОЙ КАНАДЕ

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории Академии наук СССР

Редактор издательства Н. Ф. Лейн. Художник В. Г. Ефимов

Художественный редактор Н. Н. Власик. Технический редактор Е. Н. Евтянова

Корректоры Г. И. Джисоева, Л. Д. Собко

ИБ № 5349

Сдано в набор 25.05.78. Подписано к печати 31.07.78. Т-10747.

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная.

Печать высокая. Усл. печ. л. 24,4. Уч.-изд. л. 26,9. Тираж 1600 экз. Тип. зак. 539.

Цена 2 р. 40 к.

Издательство «Наука». 117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а

2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Т $\frac{10603-242}{042(02)-78}$ Бз—98—12—77

© Издательство «Наука», 1978 г.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к истории Канады в советской историографии в последние годы заметно усиливается. Это не только результат естественного развития и накопления научных знаний, но и отражение более широкого стремления советских людей ближе познакомиться с нашим северным соседом, роль и значение которого в мире возрастают, а отношения с Советским Союзом становятся все многообразнее.

Советскими историками уже опубликованы монографии по проблемам рабочего движения, иммиграции и национального развития Канады, советско-канадского сотрудничества в годы второй мировой войны, а также общий очерк истории Канады в новейшее время¹. Преимущественный интерес к событиям, более приближенным к современной действительности, понятен и вполне оправдан. Однако нельзя признать удовлетворительным, что до сих пор не появилось ни одного серьезного исследования по новой истории Канады². А между тем назрела настоятельная потребность в научном освещении узловых проблем ранней канадской истории, ибо отсюда берут начало многие традиции и реальности современной Канады, без знания истоков которых невозможно в полной мере понять сегодняшние проблемы этой страны.

Действительно, какую бы из этих проблем мы не взяли, ее корни, как правило, уходят в далекое прошлое. Так, проблема канадской государственности и суверенитета связана с важней-

---

¹ *Сороко-Цюпа О. С.* Рабочее движение в Канаде. 1929—1939. М., 1977; *Пысина Г. А.* Канада: профсоюзы и классовая борьба пролетариата. 1965—1975. М., 1977; *Фурсова Л. Н.* Иммиграция и национальное развитие Канады. 1946—1970. М., 1975; *Лещенко Л. О.* СРСР і Канада в антигітлерівській коаліції. Київ, 1973; Канада. 1918—1945. Исторический очерк. Отв. ред. Л. В. Поздеева. М., 1976.

² Исключение составляет сохраняющая свое значение книга советского экономиста А. Г. Милейковского «Канада и англо-американские противоречия» (М., 1958), в которой были рассмотрены некоторые аспекты ранней истории Канады.

шей исторической спецификой Канады — длительным периодом колониальной зависимости и сложным процессом становления самостоятельного канадского государства. Одно из наиболее разительных проявлений современного кризиса канадской конфедерации — нерешенная франкоканадская национальная проблема — также возникло не сегодня, а существовало с момента английского завоевания Канады и оказывало сильное влияние на развитие этой страны на протяжении более двух столетий. Зависимость Канады от США, придающая этой развитой капиталистической стране черты полуколониального государства, также не только результат современной империалистической экспансии, но и итог 200-летнего тревожного и неравного сосуществования с южным соседом. Наконец, в колониальный период началось формирование канадских наций, а также были заложены основы современного культурного многообразия и общеканадской самобытности.

При определении задач исследования мы исходили из стремления показать историю Канады на протяжении довольно длительного отрезка времени (около 100 лет) как закономерный процесс поступательного развития общества. Именно по этой причине главной, стержневой темой стала история освободительного движения, борьбы народных масс — подлинных творцов истории — за улучшение условий своего существования, ибо без учета освободительной борьбы канадских колонистов против социального и национального угнетения невозможно объяснить такие важнейшие этапы в истории страны, как утверждение буржуазного строя и образование самостоятельного канадского государства. Однако история освободительного движения в Канаде была и остается до сих пор сравнительно слабо изученной областью как в канадской, так и в зарубежной историографии вообще. Как отмечает известный советский специалист по истории английского колониализма Н. А. Ерофеев, «Протесты, восстания и стихийные вспышки сопровождают всю историю колониализма. Английская историческая наука (добавим: не только английская. — В. Т.) до сих пор не проявляла к ним интереса, не изучала их. Восстановить подлинную историю борьбы колониальных народов за свободу предстоит самим народам, освободившимся от колониального гнета. В настоящее время мы знаем о ней еще очень мало, в основном лишь наиболее крупные события этого рода, такие, как народное восстание в Индии или движение тайпинов. Недовольство имело повсюду общие корни: народы тяготились колониальным игом, бесправием, поборами, произволом властей. Но формы протеста в отдельных владениях носили различный характер»³.

---

³ Ерофеев Н. А. Английский колониализм в середине XIX века. Очерки. М., 1977, с. 34.

Вышеприведенные слова совпадают с формулировкой задач нашего исследования. В работе рассматривается история освободительного движения в провинциях Британской Северной Америки со времени завоевания Англией Канады в 1760 г. до образования самостоятельного государства — доминиона Канада в 1867 г.

Анализируя основные этапы освободительного движения — от стихийного протеста и конституционной политической борьбы во второй половине XVIII в. вплоть до его кульминации — вооруженного восстания 1837 г. и последующей борьбы за реформы и самоуправление — мы стремились прежде всего показать объективные предпосылки, основные движущие силы, а также раскрыть формы и социально-классовое содержание борьбы канадских поселенцев против метрополии и существовавшего в колонии строя. Это позволяет определить как общие закономерности национально-освободительного движения в этой стране, так и специфические особенности, придавшие историческому развитию Канады своеобразный и сложный характер. Одной из важнейших таких особенностей является франкоканадский национальный вопрос. Рассматривая природу, зарождение и развитие франкоканадского национального движения, раскрывая его классовый характер, мы трактуем, это движение как составную часть и одну из форм освободительной борьбы в колониальный период.

Учитывая, что в советской историографии пока не было специального исследования по новой истории Канады, невозможно обойтись без разбора и изложения некоторых общих проблем истории страны в колониальный период, в том числе содержания английской колониальной политики в Канаде, раскрытия характера социально-экономического развития колонии, проблемы заселения и иммиграции, некоторых аспектов политической истории, ибо обращаясь к специальному исследованию, «историк не может абстрагироваться от исторического «фона», т. е. от мощного воздействия других компонентов единого исторического процесса, в первую очередь экономических»⁴.

* * *

При изучении коренных проблем истории колониальной Канады ценнейшим источником идейно-теоретического значения явились труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Разработанные классиками марксизма-ленинизма фундаментальные научные положения о закономерности исторического процесса, смене общественно-экономических формаций, социальной революции и национальном вопросе были главными концептуальными предпосылками при изучении избранной нами темы.

---

⁴ Жуков Е. М. Некоторые проблемы методологии истории. — Новая и новейшая история, 1977, № 3, с. 32—33.

Для понимания характера социально-экономического развития колониальной Канады и причин освободительного движения в стране первостепенное значение имеют теоретические положения 24-й и 25-й глав первого тома «Капитала», посвященных проблеме первоначального накопления капитала и разбору теории «систематической колонизации». Последняя имеет непосредственное отношение к истории Канады в изучаемый нами период. К. Маркс раскрыл великую тайну систематической колонизации, которую он определил как метод первоначального накопления, рекомендованный специально для колоний⁵.

Особенно интересный материал методологического характера содержится во 2-й главе работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», где исследуется процесс разложения крестьянства в результате проникновения капитализма в деревню. Рассмотрение генезиса капиталистических отношений в Канаде оказалось возможным в свете общей проблемы развития капитализма «вглубь» и «вширь» и ленинского положения о влиянии свободных земель на утверждение капиталистического способа производства в той или иной стране, о роли переселенческих движений в развитии капитализма, о сложности и противоречивости процесса капиталистического развития в странах, отягченных бременем феодальных пережитков.

В общеметодологическом плане для осмысления закономерности исторического процесса в Канаде, в том числе проблем перехода от феодализма к капитализму, характера буржуазной, антиколониальной революции и национального движения большое значение имеют теоретические и методологические труды советских обществоведов. Это прежде всего работы о закономерностях всемирно-исторического процесса, типологии и методах изучения буржуазных революций, об общей теории социальной революции и теоретических проблемах антифеодальных и национально-освободительных движений⁶.

Советские историки достигли крупных успехов в изучении важнейших буржуазных революций и национально-освободительных движений в новое время. В этой связи особую важность и стимулирующее значение имели работы, посвященные сходным явлениям в других странах и регионах. Так, в трудах советских американистов А. В. Ефимова, Н. Н. Болховитинова, Г. П. Куропятника, Г. Н. Севостьянова, А. А. Фурсенко и др.⁷ содержится

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 783.

⁶ Ковалев А. М. Социальная революция. М., 1969; Селезнев М. А. Социальная революция. М., 1971; Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964; Мнацаканян М. О. Колониализм и его исторические формы. М., 1976; Современные революционные движения и национализм. Под ред. В. Загладина, С. Рыженко. М., 1973; Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. Отв. ред. Е. М. Жуков. М., 1975.

⁷ Ефимов А. В. США. Пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха). М., 1969; Война за независимость и образование США. Под

много ценных положений и выводов о процессах социально-экономического развития колониальной Америки, характере классовых и национальных конфликтов, о предпосылках, формах и идеологии освободительной борьбы в условиях переселенческих колоний на Североамериканском континенте.

Особенно важным представляется замечание, что в основе свыше двух десятков революций, происходивших в Америке с 1774 по 1837 г., лежал однородный, а в известной мере и общий процесс капиталистического развития. «Однако переход от феодализма к капитализму происходил в различных формах, разные страны шли различными путями, революции в них были самобытными, не всегда одновременными с общественными переворотами в других странах. Общей чертой их было то, что народные массы активно, самоотверженно двигали историю»⁸. Именно восстание 1837 г. в Канаде явилось заключительным звеном в цепи этой серии революций в западном полушарии. Кстати, и в упомянутой работе А. Г. Милейковского говорится, что экономическое развитие Канады во время англо-американской войны 1812—1814 гг. и после нее способствовало укреплению движущих сил буржуазной революции, «которая была призвана разорвать путы колониального господства, задержавшего рост канадского капитализма»⁹. Но конкретизации или обоснования понятия «буржуазная революция» применительно к данному периоду истории Канады в исследованиях А. В. Ефимова и А. Г. Милейковского сделано не было. Авторы ссылались на американского историка У. З. Фостера, который также называл восстание 1837 г. в Канаде составной частью всеамериканской буржуазной революции 1776—1837 гг.¹⁰

Большой интерес представляют для нас в сравнительно-историческом плане работы советских латиноамериканистов А. А. Губера, М. С. Альперовича, Л. Ю. Слэзкина, А. И. Штрахова и др.¹¹, посвященные истории национально-освободительного дви-

---

ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1976; *Болховитинов Н. Н.* Теоретические и историографические проблемы американской революции XVIII в. М., 1973; *Куропятник Г. П.* Борьба двух тенденций капиталистического развития США в эпоху буржуазных революций.— Новая и новейшая история, 1976, № 2; *Он же.* Феодальная рента в североамериканских колониях Англии XVII—XVIII вв. (к вопросу о предпосылках первой американской буржуазной революции).— Американский ежегодник. 1975; *Он же.* Земельный вопрос и революционная ситуация в Северной Америке накануне войны за независимость США.— Вопросы истории, 1976, № 8; *Севостьянов Г. Н., Уткин А. И.* Томас Джефферсон. М., 1976; *Фурсенко А. А.* Американская буржуазная революция XVIII в. М.— Л., 1960.

⁸ *Ефимов А. В.* Указ. соч., с. 457.

⁹ *Милейковский А. Г.* Указ. соч., с. 102.

¹⁰ *Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки. Пер. с англ. М., 1953, с. 203.

¹¹ *Губер А. А., Лагров Н. М.* К 150-летию войны за независимость Латинской Америки.— Новая и новейшая история, 1960, № 4; *Война за неза-*

жения и революций в регионе. Утвердившийся в их трудах тезис о том, что война за независимость в Испанской Америке носила объективно характер буржуазной революции, в определенной мере оказался применимым и при оценке аналогичных событий в истории колониальной Канады. Здесь важен сам принцип изучения освободительных движений, который отличается от подхода немарксистских историков. «Оспаривая историческую закономерность и неизбежность ликвидации испанского господства в Америке и превращения бывших колоний в независимые государства,— пишет советский исследователь М. С. Альперович,— некоторые историки пытаются преуменьшить и вовсе отрицать значение причин и предпосылок войны за независимость, связанных с глубинными внутренними процессами (особенно социально-экономическими), происходившими в недрах колониальной империи. Вместе с тем они чрезвычайно преувеличивают влияние внешних факторов, которым склонны отводить решающую роль в возникновении революционных событий в Латинской Америке»¹².

В отличие от такого подхода в работах советских исследователей по истории освободительной борьбы испанских колоний в первой трети XIX в. убедительно обоснована ее историческая необходимость, обусловленная объективными социально-экономическими и политическими противоречиями. По словам А. А. Губера, «советские историки видят основные причины освободительной войны во внутренних процессах, в экономическом развитии и изменениях, имевших место в испанских колониях в конце XVIII в. Анализ зарождения капиталистических отношений в специфических условиях испанского колониального режима и созданных им искусственных трудностей для развития торговли и промышленности, формирования местной буржуазии ... приводит их к выводам, что в ходе войны за независимость на повестку дня были поставлены задачи буржуазной, антифеодальной революции»¹³.

Период английского колониального господства в Канаде не может изучаться без учета исторических процессов и событий в метрополии, характера английской колониальной политики в Канаде. Труды советских историков по истории Англии как об-

---

висимость в Латинской Америке (1810—1826). М., 1964; Альперович М. С. Война за независимость Мексики (1810—1824). М., 1964; Слёвакин Л. Ю. Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964; Штрахов А. И. Война за независимость Аргентины. М., 1976 и др.

¹² Альперович М. С. Революция и диктатура в Парагвае. 1810—1840. М., 1975, с. 9—10.

¹³ Губер А. А. Проблемы национально-освободительной борьбы в Латинской Америке в трудах советских историков.— Новая и новейшая история, 1970, № 1, с. 34.

щего характера¹⁴, так и специальные исследования¹⁵, особенно по истории английского колониализма¹⁶, помогают более полно учесть влияние этого важнейшего фактора в истории Канады.

* * *

Канадская историография колониального периода, истории освободительной борьбы и национальных проблем довольно обширна. Учитывая, что нами уже опубликовано несколько историографических статей¹⁷, а в предлагаемой работе в каждой главе содержится разбор взглядов и концепций канадских историков по важнейшим проблемам, ограничимся лишь общими замечаниями.

Отличительная черта исторической науки в Канаде — наличие в стране двух самостоятельных и малосвязанных друг с другом историографий: англоканадской и франкоканадской, что отражает национальную специфику Канады — существование двух крупных этнических общностей в лице англоканадцев и франкоканадцев. С момента зарождения исторической мысли в Канаде каждая из этих основных школ прошла свой собственный путь развития, сильно отличаясь по характеру и направленности исторических исследований. Это различие столь велико, что вполне правомерно говорить о двух абсолютно несхожих интерпретациях истории Канады, в том числе ее колониального прошлого.

Со времени возникновения англоязычной историографии в середине XIX в. и вплоть до первой мировой войны господствующее место в ней занимала британская, или имперская, школа конституционной истории. Историки этого направления, как отмечает канадский исследователь Р. Кук, полагали, что «Канада является английской по происхождению и по характеру и что ее будущее национальное развитие тесно связано и даже находится в интеграции с Британской империей»¹⁸. Естественно, что работы этих авторов (Р. Кристи, У. Кингсфорд, Дж. Бурино)¹⁹ вся-

¹⁴ *Татаринова К. Н.* Очерки по истории Англии. 1640—1815. М., 1958; *Ерофеев Н. А.* Очерки по истории Англии. 1815—1917. М., 1959.

¹⁵ *Черняк Е. Б.* Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII — начале XIX в. М., 1962; *Ерофеев Н. А.* Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825—1850 гг. М., 1962.

¹⁶ *Горба Е. В.* Очерки колониальной политики западноевропейских государств (конец XV — начало XIX в.). М., 1965; *Ерофеев Н. А.* Английский колониализм середины XIX в. Очерки.

¹⁷ *Тишков В. А.* Восстание 1837—1838 гг. в Канаде (обзор литературы). — Новая и новейшая история, 1970, № 5; *Он же.* Англо-американская война 1812—1814 гг. — Основные проблемы истории США в американской историографии. Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1971; *Он же.* Американские лоялисты: старые мифы и новые интерпретации. — Вопросы истории, 1976, № 1; *Он же.* Основные направления современной канадской историографии (обзор новейших исследований). — Новая и новейшая история, 1977, № 2.

¹⁸ *Cook R.* Canadian Historical Writings. — Scholarship in Canada. 1967: Achievement and Outlook. Toronto, 1968, p. 77.

¹⁹ *Christie R.* A History of the Late Province of Lower Canada, Quebec. V. 1—6. Montreal, 1848—1955; *Kingsford W.* The History of Canada. V. 1—10.

чески восхваляли английское господство в Канаде; сама история в их представлении сводилась к благодеяниям министерства по делам колоний в метрополии и местной администрации, а ее главными героями были губернаторы и их окружение. Пожалуй, только излагая деятельность колониальных ассамблей, такие авторы, как бывший английский чиновник в Канаде Р. Кристи, приводят отрывочные сведения о борьбе за реформы, но при этом «углубо в рамках обычной конституционной борьбы».

С конца XIX в., когда канадская буржуазия перешла к так называемой «национальной политике», у историков конституционного направления возрос интерес к проблемам эволюции Канады от колониального статуса к национальной независимости, формирования канадской государственности. Однако в их работах по-прежнему на первом месте оставалась «верхушечная» деятельность правящих кругов, а завоевание Канадой самоуправления трактовалось, в частности Ф. Брэдшоу²⁰, как результат деятельности английского лорда Дарэма и ниспосланный жителям Канады дар метрополии.

Что касается освободительного движения, то о нем на страницах подобных исторических трудов не было и речи, и только такое событие, как восстание 1837 г., которое при всем желании невозможно вычеркнуть из истории страны, удостаивалось скудного описания. Причем трактовалось это событие как случайный эпизод, как проявление крайнего национализма франкоканадцев под влиянием агитации небольшой группы «демагогов» из числа местной интеллигенции. Так, авторы вышедшей перед первой мировой войной официальной многотомной истории Канады утверждали, что «в основе создавшейся революционной ситуации прежде всего лежали националистические и расовые мотивы». Разделение на политические партии в Нижней Канаде, продолжали они, происходило по национальному признаку, а требование «народного управления» выдвигалось франкоканадскими патриотами с целью «утвердить господство национализма». И вообще, заключали они, освободительное движение в Нижней Канаде носило реакционный характер, а в Верхней Канаде, где не было франкоканадского населения, прогрессивный характер, поскольку в этой провинции имелись основания для требования «ответственного правительства»²¹. Правда, авторы этого труда все же признают, что восстание 1837 г. стало отправным пунктом для завоевания Канадой независимости²².

Toronto, 1887—1898; *Bourinot J. G. Canada under British Rule. 1760—1900.* Cambridge, 1900.

²⁰ *Bradshaw F. A. Selfgovernment in Canada and How it was Achieved; the Story of Lord Durham's Report.* London, 1903.

²¹ *Canada and its Provinces. A History of the Canadian People and Their Institutions by one Hundred Associates.* Ed. by A. Shortt, A. G. Doughty. V. 1—22. Toronto, 1913—1914, v. 3, p. 280, 384.

²² *Ibid.*, p. 384—385.

Последняя формула утвердилась в англоканадской литературе под влиянием вигско-либеральной историографической традиции XIX в., одной из излюбленных тем которой была история борьбы за реформы²³. Именно в духе этой традиции была выдержана одна из первых историй освободительной борьбы в Канаде, принадлежавшая блестящему перу журналиста либерального направления, но не всегда пунктуального историка Джона Чарлза Дента. В двухтомной истории восстания в Верхней Канаде он на основе большого числа документов и других свидетельств воссоздал картину политической борьбы за реформы в Верхней Канаде и хода вооруженных выступлений, а в другой работе дал детальную картину борьбы за самоуправление в провинции Канада в 40-е годы XIX в.²⁴

Со страниц трудов Дж. Ч. Дента борьба канадских патриотов предстает как подлинно массовое движение против гнета и засилья правящей колониальной верхушки, однако симпатии автора всецело на стороне умеренных сторонников реформ и мирных средств политической борьбы. В силу своих антиамериканских настроений, широко распространенных в Канаде в последние десятилетия XIX в., Дент резко осуждает радикальный республиканизм Уильяма Макензи — руководителя восстания в Верхней Канаде, которого он представил в карикатурно-отрицательном виде. Дент считает также, что восстание вовсе не было необходимым и даже, наоборот, оно помешало созданию коалиции умеренных реформаторов и консерваторов в борьбе за «ответственное правительство», которое в конце концов вынуждена была установить метрополия в Канаде²⁵. Что касается событий в Нижней Канаде, то здесь Дж. Дент полностью остался на шовинистических позициях имперской историографии.

Трактовка Дж. Дентом борьбы канадских повстанцев 1837 г. и личности их лидера У. Макензи оказала сильное влияние на всю последующую историографию. Однако ему не удалось перечеркнуть результаты труда другого зачинателя истории освободительного движения в Верхней Канаде, Чарлза Линдсея, создавшего всеобъемлющую и доброжелательную биографию своего дяди — Уильяма Лайона Макензи²⁶. И все же точка зрения, что попытки канадских патриотов изменить колониальные порядки были «всецело ошибочной идеей»²⁷, осталась доминирующей в англоканадской историографии XIX в.

²³ См.: Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1967, с. 131—132, 254—256.

²⁴ *Dent J. C. The Story of the Upper Canadian Rebellion. V. 1—2. Toronto, 1885; Idem. The Last Forty Years. Canada Since the Union of 1841. Toronto, 1881.*

²⁵ *Dent J. C. The Last Forty Years, p. 55, 104.*

²⁶ *Lindsey Ch. The Life and Times of William Lyon Mackenzie. Toronto, 1862.*

²⁷ *Read D. B. The Canadian Rebellion of 1837. Toronto, 1896, p. 372.*

Заметный сдвиг в изучении колониального прошлого Канады произошел после первой мировой войны. Развитие государственного-монополистического капитализма в Канаде, укрепление суверенитета канадского государства, ослабление Британской империи и ее связей с доминионами, усиление американского влияния в Канаде — все это оказало сильное влияние на историографию. Имперская школа уступила свои ведущие позиции. Ее представители сохранили преимущественный интерес к политическим аспектам истории, а одним из основных объектов изучения историков конституционного направления остается эволюция Канады от колониального статуса к национальной независимости, становление канадской государственности. В 20—30-х годах публикуются работы по истории образования доминиона и «ответственного правительства» в Канаде²⁸, но эти труды не имеют большого научного значения, в доказательство чего достаточно привести вывод Р. Лэнгстоун о том, что «ход истории Канады всегда определяли три фактора: мнение Англии, личность губернатора и политические условия в самой Канаде»²⁹.

Главным направлением в канадской историографии этого периода становится либеральная школа историков, сделавшая основной упор на изучение особенностей собственного развития Канады, которые игнорировались имперской школой. Некоторые представители либеральной историографии, не без влияния концепции американского историка Ф. Тернера, обосновывали полную обособленность канадского общества от Англии, подчеркивая его исключительно североамериканский характер³⁰.

Отражением возросшего интереса к собственно канадской истории стало издание в 1920 г. многотомных «Канадских хроник». Четыре тома этой серии были посвящены истории освободительной борьбы в первой трети XIX в. и завоеванию колониального самоуправления в Канаде³¹. Сам по себе такой факт примечателен, но в подлинно научном отношении авторы этих книг почти никакого шага вперед в изучении событий прошлого не сделали, повторив и обобщив ранее написанное. Характер освободительной борьбы, в том числе восстания 1837 г., определялся ими как «конституционная борьба»³² или же как конфликт между двумя нациями³³.

²⁸ Trotter R. G. Canadian Federation. Toronto, 1924; Langstone R. W. Responsible Government in Canada. London, 1931.

²⁹ Langstone R. W. Op. cit., p. 125.

³⁰ Сороко-Дюна О. С. Историческая концепция Ф. Д. Тернера и канадская историография. — Американский ежегодник. 1972. М., 1972, с. 192—209.

³¹ Decelles A. D. The Patriotes of 1837. A Chronicle of Lower Canadian Rebellion. Toronto, 1920; Wallace W. S. The Family Compact. A Chronicle of the Rebellion in Upper Canada. Toronto, 1920; Grant W. L. The Tribune of Nova Scotia. Toronto, 1920; MacMechan A. The Winning of Popular Government. Toronto, 1920.

³² Wallace W. S. Op. cit., p. 1.

³³ Decelles A. D. Op. cit., p. VII.

Более значительно исследование А. Данэм по истории борьбы за реформы в Верхней Канаде в первой трети XIX в. Автор доказывала, что в силу своего географического положения и исторической ситуации эта канадская провинция стала полем битвы идеалов английской монархии и американской демократии и в то же время ее политическая история была тесно связана с внутренними социально-экономическими проблемами. А. Данэм подвергла острой критике колониальную политику Англии, но требование самоуправления считала несвоевременным и обреченным на провал, поскольку по соседству существовала Нижняя Канада, население которой якобы было неспособно взять управление в свои руки. Следуя за Дж. Дентом, А. Данэм полагала, что «восстание (1837 г.—В. Т.) являлось не кульминацией предшествовавших событий, а скорее случайным, чем неизбежным событием, и не соответствовало подлинным настроениям населения Верхней Канады»³⁴. Именно поэтому автор обрывает изложение 1836 г. «Завершить этот переходный период рассказом о восстании означало бы придать наиболее неуравновешенным элементам среди реформаторов — экстремистским радикалам — определенное значение, а этого я старалась избежать»³⁵, — признается она.

Одной из характерных черт развития исторической науки в Канаде между двумя мировыми войнами стал поворот к буржуазному экономизму и возникновение целого направления канадской экономической истории, основателем которого считается Гарольд Адамс Иннис³⁶, развивший «теорию сырьевых ресурсов», согласно которой рыба, пушнина, лес и пшеница — определяющие факторы развития Канады. Хотя механистический материализм Инниса абстрагировался от социального строя и общественных отношений, в рамках которых действовали экономические факторы, новое направление способствовало расширению знаний о процессах экономического развития колониальной Канады, что в свою очередь привело к серьезным переоценкам в трактовке природы освободительного движения и политической борьбы. После выхода в свет работ по проблемам иммиграции, земельного вопроса, промышленного развития, условий жизни поселенцев в колониальный период³⁷ объяснять причину революционных событий только национальной враждой или дефектами политической системы, а образование канадского государ-

³⁴ *Dunham A. Political Unrest in Upper Canada. 1815—1836. Toronto, 1963 (1-st ed.— 1927), p. 18.*

³⁵ *Ibid.*, p. 19.

³⁶ Подробнее см.: *Neill R. A New Theory of Value: The Canadian Economics of H. A. Innis. Toronto, 1972.*

³⁷ *Patterson G. Land Settlement in Upper Canada. 1783—1840. Toronto, 1921; Cowan H. F. British Emigration to British North America. 1783—1837. Toronto, 1928; Tucker G. N. The Canadian Commercial Revolution. 1845—1851. New Haven, 1936; Guillet E. C. Early Life in Upper Canada. Toronto, 1933.*

ства только действиями высокопоставленных мужей стало уже невозможно. Слишком явственно проступала связь между экономическими и политическими проблемами того времени.

На специальной сессии Канадской исторической ассоциации в 1937 г., посвященной 100-летию восстания 1837 г., в ряде докладов были намечены пути пересмотра устоявшихся в историографии оценок³⁸. Рождение нового подхода связано в значительной степени с именем главного представителя так называемой лаврентийской школы — Дональда Крейтона, который с тех же позиций вульгарного экономизма обосновывал тезис об определяющей роли долины р. Св. Лаврентия и сосредоточенного там крупного капитала в создании канадского централизованного государства. Не без оснований полагая, что «политическая революция медленно вырастала из экономической революции, которая целиком предшествовала ей»³⁹, Д. Крейтон тем не менее извратил природу освободительного движения в колонии. Он считал носителями прогресса и просвещения в Канаде английскую торговую олигархию, «союз купцов, бизнесменов и бюрократов», а среднюю и мелкую колониальную буржуазию, местную интеллигенцию, аграриев и партию сторонников реформ представлял как опору феодализма и старого порядка. Отсюда все освободительное движение объявлялось реакционным «аграрным бунтом» против прогрессивных сил в лице правящего класса колонии и английской торговой буржуазии⁴⁰.

После второй мировой войны направление экономической истории приходит в упадок и в исторической литературе возрождается интерес к политической истории, появляются многочисленные биографические труды, в том числе принадлежащие перу историков либерального направления биографии Уильяма Макензи⁴¹ и лидера мелкобуржуазной группировки реформаторов 50-х годов XIX в. Джона Брауна⁴². Автор биографии Макензи У. Килборн фактически повторил наиболее общепризнанную трактовку восстания 1837 г. и его исторического значения как важного исходного события в завоевании Канадой независимости. Однако более глубокого, детального анализа природы вооруженной борьбы против метрополии и побудительных мотивов ее лидеров в книге сделано не было.

³⁸ *New C. W.* The Rebellion of 1837 in its Larger Setting: Presidential Address.—CHAR, 1937; *Parizeau G.* Aperçu de la situation économique dans le Bas-Canada vers 1837.—Ibid. *London F.* The Common Man in the Era of the Rebellion in Upper Canada.—Ibid.

³⁹ *Creighton D. G.* The Commercial Empire of St. Lawrence. 1760—1850. Toronto, 1837, p. 90.

⁴⁰ Ibid., p. 209, 217; *Creighton D. G.* The Economic Background of the Rebellions of 1837.—CJEPS, 1937, v. 3.

⁴¹ *Kilbourn W.* The Firebrand. William Lyon Mackenzie and the Rebellion in Upper Canada. Toronto, 1956.

⁴² *Careless J. M. S.* Brown of the Globe. Toronto, 1959—1963, v. 1—2.

Заметным явлением в англоканадской историографии 50-х годов стала серия работ по истории социальных и политических движений в Канаде, фактически положившая начало канадской историографии социал-демократического толка, со свойственным ей вниманием к изучению социальных факторов, истории профсоюзного движения и партийно-политической борьбы с позиций ограниченного мелкобуржуазного социал-реформизма. Достаточно отметить, что основоположник этой историографической школы Фрэнк Андерхилл считал, что канадскому историческому опыту вообще чужда радикальная революционная традиция⁴³. Представителем этого направления С. Кларком была написана ценная книга по истории движений социального протеста и борьбы за реформы в колониальной Канаде, хотя ее кульминационный этап — вооруженные восстания 1837 г. — не нашел должной трактовки⁴⁴. Более детальное исследование в том же концептуальном ключе было предпринято Э. К. Джиллетом по истории вооруженной освободительной борьбы в Верхней Канаде⁴⁵. Этот историк вскрыл некоторые не известные ранее черты в деятельности революционных сил, нарисовал яркие портреты наиболее видных патриотов, попытался определить причины поражения восставших, но общий лейтмотив книги — несколько сентиментальное сочувствие заранее обреченному делу канадских борцов за свободу и независимость.

Одним из существеннейших пороков англоканадской историографии освободительного движения было полное игнорирование или поверхностно-искаженное толкование событий во французской Канаде, что препятствовало целостной интерпретации борьбы народных масс против социального и национального угнетения, истории становления канадской независимости. В новейших исследованиях наметилась тенденция к исправлению этого недостатка. Еще в 1959 г. появилась интересная статья У. Паркера, посвященная изучению экономического положения в Нижней Канаде в 30-х годах XIX в. и его непосредственному влиянию на народные массы, прежде всего на настроения фермерского населения. У. Паркер справедливо отметил, что восстание 1837 г. в Нижней Канаде было следствием кризисной трансформации в земледелии; которая полностью изменила характер франкоканадских фермерских хозяйств и оказала сильное влияние на образ жизни поселенцев. Сельскохозяйственный кризис усугубился земельной политикой правительства, препятствовавшей расселению крестьян из сеньорий. Кроме того, с момента английского завоевания «пловые сеньоры» в лице англичан сце-

⁴³ *Underhill F. H. In Search of Canadian Liberalism. Toronto, 1960.*

⁴⁴ *Clark S. D. Movements of Political Protest in Canada. 1640—1840. Toronto, 1959.*

⁴⁵ *Guillet E. C. The Lives and Times of the Patriots. An Account of the Rebellion in Upper Canada (1837—1838), and the Patriot Agitation in the United States (1837—1842). Ontario, 1963.*

сильнее эксплуатировали крестьян — держателей земли. Все эти факторы привели в 30-х годах к полнейшему обнищанию населения провинции, что и сделало его, по словам У. Паркера, «легкой добычей политиков»⁴⁶. Как видим, У. Паркер поставил ряд новых вопросов, прежде всего вопрос об аграрном кризисе в предреволюционной Канаде; но вскрыть природу этого кризиса ему не удалось — ссылая на засуху и эпидемию «хлебной мушки» не слишком убедительна.

Вскоре после этого вышло исследование Э. Т. Мэннинг о национальном движении во французской Канаде в первой трети XIX в. Эту работу отличает стремление более широко подойти к теме, рассмотреть политическую борьбу в свете экономических и социальных проблем, стоявших перед колонией. Автор отмечает демократизм и республиканизм франкоканадских патриотов. И все же, подводя итоги, Мэннинг определяет «мятеж французской Канады» как в конечном счете «националистическое движение» и не видит глубоко классового характера национального вопроса в Канаде. Однако она признает ту большую роль, которую сыграла борьба франкоканадцев за свои права в завоевании независимости⁴⁷. Как и А. Данэм, она обрывает изложение событий кануном восстания 1837 г., подчеркивая тем самым случайность и неоправданность вооруженного выступления.

Подобный взгляд на освободительную борьбу, пожалуй, более всего распространен в новейшей англоязычной литературе. Достаточно привести оценку, содержащуюся в краткой истории Канады известного либерального историка Р. Кука и др.: «Несмотря на широко распространенное недовольство в Верхней и Нижней Канаде, большинство населения отказалось видеть в восстании единственное средство решения проблем. Радикальные взгляды Макензи и Папино, проповедуемые ими принципы республиканизма и независимости, оставались чужды многим из тех, кто разделял их недовольство существующим порядком... И все же, хотя восстания потерпели поражение, они в определенном смысле были успешными, ибо правительство Великобритании, помня о катастрофических последствиях 1776 г., решило, что тщательное расследование проблем Британской Северной Америки необходимо»⁴⁸.

Фактически не отличается от этой оценки и формула, предлагаемая историком социал-демократической ориентации К. Макнотом в не менее известном варианте краткой истории Канады: «Сколько бы обескураживающей ни была история восстаний, они все-таки сделали свое дело. Английское правительство уже не могло по-прежнему верить, что доклады, посылаемые назначен-

⁴⁶ *Parker W. H. A New Look at Unrest in Lower Canada in the 1830's.*— *CHR*, 1959, v. 40, 1959, p. 209—217.

⁴⁷ *Manning H. T. The Revolt of French Canada. 1800—1835.* New York, 1962.

⁴⁸ *Cook R., Ricker J., Saywell J. Canada: A Modern Study.* Toronto, 1971, p. 57.

ными метрополией губернаторами и представителями немногочисленной колониальной олигархии, отражают подлинное состояние дел в канадских провинциях. Предпринятое всестороннее расследование, как и его далеко идущие последствия стали подлинным итогом усилий Макензи и Папино»⁴⁹.

В современной англоканадской историографии бытует и консервативный взгляд на освободительное движение, представляющий в духе имперской историографии XIX в. борьбу канадцев за свои права и независимость как досадные эпизоды — результаты деятельности «демагогов» и «безответственных лиц». Английский колониальный режим и последующие связи с английской монархией, монархическая форма правления в этом случае объявляются одними из главных и постоянно действующих факторов канадской истории. Как считает крупнейший канадский историк У. Мортон, «в Канаде, стране экономической разобщенности, внешней зависимости и плюралистической культуры, только объективная реальность монархии может являться центром и главной опорой единства»⁵⁰. Сравнительно недавно попытку представить восстание 1837 г. в Верхней Канаде как импульсивное заблуждение части населения, никак в социально-классовом отношении не выраженное, предпринял историк К. Рид⁵¹.

В целом рассматриваемая нами проблема не нашла всесторонней глубокой разработки в англоканадской историографии.

* * *

Во франкоязычной историографии с момента ее зарождения в середине XIX в. тема борьбы канадцев французского происхождения против национального угнетения была одной из главных, ибо сама эта историография вплоть до второй мировой войны развивалась исключительно в рамках идеологии традиционного буржуазного франкоканадского национализма. Корифеи франкоканадской националистической историографии прошлого и начала нашего столетия (Ф. Гарно, Ж. Ферлан, Т. Шапе, Л. Груль) трактовали всю историю французской Канады в период английского завоевания в духе концепции «выживания» франкоканадской нации, благодаря ее приверженности католицизму, сеньориальному строю и традициям прошлого. Поэтому и в борьбе франкоканадских патриотов против метрополии и местной правящей клики эти историки видели только проявление извечной вражды двух проживающих в стране наций. Как полагал клерикальный историк Л. Груль, в этой борьбе франкоканадцы соединили в себе «католицизм и французский гений», и «после того, как Франция была сбита революцией с праведного пути, именно францу-

⁴⁹ McNaught K. The Pelican History of Canada. London, 1973, p. 89.

⁵⁰ Morton W. L. The Canadian Identity. Toronto, 1964, p. 11, 85.

⁵¹ Read C. F. The Rising in Western Upper Canada. 1837—1838: The Duncombe Revolt and after. Ph. D. Thesis. University of Toronto, 1974.

зам в Америке выпала миссия сохранить латино-христианскую культуру»⁵².

При такой трактовке национально-освободительное движение во французской Канаде лишалось своего социального содержания, антиклерикальной, антифеодальной и республиканской направленности. Подобные облегченно-приукрашенные версии истории канадских патриотов были опубликованы еще в 70—80-х годах XIX в.⁵³ Наиболее полной работой в духе традиционной концепции была 3-томная история Дж. Филто⁵⁴.

В 40—50-х годах во франкоканадской историографии сложилось националистическое направление, представленное так называемой монреальской школой историков. Сосредоточив основные усилия на разработке проблемы английского завоевания Канады, историки этой ориентации внесли некоторый вклад в изучение ранних этапов и форм освободительной борьбы во французской Канаде. В угоду интересам современного квебекского сепаратизма историки-неонационалисты своими работами всячески стремятся доказать историческую давность как самой идеи независимого существования Квебека, так и борьбы франкоканадцев за осуществление этой идеи⁵⁵.

Неонационалистическое направление «монреальской школы» не было безоговорочно поддержано всеми франкоканадскими историками. Ряд авторитетных исследователей, невзирая на упреки своих националистически настроенных коллег в «предательстве» и «продажности англичанам», предпочли конъюнктурному подходу более скрупулезный, академический стиль. Заметным явлением во франкоканадской историографии стали работы Ф. Уэлле по истории Квебека в период английского колониального господства⁵⁶. Ф. Уэлле впервые всесторонне обосновал, что в первой трети XIX в. экономика французской Канады переживала глубокий застой, обусловленный кризисом сеньориального строя, превратившегося в тормоз на пути развития канадского капитализма. Резко критикуя пороки и отсталость общественной структуры французской Канады, Уэлле в то же время возложил всецело вину за это на «некомпетентность» и «инертность» самих франкоканадцев, преувеличив «прогрессивность» англий-

⁵² *Groulx L.* La naissance d'une race. Montréal, 1919, p. 293.

⁵³ *David L.-O.* Les patriotes de 1837—1838. Montréal, 1884; *Carrier L. N.* Les evenements de 1837—1838. Esquisse histoire de l'insurrection du Bas-Canada. Québec, 1877.

⁵⁴ *Filteau G.* Histoires des Patriotes. V. 1—3. Montréal, 1941.

⁵⁵ См.: *Brunet M.* La presence Anglaise et les Canadiens. Montréal, 1958; *Séquin M.* L'idée l'indépendance au Québec: genèse et historique. Montréal, 1958; *Roy R.* Resistance indépendantiste. 1793—1798. Notes pour servir à l'histoire du Franc-Canada. Montréal, 1973.

⁵⁶ *Ouellet F.* Histoire économique et sociale du Québec. 1760—1850. Montréal, 1966; *Idem.* Elements d'histoire sociale du Bas-Canada, Québec, 1972; *Idem.* Le Bas-Canada. 1791—1840. Changements structuraux et crise. Ottawa, 1976.

ского завоевания. Ф. Уэлле полагал, что франкоканадский национализм возник в 20—30-х годах XIX в. как идеология средней и мелкой буржуазии. Представители именно этих слоев были, по Уэлле, основными лидерами освободительного движения во время восстания 1837 г. и в своих корыстных интересах «манипулировали» массами, используя их недовольство экономическим кризисом. Этот историк в конечном итоге пришел к неверному выводу о реакционности национального движения франкоканадцев, направленного якобы против носителей прогресса — англо-канадских деловых кругов.

Неудача Ф. Уэлле — следствие неспособности объяснить двойственную природу и соотношение двух начал в освободительном движении в Канаде — социально-классового и национального.

Надо отметить, что некоторые франкоканадские историки признают, что «пришло время отбросить все остатки националистического толкования нашей истории» и необходимо пересмотреть существо конфликтов в колониальной Канаде «не по этническому а по классовому принципу»⁵⁷. Однако предлагаемый, например, А. Дюбуком анализ истории с позиций теории «социальной стратификации» недостаточно раскрывает подлинную сущность исторических событий.

Отдельные новейшие работы франкоканадских историков, пытающихся (правда, не всегда последовательно) подойти к объяснению исторического процесса с позиций марксизма, выгодно отличаются от прочей литературы⁵⁸.

Высшим достижением канадской историографии освободительного движения в стране, несомненно, являются работы зачинателя марксистской историографии в Канаде известного историка С. Б. Райерсона. Еще в 1937 г. в работе о восстании 1837 г. он определил это крупнейшее событие как революцию — антиколониальную, антифеодальную и буржуазно-демократическую по своим задачам и содержанию⁵⁹. В 1968 г. С. Б. Райерсон опубликовал новую, более обширную работу, которая составляет второй том задуманного им труда по истории канадского народа. Исследуя причины восстания 1837 г., автор доказывает, что развитие канадского капитализма к тому моменту находилось во все возрастающем противоречии с характером унаследованных от феодализма имущественных отношений и с колониальной формой правления. Восстание 1837 г. он охарактеризовал на сей раз как «национально-демократическую революцию», поскольку его последствиями были отмена феодальных порядков в канадской деревне, ускоренное развитие капиталистических отношений

⁵⁷ Dubuc A. Problems in the Study of the Stratification of the Canadian Society from 1760 to 1840.— CHAR, 1965, p. 13, 16, 29.

⁵⁸ См., например: Bourque G. Classes sociales et question nationale au Québec. 1760—1840. Montréal, 1970.

⁵⁹ Ryerson S. B. 1837. The Birth of Canadian Democracy. Toronto, 1937, p. 26.

и завоевание самоуправления. «Борьба патриотических и реформистских сил в 30- и 40-е годы XIX века,— пишет С. Б. Райерсон,— была направлена на завоевание независимости и политической власти для канадской буржуазии; основной силой буржуазно-демократической революции было франкоканадское национально-освободительное движение. То, что революция, потерпев военное поражение, закончилась непрочным компромиссом, отнюдь не меняет прогрессивного характера национальных и демократических движений, ставивших своей целью достижение независимости»⁶⁰.

* * *

Источниками нашего исследования послужили как неопубликованные, так и опубликованные документы, относящиеся к периоду английского колониального господства в Канаде. Из архивных материалов были изучены документы Публичного архива Канады в Оттаве (фонды английского министерства колоний, переписка Уильяма Макензи и др.), Публичного архива провинции Онтарио в Торонто (бумаги Линдсея — Макензи и др.), а также материалы Архива внешней политики России в Москве, относящиеся к революционным событиям в Канаде. Последние документы нашли отражение в специальной статье об отношении России к восстанию 1837 г. в Канаде⁶¹. Из Библиотеки Британского музея в Лондоне нами были получены микрофильмы текстов петиций канадских поселенцев и памфлеты периода освободительного движения первой трети XIX в.

Один из важнейших источников — многотомные отчеты Публичного архива Канады и провинциальных архивов Онтарио и Квебека, в которых, помимо обычных описей документов, содержатся ценнейшие публикации документов (инструкции губернаторам и послания губернаторов в Лондон, переписка и бумаги лидеров освободительного движения Л.-Ж. Папино, Дж. Нильсона, документы, отражающие деятельность реформаторов в колонии, и др.). Специальным приложением к отчетам канадских архивов опубликовано 3-томное собрание официальных документов по периоду английского колониального господства в Канаде, которое дополняется публикацией документов под редакцией У. Кеннеди. Следует отметить, что имеющиеся в Государственной библиотеке СССР им В. И. Ленина эти документы были использованы в советской исторической литературе впервые.

Заслуживают внимания и английские документальные издания, особенно относящиеся к колониальной Канаде тома новой,

---

⁶⁰ Райерсон С. Б. Неравный союз. История Канады. 1815—1873. Пер. с англ. М., 1970, с. 378.

⁶¹ См.: Тишков В. А. Россия и восстание 1837—1838 гг. в Канаде.— Американский ежегодник. 1976. М., 1976.

1000-томной публикации парламентских документов Великобритании, осуществленной издательством Ирландского университета в Дублине. Из документальных публикаций США наиболее ценны для нас издания по периоду американской буржуазной революции XVIII в., например: новейшая публикация морских документов, протоколы Континентального конгресса, бумаги Дж. Вашингтона. Особую группу составили публикации бумаг крупных деятелей колониальной администрации в Канаде, в частности губернаторов Артура, Сайденхема, Эльджина.

При изучении истории освободительной борьбы в колониальной Канаде в первой половине XIX в. важным источником является ранняя демократическая пресса, в первую очередь такие газеты, как «Колониал адвокат», «Канэдиен корреспондент энд адвокат», «Конститушн», «Виндикейтор», «Канадъен», «Минерв», «Глоуб» и др. Кроме канадских газет, нами были использованы материалы русской, английской и американской периодики, особенно американской газеты «Найлс уикли реджистер», комплект которой за 1816—1836 гг. хранится в Библиотеке АН СССР в Ленинграде.

Обширную группу источников составили документы, дневники, сочинения и воспоминания деятелей освободительного движения, прежде всего активных участников вооруженной борьбы У. Макензи, Т. Брауна, Д. Маклеода и др., дополненные другими довольно многочисленными свидетельствами современников событий, в том числе и из противоположного канадским патриотам лагеря.

Необходимый и важный материал, главным образом социально-экономического характера, был получен из ранних переписей населения, географических и статистических описаний колониальных провинций, а также ряда специальных публикаций документов по экономической истории Канады.

Не имея возможности подробно охарактеризовать источниковедческую базу исследования, хотелось бы, однако, отметить, что успешное, на наш взгляд, разрешение такой сложной проблемы, как получение доступа к документам по ранней истории столь отдаленной страны, оказалось возможным благодаря прежде всего двум обстоятельствам: активному и бескорыстному содействию по линии международного библиотечного обмена наших крупнейших библиотек — Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Фундаментальной библиотеки общественных наук при ИНИОН АН СССР и Государственной публичной исторической библиотеки — и программе сотрудничества в области общественных наук между АН СССР и Канадским советом, в рамках которой автор смог осуществить две научные командировки в Канаду. Вышеназванным организациям, а также коллегам-историкам, помогавшим в работе и прочитавшим рукопись книги, автор выражает свою глубокую признательность и благодарность.

Глава первая

АНГЛИЙСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФРАНКОКАНАДСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

В сентябре 1759 г. на обширной равнине Авраама, недалеко от Квебека, английская армия во главе с генералом Дж. Уолфом нанесла поражение французской армии генерала Л.-Ж. Монкальма. Ровно через год в лагере под Монреалем англичане приняли капитуляцию от губернатора Новой Франции Водрея, и крупнейшая французская колония на Североамериканском континенте — Канада, с ее 63-тысячным населением, перешла под власть Великобритании. Этот важнейший результат Семилетней войны в Северной Америке был окончательно закреплен условиями Парижского мира 1763 г.¹

Значение английского завоевания для развития Канады, особенно для судеб франкоканадцев, было и остается одной из наиболее острых и горячо обсуждаемых многими поколениями канадцев проблем. Историки не остались в стороне от этого вопроса, а в последнее десятилетие в связи с обострением национальных противоречий в стране проблема «завоевания» стала одной из центральных и для современных канадских историков².

По данному вопросу еще в прошлом веке определились две основные точки зрения. Франкоканадскую концепцию английского завоевания первым изложил Ф. Гарно — основоположник «националистической традиции» в канадской историографии. Он считал, что завоевание стало трагедией для франкоканадцев, которых англичане лишили прав и возможностей. Внедрение новых законов и порядков вместо «привычной гармонии», по его мнению, привело франкоканадскую общину в состояние полнейшего

---

¹ Условия капитуляции и текст мирного договора см.: *Documents Relating to the Constitutional History of Canada. 1759—1791.* (далее — *Constitutional Documents. 1759—1791*). Ed. by A. Shortt, A. Doughty. Ottawa, 1918, p. 7—36, 98—108.

² См., например, изданную в серии «Спорные проблемы канадской истории» книгу: *The French Canadians, 1759—1766. Conquered? Half-Conquered? Liberated?* Ed. by C. Nish. Toronto, 1966.

хаоса и упадка³. Эта точка зрения преобладала среди франко-канадских историков до начала XX в.⁴ В 20-х годах ее отстаивал Л. Груль, полагавший, что к моменту прихода англичан в Канаде уже существовала самостоятельная франкоканадская нация. Впрочем, он не считал, что завоевание существенно изменило особенности этой нации⁵. Последний тезис лег в основу направления, которое получило название «традиционного». Его представители рассматривали Новую Францию как чисто миссионерскую по характеру колонию и делали вывод, что английское завоевание не вызвало крупных перемен в жизни франкоканадцев.

Вторая мировая война, быстрый промышленный рост Канады, урбанизация страны и неравномерное развитие ее отдельных провинций привели к обострению социальных и национальных противоречий. Особую актуальность приобрела история национального вопроса в условиях роста квебекского сепаратизма и кризиса канадской конфедерации, которые имели место уже в последнее десятилетие. В конце 50-х — начале 60-х годов группа историков Монреальского университета выдвинула концепцию «социального обезглавливания», истоки которой восходят к «националистической традиции» Ф. Гарно. Представители «монреальской школы» (М. Сегэн, М. Брюне, Ф. Гариг, Г. Фрего), придерживающиеся указанной концепции, считают, что Канада накануне английского завоевания представляла собой развитую торговую колонию с многочисленным и влиятельным классом буржуазии. После завоевания эта наиболее мобильная часть колониального населения была вынуждена покинуть страну. Обезглавленная франкоканадская община, представители которой были изгнаны из торгово-промышленной и политической сфер жизни колонии, замкнулась в себе, сосредоточившись исключительно на обработке земли. Отсюда делается вывод, что английское завоевание привело французскую Канаду к экономическому и политическому краху⁶.

Представители «монреальской школы» не скрывали главной направленности своей концепции — показать происхождение неравенства Квебека и канадцев французского происхождения, объяснить и оправдать их политическую борьбу. М. Брюне, например, писал, что «люди изменяют свой взгляд на прошлое, когда

---

³ Garneau F.-X. History of Canada, from the Time of its Discovery till the Union Year (1840-I). Montreal, 1860, v. 2, p. 84—86; *Idem*. Histoire du Canada. Livre Onzième. Paris, 1920, p. 296—300.

⁴ См. подробнее: Cook R. Some French-Canadian Interpretations of the British Conquest.— CHAR, 1966, p. 70—84.

⁵ Groulx L. Lendemain de conquête. Montréal, 1920, p. 234—235.

⁶ См.: Brunet M. La présence Anglaise et les Canadiens. Montréal, 1958; Séguin M. Genèse et historique de l'idée séparatiste au Canada français.— Laurentie, Juin 1962; Garique P. L'option politique du Canada Française: une interprétation de la survivance nationale. Montréal, 1963; Fregault G. La guerre de la conquête. Montréal, 1955.

они понимают, что тем самым могут дать новую ориентацию своим коллективным действиям»⁷.

Взгляды М. Брюне и его коллег вызвали резкую критику со стороны части франкоканадских историков. С наиболее аргументированных позиций выступили Ж. Амлен и Ф. Уэлле. Они поставили под сомнение существование в Канаде в период французского господства влиятельного слоя национальной буржуазии. Что же касается причин отсталости французской Канады в ходе последующего развития страны, то они склонны объяснить ее не английским завоеванием, а особенностями «самого французского режима». Ж. Амлен замечал: «Трагедией французской Канады была неспособность колонизаторов создать национальную буржуазию, которая могла бы заниматься эксплуатацией природных богатств страны. Торговля с метрополией, рыбный промысел, монополия на мехоторговлю, верфи и рудники Канады были в руках представителей метрополии или принадлежали французскому королю»⁸. Он писал, что к моменту завоевания экономика колониальной Канады находилась в состоянии застоя и в колонии в результате политики метрополии, державшей в своих руках все важнейшие рычаги хозяйственной деятельности, отсутствовал класс энергичной местной буржуазии.

Фундаментальные работы Ф. Уэлле по социальной и экономической истории Квебека, выдержанные в духе лучших традиций французской исторической школы, подтвердили, что даже существовавшие в Новой Франции влиятельные деловые люди не являлись буржуазией в собственном смысле слова, а вся система господствовавшего феодального строя препятствовала появлению этого класса.

Проанглийская точка зрения на проблему была изложена в канадской историографии также еще в XIX в. Правда, ее выдвинул не канадский, а американский историк Ф. Паркмен. Французское господство в Канаде, считал он, не могло дать канадцам всех тех благ, которые принесли с собой англичане, а именно: «рациональную и организованную свободу», прогресс, материальный рост, духовные ценности. По этим причинам английское завоевание положило в Канаде «начало новой жизни»⁹. О «процветании» франкоканадцев в условиях «свободного английского режима» писал также один из патриархов англоканадской историографии, У. Кингсфорд¹⁰.

Наиболее законченное выражение проанглийская концепция нашла в трудах А. Берта, опубликовавшего в 30-х годах XX в. ряд работ по истории Британской колониальной империи, в том

⁷ Brunet M. French Canadian Interpretations of Canadian History.— Canadian Forum, Apr. 1964, v. XLIV, p. 5.

⁸ Hamelin J. Economie et société en Nouvelle-France. Québec, 1950, p. 137.

⁹ Parkman F. The Old Regime in Canada. Boston, 1889, p. 397—401.

¹⁰ Kingsford W. The History of Canada. Toronto, 1890, v. 4, p. 451, 502—503.

числе труд о начальном периоде английского господства в Канаде. А. Берт считал, что в «интересах Британской империи и Канады канадцев нужно было завоевать, и они были завоеваны». Эта была «одна из самых блестящих побед английской армии», «но еще более почетной и великолепной была моральная победа над населением страны, которое, по мнению А. Берта, добровольно и с радостным смирением приняло новых колонизаторов. В Канаде, отмечает он, воцарилась «прекрасная гармония между завоеванными и завоевателями», одна из причин которой лежала в желании канадцев насладиться «благами свободы, процветания и мира»¹¹.

Апологетическая концепция А. Берта с некоторыми модификациями стала доминирующей в англоканадской историографии. Ее придерживался, например, Д. Крейтон. Английское завоевание, писал он, принесло в Канаду «свежий ветер делового энтузиазма», новые коммерческие силы, хотя одновременно породило проблему ассимиляции франкоканадцев¹².

В послевоенный период англоканадские историки уже не могли безоговорочно оправдывать английский колониальный режим. Один из признанных авторитетов по национальному вопросу в Канаде, М. Уэйд, был вынужден отметить «некоторые негативные последствия английского завоевания», но при этом утверждал, что они были уравновешены «великодушным политикой завоевателей» и непреодолимым желанием французского населения «выжить» в условиях нового режима¹³. Ученица А. Берта Х. Нитби, хотя и указывала на «изъяны» в колониальном режиме англичан в Канаде и даже пыталась в какой-то мере отмежеваться от перечисленных выше апологетических концепций, все же в целом осталась на позициях своего учителя¹⁴.

Однако и среди англоканадских историков не было единства мнений. Так, крупный историк А. Лауэр считал английское завоевание «разновидностью рабства» и тем самым диаметрально расходился с А. Бертом и его школой¹⁵. Другой англоканадец, Дж. Стенли, дословно повторяет концепцию «социального обезглавливания»¹⁶ и тем самым оказывается на стороне наиболее националистически настроенных франкоканадских историков. В свою очередь на так называемой профедералистской точке зрения не раз оказывались и сейчас стоят довольно известные франкоканадские историки, как, например, М. Трудель, который по-

¹¹ Burt A. L. *The Old Province of Quebec*. Toronto, 1933, p. 54—56.

¹² Creighton D. *The Empire of St. Lawrence*. Toronto, 1956 (1-st ed.—1937), p. 21; *Idem*. *Dominion of the North. A History of Canada*. Boston, 1944, p. 144.

¹³ Wade M. *The French Canadians. 1760—1967*. Toronto, 1968, v. 1, p. 47—49.

¹⁴ Neatby H. *Quebec. The Revolutionary Age. 1760—1791*. Toronto, 1966.

¹⁵ Lower A. R. M. *Colony to Nation: A History of Canada*. Toronto, 1946, p. 63—69.

¹⁶ Stanley G. F. G. *New France. The Last Phase. 1744—1760*. Toronto, 1966.

святил одну из своих работ «похвальным» дням английской военной оккупации Канады ¹⁷.

Этот далеко не полный обзор достаточно убедительно свидетельствует, что проблема английского завоевания и происхождения франкоканадского национального вопроса остается весьма актуальной для современной канадской историографии. В настоящее время в рамках двух основных историографических школ существуют различные точки зрения. Сторонники одной трактуют английское завоевание как необратимую катастрофу, вызвавшую все последующее отставание франкоканадского общества. Приверженцы второй считают события 1760 г. инцидентом, который не привел к каким-либо глубоким переменам в слабо развитой французской колонии, а причины отсталости Квебека связывают с периодом французского господства. Наконец, представители третьей точки зрения признают наличие серьезной угрозы этнической и религиозной общности франкоканадцев со стороны английских завоевателей, а столь длительное существование франкоканадской нации объясняют замкнутостью общины и ее стремлением «выжить».

РЕЖИМ ВОЕННОЙ ОККУПАЦИИ

Буржуазные канадские историки неоднократно пытались объяснить причины поражения Франции в Семилетней войне и сравнительно легкого для Англии завоевания Канады. Как правило, они сводили дело к чисто военной стороне вопроса или же обвиняли французского короля Людовика XIV в том, что он проводил «недальновидную» колониальную политику и относился без всякого энтузиазма к развитию и укреплению Новой Франции ¹⁸. Но такое толкование не дает ответа на вопрос, какова была природа разгоревшейся в первой половине XVIII в. борьбы между Францией и Англией за Канаду и почему Франция потерпела в ней поражение. Правильнее объяснять активизацию действий Англии в Северной Америке тем, что «английские купеческие компании, представлявшие более передовой способ производства, обладали значительными преимуществами в конкурентной борьбе с французскими колонизаторами» ¹⁹ и, не желая мириться с монополией французов на использование богатейших ресурсов пушнины, стремились лишить их важных стратегических позиций в Северной Америке.

Поражение Франции в Северной Америке было предопределено социально-экономической отсталостью французского общест-

¹⁷ *Trudel M. Le regime militaire dans le gouvernement des Trois-Rivières. 1760—1764. Trois-Rivières, 1952, v. 1—2.*

¹⁸ *Laclot G. A History of Canada. Toronto, 1965, v. 3, p. 197—200.*

¹⁹ *Милейковский А. Г. Канада и англо-американские противоречия. М., 1958, с. 67.*

УПЛАТА СЕНЬОРИАЛЬНЫХ
ПОДАТЕЙ. ПОЛУЧЕНИЕ
СЕНЬОРОМ ДОКУМЕНТА
НА ВЛАДЕНИЕ ЗЕМЛЕЙ

венного строя, оказавшегося неспособным противостоять натиску более могущественного противника, пожинавшего плоды буржуазной революции. Этот конфликт двух общественных систем особенно наглядно проявился на полях сражений. На стороне Великобритании оказались не только более современная военная техника, но и мощные людские ресурсы, представленные миллионным населением быстрорастущих и богатых английских колоний. В тылу же отсталой французской армии было всего 60 тыс. поселенцев Новой Франции, в большинстве своем неграмотных крепостных крестьян.

Что же представляла собой Канада ко времени завоевания? Несомненно, что почти 150-летний период присутствия Франции в этом районе дал свои плоды. Хотя и крайне медленными темпами, но все же осваивалась основная часть плодородной долины р. Св. Лаврентия. Эти земли были поделены на феодальные поместья — сеньории. Наиболее крупные владения принадлежали королевскому двору, римско-католической церкви и религиозным орденам. Обрабатывали землю крестьяне — держатели земли (или, как их еще называли, абитаны) на условиях феодальной цензивы (*sensive*), неся феодальные повинности. Кроме ежегодной земельной ренты (продуктами или деньгами) абитаны регулярно платили сеньору натуральный оброк (*cents et ventes*). К этому добавлялась обязанность крестьян пользоваться только мельницей сеньора и отдавать за это четырнадцатую часть уро-

жая зерна (banalite). Сеньоры в Канаде не имели своей собственной запашки, и поэтому здесь не существовало такой формы феодальной повинности, как барщина. Однако абитаны были обязаны отработать определенное время на строительстве дорог и мостов на территории сеньории (corvée). Все земельные сделки, смена владельцев наделов при продаже, наследование сопровождались уплатой сеньору двенадцатой части цены земли (lods et ventes). Полной собственностью сеньора были также лес и все угодья на территории его владения, за пользование которыми абитан также должен был платить²⁰.

За годы французского господства, особенно в последние его десятилетия, в Канаде развивались рыболовство, пушная торговля, ремесла и даже имелись зачатки местной промышленности. Однако говорить о наличии сложившегося, и тем более многочисленного, класса колониальной буржуазии нет никаких оснований. Канадские историки часто неправомерно относят к буржуазии сеньоров, представителей колониальной администрации и армии²¹. Правильнее же говорить не о наличии в Канаде класса буржуазии, а всего лишь о представителях торгового капитала: мехоторговцах, купцах, дельцах от рыбного, лесного и прочего предпринимательства. Однако этот слой был, как правило, не местного, канадского происхождения, представители его были больше связаны с метрополией. Эта часть канадского населения, как показал Ж. Амлен, была агентом торговых фирм и компаний метрополии и рассматривала свое временное пребывание в Канаде как способ получения огромных барышей²². Появление канадской буржуазии никак не могло быть связано с правлением феодально-абсолютистской Франции, всячески сдерживавшей самостоятельное развитие страны. Известно, что Версаль неоднократно налагал вето на предпринимательскую деятельность колонистов: запрещал производство пеньки, изготовление тканей, закладку железных рудников²³.

Завоеванное англичанами население Новой Франции в подавляющем большинстве было французского происхождения, говорило на языке метрополии и исповедовало католическую религию. Общность территории, хозяйственные и прочие связи, англо-французское колониальное соперничество на континенте

---

²⁰ Bouchette L. A. A Topographical Description of the Province of Lower Canada. London, 1815, p. 12—13. Подробнее о характере сеньориального строя во французской Канаде см.: Munro W. B. The Seigniorial System in Canada. New York, 1907; Harris R. C. The Seigneurial System in Early Canada. Madison, 1966.

²¹ Brunet M. La présence Anglaise et les Canadiens (далее — La présence Anglaise...), p. 49; Nish C. The Nature, Composition and Functions of the Canadian Bourgeoisie. 1729—1748.—CHAR, 1966, p. 14—28; Idem. Les bourgeois-gentilhomme de la Nouvelle France. 1729—1748. Montréal, 1968.

²² Hamelin J. Op. cit., p. 127—137.

²³ Lanctot G. Op. cit. Toronto, 1964, v. 2, p. 221—222.

содействовали выработке элементов собственного национального самосознания у колонистов. Процесс рождения новой французской канадской нации ускорился в последние десятилетия французского господства. Советские исследователи справедливо полагают, что к этому времени население колонии сплотилось в отчетливо сознающую свое единство этническую общность с самоназванием «канадцы» (*les Canadiens*)²⁴. Мы не можем согласиться с мнением тех канадских историков, которые считают, что еще до завоевания франкоканадцы оформились в самостоятельную нацию со всеми ее атрибутами. Нарочитое и бездоказательное выпячивание национального начала привело этих историков к неправомерной идеализации канадского общества времен французского господства. Почти для всех из них Новая Франция — это «действенное», «независимое», «гордое», «коммерческое общество»²⁵, которое «с помощью Франции и под руководством своих естественных лидеров ... успешно сохраняло свою самостоятельность и коллективную свободу»²⁶. «Пока французская Канада оставалась без опасного внешнего окружения, пока сохранялись условия для формирования и роста ее населения как самостоятельного народа, — пишет М. Сегэн, — метрополия поддерживала Канаду, защищая ее в военном отношении, колонизуя ее своими сыновьями, поощряя установлениями и денежными ресурсами. Пока эти условия имелись, Канада развивалась, как нормальная нация»²⁷.

Представители крайнего франкоканадского национализма в историографии явно очарованы идиллическими картинками типа счастливого канадского абитана, пасущего на живописных речных берегах овец, принадлежащих сеньору. А ведь на самом деле все обстояло далеко не так! Колониальное общество Новой Франции было прежде всего классовым, где господствующий класс в лице сеньоров, духовенства и колониальной администрации эксплуатировал массу бедных крестьян и ремесленников. История Новой Франции знает случаи открытых выступлений народных масс, недовольных своим положением²⁸. Наконец, Новая Франция была типично колониальной страной, со всеми уродствами, которые неизбежно сопутствуют колониальному режиму, насаждаемому феодально-абсолютистским государством. Именно этот режим и стал основным препятствием для национального самоопределения франкоканадцев.

---

²⁴ См., например: *Берзина М. Я.* Формирование этнического состава населения Канады. М., 1971, с. 39.

²⁵ *Stanley G. F. G.* Op. cit., p. 274.

²⁶ *Brunet M.* The British Conquest: Canadian Social Scientists and the Fate of Canadiens. — *CHR*, 1959, v. 40, p. 94.

²⁷ *Sequin M.* Op. cit., p. 965.

²⁸ См.: *Тишков В. А.* Страна кленового листа. Начало истории. М., 1977, с. 34, 61, 65; *Lanctot G.* Op. cit., v. 3, p. 219—220.

Не представляется возможным говорить о существовании канадской нации к моменту окончания французского колониального господства и в плане теоретическом. Как известно, экономической основой возникновения нации является такое развитие производительных сил и производственных отношений, которое достигается при переходе от феодализма к капитализму. Именно развитию капитализма сопутствует то общественно-территориальное разделение труда, которое экономически связывает население в нацию и ведет к созданию национальных государств²⁹. «...Создание ... национальных связей,— писал В. И. Ленин,— было не чем иным, как созданием связей буржуазных»³⁰. Подобные явления в Канаде в середине XVIII в. еще не наблюдались. Лишь в будущем, с развитием капитализма, в процессе борьбы против английской метрополии бывшему населению французской Канады удалось не только сохранить свой язык, свою культуру и автономию, но и сплотиться во франкоканадскую нацию.

Начальный этап английского господства в Канаде известен как период «военного режима». Он продолжался с момента капитуляции 8 сентября 1760 г. до 10 августа 1764 г., когда истек 18-месячный срок после подписания Парижского мира 1763 г. и вступило в действие гражданское правление англичан, а канадцы стали уже юридически считаться британскими подданными. В этот период военной оккупации Лондон еще не определил будущее политическое устройство своего нового владения, и Канада находилась полностью под контролем английской армии³¹. Условия капитуляции внешне выглядели довольно умеренными. Жителям гарантировались сохранность их собственности, свобода вероисповедания, с оговоркой, что уплата католической церкви десятины «будет зависеть от королевской милости». На просьбу Водрей сохранить жителям Канады французские законы и обычаи текст условий капитуляции лаконично отвечал: «Они стали подданными английского короля»³².

В соответствии с прокламацией генерала Дж. Эмхерста колония была разделена на три округа: Квебек, Монреаль и Труа-Ривьер во главе с военными губернаторами Дж. Мюрреем, Т. Гейджем и Ф. Бартоном, наделенными всей полнотой власти. Управление территорией должно было осуществляться через капитанов милиции, при назначении которых предпочтение должно было отдаваться тем, кто занимал эти должности до завоевания. Этим же документом в колонии вводилась свободная коммерческая деятельность, но купцы должны были получить от губернаторов на это специальные разрешения. Абитанам предлагалось

²⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 428; т. 21, с. 406—416.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 154.

³¹ В Англии даже обсуждался вопрос, что прибирать к рукам — Канаду или Гваделупу. См.: Reid M. G. Pitt's Decision to Keep Canada in 1761. — CHAR, 1926, p. 21—27.

³² Constitutional Documents. 1759—1791, p. 7—36.

относиться к английским солдатам, как к «братьям и согражданам». Только в этом случае они могли рассчитывать на должное с ними обращение ³³.

Из документов того времени довольно явственно видно стремление новых хозяев колонии обеспечить прежде всего беспрекословную покорность франкоканадского населения. Некоторые канадские историки утверждают, что с первых дней появления в Канаде англичане стали проводить политику «миролюбия и благожелательности» ³⁴. На самом же деле колонизаторы с самого начала взяли курс на сохранение существовавшей в Канаде системы феодального подчинения и эксплуатации, т. е. фактически на союз со старым господствующим классом, с помощью которого они намеревались обеспечить лояльность колонистов. Именно поэтому военные губернаторы взяли под охрану прежде всего сеньориальный строй, существование которого оказалось под угрозой в связи с военными потрясениями, послевоенной экономической разрухой и открытым нежеланием канадских цензитариев выполнять феодальные повинности в новых условиях. В январе 1761 г. в связи с жалобами сеньоров на абитан, отказавшихся платить ренту, губернатор округа Монреаль обнародовал приказ, требовавший уплаты всех сеньориальных повинностей в звонкой монете. Аналогичные приказы Гэйджу и другим губернаторам приходилось издавать неоднократно, угрожая за невыполнение самыми суровыми наказаниями, вплоть до лишения крестьян земли ³⁵. Это свидетельствовало о том, что недовольство крестьян-держателей феодальным порядком землепользования было весьма распространенным явлением.

Сохранение в неприкосновенности старых обычаев и законов, преподносимое оккупантами как свидетельство великодушия англичан-завоевателей, на самом деле было ущемлением интересов большинства населения, выгодным немногочисленным сеньорам и самой английской короне, рассчитывавшей использовать сеньориальную систему для получения доходов с завоеванной колонии. Английский монарх занял место верховного сюзерена вместо французского короля. Военные губернаторы широко использовали эту возможность. В феврале 1761 г. Гэйдж опубликовал прокламацию, в которой говорилось, что многие жители городов и правительственные чиновники приобрели в колонии собственные сеньории и произвели различные сделки по передаче земельных владений, не уплатив положенных в этом случае взносов королю. Всем, кто имел к этому отношение, надлежало в 20-дневный срок внести деньги верховному сюзерену, в против-

---

³³ Public Archives of Canada's Report (далее — PACR). 1918. Ottawa, 1919, p. 21—23; Constitutional Documents. 1759—1791, p. 38.

³⁴ Burt A. L. Op. cit., p. 37; Neatby H. Op. cit., p. 20.

³⁵ PACR. 1918, p. 37, 52, 62, 66, 68—70, 73, 75, 81.

ном случае грозила конфискация поместий. Аналогичные прокламации последовали и в других округах ³⁶.

Сеньориальная система позволяла новым хозяевам обложить платежами и повинностями крестьян. За абитанами по-прежнему была закреплена обязанность нести военную службу в ополчении. От нее освобождались только духовенство, сеньоры и новые владельцы феодальных поместий. Крестьяне должны были выполнять многочисленные и обременительные обязанности по ремонту и расчистке дорог, заготовке дров для нужд военных гарнизонов, поставке провизии войскам. За отказ нести эти повинности они подвергались строжайшим наказаниям ³⁷.

Проанглийски настроенные историки много писали о том, какие «счастливые и мирные» дни установились в Канаде с приходом англичан, какие «сердечные отношения» сложились в колонии между солдатами и местными жителями, несмотря на прежнюю вражду и религиозную нетерпимость. В подтверждение приводятся факты многочисленных браков между англичанами и местными девушками из знатных семей, тщательно подсчитывается, сколько сеньоров, крупных буржуа, чиновников и адвокатов предпочли не уезжать во Францию и остаться в Канаде ³⁸. Но ведь это всего лишь свидетельство того, что в Канаде устанавливался союз между новыми колонизаторами и старой господствующей верхушкой! Кстати, ни один из историков не может опровергнуть, что канадские сеньоры и католическое духовенство проявили полное расположение и готовность к сотрудничеству с завоевателями в интересах сохранения своего материального благополучия и престижа.

Что же касается отношения основной массы колонистов к режиму английской военной оккупации, то документы свидетельствуют о противоположном. Известны многочисленные случаи недовольства и отказа абитанов выполнять бесплатные работы на дорогах, заниматься перевозками, поставлять зерно и дрова в гарнизоны ³⁹. Угрозы губернаторов не давали ожидаемых результатов. Из-за уклонения жителей выполнять свои обязанности в системе снабжения и связи между гарнизонами наблюдались систематические перебои. В ряде приказов содержатся упоминания о том, что местные жители открыто выступали против констеблей, требовавших исполнения королевской службы. Горожане грозили выбросить на улицу расквартированных по домам солдат ⁴⁰.

Наиболее ярко подлинные настроения канадского крестьянства и горожан обнаружились, когда встал вопрос о несении военной службы. Весной 1764 г. английские власти призвали волонтеров

³⁶ PACR. 1918, p. 41, 101.

³⁷ Ibid., p. 35, 37, 50—51, 54, 56, 61, 93, 117.

³⁸ Burt A. L. Op. cit., p. 18; Wade M. Op. cit., p. 49—50.

³⁹ PACR. 1918, p. 37, 55.

⁴⁰ Neatby H. Op. cit., p. 40—42.

на службу для оказания помощи регулярному войску, действовавшему против восставших индейцев под руководством Понтиака. Предполагалось набрать 5 батальонов канадских добровольцев по 60 человек в каждом. Однако ни щедрые посулы (12 долл. единовременного вознаграждения и 6 су в день, две пары мокасин и оружие), ни последующие угрозы губернатора Мюррея не помогли властям. Франкоканадцы отказались от военной службы в составе регулярных войск, и прокламация о наборе так и осталась на бумаге⁴¹.

Целью не согласиться с М. Броне, который определил поведение колонистов сразу же после завоевания как «пассивное сопротивление»⁴². Канадские цензитарии едва ли сокрушались по поводу краха французского господства в Канаде. Но и покорности и смирения, а тем более радости и счастья в связи с английскими завоеваниями у них тоже не было. В массе своей население не жалело о смене властителей и, скорее, даже отнеслось к этому равнодушно⁴³. С другой стороны, оно выступило против попыток старой господствующей верхушки и новых колонизаторов сохранить и упрочить систему зависимости и эксплуатации трудящихся. Это выступление носило характер пассивного сопротивления в условиях военного режима и являлось, пожалуй, единственно возможной формой классовой борьбы, которая уже на самом начальном этапе английского господства начинает приобретать национальную окраску, ибо франкоканадской массе противостояли наряду с прежними сеньорами новые эксплуататоры английского происхождения.

Сразу же после подписания Парижского мира 1763 г. английское правительство отдало распоряжение выяснить «коммерческие преимущества» нового владения и как ими «постоянно и надежно» могут пользоваться «занимающиеся торговлей подданные его величества»⁴⁴. В английском министерстве торговли, в ведении которого находились тогда колонии, быстро подсчитали огромные выгоды, связанные с приобретением Канады. Это — богатейшие рыбные промыслы в дельте р. Св. Лаврентия и у Атлантического побережья, скупка пушнины у индейцев в обмен на европейские товары, эксплуатация природных богатств, прежде всего земли и леса. Перспективы заселения колонии и лесодобычи выглядели особенно заманчиво в связи с тем, что в старых американских колониях Англии в результате безудержной спекуляции уже ощущался земельный голод, а ресурсы корабельной древесины быстро сокращались и ее доставка к побережью обходилась все дороже⁴⁵.

⁴¹ PACR.1918, p. 19—20, 151.

⁴² Brunet M. La présence Anglaise..., p. 37—48.

⁴³ Coffin V. The Province of Quebec and the Early American Revolution. New York — London, 1970 (1-st ed.— 1898), p. 286—287.

⁴⁴ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 127—130.

⁴⁵ Ibid., p. 132—138.

Однако мнения по вопросу о границах приобретенных владений разошлись. Король Георг III и ведавший колониями министр Эгрмонт полагали, что все земли, захваченные у Франции в Северной Америке, в том числе не обжитые европейцами районы к северу и западу от р. Св. Лаврентия и Великих озер, должны войти в состав новой колонии, дабы не стать предметом притязаний со стороны других держав, а также «убежищем для преступников и беглых лиц»⁴⁶. Министерство торговли выдвинуло ряд возражений против того, чтобы обширные земли, заселенные пока только индейскими племенами, были переданы под управление колониальной администрации: это, по мнению министерства, нарушило бы принцип «свободной торговли» с индейцами для всех английских подданных и вызвало бы недовольство других североамериканских колоний, а также отдельных лиц, занимавшихся торговлей в этом районе. Впрочем, и министерство и король были согласны, что территории проживания индейцев должны быть объявлены королевским владением, а также что белым колонистам должно быть запрещено приобретение этих земель и поселение на них⁴⁷. Объявление индейских земель королевской резервацией можно рассматривать как уступку коренным жителям со стороны английских властей, напуганных недавним отчаянным сопротивлением индейцев белым колонизаторам. В то же время этим шагом создавался гигантский «заповедник» для неправомерной торговли белых колонизаторов с коренным населением Северной Америки.

Что касается политики в отношении местного населения французского происхождения и политического устройства новой колонии, то в Лондоне, по-видимому, над этим сначала не очень задумывались. Английские правящие круги, все еще находившиеся под впечатлением своей победы, были убеждены, что усилиями британских чиновников, церкви и новых поселенцев Канада будет быстро англизирована, а французы-католики обращены в протестантство. К подобному заключению располагали и излишне оптимистические доклады недалековидных военных губернаторов о положении дел в завоеванной стране⁴⁸. Английские колонизаторы намеревались установить в Канаде такое же политическое устройство, как и во всех других североамериканских владениях короны.

ОФОРМЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ

7 октября 1763 г. Георг III обнародовал прокламацию об образовании четырех новых колониальных владений: Квебека, Восточной Флориды, Западной Флориды и Гренады⁴⁹. Это был первый

⁴⁶ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 148.

⁴⁷ Ibid., p. 151—152.

⁴⁸ Ibid., p. 131—163.

⁴⁹ Ibid., p. 163—168.

официальный документ, фиксирующий основы английского колониального режима в Канаде. Согласно прокламации, юго-восточные районы бывшей Новой Франции передавались английской колонии Новой Шотландии, к Ньюфаундленду переходили Лабрадор и прилегающие острова, а земли, расположенные к западу от р. Оттавы, были объявлены индейской резервацией. Обращает на себя внимание существенное сокращение территории Квебека: имелось в виду этим путем ограничить возможности расширения и роста франкоканадских поселений.

В Квебеке создано колониальное правительство в составе губернатора и 12 назначаемых им советников. С согласия последних губернатор должен был, «когда позволят обстоятельства и положение в колонии», созвать выборную ассамблею и осуществлять управление колонией «в такой манере и форме, которые используются в других английских колониях и провинциях Америки». Ссылку на «обстоятельства и положение в колонии» следует расценивать как замаскированный отказ английских властей предоставить населению Канады право на какие-либо выборные институты. Еще существеннее было условие выбирать в ассамблею только протестантов, что сводило на нет эту статью документа, поскольку 99% населения Квебека являлись католиками! Потребовалось 28 лет борьбы, чтобы выборная ассамблея стала реальностью.

Английский губернатор пользовался в колонии безраздельной властью. Он имел право создавать гражданские и уголовные суды, делать земельные пожалования, производить назначения на высшие гражданские и церковные должности, по своему усмотрению тратить казенные деньги, набирать ополчение и даже вести войну против «врагов, пиратов и бунтовщиков». Губернатор должен был всячески поддерживать протестантскую церковь, покровительствовать представителям метрополии, ни в коем случае не давать согласия на устройство мануфактур или ведение других дел, которые могут ущемить интересы Великобритании. Губернатор был обязан прежде всего заботиться о безопасности колонии и защите интересов империи⁵⁰.

На Квебек распространялось действие английских законов и судебной системы. Губернаторской прокламацией, выпущенной в сентябре 1764 г. устанавливались суды различных инстанций⁵¹. На должности мировых судей могли назначаться только протестанты, а так как их число в колонии было еще незначительным, пришлось даже упразднить округ Труа-Ривьер, где почти совсем не было протестантов, и поделить колонию на два округа — Монреаль и Квебек⁵². Разрешался допуск канадских адвокатов и

⁵⁰ Ibid., p. 173—205.

⁵¹ Public Archives of Canada. Colonial Office. Acts (далее — PAC, CO), 44, v. 1, p. 9—16; PACR. 1913, p. 46—49; Constitutional Documents. 1759—1791, p. 205—210.

⁵² PACR. 1918, p. 2.

прокуроров в высшие суды, а также избрание франкоканадцев в состав присяжных Верховного суда колонии, поскольку, как признавал губернатор, в Канаде «не было еще ни одного английского адвоката или прокурора, знающего французский язык»⁵³. Кстати, судопроизводство, как и вся административная деятельность, осуществлялось только на английском языке, что создавало для франкоканадцев, не знавших чужого языка и законов, огромные трудности.

Прокламация 1763 г. провозглашала для местного населения свободу вероисповедания и разрешала деятельность римско-католической церкви. Однако это вовсе не означало подлинного религиозного равенства. Уже то, что католики лишались политических прав и возможности занимать какие-либо общественные должности, ставило франкоканадцев в неравноправное положение по сравнению с англичанами-протестантами. Министр Эгремонт поручил губернаторам установить бдительный надзор за католическими священниками и смещать тех из них, чья деятельность будет касаться каких-либо гражданских дел или же направлена против английского господства⁵⁴. Да и в самой прокламации свобода католической религии устанавливалась «в пределах, допускаемых законами Великобритании», что послужило в дальнейшем основанием для антикатолических мероприятий.

Прокламация 1763 г. не изменила существа системы феодального землевладения. Все феодальные владения нужно было лишь заново зарегистрировать. Колониальные власти взяли на себя охрану сеньориального строя, издавая в случае необходимости указы, обязывающие держателей наделов аккуратно и сполна нести свои повинности⁵⁵. Кроме того, согласно инструкциям из Лондона губернатор ввел систему новых земельных пожалований на основе так называемой квитиранты, которая, по существу, также носила феодальный характер, ибо ее твердое денежное выражение устанавливалось безотносительно к рыночной стоимости земли. Кстати, подобное явление имело место и в других североамериканских колониях Англии. Пожалования частным лицам должны были делаться из расчета 100 акров на главу семьи и по 50 на каждого ее члена с уплатой ежегодной квитиранты, равной минимум 2 шилл. за каждые 100 акров. Поселенец должен был в течение трех лет построить дом, освоить определенный участок земли, только после этого он мог претендовать на дополнительное пожалование. Демобилизованные английские солдаты и офицеры могли получить земельные участки от 50 до 5 тыс. акров земли (в зависимости от ранга) с освобождением от всех обязательств, связанных с этим пожалованием⁵⁶.

⁵³ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 207.

⁵⁴ Ibid., p. 169.

⁵⁵ PAC, CO, 44, v. 4, p. 33—34, 41—44; PACR. 1913, p. 53, 57—58.

⁵⁶ PACR. 1918, p. 403—406. О квитиранте в США см.: Ефимов А. В. США: пути развития капитализма. М., 1969, с. 39.

Эта система была рассчитана прежде всего на новых поселенцев и преследовала цель ускорить английскую колонизацию. Англичане, особенно чиновники, приобретали земельные участки, вовсе не предполагая их осваивать, а исключительно ради спекуляции. Наиболее состоятельные и влиятельные англоканадцы охотно приобретали феодальные сеньории обедневших или уехавших из колонии владельцев. Спустя 15 лет после завоевания в Канаде было около 200 крупных землевладельцев английского происхождения, из них около 30 владели поместьями. Губернатор Мюррей скупил несколько сеньорий в окрестностях Квебека. Это вовсе не означало, что новые землевладельцы селились на земле. Почти все они продолжали нести правительственную службу или занимались коммерцией⁵⁷.

В сфере коммерческой деятельности английские власти ввели систему пошлин и налогов в пользу короны помимо тех, что взимались и при французском господстве. На Канаду распространялось действие всех уже до этого принятых актов о торговле и навигации. Средний налог на ввозимые и вывозимые из колонии товары устанавливался в размере 3%⁵⁸. Особенно ревностно метрополия охраняла свою монополию на производство и продажу спиртных напитков (под видом заботы о здоровье индейцев и духе солдат). В то же время торговля с индейцами была объявлена свободной для всех британских подданных. Требовалось лишь получить лицензию от властей⁵⁹.

Как и во время военной оккупации, на население колонии налагались всевозможные трудовые и прочие повинности — горожане и сельские жители должны были предоставлять свои дома для расквартирования войска, поставлять в гарнизоны дрова, бесплатно работать на строительстве дорог, осуществлять транспортные перевозки⁶⁰.

Таким образом, Великобритания установила по отношению к местному населению деспотическую форму правления, целью которой было «расфранцузивание» Канады. Это признают даже проанглийские историки⁶¹.

Колониальные власти предоставили франкоканадцам практически единственное «право» — приносить присягу на верность новому монарху, а в случае отказа — покинуть страну. По данным источников, лишь 270 человек из 63 тыс. жителей Канады уеха-

⁵⁷ PACR. 1890, p. 1; *Neatby H.* Op. cit., p. 50—60; *Coffin V.* Op. cit., p. 305—306.

⁵⁸ PACR. 1918, p. 9.

⁵⁹ PAC, CO, 44, v. 1, p. 48—49, 56—57; PACR. 1913, p. 60—61; PACR. 1918, p. 2—3.

⁶⁰ PAC, CO, 44, v. 1, p. 22—25, 50—55; PACR. 1913, p. 75—80.

⁶¹ *Burt A. L.* Op. cit., p. 82; *Wade M.* Op. cit., p. 54; *Wallace W. S.* The Beginnings of British Rule in Canada.—CHR, 1925, v. 6, p. 208—221. Лишь некоторые исследователи пытаются безоговорочно оправдать колониальную политику Великобритании того времени (см., например: *Martin Ch.* Empire and Commonwealth. Oxford, 1929, p. 95—99).

ли из страны. Это были некоторые сеньоры, деятели старой администрации, состоятельные люди, так или иначе связанные с метрополией. Подавляющее большинство населения, в том числе сеньоры и духовенство, остались в колонии⁶². За старым господствующим классом колонизаторы сохранили все богатства и право на эксплуатацию зависимых крестьян. Сеньоры лишились только ряда привилегий и источников доходов, связанных с должностными sineкурами, а также с юридической и военной властью, которой они обладали до завоевания. Кстати, ослабление позиций сеньоров после прихода в Канаду англичан, как мы уже видели, было быстро осознано абитанами, и старые узы подчинения и зависимости стали распадаться вместе с ростом неприязни к сеньорам и к сеньориальным повинностям⁶³. Английские колониальные власти тщетно пытались приостановить этот процесс.

Завоевание привело к важным изменениям в общественной структуре колонии. В Квебек устремились английские чиновники, торговцы, различные предприниматели. Еще до подписания Парижского мира многие торговцы из американских колоний поспешили переселиться в Монреаль. В 1764 г. в Квебеке находилось около 200 англичан. Английское население росло — правда, не так быстро, как первоначально полагали колониальные власти, — и к началу 70-х годов XVIII в. достигло всего 400—600 человек, оставаясь таковым вплоть до начала американской революции⁶⁴.

Английское меньшинство в своей значительной части состояло из представителей новой колониальной администрации. В числе первых чиновников в Канаду прибывали зачастую абсолютно некомпетентные люди, купившие себе должности за деньги или же скомпрометировавшие себя в метрополии, как, например, главный судья Квебека Грегори, отсидевший срок в тюрьме перед отъездом в Канаду. Эти люди не знали французского языка, законов и обычаев местного населения⁶⁵.

Другую часть английского населения представляли торговцы и предприниматели, заинтересованные прежде всего в мехоторговле. Эти люди предпочитали селиться в городах Квебеке и Монреале, где были сосредоточены деловые конторы, представительства торговых фирм, правительственные учреждения. В течение первых лет они завладели всей внешней оптовой торговлей, а также значительной частью пушной торговли, прибрали к рукам имевшиеся в Канаде промышленные предприятия⁶⁶.

⁶² Constitutional Documents. 1759—1791, p. 81—87, 91—96.

⁶³ Munro W. B. Op. cit., p. 192, 205—207.

⁶⁴ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 206, 284; Coffin V. Op. cit., p. 303.

⁶⁵ Wrong G. M. Canada and the American Revolution. New York, 1968 (1-st ed.— 1935), p. 47.

⁶⁶ Burt A. L. Op. cit., p. 105.

Психологию жителей английского происхождения (будем называть их англоканадцами) довольно точно определил крупный франкоканадский историк Г. Ланкто: «...активные, предприимчивые, агрессивные, жаждущие реализовать свои личные устремления... эти люди понимали свободу как право толковать законы в своих собственных интересах, считая уделом других лишь подчинение»⁶⁷. Пользуясь покровительством метрополии, английское меньшинство с самого начала оказалось на более высокой ступени социальной лестницы канадского общества, нежели франкоканадская масса его населения. Оно потеснило старую господствующую верхушку, а в ряде случаев заняло ее место. Своим привилегированное положение англоканадцы стремились реализовать прежде всего в материальной сфере, а также в управлении колонией. Если высшие должностные sinecure в какой-то степени были им гарантированы, то в области торговли, особенно с индейцами, они столкнулись с конкуренцией франкоканадских охотников — трапперов и мелких торговцев. Это соперничество между «старыми» (британскими) и «новыми» (бывшими французскими) подданными проявилось в первые же годы пребывания англичан в Канаде.

Установление британского контроля над обширными северо-западными землями Канады и объявление открытой торговли с индейцами усилило также стремление пограничных американских колоний включить эти земли в сферу собственных торговых интересов. Соперничество это было столь сильным и явным, что дело доходило до натравливания индейцев друг на друга⁶⁸.

Именно факторы социально-экономического характера обусловили нетерпимость и шовинизм английского меньшинства Канады по отношению к франкоканадскому населению. Все, даже самые малейшие, проявления терпимости по отношению к франкоканадцам встречались английским меньшинством в штыки. В ответ на прокламацию 1764 г., разрешавшую католикам-канадцам в отдельных случаях занимать судебные должности, английские члены Верховного суда колонии направили в Лондон протест с требованием полностью лишить католиков права участвовать в колониальном судопроизводстве⁶⁹. Точно так же английское меньшинство, добиваясь от Лондона учреждения в Канаде выборной ассамблеи, с неменьшим упорством боролось против допущения в нее франкоканадского населения, утверждая, что оно еще не готово иметь выборные представительные органы власти⁷⁰. Главный судья провинции Хэй доносил в Лондон, что канадцы «смотрят на ассамблею как на место для бунта,

⁶⁷ *Lancot G. Canada and the American Revolution. 1774—1783. Toronto, 1967, p. 12.*

⁶⁸ *The Correspondence of General Thomas Gage with the Secretaries of State. 1763—1775. Washington, 1969, v. 1, p. 277—279.*

⁶⁹ *Constitutional Documents. 1759—1791, p. 213.*

⁷⁰ *Ibid., p. 257—269.*

где можно будет сбивать с толку правительство и устраивать «обструкции»⁷¹.

Как только губернатор Мюррей сделал некоторые уступки франкоканадцам (восстановил ряд прежних правовых норм, изменил судебную систему, сместил главного судью Грегори и еще несколько оскандалившихся чиновников)⁷², в Лондон посыпались жалобы. Англоканадские торговцы из Квебека направили на имя короля петицию, которая была поддержана группой лондонских купцов, сильно заинтересованных в канадской торговле⁷³. Они требовали дальнейшего расширения своих прав в торговле с индейцами, обвиняли Мюррея в том, что он вносит «раскол среди англичан и французов ... подстрекая последних просить об отпращивании судопроизводства на их собственном языке (!)». В 1766 г. губернатор был вызван в Лондон для объяснений в парламенте и в Канаду уже более не вернулся. Интересна оценка Мюрреем английского меньшинства Квебека: «Нужно совсем немного, чтобы удовлетворить наших новых подданных, зато ведущих здесь торговлю распущенных фанатиков ничего не сможет удовлетворить, кроме как изгнание отсюда канадцев»⁷⁴.

Английские колонизаторы захватили почти все управленческие посты, они злоупотребляли своим положением и притесняли инопольных жителей. Некоторые чиновники занимали сразу несколько ответственных должностей, не имея соответствующего опыта и совсем не владея французским языком. Процветала система взяток и «вознаграждений». «Гонорары» за услуги судебных органов были столь высоки, что франкоканадские крестьяне предпочитали старый суд сеньора. Коррупция и злоупотребления английских мировых судей, некомпетентных и невежественных, привели к тому, что сотни жителей за небольшие денежные долги лишились своей земли и жилища⁷⁵.

Колонизаторская политика метрополии и английского меньшинства вызвала ответное стремление франкоканадцев защитить свои национальные права, не позволить «низвести себя до положения рабов». В 1765 г. 95 «влиятельных жителей Канады» направили королю петицию с жалобой на порядки в колонии, коррупцию судей-англичан, «которые не знают ни нашего языка, ни обычаев и с которыми можно разговаривать, только держа в руках деньги». Петиционеры требовали издания свода законов на французском языке, ведения гражданского судопроизводства с учетом французских традиций и порядков⁷⁶. И это был не единственный случай.

⁷¹ Statutes, Treaties and Documents of the Canadian Constitution. 1713—1929. Ed. by W. P. M. Kennedy (далее — Statutes...). Toronto, 1930, p. 128.

⁷² Ibid., p. 43; Constitutional Documents. 1759—1791, p. 229—236, 256.

⁷³ PACR. 1888, p. 14—17; Statutes..., p. 41.

⁷⁴ Statutes..., p. 40; Constitutional Documents. 1759—1791, p. 231.

⁷⁵ Neatby H. Op. cit., p. 51—52, 97—98; Coffin V. Op. cit., p. 354—359.

⁷⁶ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 222—224.

Как правило, инициаторами и авторами петиций от имени французского населения Канады были сеньоры. Объясняется это не только их грамотностью и политической опытностью. Франкоканадскую знать чрезвычайно беспокоило, что «старые подданные» (жители английского происхождения) могут «захватить их собственность»⁷⁷. Напуганные нетерпимостью англичан, прибывших в колонию, сеньоры направили Георгу III петицию с просьбой оставить в колонии губернатора Мюррея, готового в отдельных случаях идти на уступки местным жителям. Сеньоры требовали для себя равного допуска к правительственным должностям, обещая короне взамен «свои сердца, полные любви и признательности». Монреальские сеньоры писали английскому королю, что «наставлениями и примером они будут постоянно содействовать сохранению среди своих арендаторов чувства верности и подчинения английской короне»⁷⁸. Таким образом, во имя собственных выгод франкоканадские феодалы предлагали английским колонизаторам явную сделку за счет зависимых крестьян, означавшую укрепление союза представителей старого и нового господствующего класса. В целом это была реакционная позиция, направленная на сохранение феодальной эксплуатации крестьян и упрочение колониальной зависимости Канады от Великобритании. Однако в ряде случаев требования франкоканадской элиты отражали некоторые общие интересы местного населения, в том числе крестьянства. Эти требования и выступления затрудняли установление системы неравноправия и национального гнета в колонии. Двойственность в поведении верхушки франкоканадского общества сохранялась и в дальнейшем. Что же касается неграмотной и разобщенной крестьянской массы, то в тот период она не была еще способна на какие-либо самостоятельные политические действия, но ее стихийный протест был питательной средой и резервом для более активных выступлений средних городских слоев (ремесленников, мелких торговцев, местной интеллигенции).

КВЕБЕКСКИЙ АКТ 1774 ГОДА И РЕАКЦИЯ ПОСЕЛЕНЦЕВ

Растущее недовольство канадцев на фоне разгорающейся освободительной борьбы американских колонистов вынудило метрополию отказаться от политики быстрого «расфранцузивания» Канады, проявить определенную гибкость и уступчивость в канадских делах. Несколько сот английских жителей, часть которых уже находились под влиянием идей и лозунгов рождающейся американской революции, не могли стать надежной опорой ко-

⁷⁷ PACR. 1888, p. 18.

⁷⁸ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 271.

лониального режима. Гораздо важнее было обеспечить лояльность французского большинства, завоевать на свою сторону симпатии католического духовенства и сеньоров. Эта обновленная политика «умиротворения» канадцев нашла отражение в деятельности губернатора Квебека Гая Карлтона, который полагал, что колония «до конца своих времен будет населена представителями нации канадцев, уже пустивших такие глубокие корни и достигших такой степени развития, что какие-либо вновь переселенные группы людей окажутся среди них просто незаметными»⁷⁹.

«Троянская» суть политики Великобритании в Канаде сводилась к тому, чтобы использовать северную колонию в качестве оплота британского владычества в борьбе против восстающих на юге 13 колоний. «В случае, если Франция начнет войну и поддержит вынашиваемые английскими колониями замыслы стать независимыми, Канада, вероятно, станет главной ареной действий, где будет решаться судьба Америки...»⁸⁰, — писал губернатор министру по делам колоний в Лондоне. В свете возможной войны в Северной Америке глава колониальной администрации считал необходимым укрепить лояльный дух среди новых подданных английского короля путем удовлетворения прежде всего интересов верхушки франкоканадского общества — сеньоров и духовенства, на влияние которых среди простого населения он больше всего рассчитывал⁸¹. Привлечение на сторону метрополии населения Квебека представлялось чрезвычайно важным и с военной точки зрения, ибо, по мнению Карлтона, «новые подданные могли бы послать на поле битвы около 18 тыс. человек, хорошо владеющих оружием, половина из которых ранее уже несла военную службу»⁸². Карлтон неоднократно писал в Лондон о важности стратегического положения Канады в случае возникновения войны в Северной Америке и выступил с планом ускоренного строительства военных укреплений вдоль южной границы Канады в целях возможной переброски войск⁸³.

Мнение губернатора о необходимости укреплять союз с канадцами и усиливать военное могущество колонии на случай восстания американских колонистов встретило одобрение в Лондоне, в том числе самого Георга III⁸⁴. Складывающаяся ситуация в 13 южных колониях заставила власти Квебека и чиновников Лондона поторопиться с признанием провала политики метрополии по быстрейшему англоизированию Канады, которой завоеватели руководствовались в первые годы установления колониального режима. Карлтону пришлось направить своему патрону в Лондоне следующее откровенное заявление: «Существо-

⁷⁹ PACR. 1888, p. 43; Constitutional Documents. 1759—1791, p. 284.

⁸⁰ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 326.

⁸¹ Ibid., p. 294—296.

⁸² Ibid., p. 282.

⁸³ Ibid., p. 280—285.

⁸⁴ PACR. 1888, p. 50.

вавшая в колонии до нашего прихода система законов устанавливала порядок подчинения от самых низов до верхов, сохраняя тем самым внутреннюю гармонию и обеспечивая подчинение центральному правительству всей обширной провинции. Прокламацией от 16 сентября 1764 г. мы одним махом уничтожили этот порядок и ввели вместо этого неизвестные законы, которые не отвечают духу канадцев, положению в провинции и интересам Великобритании. К подобной жестокости, если мне не изменяет память, никогда прежде не прибегали какие-либо завоеватели, даже если народ подчинялся их воле без условий капитуляции»⁸⁵.

В 1767—1768 гг. в Лондоне началась подготовка будущего Квебекского акта, призванного внести некоторые изменения в колониальную политику Англии в Канаде. Этот поворот к политике «примирения» с канадцами был с самого начала направлен на удовлетворение прежде всего интересов верхушки франкоканадской общины — сеньоров и духовенства, на сохранение системы зависимости и эксплуатации большинства населения со стороны действовавших в союзе английских колонизаторов и местных церковников и феодалов. Обоюдное желание и тех и других было налицо. Карлтон рассчитывал поправить дела в колонии с помощью местных сеньоров и духовенства, надеясь использовать в своих интересах то влияние и власть, каковыми они располагали среди абитан. В свою очередь духовенство и сеньоры не скрывали желания получить доступ к кормилу новой власти, чтобы сохранить и приумножить свои собственности и престиж, обещая за это английской администрации свою верность и лояльность зависимых от них крестьян-цензитариев. О том, что метрополия не собиралась удовлетворять интересы простых жителей Квебека, свидетельствовало и стремление скрыть от канадцев содержание нового законопроекта о колонии. Таким образом, за внешним фасадом политики «примирения» с канадцами скрывался глубокий расчет на установление классового союза английских колонизаторов и верхушки франкоканадского населения.

Намерения английских властей внести изменения в политическое устройство колонии скрыть не удалось, тем более что Карлтон, не без согласия Лондона, стал вносить серьезные коррективы в свою политику. В колонии возобновил деятельность епископ Квебека — глава местной римско-католической церкви, было восстановлено французское гражданское право, а также право делать земельные пожалования на старой феодальной основе⁸⁶. Эта политика встретила ожесточенное сопротивление английского меньшинства. В 1770 г. местные торговцы английского происхождения вновь направили петицию королю. Под предлогом, что три четверти торговли в Канаде уже якобы находится в руках англичан, а французское население, «жалкое и нищее», представля-

⁸⁵ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 289.

⁸⁶ Ibid., p. 251, 257, 289—290, 401—416, 422—423.

ет собой «скорее тяжелое бремя, чем какую-либо выгоду», петиционеры настаивали на создании в колонии ассамблеи, полностью состоящей только из поселенцев-протестантов⁸⁷. В Квебеке и Монреале были образованы специальные комитеты по выработке новых петиций и сбору подписей. Правда, со временем англоканадцы стали более терпимы в вопросе о правах французского населения, даже предприняли попытки установить контакт с франкоканадцами в борьбе за предоставление колонии права иметь выборную ассамблею. Причем состав этого органа уже не мыслился как чисто протестантский, хотя представители англоязычного меньшинства продолжали при случае напоминать в Лондон, что «англоканадцы не так уж никудышны, как это может показаться, ибо владеют самыми крупными и лучшими сеньориями и фригольдами в провинции»⁸⁸.

В позиции англоканадского меньшинства мы видим две противоположные тенденции. С одной стороны, будучи представителями класса торговцев-буржуа, во имя собственных интересов и привилегий они выступали глашатаями ассимиляторской политики по отношению к местному населению Квебека, занимая порой более крайние и нетерпимые позиции, чем британские власти. С другой стороны, они добивались демократического по тем временам, представительного управления колонией через ассамблею и выступали против увековечения в Канаде феодальных порядков времен французского господства. В этом их борьба сливалась с общей борьбой американских колонистов против метрополии и носила прогрессивный характер. Недаром помощник губернатора Квебека Крамайе писал в Лондон, что английские жители колонии заражены «американской идеей налогообложения», которая сводится к тому, что налогами могут облагать только собственные представители народа⁸⁹.

Выработка парламентского акта о Канаде затянулась на ряд лет и сопровождалась острой политической борьбой не только в колонии, но и в самом парламенте. В Лондон шли потоком петиции не только от английских торговцев, но и от «влиятельных жителей Канады»⁹⁰. Для непосредственного давления на парламент и правительство в метрополию выехали представители двух противоположных лагерей. При подготовке и обсуждении акта в парламенте большинство депутатов высказалось за предоставление Канаде более полных религиозных и гражданских свобод с целью превращения жителей колонии в верных подданных английской короны. Некоторые политические деятели откровенно признавали, что цель акта — использовать канадцев в борьбе против колоний Новой Англии, где бунтующие поселенцы выступают против власти метрополии и пытаются установить незави-

⁸⁷ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 417—418.

⁸⁸ Ibid., p. 487—490, 499—500.

⁸⁹ Ibid., p. 503.

⁹⁰ Ibid., p. 419—421, 493—498, 504—506.

симую республику. Преданные жители Канады помогут Великобритании преградить путь надвигающейся американской революции⁹¹.

Что касается самого английского правительства, то оно не особенно откровенничало насчет истинных целей законопроекта, но, когда в январе 1775 г. в парламент пришли петиции от недовольных колонистов и правительству лорда Норта пришлось защищаться от новых нападков оппозиции, сам премьер-министр сделал следующее открытое заявление: «В случае, если непокорные колонии не будут усмирены находящимися там войсками, нам следует рассматривать в качестве необходимой меры вооружение римско-католического населения Канады и его использование в этих целях»⁹².

Опасаясь преждевременной нежелательной реакции в североамериканских колониях на подготавливаемый акт, правительство провело его обсуждение и принятие в атмосфере секретности и закулисных интриг. Все сообщения о дебатах в парламенте были запрещены. Несмотря на отдельные резкие выступления против акта, парламент Великобритании одобрил законопроект, а 22 июня 1774 г. Георг III подписал Квебекский акт, который вступил в силу 1 мая 1775 г. Акт устанавливал новые границы провинции Квебек, которые охватывали огромную территорию, включая долину р. Св. Лаврентия, Великие озера и южные земли вплоть до р. Огайо и Миссисипи. Расширение границ было продиктовано стремлением английских властей не допустить заселения этой территории американскими колонистами, особенно из Нью-Йорка и Пенсильвании⁹³. Внешне это объяснялось заботой метрополии об индейцах, стремлением защитить их от эксплуатации. На самом деле в основе филантропического дружелюбия властей к индейцам лежали сугубо коммерческие и эгоистические цели. Через посредничество торговцев Канады Великобритания налаживала прибыльную торговлю с индейцами и, естественно, не была заинтересована в появлении на этих землях американских колонистов, добивавшихся независимости. Квебекский акт, формально повторив принцип открытой торговли с индейцами для всех британских подданных, на самом деле наносил большой ущерб интересам американских колоний, ибо передавал контроль над этой территорией властям Квебека. Торговые элементы Канады получили преимущественные права на новых территориях колоний, что было официально подтверждено Лондоном⁹⁴.

Квебекский акт провозгласил свободу римско-католической религии, католической церкви возвращались ее права и привиле-

⁹¹ *Wrong G. M. Canada and the American Revolution. New York, 1968, p. 254.* О дискуссии в парламенте см.: *Coupland R. The Quebec Act. A Study in Statesmanship. Oxford, 1968, p. 92—103.*

⁹² Цит. по: *Coupland R. Op. cit., p. 135.*

⁹³ *Constitutional Documents. 1759—1791, p. 552—553.*

⁹⁴ *Ibid., p. 607.*

гии, в том числе на сбор церковной десятины с верующих католиков. Католикам предоставлялось право занимать все общественные должности, восстанавливалось французское гражданское право и подтверждалось существование сеньориальной системы землевладения с сохранением всех прав и привилегий сеньоров по отношению к держателям земли. Английская система землепользования на правах «соккеджа» объявлялась возможной альтернативой для вновь пожалованных и осваиваемых земель. Акт сохранял в колонии действие английского уголовного права, но отвергал неприкосновенность личности и выборные институты. Вся власть в колонии принадлежала генерал-губернатору. В качестве совещательного органа при генерал-губернаторе создавался законодательный совет⁹⁵.

В оценке Квебекского акта мнения историков зачастую диаметрально расходятся. Некоторые, ссылаясь на длительную подготовку акта, считают, что положение в американских колониях не стало причиной его принятия и что он не был направлен против бунтующих американских колонистов⁹⁶. Другие не без оснований полагают, что принятие закона о Канаде имело целью «превратить новую колонию в базу для операций, направленных на подавление революционных волнений в южных колониях»⁹⁷. Интересна оценка английского историка Р. Коупленда, утверждающего, что первоначально парламентский акт ставил своей целью «примирение» с франкоканадцами на случай возможной войны с Францией, но в ходе выработки, по мере изменения ситуации в 13 колониях, цели метрополии стали определяться перспективой предстоящей борьбы с американской революцией⁹⁸. Американский историк-марксист Г. Аптекер совершенно справедливо утверждает, что Квебекский акт, «утроив территорию провинции Квебек за счет северо-западных районов 13 колоний, сохранив полуфеодалную систему землевладения, отказав в системе представительного правления и расширив область, на которую распространялась власть государственной римско-католической церкви, привел к тому, что «кастрированные» колонии оказались окруженными пустыней реакционных институтов»⁹⁹ и для американских колоний была восстановлена так называемая «северная угроза» (до 1760 г. это была Новая Франция), на сей раз в лице верноподданнической Канады. Это обстоятельство, по мнению некоторых историков, послужило одной из причин вооруженного восстания американских патриотов против метропо-

⁹⁵ Полный текст акта см.: *Constitutional Documents. 1759—1791*, p. 554—560.

⁹⁶ *Coffin V. Op. cit.*, p. IV; *Burt A. L. The Old Province of Quebec. Toronto, 1933*, p. 155; *Lanctot G. Op. cit.*, p. 26.

⁹⁷ *Райерсон С. Б. Основание Канады. Канада с древнейших времен до 1815 г.* Пер. с англ. М., 1963, с. 225.

⁹⁸ *Coupland R. Op. cit.*, p. 116—117.

⁹⁹ *Аптекер Г. Американская революция. 1763—1783.* Пер. с англ. М., 1962, с. 212.

лии¹⁰⁰. Однако было бы неверным считать Квебекский акт главной причиной американской революции, как это делают отдельные историки¹⁰¹. Скорее, он послужил той каплей, которая переполнила чашу терпения колонистов и ускорила революционный взрыв.

Известие о принятии Квебекского акта вызвало в Канаде и в американских колониях бурную реакцию. Глубокое разочарование постигло английское меньшинство, которое развернуло движение за отмену акта¹⁰². Некоторые стали просто покидать колонию в предчувствии, что новый порядок нанесет ущерб их деловым интересам. Испуганные реакцией англоканадцев, колониальные власти дополнительными инструкциями 1775 г. генерал-губернатору попытались «сбалансировать» интересы англоканадских буржуа и франкоканадских священников и феодалов.

Лондон в специальной инструкции так разъяснил цель парламентского акта: с одной стороны, «предоставить канадцам (читай: франкоканадцам.— В. Т.) преимущества их собственных законов и обычаев во всех спорах, касающихся земли и ее держания, наследования, отчуждения и заселения поместий», с другой стороны, обеспечить колониальной администрации право руководствоваться английскими законами во всех случаях, «связанных с долгами, обязательствами, контрактами, соглашениями меркантильного или другого характера, а также в вопросах компенсации за личный ущерб»¹⁰³.

В этом же документе мы находим еще более серьезное отступление от Квебекского акта. Статья 13 инструкции гласила: «Безопасность личной свободы есть основополагающий принцип правосудия при всех свободных правительствах и ... задача законодательного совета — никогда не упускать этого из виду, следуя примеру обычного права английского королевства, которое устанавливает принцип личной неприкосновенности — право каждого подданного»¹⁰⁴.

В колонии фактически устанавливается «Хабес корпус акт», о чем в тексте Квебекского акта не было ни слова. Инструкции содержали некоторые важные уточнения и в религиозном вопросе. Карлтону надлежало постоянно помнить, что католикам в Канаде дозволено только свободное исповедание веры римской церкви, но не «власть и привилегии, как если бы эта церковь была установленной: эти преимущества принадлежат протестантской церкви Англии». При чем каждая освобождающаяся церковная должность со всеми ее доходными статьями в период вакансии

¹⁰⁰ *Brebner J. B.* Op. cit., p. 55; *Craig G. M.* The United States and Canada. Cambridge (Mass.), 1968, p. 88.

¹⁰¹ См.: *Metzger C. H.* The Quebec Act. A Primary Cause of the American Revolution. New York, 1936.

¹⁰² См. петиции: *Constitutional Documents. 1759—1791*, p. 589—594.

¹⁰³ *Ibid.*, p. 599.

¹⁰⁴ *Ibid.*, p. 600.

должна сохраняться за протестантским духовенством. Все католические миссионеры среди индейского населения должны быть отозваны и заменены протестантскими¹⁰⁵. Х. Нитби в этой связи вполне справедливо заключает, что дополнительные указания по религиозным вопросам отразили «надежду и намерение правительства путем системы жестокого государственного контроля, но без открытых преследований уничтожить в Квебеке римско-католическую церковь»¹⁰⁶.

Не следует преувеличивать степень недовольства английского меньшинства Канады Квебекским актом и оппозиционные настроения этой части населения. Английские торговцы Квебека и Монреаля, несмотря на резкое сопротивление политике метрополии в отношении франкоканадского населения, в большинстве своем остались лояльно настроенными к колониальному режиму. Это констатировали сами деятели местной администрации¹⁰⁷.

В конечном итоге Квебекский акт закрепил союз колониальных властей с привилегированными классами колонии, о чем свидетельствует реакция на акт и верхушки франкоканадского общества. Прибыв с текстом парламентского закона из Лондона в Квебек, Карлтон получил из разных мест провинции многочисленные верноподданнические адреса и послания¹⁰⁸. Губернатор даже поспешил восторженно объявить, что теперь канадцы «считут за счастье» сформировать полк из двух-трех или более батальонов для несения военной службы в составе английских войск¹⁰⁹. Однако эти надежды оказались иллюзорными.

Французское население Канады в целом не было удовлетворено Квебекским актом. Встречающаяся в исторической литературе противоположная точка зрения едва ли представляется верной¹¹⁰. Анализ верноподданнических посланий от жителей Квебека показывает, что они были инспирированы и представлены губернатору самими сеньорами и священниками без учета мнения неграмотной массы франкоканадского крестьянства, которое в общем было недовольно Квебекским актом, ибо он восстанавливает церковную десятину и все ненавистные крестьянам старые феодальные повинности, тяжесть которых несколько ослабла за первые 15 лет английского господства. Этот вывод подтверждают как документы, так и многие авторитетные исследователи¹¹¹.

¹⁰⁵ См. петиции: *Constitutional Documents*. 1759—1791, p. 602—605.

¹⁰⁶ *Neatby H.* Op. cit., p. 139.

¹⁰⁷ *Constitutional Documents*. 1759—1791, p. 586.

¹⁰⁸ *Ibid.*, p. 583, 586.

¹⁰⁹ *Ibid.*, p. 584. Такая просьба была к моменту возвращения получена Карлтоном от командующего английскими войсками в Северной Америке генерала Т. Гэйджа (*Ibid.*, p. 583—584).

¹¹⁰ *Милейковский А. Г.* Указ. соч., с. 83; *Ефимов А. В.* Указ. соч., с. 382.

¹¹¹ См.: *Constitutional Documents*. 1759—1791, p. 593; *Wrong G. M.* Op. cit., p. 256; *Coffin V.* Op. cit., p. 488—494; *Brebner J. B.* Op. cit., p. 55; *Clark S. D.* *Movements of Political Protest in Canada. 1640—1840.* Toronto, 1959, p. 90—91.

Но лучшим подтверждением стал дальнейший ход событий, и прежде всего поведение населения Квебека во время американской революции.

Итак, английское завоевание Канады привело к установлению нового жесткого колониального режима, опиравшегося на союз английской колониальной администрации, привилегированного меньшинства населения английского происхождения и старого господствующего класса в лице феодальных сеньоров и католического духовенства. В колониальном Квебеке усилиями метрополии и английского меньшинства наряду со старыми узами подчинения и зависимости устанавливается система социального неравенства и национальной дискриминации в отношении населения французского происхождения, представлявшего в своей массе эксплуатируемых крестьян, низшие и средние слои городского населения. Это привело к возникновению в Канаде франко-канадского национального вопроса. На своем начальном этапе он представлял собой вопрос о взаимоотношениях завоевателей — колонизаторов в лице английского меньшинства, с одной стороны, и большинства населения в лице франкоканадской национальной общности, сопротивлявшейся ассимиляторской политике метрополии и английского меньшинства, с другой.

Возникнув в условиях классовой эксплуатации и колониальной зависимости, национальный вопрос в Канаде с самого начала стал составной частью социальной и национальной освободительной борьбы. Без учета этих исторических особенностей невозможно понять весь ход освободительного движения в Канаде во время почти 100-летнего английского колониального господства.

Глава вторая

КАНАДА И АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII В.

Канада, завоеванная Великобританией всего за десять с небольшим лет до начала войны за независимость 13 североамериканских колоний, к моменту революции фактически еще переживала период утверждения нового колониального режима. Казалось бы, желание континентального конгресса оправдать свое название и усилия американских патриотов вовлечь Канаду в свой союз в качестве 14-го штата должны были увенчаться успехом, но этого не произошло. Англия, утратив старые колонии в Северной Америке, сохранила в Канаде свой колониальный режим еще на долгие десятилетия.

Сложная взаимосвязь в ранней истории обеих стран (США и Канады) поставила нелегкую задачу как перед современниками, так и перед последующими поколениями историков — объяснить природу этого значительного и интересного явления. В имеющейся по этому вопросу исторической литературе до настоящего времени существуют самые различные точки зрения. В 1968 г. в Канаде в серии «Спорные проблемы канадской истории» был издан сборник «Отвергнутая революция. 1775—1776», в котором представлены взгляды наиболее видных историков и сделан вывод о нерешенности ряда аспектов проблемы¹.

В работах советских исследователей по истории американской революции XVIII в. и истории Канады того периода этот вопрос или совсем не рассматривается или же утверждается, что «из всех переселенцев в Северную Америку французы оказались наиболее надежной опорой британской короны» и Канада в целом сыграла роль «оплота Англии в борьбе с восставшими американскими колониями»².

---

¹ Revolution Rejected. 1775—1776. Ed. by G. Rawlyk. Scarborough, 1968.

² Милейковский А. Г. Канада и англо-американские противоречия. М., 1958, с. 81—85.

ЭКСПЕДИЦИЯ АМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИСТОВ В КАНАДУ В 1775—1776 гг.

В американских колониях Квебекский акт вызвал резко отрицательную реакцию. На открывшемся 5 сентября 1774 г. в Филадельфии первом континентальном конгрессе этот новый законодательный статут был охарактеризован как в высшей степени опасная мера для всей Америки³. 21 октября 1774 г. делегаты обратились с посланием к народу Великобритании, в котором парламентский акт квалифицировался как «верное средство в руках метрополии для обращения в рабство старых свободных протестантских колоний». Называя акт враждебным интересам Британской Америки, конгресс высказывал свое особое возмущение решением парламента метрополии «установить в Канаде религию, которая топила в крови Англию и насаждала фанатизм, гонения и убийства по всему свету»⁴.

24 октября 1774 г. континентальный конгресс одобрил искусно составленный документ — «Письмо жителям провинции Квебек». Его целью было завоевать симпатии населения колонии на сторону американских патриотов. В письме излагались основные принципы и взгляды восставших колонистов на вопросы народного суверенитета и управления, а также подвергалось детальной и убедительной критике содержание Квебекского акта. «Что предлагает вам акт вместо тех прав, которыми вы наделены? Свободу вероисповедания? — Но эта свобода предоставлена богом. Французское гражданское право? — Но это только видимость, ибо в акте записано, что эти законы могут быть изменены декретами губернатора и совета. На основе Квебекского акта корона и ее министры могут установить в Канаде любой режим, вплоть до инквизиции... Есть ли у вас ассамблея, состоящая из избранных вами же достойных людей и которой вы можете доверять принимать для вас законы, охранять ваше благосостояние и определять, в каком размере и в какой форме у вас могут изыматься ваши деньги? — Нет! ... На самом деле вся власть сосредоточена в руках губернатора, который сам зависит от тирании лондонских министров», — говорилось в письме⁵.

Континентальный конгресс призвал жителей Канады присоединиться к американским колониям: «Мы, ваши многочисленные и сильные соседи, вдохновленные истинной любовью к поруганным свободам и объединенные нерасторжимыми узами единых привязанностей и интересов, призываем вас во имя самих себя и своих детей присоединиться к нашей справедливой борьбе... Ваша провинция — единственное звено, которого не хватает, чтобы замкнуть могучую цепь союза колоний...»⁶.

³ Journals of the Continental Congress. 1774—1789. Ed. by W. Ch. Ford. V. 1—34. Washington, 1904—1937, v. 1, p. 35.

⁴ Ibid., p. 82—90.

⁵ Ibid., p. 109.

⁶ Ibid., p. 111.

Письмо затрагивало и деликатный религиозный вопрос. Но на сей раз конгресс проявил большую терпимость и дипломатичность. Ссылаясь на пример швейцарских кантонов, объединяющих католические и протестантские общины, авторы обращения уверяли, что прочный союз и подлинная свобода могут существовать и при религиозных различиях, если уважается равноправие каждой церкви. Заканчивался этот документ призывом к канадцам избрать делегатов на провинциальный конгресс, который послал бы представителей на второй континентальный конгресс в мае 1775 г. Письмо было переведено на французский язык и отпечатано 2-тысячным тиражом для распространения в Канаде. К середине ноября оно уже имело хождение по территории колонии. Распространяли антибританскую пропаганду американских колонистов, как правило, мелкие торговцы и прочий деловой люд.

В марте 1775 г. в провинцию Квебек прибыл посланник от комитета связи Массачусетса Джон Браун. Он доставил в Монреаль копии обращения конгресса. В Монреале уже действовал созданный по американскому образцу комитет связи, состоявший в основном из англоязычных канадцев. Посланец колонистов был тепло встречен, но решить вопросы о посылке делегатов на следующий континентальный конгресс и об организации совместного бойкота английских товаров не удалось. Деловые люди Монреаля, опасаясь за свое привилегированное положение в торговле, дарованное метрополией, проявили двойственность и нерешительность⁷. И все же начавшаяся схватка американских колонистов с метрополией, настойчивая пропаганда, которую повели «конгрессисты» среди жителей Квебека, не могли не произвести глубокого впечатления на основную массу населения колонии, прежде всего на франкоканадское крестьянство. Браун с удовлетворением сообщал в Бостон, что «благодаря настойчивым усилиям наших друзей в Канаде наши враги в настоящее время неспособны найти и десятка человек для службы колониальной администрации»⁸.

Канада оказалась вовлеченной в вооруженную борьбу американских колонистов с первых дней революции. Как известно, начало войне за независимость было положено действиями партизанских отрядов колоний Массачусетс, Коннектикут, Нью-Йорк. Революционно настроенное население этих колоний опасалось вторжения английских войск с территории Квебека, а также возможного использования индейцев и канадцев для борьбы с патриотами⁹. Захват отдельных английских укрепленных пунктов на канадской границе планировался патриотами еще до нача-

⁷ Naval Documents of the American Revolution. Ed. by W. B. Clark. V. 1—6. Washington, 1964—1972, v. 1, p. 162.

⁸ Ibid.

⁹ Об этом свидетельствуют многочисленные сообщения в американской колониальной прессе того времени (см.: Naval Documents..., v. 1, p. 14, 30, 36, 40).

ла активных вооруженных действий. Браун доверительно сообщал комитету Массачусетса, что «форт Тайкондерога нужно захватить как можно скорее, пока королевские войска не начали военных действий». По его мнению, «эта акция окажет сильное сдерживающее влияние на Канаду и находящиеся там войска»¹⁰.

В конце апреля — начале мая в Массачусетсе и Вермонте, независимо друг от друга, были приняты решения захватить важный стратегический пункт англичан на территории Канады — форт Тайкондерога. В Массачусетсе комитет спасения поручил осуществление этой операции 34-летнему торговцу Бенедикту Арнольду; в Вермонте во главе партизанского отряда стоял 37-летний полковник милиции, земельный спекулянт Этан Аллен¹¹. По замыслу американцев операция должна была носить превентивный характер; патриоты рассчитывали также захватить в Тайкондероге пушки, так необходимые для вооруженной борьбы с регулярными английскими войсками¹². Однако биографы Арнольда и Аллена отмечают наличие других существенных мотивов, которыми руководствовались инициаторы вторжения на территорию Канады. Так, для Арнольда, который вел довольно успешную морскую торговлю с Квебеком и Вест-Индией, акты Тауншенда и другие колониальные ограничения свели на нет коммерческую деятельность, сделав его заклятым врагом метрополии¹³. Аллен, имевший обширные участки необрабатываемой земли к западу от р. Коннектикут, принял решение присоединиться к революции не только из патриотических и идейных побуждений. Он и его соратники по земельным спекуляциям опасались, что рано или поздно метрополия положит конец скваттерству и выгодным для них земельным сделкам¹⁴. Желание изгнать Великобританию из Канады и открыть для себя свободный доступ к обширным земельным массивам и богатой торговле в провинции были побудительными мотивами для многих американских поселенцев, которые стали участниками вторжения, а затем и экспедиции в Канаду. Но в целом колонисты руководствовались справедливыми и освободительными целями.

10 мая 1775 г. отряд вермонтцев вместе с группой Арнольда захватил крепость Тайкондерогу. Застигнутый врасплох, английский гарнизон сдался без единого выстрела. На следующий день такая же участь постигла еще один английский форт на оз. Шамплейн — Краун-Пойнт.

Известие о вторжении в Канаду и взятии английских фортвов было с энтузиазмом встречено в колониях. 18 мая конгресс при-

¹⁰ Ibid., v. 1, p. 162.

¹¹ О них см.: *Sellers Ch. S. Benedict Arnold. The Proud Warrior.* New York, 1930; *Paine L. Benedict Arnold. Hero and Traitor.* London, 1965; *Jellison Ch. A. Ethan Allen, Frontier Rebel.* New York, 1969.

¹² *Naval Documents...*, v. 1, p. 315.

¹³ *Paine L. Op. cit.*, p. 18—19, 24—25; *Sellers Ch. C. Op. cit.*, p. 7—18.

¹⁴ *Jellison Ch. A. Op. cit.*, p. 58, 91, 101—104.

нял резолюцию, которая оправдывала действия колонистов как предохранительные. 29 мая делегаты сочли необходимым принять еще одно обращение «К угнетенным жителям Канады». Этот документ не только повторял заверения в братской дружбе к «нации канадцев» и призыв к совместной борьбе против тирании метрополии. Он объяснял жителям колонии, что захват Тайкондероги и Краун-Пойнта осуществлен по праву «великого закона самообороны»¹⁵.

Руководители отрядов настаивали, чтобы американцы закреплялись в фортах, обладание которыми и контроль над оз. Шамплейн «склонили бы индейцев и канадцев к союзу с ними». Аллен писал континентальному конгрессу: «...все канадцы, кроме знати, а также индейцы в настоящий момент очень дружелюбно к нам расположены. Я твердо убежден, что чем решительнее колонисты поведут войну против королевских войск в Канаде, тем больше друзей мы приобретем в этой стране»¹⁶. Видимо, эти соображения оказали действие, и 31 мая в Филадельфии было принято решение немедленно послать в Тайкондерогу и Краун-Пойнт сильные подкрепления¹⁷.

Вторжение североамериканцев на территорию Канады и обстановка там серьезно обеспокоили английские колониальные власти. В военном отношении позиции метрополии в Квебеке были в тот момент чрезвычайно слабыми: регулярные войска насчитывали всего около 800 человек, милиционное ополчение из местного населения практически отсутствовало¹⁸. 9 июня губернатор Карлтон объявил о введении в колонии военного положения и о призыве канадцев во главе с сеньорами на милиционную службу¹⁹. В борьбе против американских колонистов власти метрополии надеялись также использовать индейские племена, проживавшие на территории Канады²⁰.

Однако надежды, что население колонии послушно последует за священниками и лендлордами и окажет помощь властям в борьбе против американских патриотов, оказались напрасными. Губернатор сообщал в Лондон летом 1775 г.: «...хотя местные джентльмены проявляют великое рвение, ни их мольбы, ни их собственный пример не могут повлиять на народ ... и джентри, и священники почти полностью утратили свою власть над людьми»²¹. Простые канадцы, а также индейцы, продолжал губернатор, отказываются вступать в отряды милиции, и по этой причи-

¹⁵ Journals of the Continental Congress, v. 2, p. 56, 68—70.

¹⁶ Naval Documents..., v. 1, p. 564.

¹⁷ Journals of the Continental Congress, v. 2, p. 74; v. 1, p. 580.

¹⁸ Public Archives of Canada's Report (далее — PACR). 1904. Ottawa, 1905, p. 369; Documents Relating to the Constitutional History of Canada. 1759—1791 (далее — Constitutional Documents. 1759—1791). Ed. by A. Shortt, A. Doughty. Ottawa, 1918, p. 663.

¹⁹ Naval Documents..., v. 1, p. 639.

²⁰ PACR. 1904, p. 345, 358.

²¹ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 664—665.

не сформировать отряд из канадцев в помощь английским войскам теперь едва ли представляется возможным. Это было горькое признание, ибо год назад Карлтон похвалялся, что канадцы «сочтут за счастье» поставить из своих рядов на службу метрополии добровольцев.

В первые дни после вторжения властям удалось набрать лишь небольшой отряд добровольцев из сынков сеньоров и крупных «буржуа», который взял на себя защиту форта Сент-Джонс. Вербовка франкоканадцев на службу шла с великим трудом и в последующее время, особенно в сельской местности. 20 июля 1775 г. один из английских офицеров, служивших в Квебеке, писал, что пока не удалось завербовать на военную службу ни одного абитана²². Дело доходило до случаев открытого отказа крестьян служить в милиции и защищать режим. Когда в одной из крупных сеньорий лендлорд объявил среди цензитариев о воинском наборе, крестьяне собрались на митинг и дали клятву не брать в руки оружие и не выступать против восставших колонистов. Ни один франкоканадец в этом районе так и не записался в милицию²³. Напротив, по некоторым сведениям, в графстве Сорель около 1 тыс. канадцев, а в графстве Шамбли около 3 тыс. вооружились и заявили о своей готовности присоединиться к североамериканцам²⁴. «Были испытаны все средства, чтобы заставить канадское крестьянство выполнить свой долг и взять в руки оружие для защиты провинции, но все оказалось напрасным», — сообщал в Лондон помощник губернатора Квебека Краймайе²⁵. Не поддержали метрополию и индейские племена, занявшие нейтральную позицию в отношении, как они считали, «семейной ссоры» между англичанами и американцами. Этой позиции они придерживались вплоть до окончания экспедиции, хотя многие индейцы сражались как на стороне англичан, так и на стороне повстанцев²⁶.

В итоге колониальные власти Канады оказались бессильными организовать отпор отрядам американских патриотов. Эта слабость режима в Канаде и растущие симпатии населения к борющимся не могли остаться незамеченными колонистами. Арнольд предлагал конгрессу одобрить план военной экспедиции с целью овладеть городами Монреаль и Квебек²⁷. На необходимости быстрого похода в Канаду, учитывая беззащитность провинции в военном отношении и настроения канадцев, настаивал

²² PACR. 1885, p. 177.

²³ Coffin V. The Province of Quebec and the Early American Revolution. A Study in English-American Colonial History. New York, 1970, p. 501; Wrong J. M. Canada and the American Revolution. New York, 1968, p. 284.

²⁴ Naval Documents..., v. 1, p. 1043; Coffin V. Op. cit., p. 502.

²⁵ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 672.

²⁶ PACR. 1904, p. 346—347. Подробнее см.: Война за независимость и образование США, с. 242—267.

²⁷ Naval Documents..., v. 1, p. 672—673.

также Аллен. «Распространение военных действий на территорию Канады,— доказывал он,— имеет неоспоримые преимущества: это объединит и утвердит индейцев и канадцев на нашей стороне и ... чем больше Англии потребуется войск для защиты своих интересов в Канаде ... тем меньше она сможет послать их в Бостон или какую-либо другую часть континента»²⁸.

Наконец 27 июня 1775 г. в Филадельфии решили осуществить наступательную операцию в Канаду. Руководство экспедицией поручалось находившемуся на службе континентального конгресса генералу Филипу Скайлеру, а его помощником был назначен генерал Ричард Монтгомери. Скайлер должен был со своими силами прибыть в Тайкондерогу и Краун-Пойнт и, «если найдет это возможным и не противоречащим желаниям канадцев, немедленно овладеть Сент-Джонсом, Монреалем и другими районами страны...»²⁹. В конце лета Дж. Вашингтон решил направить на север вспомогательный экспедиционный корпус во главе с Б. Арнольдом. Маршрут второй половины был проложен по труднопроходимой местности на востоке страны, вдоль рек Кеннебек и Шодьер, с последующим выходом к городу Квебеку. Силы Арнольда должны были облегчить продвижение основного войска по долине р. Св. Лаврентия и захват столицы колонии³⁰.

Руководители конгресса и главнокомандующий вооруженными силами колонистов Дж. Вашингтон рассматривали экспедицию в Канаду как оборонительную и освободительную по своим целям операцию. Вашингтон поручил Скайлеру прежде всего «собрать самую достоверную информацию о характере и настроениях индейцев и канадцев для выработки соответствующей политики по завоеванию их симпатий и плана действий». Скайлеру строго наказывалось, что «абсолютно необходимо сохранять дружбу с канадцами» и, как неперемное условие достижения этой цели, соблюдать «строгую дисциплину и пунктуальность при оплате всех поставок войску со стороны населения». Аналогичные инструкции получил и Б. Арнольд³¹. Председатель континентального конгресса Джон Хэнкок так определил цель экспедиции: «Конгресс ожидает от вашего предприятия, что канадцы будут убеждены в необходимости присоединиться к союзу колоний и создадут из представителей своих округов провинциальный конвент, который пошлет делегатов на континентальный конгресс. Вы должны заверить канадцев, что мы будем отстаивать их права как наши собственные и, вступив с ними в союз, прилагать

---

²⁸ Naval Documents..., v. 1, p. 642.

²⁹ Journals of the Continental Congress, v. 2, p. 109—110; Naval Documents..., v. 1, p. 763.

³⁰ The Writings of George Washington. From Original Manuscript Sources. 1745—1799. Ed. by J. C. Fitzpatrick. V. 1—39. Washington, 1931—1944, v. 3, p. 437—470.

³¹ Ibid., p. 303, 485, 492—496.

все усилия, чтобы они и их потомки получили все блага свободного правления, гарантии личности и собственности...»³².

После самых незначительных приготовлений генерал Скайлер, имея под командованием около 2 тыс. человек без достаточной экипировки и необходимых средств, счит возможным начать операцию. 4—5 сентября 1775 г. его отряды спустились по оз. Шамплейн, заняли один из островов недалеко от форта Сент-Джонс. Из-за болезни Скайлера командование экспедицией принял Монтгомери, который направил в глубь территории Квебека отдельных эмиссаров и передовые группы под командованием Аллена и Брауна для агитации населения и вербовки добровольцев³³.

Набор канадцев под знамена континентального конгресса проходил успешно. Один из эмиссаров, Джеймс Ливингстон, заверял командующего, что все канадцы окрестных деревень настроены дружелюбно к колонистам и «среди них, кажется, воцарился дух свободы»³⁴. Аллен ликующе сообщал из графства Шамбли, что уже имеет под ружьем 250 канадцев и через несколько дней намерен привести 500 или даже более местных волонтеров³⁵. На сторону американцев переходили даже те немногие канадцы, которых англичанам удалось вовлечь в милицию, причем переходили вместе с полученным обмундированием и вооружением. Покинули англичан и разошлись по домам индейцы, еще летом 1775 г. согласившиеся нести разведывательную и патрульную службу³⁶.

Однако полученная от местных жителей ощутимая поддержка не могла компенсировать американцам необходимого опыта и умения вести боевые действия. 24 сентября небольшой отряд Аллена, состоявший в основном из канадских новобранцев, на свой страх и риск переправился через р. Св. Лаврентия в надежде внезапно захватить Монреаль, но был полностью разбит. Сам Э. Аллен попал в плен. Нерешительность у стен Сент-Джонса проявили и основные силы генерала Монтгомери. Многие волонтеры были разуты и раздеты, у интендантов уже не хватало денежных средств, чтобы расплачиваться с местными жителями за поставки продовольствия и транспортные услуги, но самое главное — не было необходимого вооружения, в том числе артиллерии, чтобы вести успешные боевые действия. В армии царил анархия, плохо обученные колонисты были готовы обратиться в бегство при первом столкновении с противником³⁷.

Тем не менее 18 октября отряд Брауна, в состав которого входило 300 канадских добровольцев, занял деревню Шамбли.

³² Naval Documents..., v. 2, p. 402—403.

³³ Correspondence of the American Revolution. Ed. by J. Sparks. V. 1—4. New York, 1970, v. 1, p. 465; Naval Documents..., v. 2, p. 145.

³⁴ Naval Documents..., v. 2, p. 43.

³⁵ Ibid., p. 159.

³⁶ PACR. 1904, p. 351.

³⁷ Naval Documents..., v. 2, p. 866; Correspondence of the American Revolution, v. 1, p. 474—475.

3 ноября из-за нехватки провизии и боеприпасов англичане сдали Сент-Джонс. Вооруженные силы американцев оказались в непосредственной близости от Монреаля, и Монтгомери решил сразу же овладеть городом, дабы не дать англичанам укрепиться, а также из-за опасения, что многие волонтеры могут покинуть армию з связи с окончанием срока службы³⁸. Отправив два отряда для захвата Сореля и Труа-Ривьера, Монтгомери с основными силами переправился 16 ноября через р. Св. Лаврентия в нескольких километрах от Монреаля. Немногочисленный гарнизон вместе с находившимся в городе губернатором Карлтоном в тот же день покинул город и отплыл на судах вниз по реке к Квебеку. Но, когда флотилия достигла Сореля, там уже были американцы. Губернатор, переодевшись в одежду крестьянина, лишь чудом избежал плена и с несколькими солдатами все-таки добрался до Квебека.

После бегства английского гарнизона покинули город и присоединились к американцам канадцы из окрестных деревень, которых власти силой и угрозами завербовали в милицию. В Монреале осталась лишь лоялистски настроенная часть населения, с представителями которой Монтгомери вступил в переговоры об условиях капитуляции. Видимо, стремясь избежать кровопролития и завоевать симпатии лоялистских элементов, командующий экспедицией предложил довольно великодушные условия: за жителями города сохранялись все права и торговые привилегии, движимое и недвижимое имущество, религиозная свобода, а также право не выступать с оружием и не оказывать содействия в борьбе против метрополии. Войска не должны были быть расквартированы среди жителей города³⁹. Принимая подобные условия, англоканадская торговая буржуазия тем самым окончательно отмежевалась от американской революции. Лишь отдельные ее представители вступили в сотрудничество с американцами. 18 ноября американская армия вошла в город.

Захват Сент-Джонса и Монреаля был большим успехом экспедиции. Почти повсеместно симпатии канадцев, особенно франкоканадского крестьянства, были на стороне американских колонистов. «Жители местности по обе стороны р. Св. Лаврентия, вплоть до Квебека, теперь наши друзья»⁴⁰, — сообщал Монтгомери в штаб-квартиру генерала Скайлера, который оставался на посту главнокомандующего всеми силами колонистов на севере страны. Расположение населения провинции к американцам подтверждалось и радушным приемом, оказанным местными жителями экспедиционному войску, в котором уже было два батальона

³⁸ Naval Documents..., v. 2, p. 866; Correspondence of the American Revolution, v. 1, p. 474—475.

³⁹ Naval Documents..., v. 2, p. 865; Correspondence of the American Revolution, v. 1, p. 477—478.

⁴⁰ Naval Documents..., v. 2, p. 1070; v. 1, p. 486; PACR, 1904, p. 386.

канадских волонтеров⁴¹. Дж. Вашингтон даже подумывал о возможности сформировать еще один-два батальона канадцев для участия в войне за независимость вне пределов Канады, усматривая в этом предприятии большой пропагандистский смысл⁴². Однако армия Монтгомери, не получая никаких существенных людских и материальных подкреплений от континентального конгресса, надолго задержалась в Монреале и теряла время вместо того, чтобы как можно быстрее соединиться у Квебека с другим экспедиционным войском колонистов и захватить последний оплот англичан в Канаде — крепость Квебек.

В середине ноября к Квебеку уже подошли силы Б. Арнольда. Этот переход оказался исключительно трудным. Свыше 300 миль пробирались колонисты до канадской границы через лесные дебри в дождь, холод и бездорожье. Треть отряда самовольно возвратилась с середины пути, и до Квебека дошло всего около 800 человек. В начале ноября измученные, голодные колонисты были тепло встречены франкоканадцами и получили от них всю необходимую помощь⁴³. 14 ноября Арнольд переправился с отрядом через р. Св. Лаврентия к Квебеку, но начать осаду города не смог из-за отсутствия артиллерии и недостатка людей.

Монтгомери неоправданно медлил с оказанием помощи Арнольду. Лишь 4 декабря командующий экспедицией привел к Квебеку тысячу человек и несколько сот канадских добровольцев. Квебек был хорошо защищен крепостным валом, имел гарнизон в 1300 человек, включая матросов с кораблей и милиционеров из числа лоялистских элементов. В крепости имелись большие запасы продовольствия и боеприпасов⁴⁴. Однако, по признанию самого начальника гарнизона, положение в городе было незавидным, ибо «королевские войска немногочисленны, канадцы в основном симпатизируют бунтовщикам, большинство купцов и торговцев прежде всего думают о своей собственности, гарнизон разбросан и пребывает в жалком состоянии»⁴⁵.

В течение всего декабря американцы стояли у стен Квебека, не решаясь на штурм. Дисциплина и боевой дух в экспедиционном войске стали падать, между офицерами начались распри, колонисты отказывались нести службу, появились дезертиры, не хватало продовольствия и медикаментов. Генералу Монтгомери все труднее становилось привлекать канадских добровольцев, так как за несение службы и за поставки приходилось расплачиваться бумажными деньгами или расписками⁴⁶. В этой ситуации,

⁴¹ Naval Documents..., v. 2, p. 1070; Correspondence of the American Revolution, v. 1, p. 486; *Lanctot G. Canada and the American Revolution. 1774—1783.* Toronto, 1967, p. 261—262.

⁴² The Writings of George Washington, v. 4, p. 117.

⁴³ Naval Documents..., v. 2, p. 923; Correspondence of the American Revolution, v. 1, p. 475—476.

⁴⁴ PACR. 1904, p. 368.

⁴⁵ Naval Documents..., v. 2, p. 1073.

⁴⁶ Correspondence of the American Revolution, v. 1, p. 496—499.

имея боеспособными всего около 800 человек вооруженных колонистов и менее 200 канадцев, Монтгомери и Арнольд отважились на рискованный штурм крепости. В ночь на 31 декабря 1775 г. в снежный буран американцы начали сражение у крепостных стен и потерпели поражение. 35-летний генерал Монтгомери был убит, Арнольд ранен, 450 человек попали в плен, 30 убиты.

Поражение американцев у Квебека имело катастрофические последствия для всей экспедиции в Канаду. Донесения Арнольда в те дни полны отчаянных просьб прислать подкрепление людьми, оружием, продовольствием и деньгами. Извещая генерала Вустера, нового командующего войсками в Монреале, о присоединении к американцам канадских добровольцев, Арнольд признавался, что вооружить их уже нечем⁴⁷.

Известие о поражении под Квебеком пришло в Филадельфию в трудные для патриотов дни. Учитывая сложившуюся обстановку, континентальный конгресс одобрил еще одно обращение к канадцам с призывом объединить усилия в борьбе против общего врага. 15 февраля было решено направить в Канаду специальную миссию в составе Б. Франклина, С. Чейза и Ч. Кэролла с целью убедить местное население, что вторжение осуществлено для их собственного освобождения. Наконец, конгресс ассигновал крупные суммы денег для финансирования экспедиции в Канаде⁴⁸.

Тем временем положение американцев в Квебеке становилось все более отчаянным. К началу февраля из Монреала прибыло всего 150 человек подкрепления. В лагере Арнольда усиливались дезертирство и нужда. Генерал Вустер, которому Скайлер поручил заново переформировать войска и послать их к Квебеку, был вынужден признаться, что выполнить это указание он не в силах из-за распрей и нежелания воинов, в том числе и офицеров, продолжать несение военной службы⁴⁹. Самым трагическим по своим последствиям в ходе экспедиции в Канаду стало заметное ухудшение отношений между американцами и местными жителями. Низкая дисциплина и острая нужда колонистов нередко становились причиной грабежа местного населения. «Мне стыдно за поведение наших войск,— писал Скайлер председателю континентального конгресса.— ... Я умолял офицеров следить и предотвращать подобные скандальные опустошения, но все напрасно...»⁵⁰. Особое недовольство канадцев стали вызывать бумажные деньги, выпущенные континентальным конгрессом, и расписки, в обмен на которые американцы вынуждали их поставлять про-

⁴⁷ *Naval Documents...*, v. 3, p. 596, 768, 781; *Correspondence of the American Revolution*, v. 1, p. 501, 504.

⁴⁸ *Journals of the Continentas Congress*, v. 4, p. 85—86, 152, 159; *Jones C. H. History of the Campaign for the Conquest of Canada in 1776*. New York, 1970 (1-st ed.— 1882), p. 36.

⁴⁹ *Naval Documents...*, v. 3, p. 949, 1244; *Correspondence of the American Revolution*, v. 1, p. 506—507.

⁵⁰ *Naval Documents...*, v. 3, p. 1147.

довольствие и нести воинскую службу. Население стало требовать оплаты поставок твердой валютой, которой у казначеев американской армии почти не осталось.

Однако несмотря на сокращение числа канадских добровольцев в составе американской армии зимой 1776 г. сотрудничество населения колоний с американцами оставалось все же довольно широким. Так, в ряде округов вдоль р. Св. Лаврентия канадцы организовали цепь сигнальных постов для предупреждения американцев на случай приближения к Квебеку английского флота. Продолжали служить добровольцы в отряде Ливингстона, хотя к весне их осталось всего около 100 человек. Поступала помощь от некоторых деловых людей Монреаля. По-прежнему ненависть и презрение франкоканадских крестьян вызывали сеньоры и духовенство, остававшиеся преданными колониальному режиму. Провинция неоднократно становилась свидетелем невиданных до того сцен, когда священников с позором силой доставляли на суд в американский лагерь их же собственные прихожане ⁵¹.

И все же к весне 1776 г. антиамериканские настроения среди канадцев начинают преобладать. И произошло это не только потому, что население колоний перестало верить в способность американских колонистов одержать военную победу и свергнуть колониальный режим. Основной причиной краха сотрудничества населения Канады и находившейся на ее территории армии американских колонистов было, на наш взгляд, поведение последних. И в этом отношении характерно следующее письмо начальника монреальского гарнизона полковника М. Хэйдена генералу Скайлеру: «Вы, конечно, знаете, как дружественно были расположены канадцы, когда генерал Монтгомери впервые вступил в эту страну: их готовность помогать людьми, повозками, провизией была просто поразительна. Даже когда Монтгомери стоял у Квебека, многие округа предлагали свои услуги для взятия этой крепости... Но печальная судьба генерала и ряд других инцидентов вызвали такую перемену отношения канадцев к нам, что мы уже больше не смотрим на них как на друзей, а, наоборот, ожидаем, что они могут присоединиться к нашим врагам... Крестьяне в основном подвергались дурному обращению. Часто под страхом оружия их заставляли снабжать гарнизон дровами по мизерным ценам. За предоставленные повозки и многие другие услуги выдавались незаконные справки без подписей, половину которых интенданты просто отказывались принимать...» ⁵².

Таким образом, союз населения Канады и американских колонистов не состоялся. Немногочисленная армия, лишенная надежного тыла и регулярных поставок, утратила боеспособность. Страшным бичом для экспедиционного войска стала свирепая эпидемия оспы, распространившаяся среди колонистов. К концу

⁵¹ *Lanciot G. Op. cit., p. 120.*

⁵² *The Writings of George Washington, v. 3, p. 495.*

апреля армия американцев у стен Квебека не имела и 10-дневного запаса пищи. Прибывший 1 мая к Квебеку новый командующий экспедицией генерал Томас нашел из 2 тыс. человек половину больными. Боеспособными оставались около 700 человек⁵³. Ни о каком штурме или даже эффективной осаде крепости не могло быть и речи.

6 мая к Квебеку подошли передовые корабли английского военного флота с регулярными частями на борту — и надеждам американцев овладеть столицей колонии пришел конец. В спешном порядке колонисты оставили окрестности Квебека и отступили к Труа-Ривьеру.

В начале июня в Квебек прибыли основные силы метрополии: около 9 тыс. английских и наемных солдат под командованием генерала Бургойна. Перед лицом превосходящего противника деморализованные отряды американцев, неся большие потери, оставили Труа-Ривьер, Монреаль, Сорель, Сент-Джонс, Шамбли. Континентальный конгресс пытался спасти экспедицию от полного провала. Вашингтон выразил надежду, что новые подкрепления могут изменить положение. «Овладение этой страной для нас исключительно важно. Но сделать это эффективно можно не столько с помощью насильственного захвата, сколько обеспечением сильной поддержки и доверия со стороны жителей»⁵⁴. В конце апреля континентальный конгресс постановил послать в Канаду 10 свежих батальонов. Но это уже не могло исправить положения. Вновь прибывшие в Канаду американские войска столкнулись со стихией всеобщего разброда и паники. К концу июня основная масса американских сил отступила в район оз. Шамплейн, где на одном из островов скопилось около 8 тыс. солдат и офицеров. Из этого числа 2800 болели оспой, люди умирали ежедневно и хоронили их в общих могилах⁵⁵. Генерал Салливэн, сменивший умершего от оспы генерала Томаса, считал единственно правильным оставить территорию Канады, отступить к фортам Тайкондерога и Краун-Пойнт и оттуда осуществлять контроль за границей и оз. Шамплейн. 2 июля 1776 г. американская армия эвакуировалась в Краун-Пойнт и затем закрепилась в Тайкондероге.

КВЕБЕК И АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Английские власти, отразив наступление американских войск в Канаде, приступили к восстановлению и укреплению устоев колониального режима. Губернатор Карлтон полагался теперь больше на военную силу. «Нет сомнения, что канадцев можно снова заставить почтительно относиться к правительству и восстановить

⁵³ Correspondence of the American Revolution, v. 1, p. 509—510; Jones C. H. Op. cit., p. 40.

⁵⁴ The Writings of George Washington, v. 4, p. 494.

⁵⁵ Jones C. H. Op. cit., p. 92—97.

их покорность, хотя это потребует длительного времени,— писал он министру колоний в Лондон.— До тех пор пока этот процесс не будет завершен, для поддержки гражданских властей требуется военная сила. Знать, духовенство и большая часть буржуазии в ходе нынешних волнений оказали правительству полную поддержку и будут усиленно помогать в восстановлении необходимого подчинения»⁵⁶.

Крестьянство же, даже утратив симпатии к американцам, не стало более лояльным к метрополии и ее политике в колонии. Особое недовольство вызывало восстановление контроля феодальной знати над абитанами. Власти ответили репрессиями: в тюрьму попали те, кто активно сотрудничал с американцами; в некоторых округах за отдельными жителями был установлен бдительный контроль военных и гражданских властей; население силой вербовалось в милицию, на работы по ремонту разрушенных дорог, мостов и укреплений.

Наибольшее усердие в восстановлении своего влияния проявила церковь. Летом 1776 г. епископ Квебека Бриан выпустил специальное обращение к «Мятежным подданным во время американской войны». Глава католической церкви в Канаде прибегал к демагогии, угрозам, обещаниям и лести, только бы заставить канадцев вспомнить о послушании, вызвать у них ненависть к освободительной войне американских колонистов и верноподданические чувства к «мудрому и гуманному порядку, установленному Великобританией в Канаде»⁵⁷.

Зимой 1776/77 г. англичане в Канаде усиленно готовились к вторжению на территорию Американской республики. Генералу Бургойну было чрезвычайно важно обеспечить надежный тыл и сотрудничество канадцев в борьбе против американской революции. С этой целью в январе 1777 г. в Квебеке была введена обязательная милиционная служба для всех канадцев-мужчин от 16 до 60 лет, а также принудительные работы для нужд английских войск и колониального аппарата. От службы и повинностей освобождались лишь чиновники, сеньоры и духовенство. Канадские крестьяне с большой неохотой шли на службу⁵⁸. В результате, когда английская армия генерала Бургойна достигла в июле 1777 г. Тайкондероги, из 800 франкоканадцев, сопровождавших войска, половина дезертировала. Батальон квебекской милиции также ежедневно покидали десятки человек⁵⁹.

С 8-тысячным войском Бургойн занял Тайкондерогу и вторгся на американскую территорию, надеясь соединиться с армией генерала Хоу, находившейся в Нью-Йорке. После длительного перехода армия Бругойна вышла в начале сентября 1777 г. к Саратоге, где окруженные армией волонтеров англичане 17 октября

⁵⁶ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 677.

⁵⁷ См. полный текст документа; *Lancetot G. Op. cit.*, p. 262—273.

⁵⁸ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 677.

⁵⁹ *Lancetot G. Op. cit.*, p. 165.

вынуждены были сдаться. Таким образом, с военной точки зрения вторжение революционных войск в Канаду оказалось оправданным, так как оно отвлекло крупные экспедиционные силы Бургойна в бассейн р. Св. Лаврентия от основного театра военных действий (в районе Нью-Йорк — Филадельфия), где Бургойн мог бы нанести сильный удар армии Вашингтона. Оценивая роль канадцев в этот ответственный момент войны за независимость, Г. Аптекер пишет: «Если бы события приняли иной оборот, если бы несколько тысяч канадцев действительно присоединились к Бургойну и сражались на его стороне, трудно представить себе, как американским вооруженным силам удалось бы воспрепятствовать соединению Клинтон и Бургойна... Именно смелый отказ «неотесанного франкоканадского мужицья» быть использованным в этой роли в значительной мере сорвал политику Англии и помог спасти американскую революцию»⁶⁰.

Саратога способствовала заключению франко-американского союза и вступлению Франции в войну на стороне США. Прибытие французских войск в Америку внесло новые аспекты в проблему привлечения Канады на сторону американской революции. Несмотря на катастрофу 1776 г., многие влиятельные деятели Соединенных Штатов, в том числе и некоторые члены конгресса, не оставляли надежды содействовать присоединению Канады к вновь созданному государству. В ноябре 1777 г. конгресс создал специальную комиссию для перевода на французский язык первой американской конституции — «Статей конфедерации» — и выработки обращения к жителям Канады с приглашением вступить в союз штатов. Комиссия должна была представить план действий по распространению этих документов и «снисканию доверия канадцев к Соединенным Штатам»⁶¹. Поборники новой экспедиции в Канаду видели теперь благоприятные возможности в том, что участие Франции на стороне американцев поможет вовлечь канадцев французского происхождения в войну за независимость.

В конце 1778 г. континентальный конгресс принял решение осуществить «внезапное вторжение» в Канаду. Главнокомандующим новой экспедиции был назначен генерал-майор континентальной армии Лафайет⁶². Прибывший к месту назначения Лафайет обнаружил вместо обещанных конгрессом воинских соединений жалкие отряды полураздетых волонтеров. Нехватка денежных средств и масса прочих препятствий делали «внезапное вторжение» неосуществимым. Имевшие опыт похода в Канаду, в частности генерал Арнольд, настойчиво отговаривали от подобного шага. Нереальность плана наступления в Канаду зимой

⁶⁰ Аптекер Г. Американская революция. 1763—1783. М., 1962, с. 219.

⁶¹ Journals of the Continental Congress, v. 9, p. 981.

⁶² О роли Лафайета в подготовке новой экспедиции в Канаду см.: Gottschalk L. R. Lafayette Joins the American Army. Chicago, 1937.

1778 г. с опозданием осознали и в конгрессе⁶³. С «нелепой канадской экспедицией», как выразился Лафайет, было теперь покончено. Однако прибытие в Америку французской эскадры под командованием графа Д'Эстена, ослабившее превосходство англичан на море, вдохнуло новые надежды в сторонников привлечения Канады на сторону революции.

С конца лета 1778 г. Лафайет начинает настойчиво добиваться осуществления совместной американо-французской экспедиции против Квебека. Вашингтон, оставаясь противником вторжения (но не противником присоединения Канады к США, что он находил абсолютно необходимым) и отговаривая маркиза от поспешных действий, сам начинает склоняться к мысли о возможности осуществления совместной операции по захвату Квебека.

Более решительную поддержку план Лафайета нашел в конгрессе США, где его поддерживали такие давние влиятельные сторонники присоединения Канады, как Сэмюэл Адамс, Сайлас Дин, Ричард Генри Ли. В конце октября конгресс принял решение направить французскому правительству через своего представителя Б. Франклина «План нападения на Квебек», который предусматривал участие 4—5 тыс. французских солдат и 8 военных кораблей, захват совместными усилиями портов Галифакс и Квебек и изгнание Великобритании со всего Атлантического побережья. Однако правительственные инструкции командующим французскими войсками в Америке запрещали оказывать США какое-либо содействие в присоединении Канады. Франция и ее союзник Испания не желали, чтобы в результате войны за независимость США стали безраздельным хозяином Североамериканского континента⁶⁴. Но и в самих Соединенных Штатах не было единодушного мнения о целесообразности привлечения союзной Франции к экспедиции в Канаду. Наиболее последовательными сторонниками этой точки зрения были сам Вашингтон и президент конгресса Г. Лоуренс⁶⁵.

Именно соображения этих двух руководителей заставили конгресс принять резолюцию, приостанавливающую подготовку экспедиции, а в начале января 1779 г. конгресс, столкнувшись с явным, хотя и скрываемым, нежеланием своих союзников осуществлять вторжение в Канаду, окончательно отменил решение о совместном военном походе на Квебек⁶⁶.

Тем не менее сторонники присоединения Канады к союзу восставших колоний сохранили свои позиции в конгрессе. Сэмюэл Адамс и Лафайет через год представили Вашингтону план новой экспедиции. Оставаясь противником ввода войск в Канаду,

⁶³ Journals of the Continental Congress. 1774—1789, v. 9, p. 217.

⁶⁴ Подробнее см.: Bemis S. F. The Diplomacy of the American Revolution. Bloomington, 1957, p. 196—200; Corwin E. S. French Policy and the American Alliance of 1778. Princeton, 1916, p. 200—201.

⁶⁵ Война за независимость и образование США, с. 427—429.

⁶⁶ Journals of the Continental Congress. 1774—1789, v. 12, p. 1190.

главнокомандующий не отверг план полностью, рассчитывая, по-видимому, использовать его как средство давления на английские власти в этой колонии. Именно по этим соображениям в мае 1780 г. Вашингтон просил Лафайета выпустить за своей подписью прокламацию, призывающую канадцев присоединиться к франко-американским войскам. Маркиз выполнил просьбу своего патрона, и прокламация была подброшена английским властям в Канаде⁶⁷.

С осени 1780 г. план совместной экспедиции окончательно перестал фигурировать в военных кругах США. Последнее упоминание о намерении присоединить Канаду относится к маю 1782 г., когда Вашингтон выработал план крупной экспедиции с участием почти 10-тысячного войска. Военные действия должны были начаться в сентябре, когда Англия уже не смогла бы прислать подкрепление, а экспедиционные силы не имели бы затруднений с продовольствием и дорогами. Но этот последний план Вашингтона запоздал: Англия, потерпев летом 1782 г. крупные военные поражения, согласилась на мирные переговоры, и война в Северной Америке фактически закончилась. Дипломатические усилия США приобрести Канаду на завершающем этапе войны, в ходе мирных переговоров, также успеха не имели⁶⁸. Квебек остался английской колонией, так и не став 14-м штатом американского государства.

В силу каких же факторов Канада не разделила судьбу 13 колоний и Великобритании удалось сохранить в ней свое господство? Уже среди современников не было единодушия в оценке происшедших событий. Континентальный конгресс еще в 1776 г. пришел к заключению, что «причинами неудач в Канаде» были «короткий срок службы континентальных войск», «недостаток звонкой монеты для оплаты поставок» и эпидемия оспы, поразившая армию⁶⁹. Члены посланной в Канаду делегации конгресса в числе причин неудачной попытки привлечь Канаду на сторону американской революции назвали прежде всего отношение самих канадцев, которое стало враждебным из-за поведения вторгнувшихся колонистов. Канадская же сторона высказала мнение, что Англии удалось сохранить Канаду лишь благодаря Квебекскому акту, «облагодетельствовавшему» население Квебека, а также давлению на население со стороны отцов католической церкви.

Разошлись взгляды и историков: спор об «отвергнутой революции», начавшийся на страницах исторических трудов более столетия назад, продолжается и в современной историографии⁷⁰.

⁶⁷ *Lanctot G. Op. cit.*, p., 192.

⁶⁸ *Bemis S. F. The Diplomacy...*, p. 229—232; *Idem. Canada and the Peace Settlement of 1782—1783.*—CHR, 1933, v. 14; *Brown G. M. The St. Lawrence in the Boundary Settlement of 1783.*—CHR, 1928, v. 9.

⁶⁹ *Journals of the Continental Congress. 1774—1789*, v. 5, p. 617—618.

⁷⁰ См.: *Revolution Rejected. 1775—1776.*

Англоканадские ученые прошлого столетия всячески превозносили военную деятельность метрополии в момент революции и «мудрую» политику Квебекского акта, обеспечившую якобы франкоканадцам «свободу, политические права и процветание»⁷¹. Профессор Висконсинского университета В. Коффин подверг убедительной критике последнюю точку зрения и пришел к выводу, что Квебекский акт вызвал недовольство большинства франкоканадских крестьян и сделал их потенциальными сторонниками революции. Лишь неудачные действия американцев, а не Квебекский акт и не губернатор Карлтон сохранили Англии Канаду⁷².

В XX столетии теоретические построения и фактические доказательства исследователей стали более совершенными, но это не помогло преодолеть существенные различия во взглядах. Следуя традиции Дж. Бурино, английский историк Р. Коупленд продолжает настаивать, что, не будь Квебекского акта, Канада была бы потеряна для Британской империи в 1775 г.⁷³ Однако эта легко уязвимая точка зрения убедительно опровергается более фундаментальными, хотя тоже не лишенными определенной тенденциозности исследованиями⁷⁴.

Надуманную концепцию предложил известный канадский историк Д. Крейтон, приписав заслугу сохранения в Канаде колониального режима англоканадским купцам долины р. Св. Лаврентия⁷⁵. Столь явное преувеличение роли купечества английского происхождения и полное игнорирование влияния франкоканадского большинства и «американского фактора» на исход событий сегодняшние канадские историки отвергают, хотя дать всестороннее объяснение столь сложному явлению порой оказываются не в силах⁷⁶.

Заметный шаг вперед был сделан двумя крупными канадскими историками французского происхождения, Г. Ланкто и Ф. Уэлле. Первый, отметив ощутимую поддержку дела революции частью франкоканадцев, считает, что значительное большинство населения все же занимало позиции нейтралитета и тем самым сделало невозможным успех революции в Квебеке. Правда, он объясняет нейтралистские настроения франкоканадской массы довольно легковесными понятиями «эгоизм», «осторожность» и нежеланием вмешиваться в «семейную ссору»⁷⁷.

⁷¹ *Bourinot J. G. Canada under British Rule. 1760—1900.* Toronto, 1901, p. 67—71; *Kingsford W. History of Canada.* Toronto, 1892, v. 5, p. 483—489.

⁷² *Coffin V. Op. cit.*, p. 485—488, 512—528.

⁷³ *Coupland R. The Quebec Act. A Study in Statesmanship.* Oxford, 1968, p. 162—172, 194.

⁷⁴ *Burt A. L. The Old Province of Quebec.* Minneapolis, 1933, p. 205—206, 224—225, 229—230.

⁷⁵ *Creighton D. G. The Empire of the St. Lawrence.* Toronto, 1956, p. 2.

⁷⁶ *Neatby H. Quebec. The Revolutionary Age. 1760—1791.* Toronto, 1966, p. 56; *Idem. The Quebec Act: Protest and Policy.* Toronto, 1972.

⁷⁷ *Lanctot G. Op. cit.*, p. 211—226.

Более скрупулезно и дифференцированно подошел к анализу реакции канадского общества на американскую революцию Ф. Уэлле. Прежде всего, в его работе (думается, окончательно) опровергается точка зрения, что своим отказом поддержать американскую революцию франкоканадцы спасли английский режим в этой колонии. Не вызывает сомнений и заключение Уэлле, что как Квебекский акт, так и американская революция были по-разному встречены различными социальными классами и слоями канадского общества и водораздел прошел здесь совсем не по национальному признаку. Господствовавшая верхушка в Канаде («традиционная элита» — сеньоры и духовенство), удовлетворенная привилегиями, полученными по Квебекскому акту, поддерживала безоговорочно колониальный режим в его борьбе с революцией. Торговая буржуазия колонии, несмотря на заметные колебания, в конечном итоге оказалась также на стороне метрополии, видя в этом союзе свои собственные выгоды и привилегии. Что же касается крестьянской массы, то она, по мнению Уэлле, «избрала нейтралитет». Причины «пассивности абитана» Уэлле видит в «недостатке правительственных военных сил», «различных опасениях» и в «соображениях экономической выгоды»⁷⁸.

На наш взгляд, при ответе на этот вопрос нужно учитывать сложную взаимосвязь как внешних, так и внутренних, как объективных, так и субъективных факторов. Нет сомнения в том, что экспедиция 1775—1776 гг. в военном отношении была подготовлена плохо. Отсутствие необходимого военного опыта, вооружения, припасов и амуниции, частая смена командующих и неэффективное верховное командование — все это предопределило неудачи американского войска в Канаде. Но были и другие, более глубокие причины — отсутствие подлинной и беззаветной готовности большинства населения Квебека сражаться за дело американской революции. В провинции, где еще совсем недавно господствовала феодально-абсолютистская Франция, а новая метрополия, хотя и пережила буржуазную революцию, проводила политику сохранения старых феодальных порядков, еще не созрели в достаточной степени необходимые предпосылки, а вместе с ними и силы, которые могли бы возглавить революционную войну за независимость.

С другой стороны, шовинизм английского меньшинства, двуличность позиции континентального конгресса, который «клеил католицизм в Англии и восхвалял свободу совести в Квебеке», вызывали у многих канадцев вполне объяснимые настроения сдержанности и настороженности. Неспособность американских патриотов, помимо общих принципов, предложить франкоканадцам в ходе войны за независимость убедительное решение национального вопроса использовалась властями и церковью Квебека для разжигания антиамериканских настроений.

⁷⁸ *Quellet F. Histoire économique et sociale du Québec. 1760—1850. Toronto, 1966, p. 116—124.*

И, наконец, исключительно важную роль в провале военных операций сыграло поведение американцев в ходе экспедиции. Провозгласив благородную цель освобождения канадцев от гнета метрополии, вторгнувшиеся на территорию Канады колонисты стали в конечном итоге прибегать к методам насилия и грабежа местного населения, превратившись тем самым из освободителей на словах в захватчиков на деле. К тому же кроме оборонительных мотивов экспедиции в Канаду присутствовало и далеко не бескорыстное стремление американской торговой буржуазии, земельных спекулянтов и поселенцев северо-западных штатов прибрать в руки территорию Квебека со всеми ее богатствами. В попытке захватить Канаду уже тогда отразилось характерное для буржуазии США экспансионистское стремление расширить свою территорию на континенте.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА В НОВОЙ ШОТЛАНДИИ

Одна из английских колоний в Северной Америке — Новая Шотландия, была основана Великобританией сравнительно незадолго до начала американской революции. После длительного соперничества с Францией англичанам удалось окончательно закрепиться в Галифаксе лишь в 1749 г. Последовавшее затем безжалостное изгнание из колонии акадийцев — жителей французского происхождения — привело к заселению Новой Шотландии в основном торговцами и рыбаками — выходцами из Новой Англии и метрополии. Новая Шотландия была типичным продуктом колониальной меркантилистской политики Великобритании. В колонии почти полностью отсутствовали какие-либо собственные промышленность и торговля, редкое, разбросанное по побережью население поставляло метрополии продукты рыболовства и лесопромысла, потребляя ввозимые английские товары. Главный город Галифакс являлся штаб-квартирой торговых фирм и компаний, всецело связанных с Лондоном и полностью контролировавших хозяйственную деятельность колонии и ее связи с метрополией. Одновременно Галифакс служил одной из военных и морских баз Великобритании на территории Северной Америки.

В Новой Шотландии был установлен авторитарный режим метрополии в лице губернатора и правящей колониальной верхушки, в которую входили колониальные чиновники, крупные дельцы и землевладельцы, а также духовенство. Спекулятивное землевладение, злоупотребления правящей клики, многочисленные колониальные ограничения породили в Новой Шотландии еще до начала войны за независимость движение за демократические реформы и самоуправление.

Во главе этого движения стояли местные торговые элементы, представители средних слоев колониального общества. Под

их давлением в Галифаксе в 1758 г. открылась первая в истории Канады выборная колониальная ассамблея, которая сразу же стала центром оппозиции колониальному режиму, особенно по таким вопросам, как налогообложение, право распоряжаться доходами и развивать собственную промышленность. В петиции, которую ассамблея направила накануне войны за независимость в адрес короля, палаты лордов и палаты общин, излагались все те же типичные жалобы колонистов против насильственных законов о навигации и торговле, против дорогостоящей системы земельных пожалований и т. п. Как отмечал канадский историк У. Макнэтт, провинция Новая Шотландия того времени «обладала всем необходимым, чтобы революция стала вполне возможной»⁷⁹, и была наиболее вероятным кандидатом на роль 14-го члена в союзе восставших колоний. Однако в силу ряда объективных условий ход исторических событий не реализовал эту возможную перспективу.

Еще накануне восстания американских провинций политическая обстановка в колонии была довольно напряженной. Так, после принятия в 1765 г. закона о гербовом сборе движение протеста вылилось в бурные городские собрания и демонстрации в Галифаксе и других населенных пунктах⁸⁰. В 1770 и 1774 гг. губернатор колонии был вынужден издавать специальные прокламации, запрещавшие проведение «городских собраний для обсуждения вопросов законодательства и управления».

С началом вооруженных действий в 13 колониях в Новой Шотландии недовольство режимом проявилось уже открыто. В мае 1775 г. были подожжены военные склады, предназначенные для снабжения войск генерала Гейджа в Бостоне, в июле того же года произошел пожар на королевских судах и виновники не были найдены, несмотря на объявленное вознаграждение. Организованное губернатором повсеместное принятие присяги на верность метрополии встретило явное нежелание населения выступить против своих революционных связей. В ряде мест офицеры милиции открыто агитировали население поддержать дело американских патриотов. Начало военной экспедиции в Квебек и активная деятельность американских каперов у берегов Новой Шотландии заставили колониальные власти принять решительные меры по укреплению обороны Галифакса. Однако попытка набрать тысячу добровольцев среди населения окончилась безрезультатно⁸¹.

Наиболее сильно проамериканскими настроениями оказались охвачены прибрежные поселения. Некоторые из них, например

⁷⁹ Macnutt W. S. The Atlantic Provinces. The Emergence of Colonial Society. 1712—1857. Toronto, 1965, p. 80.

⁸⁰ Brebner J. B. The Neutral Yankees of Nova Scotia. A Marginal Colony during the Revolutionary Years. New York, 1970, p. 157—163.

⁸¹ Ibid., p. 308—313.

Локпорт, уже с лета 1775 г. служили базами для периодических рейдов американских каперов. Среди местного населения имелись люди, которые были готовы на самые решительные действия. В прибрежном поселке рыбаков и лесорубов Мачайас на границе с Мэном Джеймс Лайон еще весной 1775 г. создал и возглавил местный комитет безопасности. В июне 1775 г. его группа захватила два шлюпа с лесом, направлявшихся в Бостон. В августе повстанцы из Мачайаса захватили в устье р. Сент-Джон форт Фредерик⁸².

Обстановка была настолько тревожной, что в Галифаксе состоялось специальное заседание королевского совета, на котором говорилось, что «население Мачайаса в заливе Фанди намеревается снарядить два корабля для рейда в Уинсор и уничтожить находящиеся там суда с грузом сена и провизии для Бостона... а также несколько небольших судов, которые курсировали бы в заливе и перехватывали суда с провиантом». Колониальные власти не без причины признавали, что «основная часть милиции в районе залива Фанди не намерена оказывать сопротивление своим соотечественникам в случае подобных попыток»⁸³.

Поскольку, по данным властей, число повстанцев в этом районе достигало 1,5 тыс., было решено для подавления выступления в заливе Фанди послать все корабли, находившиеся в Галифаксе. Одновременно в Бостоне английский адмирал Грейвс отдал приказ «жесть, топить и уничтожать» все корабли «пиратов и бунтовщиков», которые курсируют в заливе с целью воспрепятствовать снабжению английских войск в Бостоне. В августе 1775 г. губернатор Новой Шотландии Ф. Леже сообщил командующему английскими войсками в Северной Америке генералу Гейджу, что «из-за действий пиратов навигация между Бостоном и Новой Шотландией становится опасной и ненадежной» и что необходимо прислать в колонию дополнительные войска, чтобы удержать население в подчинении и обеспечить связи с английскими войсками в Америке. Касаясь местной милиции, Ф. Леже писал о ее ненадежности, добавляя, что «многие из милиционеров враждебны правительству и скорее будут уничтожать, а не охранять имеющиеся здесь запасы оружия и провизии»⁸⁴.

В октябре 1775 г. командующий английской эскадрой в Галифаксе писал в своем рапорте, что он опасается стачек рабочих судостроительных верфей в случае вторжения в провинцию революционных сил. Эти силы «наверняка получают поддержку не только со стороны городских и сельских жителей, но даже со стороны рабочих верфей... Следует обратить самое серьезное внимание на лиц, работающих на королевских верфях, столь тесно связанных с повстанцами, ибо это может создать большие труд-

⁸² PACR. 1894, p. 336; Naval Documents..., v. 2, p. 4.

⁸³ Naval Documents..., v. 1, p. 1149, 1152.

⁸⁴ Ibid., p. 1156—1159, 1171.

ности уже тем, что они прекратят работу»⁸⁵. 30 ноября 1775 г. власти были вынуждены объявить в колонии военное положение⁸⁶.

Вероятность того, что Новая Шотландия может последовать за американскими колониями, была действительно велика в первый год революции. Военные позиции метрополии пока не были здесь очень сильными, тем более что в 1774 г. военный гарнизон Галифакса почти полностью был переведен в Бостон. Однако слабая организация и разобщенность сторонников революции в Новой Шотландии не позволили использовать эту благоприятную возможность. Местные патриоты были вынуждены обратиться за поддержкой к американским повстанцам. Жители района Пассамакуодди, Мачайаса, долины р. Сент-Джон неоднократно просили континентальный конгресс в Филадельфии оказать им помощь и позволить сотрудничать с восставшими колонистами. Летом 1775 г. комитет безопасности в Мачайасе направил специальное послание в Филадельфию с планом совместного похода американских войск и местных патриотов в Новую Шотландию с целью подъема всеобщего восстания против колониального правительства.

Этот план был первоначально одобрен конгрессом и в августе 1775 г. представлен главнокомандующему Вашингтону. Ответ последнего был отрицательным. Трудная осада Бостона и без того создавала нехватку военного снаряжения в американской армии. Превосходство Великобритании на море делало захват Новой Шотландии очень проблематичным. Наконец, Вашингтон считал, что нападение — «мера скорее завоевательная, чем оборонительная, и может сопровождаться опасными последствиями»⁸⁷.

В ноябре 1775 г. континентальный конгресс постановил направить в Новую Шотландию двух эмиссаров с целью выяснить на месте отношение населения к делу патриотов, а также военные позиции англичан в колонии. Полученная в феврале 1776 г. Вашингтоном информация оказалась, видимо, недостаточной, чтобы изменить его отношение к этому вопросу⁸⁸. Не помогли также конфиденциальное письмо одного из руководителей повстанцев в Новой Шотландии, Дж. Лайона, и доставленная им в феврале 1776 г. петиция от жителей колонии с просьбой оказать поддержку⁸⁹.

В результате благоприятные возможности были упущены. В январе 1776 г. в Галифакс уже прибыли крупные контингенты войск из метрополии, а в марте появились флот и армия, эвакуированные из Бостона. Эти обстоятельства сделали практи-

⁸⁵ *Graham, G. S. British Policy and Canada. 1774—1791. London, 1930, p. 206.*

⁸⁶ *Naval Documents..., v. 2, p. 1198.*

⁸⁷ *The Writings of George Washington, v. 3, p. 415—416.*

⁸⁸ *Ibid., v. 4, p. 99, 111, 112, 292, 331.*

⁸⁹ *Ibid., p. 437; Correspondence of the American Revolution, v. 1, p. 100—103.*

чески невозможными антианглийские выступления в столице провинции, где к тому же были наиболее сильны и местные лоялистски настроенные элементы⁹⁰. Невозможным стало и овладение Новой Шотландией небольшими силами вторжения из колоний с юга.

Не получив желаемой помощи, сторонники революции в Новой Шотландии продолжали борьбу собственными силами. Радикально-демократические элементы в мае 1776 г. подняли восстание в долине р. Сент-Джон. Здесь, в селении Мочарвилл, жители приняли резолюцию солидарности с американскими патриотами и готовности «вместе с ними участвовать в нынешней борьбе за свободу». Повстанцы получили лишь небольшое количество оружия из Массачусетса, но смогли продержаться почти год. Летом 1777 г., прислав военный корабль, метрополия восстановила власть в этом районе.

Еще более крупное выступление произошло на полуострове Шигнекто. В ответ на оккупацию английскими войсками форта Камберленд местные патриоты сформировали отряд добровольцев и создали революционный комитет во главе с Джоном Алленом и Джонатаном Эдди. Осенью 1776 г. отряд Эдди, состоявший из местных жителей — выходцев из Новой Англии, а также акадийцев и индейцев, совершил несколько рейдов в заливе Фанди и захватил ряд населенных пунктов. 12 ноября повстанцы предприняли попытку взять штурмом форт Камберленд. Необученные и плохо вооруженные патриоты в течение нескольких недель держали в осаде укрепленный форт. Лишь посланный на помощь из Галифакса отряд моряков и пехоты заставил повстанцев отступить⁹¹. В это же время Аллен вел борьбу в долине р. Сент-Джон и на северном побережье залива Фанди. Его попытки укрепить свои силы с помощью американцев остались безрезультатными.

Все последующее время вооруженная борьба в Новой Шотландии сводилась в основном к мелким схваткам за форты и населенные пункты на побережье и военным действиям английских военно-морских сил против американских каперов в заливе Фанди. Долгое время каперы действовали почти беспрепятственно вдоль побережья Новой Шотландии. Власти Галифакса не имели достаточно сил, чтобы организовать оборону всей территории колонии. Практически контроль властей ограничивался только столицей. Население приморских поселков охотно предоставляло убежище и поддержку участникам вооруженных рейдов из южных колоний. Летом 1777 г. в залив Фанди были введены крупные морские силы метрополии. Проводить операции каперам

⁹⁰ В 1776 г. после эвакуации Бостона в Галифакс сбежало свыше тысячи чиновников и влиятельных лоялистов дореволюционной Новой Англии (см.: Macnutt W. S. Op. cit., p. 90).

⁹¹ Документы об осаде Камберленда см.: PACR. 1894, p. 355—366.

стало гораздо труднее, но рейды к берегам Новой Шотландии продолжались вплоть до конца войны за независимость⁹².

По Версальскому миру, завершившему войну, Новая Шотландия осталась в руках Великобритании. Пламя революции, многократно касавшееся берега этой приморской колонии, в конечном итоге прошло стороной. Объясняется это, на наш взгляд, целым рядом причин. В отличие от 13 североамериканских колоний Новая Шотландия к началу восстания провинций еще не достигла той степени экономической и политической зрелости, которая позволила бы ей рассчитывать на самостоятельное существование. Основа хозяйства колонии — торговля — была всецело в руках Великобритании. Разрыв связей с Новой Англией сделал зависимость от метрополии еще большей. Колониальная верхушка, прежде всего купечество Галифакса, была накрепко привязана к метрополии материально. Торговцы Галифакса наживали на войне немалые барыши, а отделение колоний сулило еще бóльшие прибыли, ибо Новая Шотландия могла занять монопольное положение в торговле с Вест-Индией. Все это укрепляло позиции колониального режима, создавая ему довольно прочную опору среди привилегированных слоев населения.

В силу недостаточной развитости общества в Новой Шотландии среди населения отсутствовали более или менее многочисленные демократические силы, готовые к активным политическим действиям. Провинция еще переживала начальную стадию заселения, и политическая борьба была трудно совместима с повседневными тяготами жизни первопоселенцев. Необходимого опыта политических действий у населения еще не было. Слабая заселенность, отсутствие дорог, разбросанность поселений вдоль побережья способствовали разобщенности и препятствовали организации демократических сил. Именно поэтому, не поддерживав колониальный режим, большинство населения Новой Шотландии оставалось инертным и к происходящим революционным событиям, стремилось сохранить нейтральные позиции, чем заслужило у современников курьезное прозвище «янки его величества», а в исторической литературе название «янки-нейтралы».

Чрезвычайно важную роль сыграл и тот фактор, что, обладая морским преимуществом в ходе войны за независимость и используя почти островное положение Новой Шотландии, Великобритания превратила этот район в форпост и военный плацдарм в борьбе с американскими колониями. Малочисленность революционного флота не позволила оказать необходимую помощь сторонникам независимости в Новой Шотландии, а сами они не были в силах единым фронтом повести решительную борьбу.

---

⁹² О действиях каперов в войне за независимость см.: *Naval Documents...*, v. 2, p. 269, 304, 323, 436, 834, 839, 966, 1082, 1133, 1315—1316.

Глава третья

СОЗДАНИЕ БРИТАНСКОЙ «ВТОРОЙ ИМПЕРИИ» В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

Война за независимость английских колоний в Северной Америке, положив начало новому независимому государству — Соединенным Штатам Америки, стала поворотным пунктом в истории всей британской колониальной империи. Утрата 13 самых богатых и крупных владений не привела к гибели колониальное хозяйство Великобритании. Английские буржуа и политики, приложив немалые усилия и проявив изрядное упорство, используя силу и вероломство, создали на развалинах старой империи новую, так называемую «вторую империю», просуществовавшую еще долгие годы¹. Эта «вторая империя», преследовавшая все те же колониалистские цели, была своеобразным ответом, реакцией на американскую революцию: учитывая уроки этой революции, укрепляя и модернизируя колониальную систему, английская метрополия, проиграв на полях военных сражений, как бы давала скрытый, но не менее отчаянный бой революционным идеям и практике буржуазного демократизма, народного представительства и национального суверенитета.

Наиболее яркой иллюстрацией этой невидимой «битвы века» стала историческая судьба Канады, так и не ставшей в ходе войны за независимость 14-м штатом США. На обширной территории долины р. Св. Лаврентия в какой-то момент переплелись в сложной и своеобразной коллизии исторические явления самого крупного порядка, определив тем самым своеобразный путь развития этой страны.

Дать ответ на вопрос, каковы были последствия американской революции для оставшихся английских колоний в Северной Америке, нелегко. Самые авторитетные исследователи приходят порой к противоположным заключениям. Одни склонны считать Канаду чуть ли не «порождением» (by-product) американской

---

¹ См.: Ерофеев Н. А. Империя создавалась так. М., 1964, с. 141—162; Harlow V. T. The Founding of the Second British Empire. 1763—1793. V. 2. New Continents and Changing Values. London, 1964.

революции², другие полагают, что революция привела к реакции в колониях, которые стали «предметом более строгого и бдительного надзора из Лондона»³. «Американская революция оказала на британскую колониальную империю влияние, абсолютно противоположное тому, которое она оказала на саму метрополию, — писал известный специалист по английской колониальной истории профессор А. Бёрт. — Она повернула назад стрелки часов... и на протяжении почти полувека возобладала реакционная колониальная политика»⁴. Вопрос о последствиях революции и характере английской колониальной политики в Канаде после 1783 г. обсуждался на XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме в 1960 г.⁵ В самое последнее время канадские историки по примеру американских «новых левых», призывавших взглянуть на революцию «снизу», предлагают более внимательно посмотреть на нее с «севера», т. е. с точки зрения канадской истории⁶. Это предложение заслуживает внимания, ибо подводить черту под изучением проблемы пока еще рано.

ЛОЯЛИСТСКАЯ ИММИГРАЦИЯ И ЕЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Вопрос о судьбе Канады встал перед английской колониальной политикой еще до окончания военных действий на Северной Америке. На заключительном этапе войны метрополии было уже ясно, что независимость 13 колоний стала необратимой реальностью. В ходе мирных переговоров перед Англией стояли теперь задачи сделать минимум уступок победившей стороне и по возможности затруднить будущее независимое существование Соединенных Штатов, одновременно укрепив собственные пошатнувшиеся позиции в Северной Америке. В решении последней задачи особая роль отводилась оставшимся на континенте колониальным провинциям — Квебеку и Новой Шотландии⁷. Эти колониальные владения могли занять во внутриимперских торговых связях ме-

² *Lower A. R. M. Colony to Nation. Toronto, 1964, p. 113.*

³ *Graham G. S. A Concise History of the British Empire. London, 1970, p. 99.*

⁴ *Burt A. L. The Evolution of the British Empire and Commonwealth. Boston, 1956, p. 25.*

⁵ См.: XI Congrès International des Sciences Historiques. Actes du Congrès (далее — Actes du Congrès). Stockholm, 1962, p. 201—204.

⁶ *Morton H. A. The American Revolution: a View from the North. — JCS, 1972, v. 7, N 2, p. 43—54.*

⁷ Кроме того, Англия сохраняла в Северной Америке Ньюфаундленд и о-в Принца Эдуарда. Понятия «Канада» и «Квебек» были в то время синонимами, хотя в источниках и литературе часто встречается более расширенное толкование термина «Канада» — как всех английских владений к северу от американской границы, так называемой Британской Северной Америки, территории будущего самостоятельного государства Канада.

сто, которое до этого занимали 13 освободившихся колоний, особенно в обеспечении жизненно важных поставок в английскую Вест-Индию. Территория Канады могла также послужить оплотом британской мощи в Северной Америке и форпостом для дальнейшей экспансии на север и запад, где оставались обширные неколонизованные территории.

Такой подход к проблеме Канады нашел широкое распространение в правящих кругах Англии. В 1782 г. перед открытием мирных переговоров с американцами Георгу III был представлен министром по делам колоний лордом Жермейном меморандум, составленный бывшим губернатором Массачусетса, членом английского парламента Т. Поунеллом⁸. Этот документ, отражавший взгляды ряда влиятельных политических деятелей, был специально посвящен вопросу о важности сохранения канадских провинций за метрополией. «Обладание Квебеком и Новой Шотландией необходимо для Великобритании до тех пор, пока она сохраняет свои владения на островах Вест-Индии. Эти провинции при любых обстоятельствах могут остаться для островов источником получения необходимых поставок древесины, рыбы и домашнего скота,— писал автор документа.— Владение провинциями необходимо Великобритании и как морской державе: без них она не сможет иметь морскую базу, обеспечивающую господство и защиту в американских морях...» — так выглядели главные соображения Т. Поунелла. И, наконец, последний, но далеко не самый маловажный его аргумент в пользу сохранения колониального режима в Канаде состоялся в следующем: «Преимущества и сила, которые дает владение этими провинциями, будут всегда служить сдерживающими факторами для тех «13 племен, которые ушли из Израиля», и, когда война будет окончена, они будут заинтересованы в союзе с Великобританией...». При этом важное место в политике в отношении Канады отводилось американским беженцам-лоялистам, решившим сохранить свое британское подданство. Заселение ими территорий Квебека и Новой Шотландии, по мнению автора документа, «может стать со временем главным средством их обороны и силы».

Уже в год окончания войны за независимость наиболее опытные и дальновидные чиновники настаивали на необходимости внесения корректив в колониальную политику Великобритании, в том числе в Канаде. В 1783 г. бывший помощник государственного секретаря по делам Америки У. Нокс отмечал, что отныне нужно прежде всего позаботиться об обеспечении прочных и постоянных связей метрополии с владениями в Северной Америке, а затем уже думать о том, какие из этих колоний можно извлечь выгоды. «Лучше вообще не иметь колоний, чем иметь их недостаточно преданными метрополии и стремящимися прежде

⁸ См.: English Historical Documents. Ed. by D. B. Horn, M. Ransome. 1714—1783. London, 1957, v. 10, p. 792—793.

всего к увеличению собственной морской мощи и к коммерческому процветанию». Что же касается развития колоний, то «оно должно поощряться лишь в той мере, в какой это отвечает указанным целям метрополии». По мнению У. Нокса, старый опыт создания колоний Новой Англии, когда «в первую очередь учитывались лишь торговые интересы и не проявлялась забота об укреплении системы зависимости», доказал свою полную несостоятельность. «Мы ... будем еще большими простаками, если не извлечем из этого опыта уроков и не исправим в конституциях оставшихся у нас колоний те пороки и зло, которые вызвали в старых колониях революцию и отделение...». Во исправление этих «капитальных ошибок» У. Нокс предлагал осуществить в Канаде ряд мер, в том числе покончить с веротерпимостью и установить более сильную и привилегированную англиканскую церковь. «Это будет наиболее эффективным средством изгнания республиканцев из колоний и привлечения в нее приверженцев епископальной церкви из восставших колоний, что установит прочный барьер между нами». У. Нокс также призывал к всяческой поддержке лоялистов и предлагал создать для тех, кто приедет в Новую Шотландию, отдельную «лоялистскую провинцию, установив в последней сугубо олигархическое управление»⁹.

Как показали дальнейшие события, почти все идеи и предложения Т. Поунелла и У. Нокса оказались претворенными в жизнь. Но все дело в том, что процесс переоценки ценностей и перемен в английской колониальной политике произошел далеко не простым путем, а в условиях острой политической борьбы в колониях и метрополии и широкого движения за изменение существующего колониального режима в самой Канаде.

Наиболее важным последствием войны за независимость, оказавшим влияние на политику Англии в Канаде и внутреннее развитие колонии, стал переезд в Канаду многочисленных врагов американской революции — лоялистов. История лоялистской иммиграции и роль так называемых «лоялистов единой империи» в развитии Канады были и остаются одной из острых проблем в американской и канадской историографии¹⁰. Долгое время в литературе господствовала точка зрения, что американские тори были исключительно выходцами из привилегированных слоев колониального общества: местной знатью, «гарвардскими выпускниками»¹¹. В 60-е годы появилась точка зрения, что лишь часть лоялистов составляли представители зажиточных социальных слоев¹². Примерно тогда же были опубликованы исследования, где природа лоялизма анализировалась на основе ре-

⁹ The United Empire Loyalists: Men and Myths. Ed. by L. F. S. Upton. Toronto, 1967, p. 50—54.

¹⁰ См. подробнее: Тишков В. А. Американские лоялисты: старые мифы и новые интерпретации. — Вопросы истории, 1976, № 1, с. 176—181.

¹¹ The United Empire Loyalists..., p. 12—20.

¹² Brown W. The King's Friends. Providence, 1965, p. 267.

лигиозного, национального и географического подходов. Американские тори были объявлены представителями «меньшинств», которые в той или иной степени нуждались в защите от «американского большинства»¹³. В новейшем исследовании Б. Бейлина лоялизм предстает как явление, состоящее из понятий «иррациональных», «нелогичных», а судьбы лоялистов трактуются как результат человеческих страстей, свойств характера и стечения обстоятельств¹⁴. Отсюда и вся американская революция предстает как событие без исторической логики и объективных основ.

При всем многообразии точек зрения два главных вывода едва ли сегодня могут быть подвергнуты сомнению: основу лоялистской эмиграции составляли прежде всего те, против кого американская революция была направлена и кому она несла угрозу, — это колониальные чиновники, высшее англиканское духовенство, крупные лендлорды, купцы, связанные с метрополией. В то же время в лагерь лоялистских беженцев попали многочисленные группы фермеров, мелких ремесленников и торговцев из районов, находившихся под контролем англичан, рядовые прихожане, следовавшие за своими верноподданнически настроенными священниками, безземельные поселенцы, надеявшиеся получить пожалование в Канаде, и отдельные лица, по тем или иным причинам сохранившие верность британской короне и старому режиму.

Эмиграция лоялистов из 13 североамериканских колоний началась еще в первые годы войны за независимость. Самым желанным местом для беглых тори стала Новая Шотландия, где власти уже в 1775 г. объявили о предоставлении убежища противникам отделения от метрополии. После эвакуации английских войск из Бостона в марте 1776 г. в Галифакс бежало свыше тысячи чиновников и влиятельных лиц дореволюционной Новой Англии, сотрудничавших с англичанами. Основной поток лоялистской эмиграции пришелся на конец войны и первые послевоенные годы. Всю заботу о беженцах вынуждена была взять на себя Великобритания. Для этого от метрополии потребовалось внести изменения в политику заселения Канады. Дополнительные инструкции губернатору Хэлдименду летом 1783 г. разрешили пожалование земель тем британским подданным бывших 13 колоний, кто сохранил свою преданность и пожелал проживать на территории империи. Сюда же относились подлежащие демобилизации офицеры и солдаты английских колониальных войск.

Земля должна была делиться на сеньории и жаловаться по принципу феодального держания в следующей пропорции: для лоялистов из числа гражданских лиц — по 100 акров главе семьи и по 50 акров на каждого ее члена; для военных — по 1 тыс.

¹³ Nelson W. H. The American Tory. London, 1961, p. 85—92.

¹⁴ Bailyn B. The Ordeal of Thomas Hutchinson. Cambridge (Mass.), 1974, p. VII — XII, 375—380.

акров высшим офицерским чинам, по 700 акров капитанам, по 500 акров младшим офицерским чинам и по 200 акров рядовым. В течение первых лет поселения колониальные власти обязались снабжать лоялистов провиантом, инвентарем, одеждой, строительными материалами, а также освобождать от уплаты земельной ренты. От получателей земли требовалось лишь обязательное принесение присяги на верность английской короне¹⁵. Всего в послереволюционные годы метрополия оказала лоялистам помощь в разной форме на огромную сумму — свыше 2 млн. ф. ст.¹⁶

Щедрость колониальных властей не была бескорыстной. Как писал в Лондон губернатор Квебека, «поселенные вместе в большом количестве лоялисты создадут общество преданных интересам Великобритании порядочных людей, которые будут полезны во многих отношениях...»¹⁷.

При анализе лоялистской иммиграции в Канаду следует учитывать тот факт, что многие из наиболее состоятельных и влиятельных тори (королевские чиновники, купцы-торговцы, лендлорды, высшее офицерство) уехали непосредственно в Англию. Менее состоятельные и просто бедные лоялисты смогли переселиться только в Канаду или Вест-Индию. Именно поэтому большинство среди тех, кто прибыл в Квебек и Новую Шотландию, составляли представители средних и бедных слоев — торговцы, ремесленники, фермеры. Однако и среди этой части эмиграции, особенно это относится к переселенцам в Новую Шотландию, имелась значительная прослойка богатых джентри — выходцев из Новой Англии¹⁸. Некоторые лоялисты привезли с собой по несколько десятков негров-рабов¹⁹.

Наиболее состоятельные в прошлом и наиболее предприимчивые лоялисты, пользуясь покровительством метрополии, намеревались с лихвой вернуть утраченные во время революции привилегии и состояния. Это не могло не делаться в ущерб основной массе переселенцев, что сразу же привело к внутренним противоречиям в лоялистской среде, свидетельствуя о ее социальной неоднородности. Известен случай, когда в июле 1783 г. группа «респектабельных» лоялистов из Нью-Йорка обратилась с письмом к командующему английскими войсками Г. Карлтону с просьбой пожаловать им в Новой Шотландии на льготных условиях ог-

¹⁵ Public Archives of Canada's Report (далее — PACR), 1904. Ottawa, 1905, p. 264—265; Documents Relating to the Constitutionals History of Canada, 1759—1791. Ed. by A. Shortt, A. G. Doughty. Ottawa, 1918 (далее — Constitutional Documents. 1759—1791), p. 730—732.

¹⁶ Manning H. T. British Colonial Government after the American Revolution (1782—1820). New Haven, 1933, p. 39.

¹⁷ Select Documents in Canadian Economic History. 1783—1885. Ed. by H. A. Innis, A. R. M. Lower. Toronto, 1933, p. 10.

¹⁸ Macnutt W. S. The Atlantic Provinces. The Emergence of Colonial Society. 1712—1857. Toronto, 1965, p. 94—95.

¹⁹ Callahan N. Flight from the Republic. The Tories of the American Revolution. New York, 1967, p. 4—5.

ромные поместья по 5 тыс. акров, общей площадью в 275 тыс. акров земли. Узнав об этом обращении, свыше 600 лоялистов, находившихся в том же городе и готовившихся к отъезду в Новую Шотландию, направили главнокомандующему разоблачительную петицию против «клики 55-ти», члены которой и без того «наживались во время революции», а теперь «пытаются захватить лучшие земли и превратить в арендаторов основную массу тех, кто уступает им лишь в искусстве закулисных интриг»²⁰.

Основная масса лоялистов прибыла в Новую Шотландию после эвакуации Нью-Йорка в 1783 г. Всего в эту приморскую колонию к концу 1783 г. перебралось около 20 тыс. человек²¹. Кроме Галифакса, лоялисты селились в прибрежных поселках или же основывали новые поселения. Так, например, большая группа (500 семей) весной 1783 г. основала в бухте Роузвэй город Шелберн. К осени в Шелберне насчитывалось уже около 10 тыс. жителей. Судьба этого города печальна. Первые иммигранты, в основном из числа влиятельных лоялистов, по прибытии захватили в районе поселения лучшие земли, значительно превысив установленные размеры пожалований. Последующие группы поселенцев, в большинстве из демобилизованных солдат, столкнулись уже с земельной спекуляцией и стремлением более состоятельных лоялистов занять привилегированное положение в новой лоялистской общине. Вместо идеального поселения единомышленников, пострадавших за верность английской короне, город стали раздирать социальные и расовые конфликты. Уже в первый год отмечались столкновения белых жителей с неграми, которые были силой выселены за пределы города. Один из лоялистских лидеров Шелберна записал в своем дневнике: «Этот отвратительный дух республиканизма и городских собраний уже и здесь несет нам гибель и, если не будет остановлен более строгими формами правления, разрушит надежду, которую рождают наши восстанавливающиеся дела»²². Нежизнеспособной оказалась и экономика города. К началу XIX в. Шелберн стал «городом-призраком» с населением около 300 человек.

Другая крупная группа лоялистов поселилась в долине р. Сент-Джон и на северном побережье залива Фанди. Здесь также лучшие земли были захвачены наиболее состоятельными лицами и сразу же наметились социальные различия между аристократическими элементами, составлявшими меньшинство, и демократическим большинством. С другой стороны, лоялистская эмиграция привела к появлению антагонизма между пострадавшими за верность королю тори и старым населением колонии, не выказавшим особой преданности метрополии в годы революции.

²⁰ The United Empire Loyalists..., p. 68—71.

²¹ Cowan H. J. British Emigration to North America. The First Hundred Years. Toronto, 1961, p. 11.

²² The United Empire Loyalists..., p. 72. О судьбе этого лоялистского поселения см.: Callahan N. Op. cit., p. 9—25.

Лоялистские лидеры не желали подчиняться властям Галифакса и местной ассамблее, подверженной, по их терминологии, «революционной заразе». Это обстоятельство стало поводом для требований лоялистов района р. Сент-Джон отделиться от Галифакса и образовать самостоятельную колонию. В основе этого плана лежало желание установить монополию на эксплуатацию природных богатств долины р. Сент-Джон (земля, лес, рыба) и торговлю с Вест-Индией. Образование лоялистской колонии по соседству с США рассматривалось также как большой пропагандистский эксперимент. Один из видных лоялистов, будущий член совета новой провинции, Э. Уинслоу, ратовал в пользу новой колонии: «Когда народ соседних штатов будет наблюдать за нашими действиями, когда они увидят нас, пользующихся благами правильной системы управления под защитой метрополии, не обремененных излишними налогами, и сравнят свое положение с нашим, не станут ли они завидовать нам? Конечно, станут, и многие из них, наиболее уважаемые жители, немедленно присоединятся к нам»²³.

Настойчивые требования лоялистов района р. Сент-Джон совпали с интересами метрополии. Предложенный в свое время У. Ноксом проект создания отдельной лоялистской провинции был одобрен правительством, и в августе 1784 г. решением Лондона от Новой Шотландии отделилась колониальная провинция Нью-Брансуик. Следуя классическому принципу «разделяй и властвуй», метрополия установила в новом самостоятельном колониальном образовании авторитарное правление во главе с губернатором и советом, в состав которого вошли наиболее богатые аристократические элементы. Население Нью-Брансуика насчитывало 11—14 тыс. человек²⁴.

Однако Нью-Брансуик не стал образцом идеального колониального общества, как на то рассчитывали его создатели. На берегах Сент-Джона и залива Фанди мгновенно возникли городские собрания, которые люто ненавидели американские тории, а первые выборы в колониальную ассамблею в октябре 1785 г.²⁵ прошли в такой острой политической борьбе между аристократией провинции и представителями низших слоев, что губернатору Т. Карлтону (брату Гая Карлтона) пришлось применить силу, чтобы подавить выступления недовольного большинства из числа демобилизованных и прочих бедняков.

---

²³ Winslow Papers. 1776—1825. Ed. by W. O. Raymond. Saint John. 1901, p. 188—194.

²⁴ Cowan H. J. Op. cit., p. 12.

²⁵ Избирательное право было предоставлено только белым мужчинам старше 21 года, живущим в колонии свыше 3 месяцев и владеющим свободным земельным держанием стоимостью не менее 20 ф. ст. В результате в выборах могли участвовать лишь наиболее состоятельные землевладельцы (Garner J. The Franchise and Politics in British North American. 1775—1867. Toronto, 1969, p. 54—56).

Острыми противоречиями сопровождалась и лоялистская иммиграция на о-в Принца Эдуарда, куда в 1783 г. уехало несколько сот человек. Этот остров фактически принадлежал нескольким крупным землевладельцам, заинтересованным в его заселении. Но прибывшие сюда лоялисты встретились с огромными трудностями в получении земельных пожалований, ибо хозяева земли хотели иметь в качестве держателей феодально зависимых крестьян, а не поселенцев-фригольдеров²⁶.

В Квебек лоялистская иммиграция началась после Саратоги. К концу войны число лоялистов составило здесь уже около 7 тыс. Только в 1784 г. в провинции поселилось 5628 лоялистов и демобилизованных солдат²⁷. Всего население западной части Квебека насчитывало 14 тыс. человек²⁸. Эту часть новых поселенцев составляли в основном фермеры пограничных районов Нью-Йорка, Пенсильвании, Вермонта, прибывших в Канаду в надежде получить землю. Колониальные власти запретили им селиться в восточных районах Квебека, скупив у индейцев за бесценок земли для новых поселений на западе провинции в районе Ниагары, Онтарио и верховьев р. Св. Лаврентия. Метрополия преследовала две цели, создавая отдельные лоялистские поселения на западе Квебека. С одной стороны, вокруг франкоканадского населения складывалось бы английское окружение — залог контроля и будущей ассимиляции этой общности; с другой — поселения лоялистов вдоль границы с США, по мнению колониальных властей, создавали бы надежную защиту от возможной экспансии американских соседей с юга, играли бы роль гаранта претензий Англии на земли к северо-западу от Великих озер, служили бы защитой торговых путей, важность которых возросла с утратой в ходе американской революции долины р. Огайо²⁹. Не в меньшей степени поддержка лоялистской иммиграции и поощряемое заселение пограничных районов Квебека объяснялись политическими мотивами: метрополия рассчитывала в лице лоялистского населения создать «барьер против распространения республиканизма с юга»³⁰.

Всюду в Канаде лоялисты из высших классов получили руководящие должности и доходные sinecures. Они назначались интендантами, помощниками губернаторов, главными сборщиками налогов, верховными судьями, прокурорами. Офицеры получали пенсий. Многие были включены в этот список, хотя до этого не несли никакой военной службы. При заселении новых районов эмигрантами из США колониальные власти намеренно старались

²⁶ Wallace W. S. *The United Empire Loyalists. A Chronicle of the Great Migration*. Toronto, 1920, p. 87—89.

²⁷ PACR. 1891, p. 17.

²⁸ Cowan H. J. *Op. cit.*, p. 11.

²⁹ Cowan H. J. *Op. cit.*, p. 11; Macdonald N. *Canada. 1763—1841. Emigration and Settlement. The Administration of the Imperial Land Regulation*. London, 1939, p. 55—56; *Colonists and Canadiens. 1760—1867*. Ed. by J. M. S. Careless. Toronto, 1971, p. 44.

³⁰ Harlow V. T. *Op. cit.*, p. 723.

сохранить сугубо иерархическую, полувоенную структуру лоялистских поселений. Помимо того, что размеры земельных участков очень сильно разнились в зависимости от воинских званий и рангов, правительство Квебека старалось образовывать поселения на основе воинских подразделений. Так, весной 1784 г. в первые пять тауншипов на западе Квебека был поселен целиком батальон «Ройал йоркеры» (около 1,5 тыс. человек), и таким принципом власти руководствовались в будущем, рекомендуя лоялистам придерживаться во внутренней жизни военных порядков³¹.

Практика земельных пожалований носила еще более неравноправный характер, чем это было установлено официально колониальными властями. Вместо 5 тыс. акров высшие офицерские чины получали нередко гораздо больше, а некоторым рядовым лоялистам вместо положенных 200 едва доставалось 50 акров земли. Спекулянты скупали участки у тех, кто оказывался в затрудненном положении или не желал селиться на пожалованной земле, создавая тем самым и еще более крупные поместья и перепродавая землю последующим поселенцам. Земля попадала в руки тех, кто и не думал ее обрабатывать, и оставалась незанятой на протяжении многих лет.

В официальных английских документах и некоторых исторических трудах довольно часто можно встретить описания счастливой и мирной жизни лоялистов, бежавших от революции в Канаду. На самом деле как в приморских провинциях, так и в Квебеке иммиграция лоялистов привела к возникновению новых социальных и политических проблем. Попытка создать новые поселения на феодально-олигархических, полувоенных принципах встретила с решительным противодействием со стороны основной массы переселенцев. Как бы ни были консервативны лоялисты, они не могли примириться с феодальными принципами, на основе которых власти намеревались осуществить заселение. Желая стать избранными сеньорами было вполне достаточно, охотников составить массу феодально зависимых держателей среди переселенцев из США, где уже давно существовала система свободного землевладения (фригольд), было найти не так просто.

С первых же дней существования новых поселений в колонии начинается движение за введение свободной системы землепользования, совпадавшее в данном случае со стремлением франко-канадских крестьян избавиться от феодального бремени. В лоялистских поселениях начались внутренние беспорядки, направленные также против привилегированной лоялистской верхушки, офицеров, узурпировавших власть в тауншипах. Отсутствие представительных, выборных органов власти в колонии становится также одной из причин недовольства. В ряде мест поселенцы на

³¹ PACR. 1891, p. 5; Hansen M. L., Brebner J. B. The Mingling of the Canadian and American Peoples. Toronto, 1940, v. 1, p. 59—61.

стихийных собраниях отстранили от власти магистратов — бывших офицеров — и создали выборные комитеты с целью добиться удовлетворения своих требований³². Все это в конечном итоге вылилось в движение за отмену Квебекского акта 1774 г., определявшего основы колониального режима в Канаде. В этом движении, отражавшем более общие потребности развития колонии, лоялисты нашли себе союзников и широкую поддержку среди остального населения.

В годы войны за независимость североамериканских колоний во внутренней жизни Канады произошли существенные перемены. Потребности войны дали довольно сильный толчок развитию местной торговли и стимулировали деловую активность. Интенсивное развитие получила мехоторговля на северо-западе, центром которой становится г. Монреаль. Сокращение торговых связей с южными и юго-западными районами, развитие торговли в более труднодоступных и отдаленных районах, конкуренция со стороны лондонской Компании Гудзонова залива заставляли канадских купцов объединять свои усилия и капиталы. В годы войны в Канаде впервые возникают многочисленные «пулы» для ведения пушной торговли³³. В 1783 г. на основе «пула 16-ти» была создана первая канадская меховая компания — Северо-западная.

Интересы растущей местной буржуазии столкнулись с новыми ограничениями, введенными колониальными властями в годы американской революции и после ее окончания. Колониальный режим в Квебеке стал еще более жестким и тираническим. Правившие колонией губернаторы, военные, чиновники и лендлорды с подозрением относились к коммерческой деятельности купцов и торговцев, особенно в новых пограничных районах. Колониальное правительство продолжало сохранять введенные во время войны запреты на частное судоходство по р. Св. Лаврентия и Великим озерам, что наносило большой ущерб меховой торговле с индейцами. В 1785 и 1786 гг. метрополией был наложен полный запрет на всякую торговлю морем и сушей с США³⁴.

Граница между США и Канадой, установленная Парижским миром 1783 г., также не отвечала хозяйственным интересам колонии. Довольно значительные районы между Огайо и Миссисипи, освоенные канадскими мехоторговцами, были переданы США, конечно же, без всякой консультации с индейскими племенами, проживавшими на этой территории³⁵. Объявление принципа свободной торговли в районах к западу от Великих озер сулило выгоды прежде всего крупному капиталу метрополии и более мощной

³² Burt A. L. The Old Province of Quebec. Minneapolis, 1933, p. 388.

³³ Creighton D. The Empire of the St. Lawrence. Toronto, 1956 (1-st ed.—1932), p. 68—74.

³⁴ PACR. 1904, p. 266.

³⁵ Brown G. M. The St. Lawrence in the Boundary Settlement of 1783.—CHR, 1928, v. 9, p. 233; Bemis S. F. Canada and the Peace Settlement of 1782—1783.—CHR, 1933, v. 14, p. 281.

американской торговле. В результате сразу же после войны объем канадской пушной торговли сократился на две трети³⁶. Интересы местных торговцев и предпринимателей требовали добиваться свободы торговли внутри колонии и охраны торгового капитала от внешней конкуренции. Купечество прежде всего не устраивали многочисленные ограничения, наложенные на торговлю колониальными властями. Более широкие устремления канадских торговцев простирались вплоть до установления самостоятельных связей с Испанией, Португалией, Вест-Индией и другими районами внешнего мира.

Эти интересы и легли в основу политической борьбы, которую повели канадские торговцы против Квебекского акта, за введение в колонии выборной ассамблеи.

ДВИЖЕНИЕ ЗА ОТМЕНУ КВЕБЕКСКОГО АКТА

Уже с весны 1783 г. в городах Квебеке и Монреале начали действовать комитеты по выработке петиций и плана создания в Канаде выборной ассамблеи. В колонии начались выступления против узурпации власти узкой группой людей, входивших в окружение губернатора. От купцов английского и французского происхождения на имя губернатора поступил запрос с требованием допуска к заседаниям исполнительного совета при губернаторе. В сентябре 1783 г. по инициативе торговцев была принята и направлена английскому парламенту первая после окончания войны за независимость петиция за отмену Квебекского акта и введение в колонии избираемой ассамблеи³⁷. 24 ноября 1784 г. на собрании англо- и франкоканадских торговцев была принята совместная петиция в адрес английского короля и парламента. Под документом было собрано свыше 2 тыс. подписей. Петиция требовала отмены Квебекского акта и введения «свободной конституции» в колонии, согласно которой английское и французское население округов и городов должно было бы избирать «палату представителей», или ассамблею. Этот орган должен был обладать правом облагать налогами и устанавливать торговые пошлины в провинциях. Старые французские законы землепользования, наследования поместий и т. п. могли сохранять свое действие, однако в сфере торговли и предпринимательства должно было быть введено английское коммерческое право. К петиции прилагался детально разработанный план учреждения ассамблеи в колонии³⁸.

В апреле 1785 г. королю была представлена петиция от имени лоялистов западного района провинции Квебек. Основные тре-

³⁶ Neatby H. Quebec. The Revolutionary Age. 1780—1791. Toronto, 1966, p. 218.

³⁷ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 742.

³⁸ PACR. 1890, p. 14; Constitutional Documents. 1759—1791, p. 742—746, 753—754.

бования этого документа: изменение существующей феодальной системы земельного держания, которая вызывает «всеобщее недовольство» новых поселенцев; установление английской системы пожалования и держания земли (фригольд); введение «английских законов и системы правления»³⁹.

В движении за реформы с самого начала принимало активное участие франкоканадское население, прежде всего представители нарождающейся местной буржуазии — франкоканадские торговцы, а также ремесленники и городские жители, подписи которых неизменно присутствовали в большом количестве под текстами вышеуказанных петиций. В петициях нашли отражение и требования гораздо менее активного в политическом отношении франкоканадского крестьянства, в частности требование отмены корвета — принудительных феодальных повинностей, что свидетельствовало о недовольстве среди основной массы населения колонии существующим сеньориальным строем⁴⁰.

Одновременно в колонии стали составляться в адрес властей метрополии так называемые контрпетиции в пользу сохранения Квебекского акта и против введения ассамблей в Канаде⁴¹. Эти документы, как правило, были инспирированы правящей колониальной верхушкой и франкоканадской знатью. Противники перемен объединились в так называемую «французскую партию», более точное название которой — «партия сеньоров», претендовавшую говорить от имени всей франкоканадской национальной общности. Подписи под контрпетициями, которые далеко не отражали настроения большинства населения, собирались обманым или просто насильственным путем⁴². В ряде случаев под документами не было подписей вообще или же претенциозно-откровенно было напечатано: «главные собственники страны»⁴³. Именно поэтому было бы неверно представлять разгоревшуюся в Канаде политическую борьбу как борьбу между «прогрессивным» английским меньшинством («английская партия») и «реакционным» французским большинством («французская партия»). Существовавшие в то время названия политических группировок не отражали действительного соотношения сил. Ряд авторитетных исследователей справедливо отмечает, что противостоящие друг другу силы определялись не по национальному, а скорее по классовому признаку, и справедливо заключает, что «большинство франкоканадского населения было за реформы, введение ассамблей, против существовавшего порядка»⁴⁴.

---

³⁹ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 773—777, 801—802.

⁴⁰ Ibid., p. 778; *Neatby H. Op. cit.*, p. 199; *Clark S. D. Movements of Political Protest in Canada. 1640—1840.* Toronto, 1959, p. 171.

⁴¹ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 754—758, 762—764.

⁴² *Neatby H. Op. cit.*, p. 253.

⁴³ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 962.

⁴⁴ *Colonists and Canadiens...*, p. 56; *Neatby H. Op. cit.*, p. 255.

Колониальная верхушка, фигурирующая в документах как «французская партия», «партия сеньоров», а еще точнее — «правящая партия», всячески противилась каким-либо переменам, заботилась прежде всего об укреплении существующего колониального строя. В октябре 1783 г. губернатор Ф. Хэлдименд, считавший, что «сейчас не время для инноваций», писал в Лондон: «Только возвратив канадцев к обычной системе подчинения, можно сохранить эту провинцию и сделать население полезным метрополии в роли хорошо дисциплинированного военного ополчения. Для того чтобы добиться этого, власть существующего правительства должна укрепляться, а не ослабляться». Касаясь требований отменить Квебекский акт, губернатор категорически возражал против этого шага: «Те, кто стряпает петиции и сеет вражду, имеют определенный замысел — создать систему правления, которая, напоминая республиканскую систему Соединенных Штатов, может подготовить население к объединению с ними при удобном случае в будущем»⁴⁵. Губернатор и его окружение попытались нормализовать положение отдельными уступками. В 1785 г. сменивший Хэлдименда после его отъезда в Англию губернатор Гамильтон реформировал судебную систему в духе английского права, введя, в частности, суд присяжных для дел, связанных с предпринимательством и торговлей⁴⁶.

Это были прежде всего уступки торговым элементам колонии. Но большего правящая верхушка не могла позволить даже губернатору. В 1785 г. Гамильтон сокрушенно писал в Лондон о провале из-за яростного сопротивления «правящей партии» его намерений изменить систему принудительной воинской и трудовой повинностей, которыми были обложены абитаны. Опыт «реформаторства» Гамильтона оказался кратковременным — вскоре он был смещен со своего поста. Интересно его письмо министру по делам колоний лорду Сиднею от 20 апреля 1785 г., красноречиво характеризующее взгляды Гамильтона и ситуацию в колониальной верхушке: «В этой провинции есть небольшое число лиц, считающих желательным, чтобы канадцы (имеются в виду франкоканадцы. — В. Т.) испытывали при английском правлении такие ограничения и тяготы, которые могут вызвать у них благоприятные воспоминания о жизни при французских законах и деспотическом правлении... Я отважусь заявить, что решительно ускорить недовольство канадцев английским правлением сможет идея, которую кое-кто исповедует и руководствуется ею в своих рассуждениях и действиях, а именно: военная система сама по себе и ее принципы управления могут удерживать народ этой колонии в подчинении». Необходимы срочные перемены — таков был вывод этого чиновника⁴⁷.

⁴⁵ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 736—737.

⁴⁶ PACR. 1914—1915, p. 139—147, 149—160; Constitutional Documents. 1759—1791, p. 738, 780—793.

⁴⁷ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 778—779.

Осенью 1785 г. вместо смещенного Гамильтона губернатором Квебека был назначен Г. Хоуп — ярый противник каких-либо перемен в колонии. В письме лорду Сиднею от 2 ноября 1785 г. Хоуп был вынужден признать, что движение против Квебекского акта, имевшее место в Канаде в 1774—1775 гг., снова возродилось, что «желание нововведений» распространяется по всей провинции. В то же время губернатор попытался представить это движение как результат деятельности одиночек, не поддержанных основной массой населения. «Присоединившиеся к петиции — это в основном бюргеры, лавочники Квебека и Монреаля, зависимые от английских торговцев и за редким исключением нереспектабельного происхождения. Знать, собственники земли и белое духовенство очень довольны привилегиями, дарованными парламентским актом (Квебекским. — В. Т.) и настойчиво желают его сохранения». От заблуждений, по мнению Хоупа, избавляются и рядовые священники⁴⁸. По этим причинам губернатор считал, что не следует менять существующую конституцию Канады⁴⁹.

Успокаивающие реляции губернатора в Лондон резко контрастировали с действительным положением в колонии. В тот же день, 2 ноября 1785 г., которым помечено письмо Хоупа Сиднею, в Монреале на собрании торговцев было принято новое обращение, в котором не только подтверждались все старые требования, но и еще более решительно выдвигались требования, изложенные в петициях лоялистских поселений. Аналогичный документ был принят неделю спустя и торговцами Квебека⁵⁰.

Обе эти петиции поступили в правительственные круги метрополии с солидным «подкреплением». В январе 1786 г. в Лондоне на собрании английских купцов, торгующих с Канадой, был принят меморандум в поддержку требований канадского купечества⁵¹. Лондонские купцы, исходя из своих личных интересов, писали о «жалком и плачевном положении этой провинции», резко осуждали «скверный и бестактный» Квебекский акт и требовали принятия новых законов, которые создали бы лучшие условия для колониальной торговли и гарантировали защиту частной собственности. Меморандум поддерживал требования о введении в Канаде провинциальной легислатуры или ассамблеи, «как во всех английских колониях Америки».

⁴⁸ Хоуп имел в виду верноподданническую «петицию римско-католических граждан королю» от июня 1785 г. (Constitutional Documents. 1759—1791, p. 762—764), которая на самом деле была составлена высшим духовенством и знатью. Что касается рядовых франкоканадских священников, то они, по свидетельству Хэлдименда, были целиком на стороне противников Квебекского акта и «заслуживали быть высланными из страны» (Ibid., p. 795).

⁴⁹ Ibid., p. 793—796.

⁵⁰ Ibid., p. 801—804.

⁵¹ Ibid., p. 796—801.

Столь благоприятная для канадцев позиция лондонских буржуа объяснялась, по-видимому, прежде всего тем, что находившаяся под контролем английского капитала крупная внутренняя и внешняя торговля колонии не в малой степени зависела от местной ситуации и конъюнктуры. К тому же отныне Канада рассматривалась английской буржуазией как главная опора в торговой конкуренции с Соединенными Штатами. Недаром в меморандуме содержались требования предоставить Канаде в противовес американским штатам преимущества в поставках зерна и хлеба на рыбные промыслы Ньюфаундленда, разрешить прямой ввоз в Канаду из Испании и Португалии ряда товаров, запрещенных до этого навигационными актами, поощрять развитие канадской торговли лесом и производство пеньки, снять ограничения на строительство частных судов и на навигацию по Великим озерам для облегчения торговли с индейцами.

В последующие годы движение за реформы набрало еще большую силу. В 1787 г. в связи с новой волной по сбору подписей под петициями в адрес короля и парламента в колонии возник настоящий политический кризис. Колониальный режим был, по сути дела, парализован, ибо губернатор и исполнительный совет не могли осуществлять свою самую непосредственную функцию — собирать налоги и пошлины. Поступление каких-либо доходов в колониальную казну на местные нужды фактически приостанавливалось⁵². Сложившаяся ситуация требовала от метрополии принятия каких-то более определенных действий.

В годы войны за независимость метрополия поощряла и поддерживала наиболее авторитарные, диктаторские формы правления в Канаде. Губернаторы Карлтон и Хэлдименд практически не созывали исполнительный совет — единственный коллегиальный орган управления, установленный Квебекским актом. Всеми делами заправлял узкий круг людей из крупных чиновников, духовенства и сеньоров, сгруппировавшихся вокруг губернатора. Формальные указания Лондона — более точно выполнять положения Квебекского акта и прекратить единоличное управление колонией⁵³ — губернаторами не выполнялись. Намерений вносить какие-либо изменения в существующий колониальный режим у представителей метрополии в колонии не было ни в годы войны, ни после заключения мира в 1783 г.⁵⁴ Эта позиция находила поддержку и одобрение правительства в Лондоне. Ни премьер-министр лорд Норт, ни пришедший ему на смену в декабре 1783 г. Уильям Питт-младший не собирались менять установленный в Канаде колониальный режим. Король также считал необходимым сохранять действие Квебекского акта в качестве гарантии против действия подрывных сил⁵⁵. Министр по делам коло-

⁵² *Manning H. T. Op. cit.*, p. 314.

⁵³ *Constitutional Documents. 1759—1791*, p. 704—705, 722—724.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 711—722, 735—737.

⁵⁵ *Harlow V. T. Op. cit.*, v. 2, p. 724—727.

ний лорд Сидней, получивший установку сопротивляться каким-либо переменам в колониях Северной Америки, сместил, как мы уже знаем, в августе 1785 г. губернатора Квебека Гамильтона, осуществившего в колонии ряд перемен в интересах торговых элементов.

Однако революция и сведения о недовольстве существующим положением дел в самой Канаде, общее изменение ситуации в колониальной империи требовали внесения срочных и необходимых коррективов в политику. Признание Соединенных Штатов в качестве суверенного государства изменило положение Канады в британской колониальной системе. Географические открытия на севере и западе континента, активизация мехоторговли и соперничества с Испанией, США и Россией в последние десятилетия XVIII в. повысили стратегическое значение некогда небольшого колониального владения на берегах р. Св. Лаврентия. Метрополия начинает рассматривать колонию как континентальное владение, охватывающее территорию от Атлантического до Тихоокеанского побережья. Помимо поставщика предметов первой необходимости в Вест-Индию, Канада могла стать важным торговым коридором, по которому английские промышленные товары получили бы доступ к быстро развивающимся поселениям в бассейне р. Миссисипи. Такой подход повышал значение торговых центров Квебека и Монреаля в расчетах лондонских министров и требовал проявления большего внимания к интересам торговых элементов колонии и метрополии, которые в должной мере до этого не учитывались.

Чтобы спасти остатки колониальных владений в Северной Америке от поглощения недавно созданным государством и консолидировать их как континентальную торговую и стратегическую базу метрополии, необходимо было укрепить основы колониального режима в Канаде, превратив последнюю в оплот борьбы против республиканизма. Нейтрализовать эффект американской революции, доказать несостоятельность идеи независимости и преимуществ сохранения колониальных связей на примере оставшихся на континенте владений во имя сохранения этих владений — этот момент становится одним из определяющих в колониальной политике метрополии. Существовавший до этого в Квебеке режим, основанный на союзе метрополии с французскими сеньорами и католической церковью, как показали события времен войны за независимость, не мог считаться достаточно прочным и надежным. Лоялистская иммиграция и возрастание населения английского происхождения, рост средних слоев, класса местной англоканадской буржуазии не только возродили надежды колонизаторов на ассимиляцию франкоканадского населения, но и заставили метрополию более решительно переориентироваться на английское меньшинство.

В Лондоне понимали, что назревшие необходимые перемены должны быть осуществлены сверху, не дожидаясь, когда ситуа-

ция в Канаде достигнет критического состояния. Это достаточно откровенно признал вновь назначенный генерал-губернатором Канады в 1786 г. Г. Карлтон, получивший титул лорда Дорчестерского. Приступая к привычным для себя обязанностям, он так сформулировал свое новое кредо: «Правильной для нас политикой было бы не позволять им (США.— В. Т.) что-либо выигрывать от отделения. Все уступки и привилегии, предложенные конгрессу для заключения мира, следует пересмотреть и не предоставлять слишком быстро те из них, которых также желают в настоящий момент провинции, оставшиеся в нашем подчинении. Чтобы предоставление последним каких-либо уступок имело должный эффект, их следует даровать, пока не просят, дабы казалось, что они исходят от доброй воли самого правительства. Было бы неразумным позволить застрельщикам антиправительственной пропаганды добиться этих уступок бунтами и восстанием и узурпировать у правительства благодарность и доверие народа»⁵⁶.

Хотя официальные инструкции Карлтону были выдержаны в старом духе, ему все же поручалось тщательно изучить положение в колонии и «мнение провинции насчет перемен в конституции» и доложить об этом в Лондон⁵⁷. Ситуация в колонии, видимо, была настолько серьезной, что лорд Дорчестер незамедлительно осуществил ряд частных реформ. В 1787 г. был издан указ об открытии торговли между Канадой и США по внутренним водам. Разрешался свободный ввоз в Канаду товаров, которые могли быть реэкспортированы в Англию. В 1788 г. была еще более расширена торговля между Канадой и США по суше и внутренним водам. Запрещался лишь ввоз мехов и спиртных напитков. Власти сняли также ограничения на плавание канадских судов по системе рек Св. Лаврентия — Рипшель и Великим озерам⁵⁸. В земельном вопросе Дорчестер проводил политику щедрых пожалований лоялистам, увеличив постепенно размер участков до 5 тыс. акров для высшего офицерства и до 200 акров — для гражданских лиц⁵⁹. В 1788 г. только 94 солдатам и офицерам, участвовавшим в борьбе против американских экспедиционных войск в Квебеке, было пожаловано 24 тыс. акров земли⁶⁰. Всего к этому времени в западных районах Квебека было уже пожаловано лоялистам свыше 3 млн. акров. Однако с увеличением размеров пожалований возражения лоялистов против французской системы феодального держания земли лишь усиливались. Их петиции были весьма многочисленны. С разделом в 1788 г. лоялистских поселений к западу от Монреаля на четыре самостоятельных округа власти были вынуждены ввести здесь фактически английский систему держания земли (соккедж).

⁵⁶ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 811.

⁵⁷ Ibid., p. 815—836.

⁵⁸ PACR. 1914—1915, p. 196, 203, 204, 207.

⁵⁹ Ibid., 1904, p. 278.

⁶⁰ Ibid., 1891, p. VIII—IX.

КОЛОНИАЛЬНАЯ РЕФОРМА 1791 ГОДА

Все вышеназванные акции колониальных властей не затрагивали основ политического режима и не решали главных проблем колонии. Для сбора информации и выработки рекомендаций для метрополии по вопросу об изменении конституции колонии была создана специальная комиссия при исполнительном совете. Работа комиссии и обсуждение представленных ею докладов стали лишь дополнительным толчком к обострению политической борьбы в Канаде. Членам комиссии были направлены новые многочисленные петиции от лоялистов. «Мы искренне заявляем от нашего имени и жителей Нового Освегатчи,— говорилось в одной из них,— что способны владеть пожалованной нам землей, если только она будет свободной от каких-либо сеньориальных претензий или обязанностей, за исключением фиксированной ренты»⁶¹.

В начале 1787 г. комиссия совета представила губернатору несколько докладов, содержащих самые решительные требования радикальных перемен в колонии, а именно: введения английского гражданского и судебного права, замены феодальной системы земельных пожалований английским фригольдом, введения английской системы мер и весов. «Старая феодальная система держания земли in fief and seignury ... враждебна духу свободной коммерции и вместе с существующей системой правления чрезвычайно препятствует заселению земель и развитию всей провинции»⁶²,— говорилось в докладе о торговле.

Выводы комиссии, настроения широких слоев канадского населения и некоторых представителей колониальной администрации вынудили власти Квебека более четко определить свои позиции перед метрополией. 13 июля 1787 г. Дорчестер в письме министру по делам колоний подробно изложил свою точку зрения на положение в колонии: «К несчастью, случилось так, что Квебекский акт был принят во времена, когда в условиях последнего восстания положение в колонии было слишком тревожным, чтобы можно было думать о чем-то большем, кроме как о самообороне и непосредственном сохранении колонии... За последние годы благодаря бежавшим в провинцию лоялистам английская партия обрела значительную силу ... и более чем вероятно, что стремление к ассамблее с каждым годом теперь будет лишь усиливаться...». Губернатор вынужден был признать, хотя и в очень осторожной форме, необходимость введения ассамблеи в колонии: «Но что совершенно безотлагательно, так это изменение системы держания земель, жалуемых короной. Действующие сейчас инструкции требуют, чтобы земли жаловались на основе принципа, во всех отношениях схожего с системой времен французского правления. Какие бы преимущества эта система не имела в про-

⁶¹ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 945; см. также: Ibid., p. 942—946, 949—951.

⁶² Ibid., p. 906.

Весной 1788 г. английский парламент впервые взялся за обсуждение положения в Канаде, заслушав в палате общин изложение петиции от 24 ноября 1784 г., с которой выступили представители колонии. Никаких решений на этой сессии принято не было. У. Питт под предлогом необходимости получить из Канады более полную информацию, настоял на перенесении обсуждения на следующую сессию⁶⁵. Потребовалось еще три года, в течение которых вырабатывалось и оформлялось новое колониальное устройство в Северной Америке. Анализ многочисленных официальных документов, предшествовавших принятию нового парламентского акта о Канаде, показывает, что вся политика метрополии в отношении этой колонии определялась двумя основными моментами. С одной стороны (и это было причиной, почему король и парламент обратили внимание на состояние дел там), требовалось как можно скорее покончить с усиливающимся движением протеста против существующего порядка в Канаде, пока ход событий не привел к положению, чреватому необратимыми последствиями. С другой — американская революция была столь сильным ударом по всей колониальной империи Великобритании, что, дабы не утратить ее остатки, было необходимо извлечь уроки из недавних событий и найти им надежное противоядие на будущее.

Во имя создания «второй империи» колонизаторы были готовы отказаться от кое-чего из того, что уже бесповоротно было отвергнуто революцией в Америке, а к тому времени уже и начавшейся революцией в Европе, пойдя на существенные уступки колонистам. В октябре 1789 г. министр по делам колоний лорд Гренвилл писал губернатору, что самое разумное — «пойти на эти уступки, пока они еще могут быть восприняты как благодеяние и пока мы еще в силах показать, как ими пользоваться, и контролировать их претворение в жизнь, чем ждать, когда они будут вырваны у нас силой, что не оставит нам ни свободы действий, ни каких-либо заслуг и лавров за сделанное»⁶⁶.

Эти откровенные слова содержались в письме с пометкой «лично и секретно». В тот же день адресат отправил официальное послание, где излагались основы предстоящих перемен. Учитывая характер населения колонии, различия в языке и традициях жителей французского и английского происхождения, Квебек предполагалось поделить на две автономные провинции. Высшую законодательную и исполнительную власть провинции должны были олицетворять губернатор, законодательный совет и палата ассамблей. Установление выборной низшей палаты колониального парламента будет сбалансировано предоставлением самых широких полномочий его высшей палате — законодательному совету. Его члены будут назначаться пожизненно из числа пред-

⁶⁵ *Harlow V. T. Op. cit.*, v. 2, p. 748—749.

⁶⁶ *PACR*. 1890, p. 40.

ставителей высших классов общества с пожалованием последним определенных аристократических титулов. Цель этих установлений — одновременно «придать верхней ступени законодательного органа большую значимость и вес, чем обладали подобные советы в старых колониальных правительствах, и образовать в провинциях категорию людей, приверженных существующей форме правления ввиду обладания личными или наследственными знаками отличия»⁶⁷.

Гренвилл сообщал также о намерении внести в новую конституцию пункт о резервации при пожаловании части земли в пользу короны, чтобы обеспечить последней постоянный и растущий источник доходов: «Эта мера,—отмечал он,— будь она принята при заселении старых колоний, сохранила бы их нам до сегодняшнего момента в покорности и подчинении»⁶⁸.

Следует отметить, что, прежде чем появился на свет проект парламентского акта о Канаде, в недрах министерства по делам колоний была проделана большая работа по обобщению поступающей из колонии информации. Довольно тщательно взвешивались «за» и «против» каких-либо существенных перемен в Канаде. Свидетельство тому — один из подготовительных документов, представляющий большой интерес для характеристики мотивов и намерений метрополии. Касаясь вопроса об ассамблее, автор документа достаточно глубоко подметил, что подавляющее большинство населения, в том числе франкоканадское, не будет выступать против введения в колонии выборной ассамблеи, что единственный и единственный противник этой меры — франкоканадская знать, которая «в установлении народной ассамблеи видит угрозу своим особым правам и привилегиям», особенно касающимся земельной собственности⁶⁹.

В документе отмечалось, что вес и влияние феодальной знати в колонии заметно падает. Одновременно в результате «притока английских поселенцев и быстрого развития английской торговли, партия, которая недовольна существующей формой правления, будет постоянно усиливаться, не имея в то же время возможности увеличить свой собственный вес и влияние в управлении страной». В связи с этим «и без того беспокойное положение в колонии будет лишь ухудшаться, а движение недовольства усиливаться»⁷⁰. Однако введение ассамблеи, как справедливо полагали в министерстве по делам колоний, «ведет неминуемо к разделению», и метрополия вынуждена с этим мириться, поскольку ассамблеи «случайно или по необходимости» уже существуют в других английских колониях. При введении ассамблеи в Канаде следовало лишь учесть печальный для метрополии опыт их существования в американских колониях. «Отпадение американ-

⁶⁷ PACR. 1890, p. 12; Constitutional Documents. 1759—1791, p. 988—989.

⁶⁸ PACR. 1890, p. 10; Constitutional Documents. 1759—1791, p. 970.

⁶⁹ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 973—975.

⁷⁰ Ibid., p. 972.

ских провинций,— говорилось в документе,— может быть во многом объяснено слабостью промежуточных органов власти, которые бы стали преградой как плохому управлению губернаторов, так и демократическому духу, возобладавшему в ассамблеях...» В связи с этим в Лондоне пришли к выводу об особой важности «установления в оставшихся провинциях респектабельной аристократии, которая служила бы опорой и защитой монархии». Из представителей этой колониальной аристократии должен был быть сформирован высший орган колониального парламента — законодательный совет, который вместе с губернатором стал бы гарантом против всяких «инноваций». Власть монархии и ее представителей должна быть укреплена в оставшихся колониях также за счет централизации и усиления высшей исполнительной власти в лице губернатора.

Что касается системы законов и права внутри колонии, то здесь метрополия исходила из уроков недавней революции в колониях, видя свою главную задачу в необходимости сохранить Канаду в зависимости как можно дольше и «с наибольшей пользой для Великобритании». Некоторые чиновники в Лондоне вполне резонно полагали, что единственный вопрос, который сейчас представляется решить, сводится к тому, какая форма правления лучше сможет отодвинуть отделение колонии на больший срок⁷¹. Такой формой правления, «свободной от недостатков», содержащихся в конституциях старых колоний, и «способной надежно обезопасить от роста духа республиканизма и независимости», должна была стать, по мысли колониальных чиновников, менее деспотическая и более приближающаяся к английской конституции форма правления. Эта мера, по их мнению, абсолютно неизбежна для Канады по той причине, что «соседство американских штатов ... делает невозможным, чтобы народ Канады продолжал жить под эгидой нынешней системы управления»⁷².

Составленный в духе изложенных выше принципов проект парламентского закона о Канаде был направлен У. Гренвиллом колониальным властям Квебека для ознакомления⁷³. Интересны предложения и поправки к биллю, разработанные главным судьей колонии У. Смитом, по словам которого «план Гренвилла» не обеспечивал в должной мере «общее руководство североамериканскими колониями во имя обеспечения интересов и безопасности всей Британской империи». Как считал Смит, новый законопроект создаст «надежную основу для двух обширных, заселенных и процветающих провинций, которые в недалеком будущем станут обладать большой силой... Но это процветание может стать причиной их гибели...». Парадоксальность подобного рассуждения обосновывалась так: «Я имел возможность проследить историю прошлого восстания и выявить его первопричины... Суть сводится к

⁷¹ Ibid., p. 983.

⁷² Ibid., p. 987.

⁷³ Ibid., p. 987—1002.

тому, что страна переросла свою форму правления. Американская ассамблея, тихая во времена младенчества, не могла не обнаружить в процессе своего развития и укрепления, что сама по себе являлась субстанцией власти, а губернатор и совет были лишь ее теньями в политической системе. Следовательно, с момента основания колоний Америка оказалась заражена духом демократии». Точно так же «нет смысла ожидать мудрости и умеренности» от подобных «минипарламентов» и в канадских провинциях. Исходя из этого, Смит внес поправки к биллю, предусматривающие создание единой колониальной империи в Северной Америке с сильной централизованной властью метрополии⁷⁴. Целиком эти предложения не были одобрены в Лондоне⁷⁵, однако сама идея и ряд предложений были приняты и нашли отражение в новом колониальном статусе Канады.

В феврале 1791 г. английский парламент одобрил предложенный правительством У. Питта-младшего проект закона о Канаде, который получил название Конституционного акта 1791 г.⁷⁶ Этим актом бывшая колония Квебек делилась на две провинции — Верхняя (английская) и Нижняя (французская) Канада, граница между которыми была установлена по р. Оттаве. В каждой провинции предусматривалось свое колониальное правительство — исполнительный совет во главе с губернатором, обладающим высшей законодательной, судебной и военной властью. Актом учреждались также колониальные парламенты, состоящие из законодательного совета и ассамблеи. Законодательный совет назначался губернатором пожизненно и с наследственным правом, ассамблея избиралась населением на основе имущественного ценза. Все старые законы, в том числе феодальное право в Нижней Канаде, оставались в силе так же, как и все колониальные торговые и хозяйственные ограничения. На территории Верхней Канады земля должна была отныне жаловаться на основе английского свободного держания (фригольда). В Нижней Канаде этот принцип не носил обязательного характера. За римско-католической церковью сохранилось право на сбор десятины с верующих-католиков, но все прочие привилегии, в том числе право на резервацию одной седьмой всех отныне жалуемых в обеих провинциях земель, получила англиканская церковь.

По сравнению с существовавшим ранее колониальным устройством Конституционный акт 1791 г. в определенном смысле означал уступку со стороны метрополии и представлял собой некоторый шаг вперед в развитии колонии⁷⁷. Население Канады впервые

⁷⁴ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 1018—1025.

⁷⁵ Ibid., p. 1027.

⁷⁶ Ibid., p. 1031—1051.

⁷⁷ Что касается экономического развития колонии, то, по мнению известного канадского историка Д. Крейтона, раздел Канады в 1791 г. нанес сильный удар по экономике и торговым отношениям и страна в результате «отстала на четверть века в развитии торговли на новых западных землях» (*Creighton D. Op. cit.*, p. 115).

получило право на представительный орган — ассамблею, которого оно не имело в отличие от других английских колоний Северной Америки. Как показал последующий ход событий, колониальные ассамблеи сыграли важную роль в растущем освободительном движении против метрополии и в завоевании независимости. Кроме того, сохранив феодальные отношения на значительной части территории Канады, Великобритания все же установила в колонии альтернативу в аграрных отношениях, противопоставив феодальным отношениям принцип свободного, буржуазного владения землей, который стал в будущем одной из основ развития капиталистических отношений в стране.

Но, как мы видели, уступки эти были вынужденными, и определялись в основном влиянием американской революции, приведшей к образованию рядом с Канадой независимой буржуазной республики — Соединенных Штатов Америки⁷⁸. Несомненное влияние на Великобританию оказала и Великая Французская революция, нанеся сильный удар по феодализму в Европе⁷⁹. Напомним, что в момент выработки и принятия конституционного акта в английском парламенте шли знаменитые дебаты между сторонниками и противниками Франции в лице известнейших политических деятелей того времени — Э. Берка и У. Фокса.

И все же решающую роль в этом процессе сыграли требования широких слоев колониального населения, демократическое движение за реформы, против существующего колониального режима.

Известное влияние оказал и такой момент, как иммиграция и поселение в Канаде американских лоялистов. Однако вопрос о влиянии лоялистского фактора требует уточнения. Мы не склонны придавать этому фактору исключительное значение, как это делают некоторые исследователи⁸⁰. В лоялистской иммиграции проявился, на наш взгляд, двойственный характер последствий американской революции. Выступая первоначально за некоторую демократизацию колониального режима, именно американские лоялисты, удовлетворившись сделанными метрополией уступками, составили впоследствии основу консервативных, наиболее шовинистически и верноподданнически настроенных сил в стране. Как справедливо отмечал канадский историк С. Б. Райерсон, лоялистская иммиграция в силу своего характера привела как бы «к переливанию в Канаду консерватизма и к укреплению колониальной бюрократии»⁸¹. Зародившаяся в те годы и тщательно

⁷⁸ Этот фактор был отмечен советским историком Н. А. Ерофеевым в дискуссии на XI Международном конгрессе исторических наук. См.: *Actes du Congrès*, p. 203.

⁷⁹ См.: *Татарикова К. Н. Очерки по истории Англии. 1640—1815 гг.* М., 1958, с. 371—374.

⁸⁰ Мэннинг, например, считает, что только благодаря лоялистам был принят акт 1791 г. См.: *Manning H. T. Op. cit.*, p. 39—40.

⁸¹ *Райерсон С. Б. Основание Канады. Канада с древнейших времен до 1815 г.* М., 1963, с. 243.

культивируемая на протяжении многих десятилетий⁸², «лоялистская традиция» в Канаде была по своей природе действительно консервативной, так как прежде всего провозглашала лояльность в отношении установленных институтов, святость закона и существующего порядка⁸³. Влияние этих факторов сильно затрудняло в будущем развитие в Канаде демократического, освободительного движения.

Что касается основ колониального режима, то он был сохранен метрополией в неприкосновенности. Были устранены лишь наиболее откровенные его пороки. Под видимостью демократических учреждений реальная власть метрополии в колонии была не только сохранена, но и отчасти упрочена. Предоставление привилегий англиканской церкви, уступки торгово-промышленным элементам, насаждение и поддержка аристократических сил и институтов расширили и укрепили опору колониального режима в Канаде. Более гибкая и осторожная колониальная политика, с учетом горького прошлого опыта, стала, таким образом, лишь дополнительным орудием метрополии. Не в этом ли одно из объяснений столь трудного и сложного процесса становления канадской независимости?

В целом Конституционный акт 1791 г. не решил ни одного из серьезных противоречий в колониальной Канаде. Он лишь усугубил старые и создал новые. Одним из таких противоречий остался франкоканадский национальный вопрос. Американская революция и последовавшие за ней события в колониальном Квебеке внесли ряд новых моментов в существо этого вопроса. Лоялистская иммиграция повысила удельный вес английского населения в Канаде с 4 до 14%, но общее соотношение английских и французских элементов оставалось прежним: франкоканадцы составляли подавляющее большинство. Однако их роль в хозяйственной и политической жизни колонии оставалась ничтожной. Торговля и другие сферы деловой активности были уделом английского меньшинства. Так, создав Северо-западную компанию, монреальское купечество английского происхождения установило свою монополию на важнейшую отрасль колониальной экономики — мехоторговлю. В 1789 г. на долю франкоканадских мелких торговцев — трапперов приходилось лишь около 15% мехоторговли с индейцами⁸⁴. Об относительном упадке предпринимательской деятельности франкоканадцев за первые три десятилетия английского господства свидетельствует и тот факт, что в 1790 г. из проживавших в столице колонии — Квебеке — 37 крупных

---

⁸² С 1825 по 1970 г. о лоялистах было опубликовано 232 книги и 324 статьи (см.: *Fellows J.-A. The Loyalist Myth in Canada.*— CHAR, 1971, p. 94—111).

⁸³ *Bell D. The Loyalist Tradition in Canada.*— JCS, 1970, v. 5, N 2, p. 22—23

⁸⁴ *Colonists and Canadiens...*, p. 54—55.

купцов и деловых людей только 4 были французского происхождения⁸⁵.

В колониальном правительстве (исполнительном совете) Квебека англоканадцы превосходили в несколько раз число представителей от франкоканадской общности. Причем последние были представлены престарелыми сеньорами, утратившими всякое влияние. Лишь в 1778 г. в совет попал первый и единственный представитель нарождающейся франкоканадской буржуазии — квебекский купец Ф. Бэби⁸⁶.

В рассматриваемый период отношение колониальных властей к франкоканадцам претерпело существенные метаморфозы. До революции в Америке, по крайней мере в публичной форме и в официальной переписке, английские колониальные чиновники имели обыкновение расточать комплименты в адрес завоеванных «новых подданных». Так, первый губернатор Квебека Дж. Мюррей называл франкоканадцев «самой храброй и лучшей расой на Земле... наиболее преданным и полезным типом людей в американской империи»⁸⁷. Однако поведение основной массы жителей Квебека в годы войны Англии с восставшими колониями и отмеченные выше перемены внутри колонии после окончания американской революции породили совсем другие настроения. Один из бывших поборников политики терпимости в отношении франкоканадцев, главный судья провинции Хэй, возвратившись в Канаду, писал в отчаянии лорду-канцлеру: «К несчастью, каждый день приносит слишком много примеров этому (нежеланию франкоканадцев поддерживать метрополию.— В. Т.) и приводит меня к мысли, что подлинный характер канадцев совсем не такой, каким я обычно представлял себе и вашей светлости при каждом удобном случае... Время и события показали, что они были покорными только потому, что боялись вести себя по-иному, и когда этот страх исчез (с отводом войск), прошло и все их доброе расположение, о котором мы столько говорили и полагали, что оно будет вечным»⁸⁸. Губернатор Г. Карлтон также не замедлил уведомить Лондон о своих старых заблуждениях: «Что касается моего мнения о канадцах, то я думаю, что, пока мы процветаем, нам нечего их бояться, так же как и не может быть на них никакой надежды, если мы окажемся в какой-либо беде»⁸⁹.

Следует отметить, что на отношении колониальных властей к канадцам французского происхождения, видимо, сказался и общий рост антифранцузских настроений в среде английского господствующего класса, особенно с началом революции во Франции

⁸⁵ Brunet M. La conquête anglaise et le déchéance de la bourgeoisie canadienne. 1760—1793.— *Amérique française*, 1955, v. 12, N 2, p. 56.

⁸⁶ Arthur M. E. French-Canadian Participation in the Government of Canada. 1775—1785.— *CHR*, 1951, v. 32, N 4, p. 303—304.

⁸⁷ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 231.

⁸⁸ Ibid., p. 668.

⁸⁹ Ibid., p. 675.

в 1789 г. Эти настроения распространились и на колонии, причем не только на Канаду⁹⁰.

Приток новых поселенцев-лоялистов и упрочившиеся позиции английских торговых элементов в провинции возродили с новой силой ассимиляторские тенденции в английской колониальной политике в Канаде и шовинистические настроения среди английского меньшинства, которые несколько ослабили в преддверии и в ходе американской революции. Лоялисты и монреальские торговцы, ратовавшие за перемены в колониальном режиме, зачастую мыслили процесс демократизации колониальных порядков односторонне и отождествляли его с процессом превращения колонии в чисто английскую провинцию, избавленную от всего французского. Так, один из лидеров сторонников реформ в Канаде, член исполнительного совета при губернаторе Х. Финли, настойчиво выступал за превращение всей Канады в англоязычную колонию. «Пусть все школьные учителя будут английского происхождения, если этим удалось бы превратить канадцев (имеются в виду франкоканадцы. — В. Т.) в англичан», — писал Финли в 1784 г. С его точки зрения, «наибольшие усилия» сделали бы франкоканадцев англичанами, и чем «скорее они избавятся от ненужных пристрастий (если таковые останутся), тем лучше это будет для Канады как английской колонии, где мы все должны быть англичанами по своему духу»⁹¹.

Ассимиляторская позиция была распространена в самых высших инстанциях и наложила свой явный отпечаток на политику метрополии. Тот же Х. Финли, излагая требования канадских петиционеров, в письме своему личному другу Нипину, заместителю министра по делам колоний, сформулировал целую программу ассимиляции франкоканадцев, по его мнению, неспособных и неготовых к тому, чтобы иметь выборные институты и участвовать в управлении делами колонии: «Мы должны превратить народ полностью в англичан. Это должно быть сделано путем введения обязательного английского языка, бесплатных школ и судопроизводства в колонии только на английском языке»⁹².

Это послание было получено Нипином в момент его работы над поручением Гренвилла — составлением проекта Конституционного акта. Есть ли необходимость говорить, какие результаты могла дать подобная информация?

Конституционный акт 1791 г., пожалуй, лишь в одном делал уступку франкоканадскому населению: предоставил право выбирать своих представителей в провинциальную ассамблею. Но предоставленное право было, в сущности, химерой, ибо не давало никакой реальной власти. Первые же выборы и назначения в Нижней Канаде после вступления в силу новой конституции привели к тому, что франкоканадцы, составлявшие 14/15 населения,

⁹⁰ Manning H. T. Op. cit., p. 317.

⁹¹ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 739—753.

⁹² Ibid., p. 961.

имели 4 представителей из 9 в исполнительном совете, 7 из 16 — в законодательном совете и три четверти мест в ассамблее. Таким образом, лишь в ассамблее представители населения французского происхождения имели большинство. Но над ассамблеей были органы власти, ей никак не подчинявшиеся и диктовавшие свою волю. Большинство в этих высших неизбираемых органах и верхушку колониальной администрации составляли лица английского происхождения. Представительная власть на деле оказалась простым обманом⁹³.

На первый взгляд, разделение Квебека на две провинции казалось уступкой франкоканадскому большинству. Старания англоканадских шовинистов не допустить раздела не были поддержаны в Лондоне. Но это совсем не означало отказа метрополии от политики англоизирования Канады, а лишь свидетельствовало о намерении проводить его более гибко. В самом деле, раздел Канады обеспечивал метрополии сразу двойную выгоду: с одной стороны, путем создания отдельной провинции Верхняя Канада консолидировалась консервативная сила в лице лоялистов, с другой — обеспечивалась изоляция французской части Канады в общей системе Британской Северной Америки⁹⁴.

Раздел Канады на две самостоятельные части отрицательно сказался впоследствии на освободительном движении против метрополии, так как политическое развитие двух провинций пошло обособленно. Так, из-за раскола демократических сил в значительной степени потерпело поражение одно из крупнейших антиколониальных выступлений в канадской истории — восстание 1837—1838 гг.

Изолировав французскую Канаду и сохранив там в неприкосновенности старую систему феодального подчинения и гнета, метрополия не удовлетворила главных чаяний большинства франкоканадского крестьянства. Реальная власть в провинции осталась в руках англичан, которую они лишь частично делили с представителями верхушки франкоканадского общества — сеньорами и католическим духовенством. Сохранив формально французские право и законы, Конституционный акт 1791 г. не обеспечил никаких гарантий их соблюдения. К тому же сохранение исторически отживших феодальных норм права само по себе уже было реакционным шагом, выгодным прежде всего сеньорам и духовенству католической церкви. Все судопроизводство и уп-

⁹³ *Vaugeois D.* L'union des deux Canadas. Nouvelle conquête? 1791—1840. Trois-Rivières, 1962, p. 15—27.

⁹⁴ Во время дискуссии на XI Международном конгрессе исторических наук канадский историк Д. Ротни справедливо отметил, что акт 1791 г. не имел целью «даровать франкоканадцам свое собственное государство», а, скорее, решал задачу создания отдельного английского политического образования для «лоялистов единой империи». Этот раздел был отражением сугубо проанглийской идеи сократить территорию, на которой могли оставаться в силе французские институты и законы. См.: *Actes du Congrès*, p. 203.

правление колонией осуществлялось на английском языке. В Конституционном акте не было сказано ни слова о праве франкоканадцев на свой язык.

Будучи по своему духу и содержанию мерой противоречивой, паллиативной, акт 1791 г. отражал достаточно последовательно один из принципов английской колониальной политики в Канаде — интегрирование крупной переселенческой колониальной общности европейского происхождения в британскую колониальную систему. В целях обеспечения лояльности подданных метрополия в зависимости от обстоятельств пыталась соединить политику уступок франкоканадскому населению с политикой его неизбежного англизирования.

Как справедливо отметил крупный специалист по истории английской колониальной политики английский профессор В. Харлоу, «еще в 1774 г. ...лорд Норт выражал надежду превратить провинцию в сугубо английскую... и уже 17 лет спустя, когда рядом с французским стало селиться растущее английское население, Питт и Грэнвилл, наверняка, желали, чтобы этот процесс был ускорен»⁹⁵. С этим мнением совпадает и заключение известного канадского историка Дж. Крэйга: «Как Питт, так и Фокс были согласны, что главной целью законодательной реформы должно быть англизирование франкоканадцев»⁹⁶.

В англоязычной историографии колониалистского толка встречается и иная оценка акта 1791 г. — как добровольного «дара» канадским провинциям управления по «модели» английской конституции, якобы «наилучшей формы управления», которую тогда знали творцы колониальной политики⁹⁷. Приведенные нами выше документальные данные показывают беспочвенность подобных заключений.

Ассимиляторская политика колонизаторов и установления Конституционного акта 1791 г. не оправдали себя. Политическая борьба 80-х годов XVIII в. в колонии, революционные события в Америке и Европе укрепили франкоканадское национальное движение, подъем которого начинается сразу же после 1791 г. Что касается английской части Канады (провинция Верхняя Канада), то здесь метрополии удалось лишь на время задержать рост демократических, освободительных сил, которые уже в первое десятилетие XIX в. заявили о себе открыто.

⁹⁵ Harlow V. T. Op. cit., v. 2, p. 773.

⁹⁶ Craig G. M. Upper Canada: The Formative Years. 1784—1841. Toronto, 1963, p. 17.

⁹⁷ Graham G. S. Op. cit., p. 104; Manning H. T. Op. cit., p. 333.

Глава четвертая

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА КАНАДУ

В зарубежной историографии довольно распространенной является точка зрения, будто Канаду обошли стороной революционные влияния в мире и крупнейшие буржуазные революции нового времени, американская и Великая Французская, привели только «к реакции вместо реформ»¹, будто канадцам вообще чужды революционные и освободительные традиции, а к образованию самостоятельного государства они пришли не революционным, а эволюционным путем². В частности, в канадской исторической литературе долгое время преобладало мнение, что во время революции во Франции в Канаде имели место лишь мелкие беспорядки и население оставалось лояльным в отношении английского колониального режима³. Однако новейшие исследования показали, что в Британской Северной Америке, прежде всего в провинции Нижняя Канада, имело место настоящее «народное движение поддержки Французской революции», что эта революция вызвала осуждение лишь со стороны «колониального истеблишмента»⁴.

Серьезный вклад в изучение этого вопроса за последнее время внесли франкоканадские историки⁵. В сентябре 1969 г. в Монреале состоялся специальный симпозиум по проблеме «Канада и атлантическая революция (конец XVIII — начало XIX в.)». Материалы этого симпозиума были опубликованы во французском журнале «Исторические анналы Французской революции»⁶. Од-

¹ *Brebner J. B.* North Atlantic Triangle. New Haven, 1946, p. 67.

² *Leach R.* Canada in Perspective.— *Current History*, Philadelphia, 1974, v. 66, N 392, p. 145—149.

³ *Christie R.* A History of the Late Province of Lower Canada. Quebec, 1848, v. 1, p. 171—172; *Flenley R.* The French Revolution and French Canada.— In: *Essays in Canadian History*. Ed. by R. Flenley. Toronto, 1939.

⁴ *Colonists and Canadiens. 1760—1867*. Ed. by J. M. S. Careless. Toronto, 1971, p. 64.

⁵ См., например: *Wallot J.-P.* Intrigues françaises et américaines au Canada. Montréal, 1965; *Galarneau C.* La France devant l'opinion canadienne. 1760—1815. Québec—Paris, 1970; *Roy R.* Résistance indépendantiste. 1793—1798. Montréal, 1973.

⁶ *Le Canada à l'époque de la «Révolution atlantique» (Fin XVIIIe — début XIXe siècle)*.— *AHRF*, 1973, N 213 (3), p. 321—480.

пако несмотря на проделанную исследователями большую работу, в канадской литературе продолжают бытовать взгляды, согласиться с которыми довольно трудно. Так, в книге известного франкоканадского сепаратиста М. Ру, посвященной анализу квебекского вопроса, мы встречаем следующее положение: «Французская революция, произошедшая вскоре после английского завоевания Канады, в идейном отношении способствовала изоляции квебекской культуры от французской и от всей остальной западной цивилизации. Сложились два взгляда на Францию: хорошую Францию до 1789 г. и Францию плохую, послереволюционную»⁷. Подобные рассуждения характерны для отличающейся крайним национализмом так называемой монреальской школы франкоканадских историков, которым свойственны идеализация периода французского колониального господства в Канаде и «изоляционистский» подход к трактовке истории французской Канады после английского завоевания.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИДЕЙ ПРОСВЕЩЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ КАНАДЕ

Выделение территории, где проживало французское население, в отдельную провинцию и предоставление последней права иметь выборный институт — ассамблею в качестве нижней палаты колониального парламента было лишь видимостью уступок в интересах франкоканадской национальной общности. Основы деспотического колониального режима в Канаде, а вместе с ними и внутренние социальные и национальные проблемы и противоречия остались неизменными. Вся реальная хозяйственная и политическая власть в колонии осталась в руках метрополии в лице английских торговцев, чиновников, военных, действовавших в союзе с местными феодалами и церковью. Все это создавало объективные предпосылки для франкоканадского освободительного движения, направленного против метрополии, местной колониальной верхушки и национальной дискриминации.

Долину р. Св. Лаврентия к этому времени уже населяло около 150 тыс. франкоканадцев и 10 тыс. жителей английского происхождения. Некоторый прогресс колониальной экономики и торговли, особенно в годы войны за независимость, привел к тому, что в Квебеке, помимо основной массы крестьян-абитанов и хиреющего класса сеньоров, окрепла средняя прослойка франкоканадского населения. Это были мелкие торговцы, предприниматели, местная интеллигенция в лице адвокатов, врачей, учителей, мелких служащих. Франкоканадская «образованная элита»⁸, как назвал ее канадский историк У. Мортон, гораздо

⁷ Rioux M. *Quebec in Question*. Toronto, 1974, p. 36.

⁸ Morton W. L. *The Kingdom of Canada*. Toronto, 1969, p. 186.

в большей степени была способна на самостоятельные и активные политические действия по сравнению с крестьянской массой, подспудное недовольство которой феодальной эксплуатацией, английским колониальным режимом послужило необходимой основой для рождающегося национально-освободительного движения.

В годы, предшествовавшие революции во Франции, в Квебеке произошли важные перемены в идеологической атмосфере колониального общества. Хотя подавляющую массу жителей составляли феодально зависимые абитаны, а колониальное правительство и католическая церковь всячески препятствовали распространению образования среди народа, здесь довольно велико было число грамотных поселенцев. В каждом из 136 приходов французской Канады около 24—30 человек умели читать и писать, что составляло в целом около 4 тыс. человек, т. е. около 5% населения провинции старше 6 лет⁹. Для того времени это был значительный процент даже в сравнении со странами Западной Европы: в Англии, например, в 1790 г. на 8 млн. населения насчитывалось всего 80 тыс. грамотных.

Несмотря на колониальный режим и церковную реакцию, в Канаде до 1789 г. вышло несколькими изданиями около 20 тыс. экземпляров катехизиса, 14 тыс. экземпляров печатного алфавита. Все это было отпечатано в колониальных типографиях, первые из которых возникли в городе Квебеке в 1764 г. и городе Монреале в 1776 г. Кроме того, подобные издания ввозились в колонию из-за границы. Библиография канадских изданий за период с 1784 по 1810 г. насчитывает 597 названий, в основном на французском языке, из них 277 составляют книги и брошюры¹⁰. Довольно внушительно по тем временам выглядит и список периодических изданий. Начиная с 1764 г. в колонии постоянно выходили «*La gazett de Квебек*» и «*La gazett de Монреаль*», а еще несколько газет нерегулярно. Все это позволяет сделать вывод, что в конце XVIII в. по распространению грамотности среди населения французская Канада находилась примерно на одном уровне с Западной Европой.

Задолго до начала Французской революции в Канаду проникли идеи французских энциклопедистов, крупнейших мыслителей эпохи Просвещения. С 1767 г. в колонии уже имеются работы Вольтера и других известных писателей Франции XVIII в. С идеями и взглядами Вольтера знакомила своих читателей «*La gazett de Квебек*», несмотря на трудности, с которыми сталкивались ее издатели¹¹. Специальные исследования канадских историков М. Труделя и С. Мариона показали, сколь широко был

⁹ *Groulx L.* L'enseignement français au Canada. Montréal, 1931, t. 1, p. 51; *Le Canada à l'époque de la «Révolution atlantique»*, p. 409.

¹⁰ *Le Canada à l'époque de la «Révolution atlantique»*, p. 410—411.

¹¹ *Marion S.* Le voltairianisme et «*La Gazette de Québec*». — *Le Canada Français*, 1939, v. 26, N 6, p. 566—582.

известен Вольтер в Канаде, хотя связи колонии с ее бывшей метрополией — Францией — были весьма ограничены¹².

Основная масса работ французских просветителей поступала через Англию и составляла добрую часть книжных собраний колоний. В основанной губернатором Хэлдимином библиотеке насчитывалось 2400 томов, из которых половину составляли французские авторы. Среди названий мы встречаем «Энциклопедию» Д'Аламбера и Дидро, полные собрания сочинений Гельвеция, Монтескье, Вольтера, Руссо¹³. Подобная библиотека к 1789 г. существовала и в Монреале. Влияние этих собраний на распространение новых идей среди канадцев было достаточно велико. В частности, взгляды будущего лидера франкоканадского национально-освободительного движения Луи-Жозефа Папино во многом формировались под влиянием чтения книг в библиотеке Хэлдимида, когда Папино был студентом квебекской семинарии. С идеями французских просветителей познакомился в монреальской библиотеке пламенный поборник революционной Франции молодой Анри Мезье.

В годы войны за независимость североамериканских колоний франкоканадцем Флери Меспле была основана в 1778 г. в Монреале оппозиционная колониальным властям «Газетт де коммерс э литерер», на страницах которой публиковались сочувственные делу американских патриотов материалы, а также развернулась дискуссия о вольтерьянских идеях. Со страниц газеты раздавались открытые обвинения в адрес существующих в колонии законов и администрации. Все это вынудило губернатора Хэлдимида арестовать Ф. Меспле и его коллегу В. Жотара и закрыть газету. Лишь спустя несколько лет, в 1785 г. опальные журналисты основали новое периодическое издание, также отличавшееся свободолобивым духом¹⁴.

В 1791 г. в Труа-Ривьере группой оппозиционных журналистов был напечатан памфлет «Северная Бастилия, или Три угнетаемых британца», на содержание которого сильное влияние оказал вольтеровский «Трактат о веротерпимости».

Таким образом, известия о революции во Франции поступили в Канаду в условиях складывания предпосылок для начала национально-освободительного движения франкоканадцев. Эти предпосылки вызревали на протяжении трех десятилетий — со времени английского завоевания Канады, и требовался какой-то толчок, чтобы это движение началось.

Первые два года после начала Французской революции были ознаменованы в Канаде завершением довольно длительного перио-

¹² *Trudel M.* L'influence de Voltaire au Canada. Montréal, 1945, t. 1; *Marion S.* Les lettres canadiennes d'autrefois. Ottawa, 1944, t. 4.

¹³ *Drolet A.* Les bibliothèques canadiennes 1604—1960. Montréal, 1965; *Hare J.* Sur les imprimés et la diffusion des idées.— AHRF, 1973, N 213, p. 413.

¹⁴ *Hare J.* Op. cit., p. 414.

да политической борьбы и принятием Конституционного акта 1791 г. Иллюзии и ожидания, связанные с этим шагом метрополии, на некоторое время, видимо, замедлили реакцию канадцев на эту революцию. Но замедлили лишь до тех пор, пока не убедились, что новое устройство колонии ничего не изменило в положении ее жителей.

28 декабря 1791 г. в столице Британской Северной Америки Квебеке состоялись торжества по случаю вступления в силу Конституционного акта, на которых англо- и франкоканадцы дружно провозглашали такие тосты: «За революцию во Франции и подлинную свободу во всем мире!», «За отмену феодальной системы!», «Пусть отомрут навсегда различия между старыми и новыми подданными, а будет существовать вечно лишь имя подданного Канады!». Особенно бурные аплодисменты вызвал тост: «За конституцию и пусть исчезнет вражда между нашими гражданами, а вместе с ней различия и предрассудки, и страна станет счастливой и процветающей!»¹⁵.

Радостное настроение в Нижней Канаде в те дни вполне оправданно — франкоканадцы впервые получили право выбирать провинциальную ассамблею. Но между тем, что даровала метрополия и за что провозглашали тосты канадские поселенцы, была существенная разница. Новая канадская конституция оставила в неизменном виде систему феодального землевладения в Квебеке, а здесь звучит тост за ее отмену! Главной целью акта было укрепить связи и зависимость колонии от английской монархии, усилить аристократические и консервативные основы колониального режима, а канадцы пьют за Французскую революцию! Метрополия делала ставку на ограничение и изоляцию франкоканадской общины с перспективой ее неизбежной ассимиляции, поселенцы же призывали к уничтожению национальных предрассудков между двумя общинами и к возвышению титула канадского гражданина, мечтали о коммерческом процветании колонии! В этих тостах фактически содержалась основная программа канадского освободительного движения, которое только начало набирать силу.

Создание ассамблеи позволило канадским поселенцам повести более организованную борьбу с метрополией и колониальной верхушкой. С первых же дней существования законодательная ассамблея стала ареной острых столкновений между большинством депутатов французского происхождения, оппозиционных колониальному режиму, и английским меньшинством, выражавшим, как правило, интересы властей. Со временем ассамблеи колониальных провинций становятся главными органами демократической оппозиции и антиколониальных сил. На радикализацию провинциального парламента повлиял и тот факт, что в каждый новый состав избиратели проводили все больше представителей

¹⁵ *Wade M. The French Canadians. Toronto, 1968, v. 1, p. 94.*

средних и низших социальных слоев и все меньше представителей элиты — сеньоров и крупных торговцев. Об этом свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица 1

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ДЕПУТАТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ НИЖНЕЙ КАНАДЫ ПЕРВЫХ ТРЕХ СОЗЫВОВ *

	1792—1796 гг.		1796—1800 гг.		1801—1805 гг.	
	Число	%	Число	%	Число	%
Торговцы	30	58	26	49	19	36
Лица свободных профессий:	9	17	13	24	15	28
адвокаты	6		6		11	
нотариусы	2		4		3	
землемеры	1		3		1	
Земледельцы и ремесленники	3	5	5	9	6	11
Сеньоры	9	17	2	3	3	5
Чиновники	0	—	3	5	2	3
Неустановленные лица	0	—	4	7	7	13

Всего

51

53

52

* *Ouellet F. Le Bas-Canada. 1791—1840. Changements structuraux et crise. Ottawa, 1976, p.75.*

Особенно наглядно видно, как теряли свое политическое влияние крупные торговцы, обычно английского происхождения, а также франкоканадские сеньоры и как усиливалось представительство средних мелкобуржуазных слоев франкоканадского населения.

Политическая борьба в провинциальном парламенте началась на первой же сессии по вопросу о спикере палаты и об официальном языке парламентских заседаний и документов. Депутаты франкоканадцы настояли на избрании спикером судьи из Квебека Жан-Антуана Пане и на введении двуязычия в ассамблее ¹⁶. В первом же своем выступлении Пане объявил от имени большинства, что как сама ассамблея, так и ее депутаты должны обладать «привилегиями и свободами» наподобие палаты общин в метрополии, в том числе неприкосновенностью депутатов ¹⁷.

Отвергая аргументы депутатов-англоканадцев в пользу установления единственного языка дебатов — языка метрополии, избранный в ассамблею известный франкоканадский журналист Пьер Бедар остроумно заметил: «Если завоеванные всегда долж-

¹⁶ *Christie R. Op. cit., v. 1, p. 127—134.*

¹⁷ *Documents Relating to the Constitutional History of Canada. 1791—1818. Ed. by A. Shortt, A. G. Doughty. Ottawa, 1918 (далее — Constitutional Documents. 1791—1818), p. 162.*

ны говорить на языке завоевателей, тогда почему бы англичанам не говорить на языке норманнов?». ¹⁸ И хотя формально английский язык продолжал еще почти 50 лет оставаться единственным официальным языком в Нижней Канаде, решение депутатов ассамблеи было важным событием в политической жизни колонии.

Созданная колониальная ассамблея сразу же стала средоточием оппозиции колониальному режиму, официальным органом, где открыто осуждали существующий порядок и выражали симпатии революционным идеям. Многие из депутатов были людьми образованными, знакомыми с передовыми идеями и неплохо информированными о ходе революции во Франции. Именно их настроения и взгляды позволили лидеру проправительственной группировки в ассамблее Ричардсону написать в феврале 1793 г. в Лондон следующее: «Я боюсь, что среди французов (имеются в виду франкоканадцы.— В. Т.) существует две партии: одна, относящаяся с неприязнью к новой конституции и выступающая против ее претворения в жизнь, и другая, более опасная, поскольку заражена отвратительными принципами, господствующими в настоящее время во Франции» ¹⁹. В этом отношении характерен также призыв губернатора провинции Р. Прескотта «не созывать легислатуру в установленный срок, так как сторонники беспорядка и измены лелеют большие надежды превратить ассамблею в средство достижения своих целей» ²⁰.

Однако политическая борьба в парламенте носила в какой-то мере ограниченный характер и в целом не выходила за рамки лояльности короне. Под нажимом губернатора ассамблея приняла резолюции, осуждавшие казнь короля во Франции и объявление Францией войны Англии ²¹. Но недовольство колониальным режимом приобрело уже столь широкие масштабы, что политическая борьба вышла за стены местного парламента. Важную роль в этом сыграла революционная пропаганда французов в Канаде и те непосредственные контакты, которые стали устанавливаться между революционно настроенными канадцами и представителями республиканской Франции.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРОПАГАНДА ФРАНЦУЗОВ

В 1792 г. в Нижней Канаде было составлено обращение на имя консула Французской республики в Нью-Йорке. «Граждане,— говорилось в письме поселенцев,— ...день за днем английские тираны, под чьим игом стонут канадцы, делают это иго все не-

¹⁸ *Wade M.* The French Canadians, v. 1, p. 95.

¹⁹ *Statutes, Treaties and Documents of the Canadian Constitution. 1713—1929.* Ed. by W. P. M. Kennedy. Toronto — London, 1930 (далее — *Statutes...*), p. 212—214.

²⁰ Цит. по: *Ouellet F.* Le Bas-Canada. 1791—1840. *Changements structuraux et crise.* Ottawa, 1976, p. 74.

²¹ *Christie R.* Op. cit., v. 1, p. 138—139.

выносимее. Канадцы хотят разорвать эти узы, и все, что им требуется, это доброе слово и небольшая помощь от республиканской Франции. На каждого угнетателя в Канаде приходится 300 угнетаемых. Первые делают все, чтобы подорвать нашу силу... Но их старания напрасны. Наше самое сокровенное желание — видеть, что Франция думает о нас. Как только это будет доказано присутствием хотя бы небольшого числа французских войск, к ним присоединятся все жители, и они направят удар против жалких и беспомощных англичан, которые держат в своих руках этот богатый край, потому что Франция до сих пор не пыталась отвоевать его»²².

Авторы документа явно надеялись, что обострившиеся с момента революции отношения Франции и Англии, а также революционные амбиции республики приведут к каким-то действиям французов против Англии и в Северной Америке. Эти надежды были ненапряженными. В апреле 1793 г. в США прибыл первый посол Французской республики Эдмон Жене. К моменту отъезда посла из Франции уже стала реальной перспектива войны Франции с Англией и Испанией, и одной из главных целей дипломатии Конвента было всемерное ослабление позиций этих держав, в том числе и в Северной Америке, где Франция рассчитывала на союз с США. Вот почему вместе с поручением «стремиться к распространению принципов Французской революции в Луизиане, Кентукки и в других граничащих с Соединенными Штатами провинциях» инструкции предписывали Жене тайно заверить американский конгресс, что Франция в случае войны с Англией и при желании США захватить Канаду и Новую Шотландию пошлет «мощный флот к их берегам и сухопутные силы, командиры которых будут иметь приказы действовать совместно с американскими войсками»²³.

Э. Жене прибыл в Соединенные Штаты, когда война между Францией и Англией уже началась. Не считаясь с дипломатическим этикетом, 30-летний республиканец поставил своей целью распространять в Канаде «благородные чувства независимости» и «побудить своих бывших братьев сбросить постыдное иго англичан». Французским консулам в Нью-Йорке и Бостоне он настоятельно рекомендовал внедрять среди канадцев «движение за независимость». «Лучшим средством для этого, — писал Жене, — было бы направить им обращение и печатный материал, ставящий своей целью зажечь их сердца святой верой в свободу»²⁴.

В целях революционной пропаганды в Канаде французские дипломаты охотно устанавливали контакты с республикански настроенными жителями колонии, которые становились их дове-

²² Brunet M. Les Canadiens et la France révolutionnaire.— RHAf, 1960, v. XIII, p. 474—475.

²³ Wade M. Quebec and the French Revolution: The Mission of Henri Meziere.— CHR, 1950, v. 31, N 4, p. 346.

²⁴ Ibid., p. 347.

ренными агентами и непосредственными исполнителями. Раньше других связь с Женеве установил молодой франкоканадец Анри Мезье — сын крупного монреальского нотариуса и адвоката, воспитанный на трудах Руссо, Мабли, Монтескье и других просветителей. Он в числе первых провозглашал революционные тосты в 1791 г. Затем 20-летний юноша бежал в Филадельфию, чтобы не без помощи французского посла добраться до Франции и принять участие в революции. По просьбе Женевы канадец подготовил пространный доклад о «настоящем положении в Канаде и политических настроениях ее жителей».

Хотя Мезье был слишком смел в своих выводах, но все же в этом документе содержались важные сведения и реальная оценка ситуации в колонии. А. Мезье указывал, что военные позиции и авторитет англичан в Канаде ничтожны и что канадцы не желают защищать английского короля и «готовы сбросить его тирана». Недовольство крестьян-поселенцев вызывают притеснения со стороны чиновников, военных и сеньоров, бремя принудительных работ — «корве», засилье на всех должностях англичан и многие другие факторы. Все это делает «восстание вполне возможным». В докладе отвергались измышления о невежестве франкоканадцев, их «неприспособленности» к свободе. По словам А. Мезье, городское население Нижней Канады имеет и читает труды французских философов, французские газеты, знакомо с Декларацией прав человека и другими документами Французской революции. Несмотря на запрет колониальных властей, в провинции обсуждается положение дел во Франции, население повсеместно презирает священников и сеньоров. А. Мезье так обобщил настроения во французской Канаде: «Я осмелюсь заявить, что Французская революция наэлектризовала канадцев и в деле их просвещения по части естественных прав сделала за год больше, чем это сделало бы за 100 лет простое чтение... Я клянусь, что канадцы любят французов, что смерть тирана Капета 21 января 1793 г. вызвала неодобрение лишь у правительства и священников, которые боятся, как бы гильотина не пришла в Канаду. Я заявляю, что канадцы не сделают ни одного выстрела против французов, которые придут, чтобы предложить им свободу. Более того, своим мужеством и борьбой они покажут себя достойными этой свободы...»²⁵

Летом 1793 г. Женеве совместно с Мезье составил текст обращения «Свободные французы — братьям в Канаде». Этот интересный документ был типичен для революционной пропаганды французов в то время. Обращение звучало страстно и убежденно, несло в себе большую взрывную силу. В памфлете Лондон обвинялся в том, что предоставил Канаде не более чем «подобие конституции», да и то только из страха, как бы канадцы не последовали примеру Франции и Америки и не «создали правительст-

²⁵ *Roy R. Op. cit.*, p. 41.

во, основанное на неотъемлемых правах человека». «Это — ваша страна. Она должна стать независимой, — говорилось в памфлете. — Благоприятный час настал, восстание — вот ваш священный долг». В обращении перечислялись выгоды, которые сулила канадцам независимость: Канада будет свободным и независимым государством и союзником Франции и США, канадцы сами будут выбирать свое правительство, будут уничтожены все феодальные повинности, ликвидированы привилегированные компании, наследственные титулы, церковная десятина, восторжествует свобода вероисповедания, в приходах и городах будут созданы школы, появятся типографии и институты, где можно будет повышать знания.

«Порвите с правительством, которое перерождается с каждым днем и превратилось в самого злейшего врага свободы народов!.. Канадцы, беритесь сами за оружие, зовите на помощь индейцев. Рассчитывайте на поддержку своих соседей и французов!»²⁶ — призывал памфлет Жене.

Распространение обращения французский посол возложил на людей, подобных Мезье. Последний был направлен в Канаду в качестве «представителя французской нации». В багаже канадца помимо нескольких сот экземпляров обращения находились памфлет Т. Пейна «Права человека», изданный на английском и французском языках, тексты революционных песен и другие печатные издания республиканского характера. Кстати, колониальные власти Канады через своих агентов были неплохо осведомлены о действиях французских дипломатов. 9 сентября 1793 г. командир форта Онтарио сообщил властям Верхней Канады, что на пути в Канаду находится некто Мезье, направленный послом Жене с целью «формирования вооруженных отрядов среди канадских французов»²⁷. Эта информация сразу же была передана губернатору Нижней Канады. Той же осенью 1793 г. Жене попытался организовать морскую экспедицию в целях освобождения Канады от английского господства.

Бурная деятельность посла Французской республики явно вышла за рамки дипломатического протокола. Действия французов-республиканцев в США при сохраняющейся еще со времен войны за независимость напряженности на американо-канадской границе грозили перерасти в серьезный англо-американский конфликт и поставить под угрозу нейтралитет США в войне Англии с Францией. Все это привело к отрицательной оценке поведения Жене со стороны американских властей и заставило государственного секретаря США Т. Джефферсона сообщить об этом в Париж. Через день после получения послания от 11 ок-

²⁶ Полный текст см.: *Kingsford W. History of Canada. Toronto, 1894, p. 387—389.*

²⁷ *Public Archives of Canada's Report (далее — PACR), 1891. Ottawa, 1892, Note D, 57.*

тября 1793 г. Конвент дезавуировал действия Жене в США и принял решение о его отзыве. В феврале 1794 г. место Жене занял Фоше — человек более осторожный и спокойный. Но посеянные его предшественником семена уже дали свои первые всходы.

Под влиянием революционной пропаганды французов ситуация в Канаде осенью 1793 г. стала столь тревожной, что вынудила колониальные власти принять чрезвычайные меры.

Генерал-губернатор лорд Дорчестер специальными прокламациями от 25 мая 1792 г. и от 26 ноября 1793 г. запретил в провинции обсуждение положения во Франции и происходивших в мире политических событий²⁸. Тогда же под давлением властей ассамблея Нижней Канады одобрила так называемый акт об иностранцах. Закон предусматривал арест всех, кто занимался «подрывной деятельностью» против колониального правительства²⁹. Однако эти меры не поставили заслон растущему недовольству колонистов и антиправительственной агитации. В феврале 1794 г. генерал-губернатор писал в Лондон, что опасается «в результате распространения по стране подрывных бумаг образования двух лагерей — аристократии и демократии»³⁰.

Поводом для массовых антиколониальных выступлений послужили меры властей по мобилизации населения в военное ополчение в связи с угрозой войны с Соединенными Штатами. Губернатором был принят новый закон об ополчении, фактически вводивший всеобщую обязательную воинскую повинность. В мае 1794 г. 2 тыс. поселенцев, подлежащих набору, отказались подчиниться приказу Дорчестера. В окрестностях Карлсбурга и Бопорта 300 вооруженных канадцев взяли под свой контроль окружающую местность и не позволили осуществить набор ополченцев. Аналогичные события произошли в окрестностях Монреаля, Квебека и Труа-Ривьера. Всего в волнениях весной 1794 г. участвовало около 2 тыс. человек³¹.

Одной из главных причин недовольства народных масс были тяготы сеньориального строя, усиливающаяся феодальная эксплуатация со стороны сеньоров, особенно английского происхождения. 6 июня 1794 г. один из видных деятелей колониальной администрации в Нижней Канаде, Монк, писал в Лондон: «По мере роста населения и цен на землю сеньоры, как английские, так и французские, почти все без исключения, увеличили взимаемые ренту и платежи. Крестьяне жалуются, что с момента завоевания сеньоры самолично устанавливают условия пожалования земли. Во многих районах провинции рента и платежи цензитариев намного превосходят нормы, на которых крестьяне держали землю в 1711 г. Сейчас эти платежи больше в два-три

²⁸ PACR. 1921, app. B, p. 13—14, 23—24.

²⁹ Christie R. Op. cit., v. 1, p. 149—150.

³⁰ PACR. 1921, app. B, p. 28.

³¹ Roy R. Op. cit., p. 107—123.

раза... Установленные сеньорами размеры ренты и платежей, лежащие в основе крестьянских недовольств, враги правления е. в-ва в колонии используют для подрыва лояльности подданных е. в-ва и для подталкивания их к революции!». Далее Монк предлагал ограничить эксплуатацию крестьян со стороны сеньоров, дабы «выбить почву из-под ног тех, кто ведет среди канадцев агитацию против метрополии»³².

В 1795 г. в колонии, и без того далекой от процветания, разразился экономический кризис, вызванный прежде всего неурожаем и спадом торговли. Нехватка зерна грозила голодом и разорением массе мелких земледельцев — абитанам. Попытка властей временно запретить вывоз зерна из Нижней Канады³³ не могла поправить бедственное положение населения. Недовольство колониальным режимом, многочисленными феодальными поборами и повинностями стало повсеместным. В адрес ассамблеи поступали многочисленные петиции, в том числе от горожан Квебека, требовавшие отмены феодальных повинностей³⁴. Однако вместо послабления колониальные власти приняли так называемый «дорожный закон» о принудительном труде поселенцев по ремонту и строительству дорог³⁵. Эта мера вызвала новую волну открытых выступлений во многих районах провинции.

Следует отметить, что к этому времени вновь активизировали свою деятельность в Северной Америке эмиссары республиканской Франции. Прибывший в США на смену Фоше новый французский посол Адэ попытался претворить в жизнь план Жене о революции в Канаде. Он сочинил новое обращение к франко-канадцам, которое различными путями переправлялось в Канаду и распространялось среди населения³⁶. В пограничных районах и в самой колонии оживилась вербовка республиканцами новых сторонников Франции. Некто Барнар дал показания главному судье провинции, что его несколько раз во время пребывания в США и в Монреале пытались завербовать на свою сторону «те, кто поставил своей целью свершение революции в Нижней Канаде»³⁷. Член ассамблеи Д. Блэк дал показания о своих встречах с Д. Маклейном, прибывшим, по его словам, в Канаду по поручению французского посла. Д. Маклейн сообщил депутату, что прибыл в Канаду с целью «вышвырнуть англичан из Америки», «сделать канадцев свободными и независимыми». Он просил Д. Блэка принять участие в подготовке революции в Канаде³⁸.

³² Constitutional Documents. 1791—1818, p. 118—120.

³³ Public Archives of Canada (далее — PAC). Colonial Office. Acts. V. 6. Lower Canada. 1792—1795, p. 58.

³⁴ Christie R. Op. cit., v. 1, p. 166—169.

³⁵ PAC. Colonial Office. Acts. V. 6. Lower Canada. 1792—1795, p. 60.

³⁶ Roy R. Op. cit., p. 174—175.

³⁷ PACR. 1891, p. 64—65.

³⁸ Ibid., p. 68.

Тревожные известия власти получали и из пограничных с США районов. По данным осведомителей, некто Дюмилье купил около границы с Канадой участок земли в половину квадратной мили и возвел там строение «на случай каких-либо действий». Сообщалось также, будто в прилегающей к границе местности уже 10—15 тыс. человек имеют оружие и могут выступить в поддержку канадцев³⁹. Генеральный прокурор провинции Сьюэлл известил губернатора Нижней Канады Прескотта, что 12 сентября 1796 г. на границу с Канадой якобы прибыл генерал Французской республики Дюмилье с группой французских офицеров, но переправиться на территорию Канады им не удалось. Были лишь посланы в Монреаль два канадца «с бумагами, письмами и инструкциями, содержащими призывы к восстанию». Уже через два дня посланцы провели в окрестностях Монреаля собрание, где обсуждались «наилучшие пути свершения революции в провинции». На этом же собрании, по словам Сьюэлла, было решено организовать выступление против «дорожного закона»⁴⁰.

Сведения агентов властей о численности вооруженных сторонников революции на американо-канадской границе, вероятно, были несколько преувеличенными. Однако следует отметить, что действия французских агентов оказались созвучны настроениям и нашли поддержку среди части населения северных американских штатов, граничащих с Канадой. В основе этих устремлений лежали экономические интересы. Многие земельные спекулянты Нью-Йорка и Вермонта, а также торговцы, чья деятельность была связана с водным путем по системе Великих озер и р. Св. Лаврентия, с воодушевлением смотрели на земельные богатства и коммерческие возможности северного соседа. Отсюда стремление уничтожить английское господство в Канаде, что влекло за собой рост антианглийских и профранцузских настроений. Естественно, что действия французских послов в отношении Канады нашли многочисленных сторонников в таких штатах, как Вермонт. М. Уэйд отмечал, что «оживленные торговые связи между соседними районами принесли в долину Св. Лаврентия вместе с вермонтским лесом, поташем, зерном и провиантом пропаганду Просвещения и века Разума»⁴¹.

Сколь серьезны были планы экспансионистских элементов в отношении Канады, говорит хотя бы история с вермонтцем Айрой Алленом⁴², младшим братом известного участника войны за независимость Этана Аллена. А. Аллен начал свою карьеру с земельных спекуляций, затем занялся торговлей лесом в бассейне оз. Шамплейн. Самым удобным и естественным выходом к морю

³⁹ Ibid., p. 60—61, 65—66.

⁴⁰ Ibid., p. 73—74.

⁴¹ Wade M. The French Canadians, v. 1, p. 231.

⁴² Подробнее см.: Wilbur J. B. Ira Allen. Boston, 1928, v. 1—2; Webster T. S. Ira Allen in Paris. 1800. Planning a Canadian Revolution.—CHAR, 1963, p. 75—80.

отсюда был водный путь по р. Св. Лаврентия, т. е. через Канаду. Вот почему А. Аллен, как и многие деловые люди Вермонта, выступил против союза с американскими штатами и мечтал о создании свободного объединения — своеобразной «североамериканской Швейцарии» с включением туда Канады. Однако в 1791 г. Вермонт вошел в состав США, и это поставило под угрозу финансовую катастрофы бизнес таких людей, как Аллен, ибо обширные необрабатываемые земельные владения вермонтских спекулянтов теперь попали в сферу действия повышенных федеральных налогов. Это и побудило энергичного вермонтца и его единомышленников приложить все силы к свержению английского режима в Канаде, возлагая надежды на союз Вермонта и освобожденной колонии.

В 1795 г. А. Аллен уехал в Европу с целью приобрести оружие, которое помогло бы установить новую республику в Северной Америке. Прибыв в мае 1796 г. во Францию, он вел переговоры с главой Директории генералом Гарно. Вполне очевидно, что деятели Директории положительно отнеслись к идее революции в Канаде, ибо выработанный Алленом и Гарно план предусматривал одновременное нападение на Канаду летом 1797 г. отрядов из Вермонта и военной экспедиции Франции через устье р. Св. Лаврентия. Действующая с территории США сеть агентов должна была подготовить встречное выступление франкоканадского населения⁴³.

Под видом снабжения ополчения Вермонта А. Аллен приобрел во Франции 20 тыс. мушкетов и несколько пушек и с этим грузом отбыл в Канаду на судне «Оливковая ветвь». Корабль был захвачен англичанами в Атлантике в декабре 1796 г., и известие об этом еще более накалило обстановку в колонии⁴⁴.

Новая волна антиколониальных выступлений в Канаде, начавшаяся в 1796 г., была результатом действия как внутренних, так и внешних факторов. Причем, как ни старались представители колониальных властей изобразить действия французских агентов единственной причиной волнений в Канаде, налицо было всеобщее недовольство режимом и наличие симпатий большинства населения к революционным идеям и агитации. Сообщая в Лондон о действиях французских агентов в колонии, губернатор Нижней Канады Прескотт особо отмечал, что прокламации Адэ очень часто замечали в руках канадцев, но ни одну из них не удалось заполучить, так как поселенцы не выдавали их представителям власти. Это обстоятельство, писал губернатор, «очень ясно показывает подлинное настроение народа»⁴⁵.

⁴³ Correspondence of the French Ministers to the United States. 1791—1797. Ed. by Fr. Turnee. Washington, 1904, v. 2, 1052—1054; *Wilbur J. B.* Op. cit., v. 2, p. 191—197.

⁴⁴ О дальнейшей судьбе А. Аллена, его попытках осуществить свои замыслы после переворота Наполеона Бонапарта, отношении Наполеона и Талейрана к этим планам см.: *Webster T. S.* Op. cit., p. 76—80.

⁴⁵ PACR. 1891, p. 67.

Открытые волнения начались в сентябре 1796 г. в районе Монреалья, где жители отказались выполнять работы по «дорожному закону». Попытка констеблей, арестовав зачинщиков, силой заставить население подчиниться, кончилась тем, что толпа горожан в Монреале освободила арестованных, а представители властей едва унесли ноги. После этого в разные концы провинции направились курьеры с призывом к жителям собраться 11 октября в Монреале на общий митинг против «дорожного закона». В этот день, действительно, на Марсовом поле в Монреале собралась большая толпа выразить протест против действий властей. Солдаты не решились применить оружие, но аресты зачинщиков продолжались, что сопровождалось вооруженными столкновениями. В конце октября губернатор направил в район Монреалья два дополнительных воинских подразделения, но добиться подчинения населения властям так и не удалось ⁴⁶.

С 9 октября открытые выступления охватили и столичный округ Квебек, где на собрании жителей в Сент-Рош вспыхнул настоящий бунт и поселенцы изгнали местных магистратов. В Пойнт-Леви властям удалось назначить от населения округа 9 надзирателей, но народ силой заставил этих людей отказаться от несения правительственной службы. Судебные приставы были отправлены назад, арестованные освобождены, и жители заявили, что «имеют 300 вооруженных человек, чтобы защищать свои требования» ⁴⁷.

24 октября Прескотт сообщил в Лондон, что «дух неподчинения законам проявил себя недавно в различных частях провинции, особенно в г. Монреале и его окрестностях, где дело дошло до актов открыто подрывного характера». Губернатор признал, что главным поводом волнений послужило принятие властями «дорожного закона», но эти выступления происходят при прямом подстрекательстве французского посла в США Адэ и его эмиссаров, «проложивших свой путь в колонию ... и встречающих полное расположение со стороны низших слоев народа». В этом же письме Р. Прескотт отмечал, что явное удовлетворение многих жителей колонии вызвало появление у берегов Канады французской эскадры и что это «наверняка стимулировало совершение беззаконий в Монреале» ⁴⁸.

После временного паралича английские власти перешли к репрессиям против антиправительственных элементов, стараясь силой и устрашением остановить массовое движение против колониального порядка. Губернаторскими приказами было объявлено о высылке из Канады в 20-дневный срок всех французских подданных, прибывших в колонию после 1 мая 1794 г. ⁴⁹

---

⁴⁶ Roy R. Op. cit., p. 185—196

⁴⁷ PACR. 1891, p. 74—75.

⁴⁸ Ibid., p. 57—58.

⁴⁹ Ibid., p. 60.

Открывая 24 января 1797 г. заседания ассамблей, губернатор Прескотт в своем обращении заявил, что в интересах каждого вести борьбу «против предательских попыток разрушить наше внутреннее спокойствие». «Хорошо известно,— продолжал он,— что вдобавок к обычным военным действиям эмиссары Франции внедрили повсюду и, распространяя среди народа иллюзорные обещания, стремятся нарушить спокойствие существующего строя. Попытки такого рода недавно были предприняты и в этой провинции»⁵⁰.

Однако ассамблея Нижней Канады отказалась возобновить действие акта об иностранцах, продемонстрировав тем самым, по словам губернатора, «минимум расположения к принятию каких-либо мер по укреплению правительства»⁵¹. В мае 1797 г. в колонии было введено чрезвычайное законодательство, фактически объявившее военное положение. Лица, обвинявшиеся в государственной измене, могли заключаться в тюрьму без всякого суда и следствия⁵². На основе этого законодательства в провинции были арестованы и осуждены несколько десятков наиболее активных участников выступлений. 21 июля 1797 г. был повешен в Квебеке один из эмиссаров французского посла, американский торговец Дэвид Маклейн, арестованный в колонии во время вербовки сторонников антиколониальной революции.

Для борьбы с народными волнениями колониальные власти использовали союз с римско-католическим духовенством. Ряды этого духовенства отчасти пополнились французскими священниками-эмигрантами, бежавшими от революции в своей стране. Последние немало потрудились, чтобы создать среди прихожан самое превратное представление о событиях во Франции⁵³. Опасаясь утратить свои позиции в колонии в результате проникновения новых веяний, католическая церковь в Канаде стала еще более преданной английской метрополии. В 1793 г. епископ Квебека Уберт объявил, что революция окончательно порвала все связи с Францией, а «поразительное возбуждение, которое революция вызвала в умах народов, делает еще более настоятельным тесное объединение империи и духовенства...»⁵⁴.

Чрезвычайными мерами англичанам удалось предотвратить дальнейшее нарастание антиколониального движения в Канаде. Однако положение в колонии оставалось критическим на протяжении всего 1797 г.

---

⁵⁰ *Christie R. Op. cit.*, v. 1, p. 178.

⁵¹ PACR. 1891, p. 67.

⁵² *Constitutional Documents. 1791—1818*, p. 215—216.

⁵³ См.: *Hutt M. G. Abbé P. J. L. Desjardins and the Scheme for the Settlement of French Priests in Canada. 1792—1802.*—CHR, 1958, v. 39, N 2, p. 93—124.

⁵⁴ *Wade M. The French-canadians*, v. 1, p. 239.

Глава пятая

СКЛАДЫВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК АНТИКОЛОНИАЛЬНОЙ, БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ИММИГРАЦИЯ И ОБОСТРЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО ВОПРОСА В КОЛОНИЯХ

С начала XIX в. Британская Северная Америка стала для Англии важнейшим средством закрепления позиций мировой державы и опорой в борьбе против США на Американском континенте. «Географическое положение британских владений в Канаде,— писал главный торговый инспектор колониальной администрации Дж. Буше,— представляет собой мощную преграду Соединенным Штатам и дает Англии гарантию против их торгового, морского и политического влияния. Давайте на минуту представим, что канадские провинции вошли в состав обширной американской конфедерации... Насколько, согласно такому предположению, усилится мощь Соединенных Штатов, ровно настолько будут ослаблены морское могущество и ресурсы Великобритании, и она станет очевидцем того, что изрядная часть Америки будет в руках соперничающей нации, сила которой в борьбе с Англией за морское и промышленное преобладание возрастет»¹.

Естественно, что в такой ситуации метрополия стремилась как можно быстрее колонизовать территорию провинций. Население Канады в период английского колониального господства росло очень быстро. К моменту британского завоевания в колонии проживало 63 тыс. человек. Согласно данным переписи населения, в Квебеке к моменту его раздела на две провинции в 1791 г. насчитывалось 161 311 человек. В 1831 г. только в Нижней Канаде было уже 553 134 жителя. Еще быстрее росло население Верхней Канады: в 1790 г. здесь проживало около 25 тыс. человек, а в 1836 г.— 374 099. Население провинций Британской Северной Америки, включая приморские провинции Новая Шотландия и Нью-Брансуик, в 1836 г. составляло свыше 1 млн. человек².

¹ *Bouchette J.* The British Dominions in North America. London, 1832, v. 2, p. 244.

² *Census of Canada. 1665 to 1871.* Ottawa, 1876, v. 4, p. 106, 120.

НА БОРТУ ИММИГРАНТСКОГО СУДНА

Важнейшим источником роста населения в колонии становится интенсивная иммиграция с Британских островов, которая особенно возросла с 20-х годов XIX в.³ В те годы после 7—9-недельного трудного пути в Канаду прибывали тысячи обездоленных, бедных людей, жаждущих обрести землю, работу и новую жизнь. Представляет интерес письмо от 13 июня 1831 г., которое получил из Монреаля редактор американской газеты «Найлс уикли реджистер»: «В нашем порту царят сейчас такие невообразимые сутолока и суматоха, каких в этом месте никогда ранее не видели. В течение последних 24 часов на трех пароходах прибыло из

³ Подробнее см.: *Ерофеев Н. А.* Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825—1850 гг. М., 1962, с. 134—157.

метрополии в порт не менее 1800 поселенцев. Эти люди, со своими большими сундуками, коробками, бочонками с толокном и патокой и т. п., представляют очень нелепое зрелище. И когда смотришь на эти бедные существа (среди которых очень много маленьких детей), палимые солнцем, не находящие, где бы укрыть свою голову и не имеющие средств, чтобы заплатить за ночлег, сердце разрывается на части... Сотни людей расположились на берегу, спят ночью на земле до тех пор, пока им не удастся отправиться в Верхнюю Канаду и в другие места либо найти работу здесь»⁴.

Однако далеко не все переселенцы были бедняками. Источники сообщают, что «среди них находились и богатые фермеры, и купцы-торговцы с большим капиталом»⁵. По крайней мере, некоторые переселенцы имели с собой сумму денег, достаточную, чтобы купить землю, дом и инвентарь. Для канадской прессы тех лет обычными являлись следующие сообщения: «Мы с радостью узнали, что очень большая часть эмигрантов этого года привезла с собой значительную собственность в виде звонкой монеты и векселей»⁶. 26 августа 1834 г. газета монреальских торговцев писала: «Многие иммигранты привезли с собой всевозможные орудия труда, а также прекрасные образцы английской породы крупного рогатого скота и овец»⁷.

Согласно данным английских историков, численность иммигрантов в Британскую Северную Америку только на протяжении 23 лет, с 1815 по 1837 г., составила 437 164 человека⁸.

Этот мощный поток переселенцев из метрополии дополнялся иммигрантами из США. Первым крупным переселением из Соединенных Штатов в Канаду стала лоялистская эмиграция времен американской войны за независимость. В первой половине XIX в., особенно после окончания войны 1812—1814 гг., в Канаду устремилась новая волна эмигрантов из США. Среди переселенцев с Юга были иногда люди с солидным капиталом. Чаще же это были мелкие торговцы, врачи, школьные учителя, юристы, миссионеры, но основную массу составляли фермеры, которых, по меткому выражению историка, «больше интересовала хорошая земля, чем флаг, который над ней развевался»⁹. Число переселенцев из США в период английского колониального господства ежегодно составляло примерно несколько сот.

В целом же общее число иммигрантов в Канаду в первой трети XIX в. было весьма значительным. Этим людям суждено было

⁴ Nile's Weekly Register, 1831, jun. 25, v. 40, p. 295.

⁵ Stuart C. The Emigrant's Guide to Upper Canada. London, 1820, p. 343.

⁶ Select Documents in Canadian Economic History. 1783—1885. Ed. by H. A. Innis, A. R. M. Lower. Toronto, 1933, p. 117.

⁷ Ibid., p. 118.

⁸ Carrier N. H., Jeffery J. R. External Migration. A Study of Available Statistics. 1815—1940. London, 1953, p. 95—96.

⁹ Craig G. M. The United States and Canada. Cambridge, 1968, p. 104.

ПЕРВОПОСЕЛЕНЦЫ

своим трудом освоить огромные территории, двинуть вперед экономику Канады, способствовать слому старых, отживших форм ведения хозяйства, расширить внутренний рынок страны и рынок наемного труда — иначе говоря, содействовать развитию капитализма в Канаде и становлению ее государственной самостоятельности.

Какова же была политика метрополии и правящей колониальной верхушки в вопросе о заселении, как осуществлялся доступ поселенцев к земле и ее действительное использование? Объявив земли своих владений «свободными», английская корона стала обладательницей огромного земельного фонда в Канаде. Следует отметить, что довольно большая часть этих земель была отобрана или приобретена обманным путем у местных индейцев. Так, в 1792 г. племя миссискуа в обмен на обещание ежегодной выплаты 1180 ф. ст. уступило английским чиновникам около 3 млн. акров земли в Верхней Канаде. В 1805 г. за 10 шилл. они отдали «часть графства Йорк» — 250 850 акров земли!¹⁰.

Английские власти не только сохранили в неприкосновенности феодальную собственность на землю, но даже проявили определенную приверженность к сеньориальной системе, которая рассматривалась метрополией, прежде всего колониальной верхушкой общества, как источник получения доходов и прочного социального положения.

Каково было точное число «новых сеньоров», т. е. лиц, получивших феодальные поместья уже после завоевания, установить довольно сложно¹¹. Однако имеются довольно интересные свидетельства на этот счет. Одним из них можно считать цитируемое уже письмо Монка от 6 июня 1794 г. в Лондон, который писал: «...после завоевания в 1759 г. и заключения мира в 1763 г. старые подданные с. в-ва (имеются в виду жители английского происхождения. — В. Т.) купили и до сих пор продолжают покупать многие из феодальных поместий и в результате имеют сейчас в своих руках большое количество земли»¹². Общее же количество земли в Канаде, державшейся на феодальной сеньориальной основе в период английского господства, было внушительным, поскольку большинство старых сеньоров не покинули страну и сохранили свои поместья. В Нижней Канаде под феодальной системой держания накануне восстания 1837 г. находилось около 12 млн. арпанов¹³, или 10 млн. акров земли. Из этого количества 6,8 млн. арпанов непосредственно обрабатывались мелкими держателями — абитанами. Остальная земля, т. е. 5,2 млн. арпанов, принадлежащая тому или иному сеньору, как правило, не обрабатывалась¹⁴.

¹⁰ Nile's Weekly Register, 1819, jun. 26, v. 16, p. 297.

¹¹ Современный канадский географ Д. Путнам отмечает, что с 1760 по 1824 г. в Квебеке было пожаловано лишь 8 новых феодальных поместий. (Путнам Д. и др. Канада. Географический район. Пер. с англ. М., 1955, с. 170)...

¹² Documents Relating to the Constitutional History of Canada. 1791—1818. Ed. by A. Shortt and A. G. Doughty. Ottawa, 1918 (далее — Constitutional Documents. 1791—1818), p. 118.

¹³ 1 арпан (старая французская мера длины и площади) — около 57,5 м, или 0,84 акра.

¹⁴ Bouchette J. The British Dominions in North America. London, 1832, v. 1, p. 183.

В одном из ранних статистических описаний британских колоний за 1839 г. приводятся следующие данные (в арпанах) о положении с землей внутри сеньорий и ленов Нижней Канады (см. табл. 2).

О том, что феодальная система земельного держания оставалась господствующей в провинции Нижняя Канада, говорит и тот факт, что в сеньориях в 1831 г. проживало свыше 385 тыс. человек, т. е. подавляющее большинство населения провинции¹⁵.

Что касается введенной Конституционным актом 1791 г. системы соккеджа, то она распространялась в основном на территорию Верхней Канады и на те земли Нижней Канады, которые

Таблица 2

Округ	Общая площадь земель	Площадь земли под арендой	Площадь необрабатываемых земель
Квебек	6 181 740	2 204 278	3 977 462
Труа-Ривьер	1 444 863	505 364	939 499
Монреаль	3 380 537	2 425 400	955 137
Всего	11 007 140	5 135 042	5 872 098

* *Martin R. M. Statistics of the Colonies of the British Empire. London, 1839, App. 3, p. 55.*

еще не были заняты под феодальные поместья. Пожалование на принципе соккеджа вообще не накладывало никаких обязательств на держателя, кроме «преданности королю и подчинения законам»¹⁶. Теоретически признавался принцип, что земля должна поступать в распоряжение колонистов бесплатно или же за какую-то определенную плату (оплата расходов по межеванию земли и по оформлению документов на право владения). Средний размер участка предусматривался в 200 акров, а после 1814 г. — в 100 акров главе семьи плюс по 50 акров на каждого ее члена. С этой целью все доступные общинные земли в Канаде были размежеваны и поделены на тауншипы (township) — крупные массивы размером 9 на 12 миль, которые в свою очередь делились на мелкие участки — наделы (lot) — по 100 акров каждый. Прежде всего на этих землях и должны были селиться колонисты. Но на практике английское правительство и местные власти не придерживались даже в малой степени вышеупомянутого принципа заселения земли. Губернаторы провинций имели практически не-

¹⁵ *Martin R. M. History, Statistics and Geography of Upper and Lower Canada, 2-nd ed. London, 1838, p. 209.*

¹⁶ *Bouchette J. The British Dominions..., v. 1, p. 375.*

ограниченную власть над землей и право делать бесплатные дарения (free grant) тем, кому они пожелают¹⁷.

Естественно, при таком положении в Канаде не могли не процветать коррупция и злоупотребления, ибо сама система позволяла губернатору и местным властям распоряжаться землей по своему усмотрению, руководствуясь не только политическими интересами, но и интересами своего кармана. Автор «Доклада о состоянии дел в Британской Северной Америке» лорд Дарэм писал в 1838 г. английской королеве: «Везде царит поразительная расточительность. Такая, что почти во всех провинциях и почти в каждом районе правительством отчуждается гораздо больше земли, чем позволяют средства, имеющиеся в распоряжении тех, кто ее получает, чтобы поднять и обработать. И все же во всех провинциях до последнего времени, а в некоторых и по сегодняшний день очень трудно, а то и вообще невозможно получить участок общественной земли людям, не имеющим какого-либо влияния... Мне очень жаль, но я вынужден добавить, что в распределении общественных земель имеет место явный фаворитизм»¹⁸.

Система щедрых бесплатных дарений особенно возросла, когда в Канаду устремилась волна лоялистской эмиграции. Британское правительство охотно дарило многочисленным перебежчикам участки земли. Только в Верхней Канаде им было пожаловано 3,2 млн. акров. Другая значительная часть пожалований досталась английским офицерам, солдатам и членам канадской милиции. Их власти также рассматривали как свою верную опору. В той же Верхней Канаде члены отрядов милиции получили бесплатно 730 тыс. акров земли, а в Нижней Канаде — 450 тыс. Офицерам и солдатам было пожаловано около 300 тыс. акров земли¹⁹.

Наиболее щедро земля раздавалась лицам из правительственных кругов, определяющим внутреннюю жизнь колонии. Бесплатные дарения представителям местной правящей верхушки составляли в среднем от 5 тыс. до 20 тыс. акров. Причем это были наилучшие земли, расположенные в удобных местах, где цена на землю постоянно повышалась²⁰. В 1815 г. был опубликован список первых получателей земельных пожалований в «восточных тауншипах» Нижней Канады после английского завоевания. Он содержит около 200 записей²¹. Несложный подсчет показывает, что в общем этим лицам было пожаловано 1,2 млн. акров, т. е. в среднем по 6 тыс. акров на каждого!

¹⁷ *Riddell R. G. A Study in the Land Policy of the Colonial Office, 1763—1855.* — CHR, 1937, v. 18, p. 388.

¹⁸ *Durham J. G. L. The Report on the Affairs of British North America.* London, 1902 (далее — *Durham's Report*), p. 149.

¹⁹ *Ibid.*, p. 158.

²⁰ *Gourlay R. E. Statistical Account of Upper Canada.* London, 1822, v. 1, p. 575.

²¹ *Bouchette J. A Topographical Description of the Province of Lower Canada...* London, 1815, App. LIV — LIX.

Представители правящей колониальной верхушки, благодаря своим связям с губернатором, получали обширные участки земли под видом назначения их «лидерами» тауншипов. Эти лица формально должны были осуществлять заселение вверенной им земли колонистами, за что они сразу же получали безвозмездно по 1200 акров. Кроме того, «лидеры» получали землю за каждого поселенного фермера-пионера²². Естественно, в руках «лидера» оказывался изрядный земельный куш, даже если он и не думал выполнять возложенные на него обязательства по заселению тауншипа.

В канадской истории встречаются невероятные случаи грабежа земли. Примером может служить известная история с полковником Тэлботом, личным секретарем первого губернатора провинции Верхняя Канада Джона Симко²³. В начале века он получил пожалование в 5 тыс. акров, но вскоре добился права на владение еще 65 тыс. акров, взяв на себя обязательство по заселению этой земли колонистами. Из каждого участка в 200 акров, на которые был поделен пожалованный ему тауншип, 50 акров шло поселенцам, а 150 он забирал себе в качестве компенсации расходов по заселению. Первоначально затраты эти практически сводились к нулю. Лишь позднее, поставив дело на широкую ногу, Тэлбот самостоятельно предпринимал переселение иммигрантов из Англии на свою землю. Границы владения Тэлбота расширились еще больше, когда в 1811 г. правительство отдало под его контроль Лондонский и Западный дистрикты провинции. К 1824 г. полковник контролировал 28 тауншипов площадью 540 443 акра, а население его домена насчитывало 50 тыс. жителей! Практически это была колония в колонии, ибо власть этого земельного магната над своим владением была столь велика, что он позволял себе даже не считаться с губернатором.

Возможность для простого иммигранта получить бесплатное пожалование, да еще расположенное в удобном месте — недалеко от города или рынка, была практически исключена и полностью определялась его социальным положением. Если он прибывал с влиятельной рекомендацией к кому-либо из местных официальных лиц, он мог рассчитывать на пожалование, в противном случае его ждал отказ. Именно этот «фаворитизм» в распределении фонда общественных земель был, по справедливому замечанию историка Н. Макдональда, главным пороком земельной политики, «самой гадкой и самой скандальной страницей ранней колониальной истории и основным препятствием прогрессу, вызывающим широкое разочарование, подозрительность и недовольство»²⁴.

---

²² Bouchette J. The British Dominions..., v. 1, p. 381.

²³ Подробнее см.: Hamil F. C. Lake Erie Baron. The Story of Colonel Thomas Talbot. Toronto, 1955.

²⁴ Macdonald N. Canada. 1763—1841. Immigration and Settlement. The Administration of the Imperial Land Regulations. London, 1939, p. 515.

Очень важным моментом колониальной политики Великобритании в Канаде было резервирование земли в пользу церкви (clergy reserves). Конституционный акт 1791 г. устанавливал, что седьмая часть любого земельного пожалования в колонии подлежит резервации в пользу «протестантского духовенства», т. е. англиканской церкви, которая фактически признавалась официальной церковью Британской Северной Америки. Все доходы с этих земель в случае их заселения предназначались исключительно для поддержки англиканской церкви²⁵. Историк А. Данэм справедливо полагает, что установление этого института в Канаде объяснялось двумя основными причинами. Наиболее важная — это американская революция: после 1783 г. в Англии бытовало убеждение, что отсутствие официальной церкви явилось одной из причин распространения демократии в колониях Новой Англии и этому следовало найти противоядие. Другой важной причиной было желание нейтрализовать влиятельную римско-католическую церковь²⁶.

При размежевании общинных земель седьмая часть всех участков в каждом тауншипе была сразу же зарезервирована в пользу церкви. Впоследствии при каждом частном пожаловании седьмая часть земли отходила в церковный резерв. Духовенство толковало этот принцип довольно свободно, и резервирование часто превышало седьмую часть²⁷.

Хотя необрабатываемая земля практически не приносила дохода, церковники не торопились ее заселять и обрабатывать, рассматривая свои наделы как выгодный объект для спекулятивной продажи в условиях, когда цена на землю постоянно росла. Вот что пишет о фонде церковных земель Дарэм: «Из пожалованных земель Верхней и Нижней Канады свыше 3 млн. акров составляют церковные земли, разделенные на участки по 200 акров каждый. Они перемежаются с обработанными и остаются, за некоторым исключением, полностью дикими по сегодняшний день. Зло, причиняемое этой системой сохранения земель за духовенством, уже очевидно, и я полагаю, что здесь восторжествует мнение о необходимости не только ликвидировать эту систему, но и безотлагательно принять какие-то меры, способные изменить существующее положение...»²⁸

Помимо системы «церковных фондов» в Канаде, согласно инструкции министра по делам колоний от 1791 г., седьмая часть всех пожалованных земель отчуждалась в пользу короны и образовывала фонд коронных земель (crown reserves). Доход с этих

²⁵ Statutes, Treaties and Documents of Canadian Constitution. 1713—1929. Ed. by W. P. M. Kennedy. Toronto — London, 1930 (далее — Statutes...), p. 201—202; Constitutional Documents. 1759—1791, p. 1044—1047.

²⁶ Dunham A. Political Unrest in Upper Canada. 1815—1836. Toronto, 1963, p. 84.

²⁷ Patterson G. C. Land Settlement in Upper Canada. 1783—1840. Toronto, 1921, p. 46.

²⁸ Durham's Report, p. 156—157.

земель должен был поступать в королевскую казну. В 30-х годах XIX в. коронные земли и церковный фонд составили внушительную цифру — около 5 млн. акров земли только в Верхней Канаде²⁹!

В результате подобной политики в Канаде в первой трети XIX в. сложилась система крупного землевладения, т. е. земля стала собственностью крупных лендлордов-латифундистов, будь то старые феодальные сеньоры долины р. Св. Лаврентия, «новые сеньоры», появившиеся после английского завоевания, «лидеры» тауншипов, англиканская церковь или сама корона. В распоряжении класса крупных землевладельцев оказалась львиная доля лучшей канадской земли. Уделом десятков тысяч новых поселенцев становились необжитые места. Так, накануне восстания 1837 г. в Верхней Канаде из 17 млн. акров размежеванных земель оставались непожалованными только около 1,5 млн. Причем из них 450 тыс. акров уже были зарезервированы под дороги, а 500 тыс. предназначались на удовлетворение ранее выданных патентов. Остальные 700 тыс. акров были самого плохого качества. В Нижней Канаде из 6 млн. акров размежеванных земель 3,5 млн. акров, включая все лучшие земли, были уже пожалованы. Большая часть пожалованной земли не обрабатывалась. В Верхней Канаде из всей пожалованной земли лишь десятая часть попала в руки подлинных поселенцев, а в Нижней Канаде обрабатывалась лишь двадцатая часть³⁰!

Владельцы поместий часто не жили на своей земле и не стремились ее заселить, заботясь лишь об одном — как бы в удобный момент превратить ее в деньги. Посетивший западный район Верхней Канады очевидец рассказывал, что, когда он спросил правительственного уполномоченного, почему прекрасные земли вдоль оз. Эри остаются до сих пор необрабатываемыми, тот ответил, что «2 тыс. акров принадлежит Д. из Шотландии, 600 акров — Г. из Монреаля, 1 тыс. — полковнику Б. и столько же — одному из жителей США, и т. п... Итак, я обнаружил, что почти все лучшие земли вдоль оз. Эри принадлежат тем, кто здесь не живет, а приобрел землю путем спекуляций»³¹.

Владельцы участков часто продавали землю дельцам, которые не торопились перепродать ее, предпочитая подождать, пока жители окружающих районов не поднимут цену. Так в Канаде возникла целая категория земельных спекулянтов, в руках которых скапливались большие массивы земли.

Даже ту землю, которая оставалась еще доступной для заселения, спекулянты также стремились прибрать к рукам, чтобы взвинтить цены. И им это удавалось. Несмотря на изобилие необрабатываемых участков, земля быстро повышалась в цене. Цены

²⁹ Bouchette J. The British Dominions..., v. 1, p. 69.

³⁰ Durham's Report, p. 159.

³¹ Select Documents in Canadian Economic History, p. 87—88.

на землю стали расти еще быстрее, когда началась интенсивная иммиграция. В 20-х годах XIX в. в Канаде считали, что в районах заселения цена земли возрастает на протяжении 10 лет в среднем в 3 раза.

Разумеется, такие цены были недоступны очень многим иммигрантам, тем более что обычно минимальный размер участков для продажи и мелких пожалований был установлен в 200 акров и лишь после войны 1812—1814 гг. снижен до 100 акров. Как свидетельствуют очевидцы, приобрести такую землю было не по карману одной семье³². Даже имея деньги, не всегда можно было получить соответствующий участок. Особые трудности были связаны с процедурой оформления участков. До 1820 г. требовалось лично обращаться за патентом в столицу провинции, затем нанимать агента и определять участок. На это уходили многие месяцы. После 1826 г. наделом земли занимались разные ведомства, что порождало множество ошибок³³.

Подобное состояние дел с землей мешало существованию мелких фермерских хозяйств и тем, что затрудняло развитие так необходимых фермеру путей сообщения, обмена и внутреннего рынка.

Трудный доступ к земле вызвал и другое характерное в этих случаях явление — скваттерство, которое было стихийным проявлением борьбы колонистов против попыток английских властей посадить в колонии крупное землевладение. В 1815 г. чиновник колониальной администрации записал в своей книге, что «помимо тех фермеров, кто получает землю законным путем, есть другие, желающие иметь землю, но менее честные в средствах ее получения». Они «выбирают удобно расположенный участок среди зарезервированных земель, где бесцеремонно поселяются без патента или лицензии и даже без уплаты ренты и начинают обрабатывать избранный ими участок»³⁴. Как следует из документов, скваттерство было чрезвычайно распространено в Канаде. Трудно найти в канадских провинциях хотя бы один тауншип, где не имелось бы скваттеров. Особенно располагали к самовольной обработке земли церковные и коронные резервы. Часто скваттеры обрабатывали землю без всяких помех десятками лет, а то и более. Власти встревожены ростом этого явления прежде всего потому, что это могло стать примером для других поселенцев³⁵.

Аграрная политика метрополии и местной олигархии не могла не привести к подрыву хозяйства Канады, к бедственному положению народных масс и к широкому недовольству среди населения. Система распределения земель и заселения колонии не

³² Early Travellers in the Canadas. 1791—1867. Ed. by G. Craig. Toronto, 1955, p. 117.

³³ Macdonald N. Op. cit., p. 518.

³⁴ Bouchette J. A Topographical Description..., p. 63.

³⁵ Ibidem; Wilson A. The Clergy Reserves of Upper Canada. A Canadian Mortmain. Toronto, 1968, p. 295.

только не отвечала потребностям развития страны, но более того — серьезно этому препятствовала. Растущая заинтересованность Великобритании в укреплении своих позиций в Северной Америке, рост иммиграции в Канаду стимулировали некоторые перемены в колониальной политике метрополии. Вскоре после войны 1812—1814 гг. колониальные власти, по-видимому, осознали необходимость перемен в аграрной политике. В качестве теоретической основы новой земельной политики лондонские чиновники избрали идеи и предложения Уэйкфилда, изложенные им в известном плане «систематической колонизации»³⁶.

В 1825 г. серией посланий министерство по делам колоний впервые сообщило в Канаду о новой политике, которой должны придерживаться губернаторы при распределении земель. Вместо бесплатных дарений, которые практически не отменялись, предпочтение должно было отдаваться продаже земли с аукциона по установленной минимальной цене на землю. В 1831 г. министерство сообщило о своем намерении расширить в Канаде действие плана «систематической колонизации»³⁷. Земля должна была продаваться по высокой цене и только с аукциона.

Новая система продажи земли в колонии отнюдь не облегчала доступ поселенцев к земле. Фаворитизм местных властей, по сути, оставался в силе, поскольку сохранялись бесплатные пожалования для избранных. Губернаторы приняли инструкции к сведению, а расхищение земли продолжалось, и бесплатные дарения по-прежнему превышали количество проданной земли³⁸. У реформы был свой скрытый смысл. Английские власти намеревались за счет продажи земли повысить доходы короны в колонии. С этой целью дело продажи и заселения оставшихся земель было передано специально созданным земельным компаниям.

В конце 1824 г. группа лондонских капиталистов основала «Канада компани» с капиталом 100 тыс. ф. ст. Окончательно хартия компании была утверждена в 1826 г.³⁹ Первоначально предполагалось передать ей все «коронные резервы» и половину фонда церковных земель⁴⁰. Однако лондонские власти побоялись пойти на конфликт с церковью, и вместо церковных земель компания получила кусок земли в 1 млн. акров в западной части провинции Верхняя Канада — так называемый Гуроновский участок. В целом компания получила от правительства почти 4,5 млн. акров земли и должна была выплатить короне

³⁶ См. подробнее: *Ерофеев Н. А.* Систематическая колонизация. Из истории английской колониальной политики XIX в. — В кн.: *Империализм и борьба рабочего класса*. М., 1960, с. 77—120.

³⁷ *Public Archives of Canada's Report* (далее — PACR), 1835. Ottawa, 1936, p. 278.

³⁸ *Montgomery M.* The British Colonies, Their History, Extent, Condition and Resources. London, 1849, v. 1, p. 137.

³⁹ *Martin R. M.* Statistics of the Colonies of the British Empire. London, 1839, App. 3, p. 70.

⁴⁰ *Constitutional Documents*. 1819—1829, p. 253—263.

344 375 ф. ст. в течение 16 лет⁴¹. В среднем покупка земли для компании обошлась по 3,5 шилл. за акр, в то время как установленная продажная цена колебалась от 7,5 до 20 шилл.⁴² Разумеется, доходы компании были высоки. Общая сумма выручки составила 46 400 ф. ст., а чистая прибыль — 28 тыс. ф. ст.⁴³

В 1831 г. в провинциях Нью-Брансуик и Новая Шотландия была создана «Лэнд компании», получившая от властей 500 тыс. акров земли. В 1834 г. с капиталом 300 тыс. ф. ст. была основана «Бритиш-америкэн лэнд компании». Эта компания приобрела почти 1 млн. акров земли в тауншипах Нижней Канады за 120 тыс. ф. ст. с выплатой в течение 10 лет⁴⁴.

Агенты компаний не хотели иметь дело с нуждающимися или безденежными иммигрантами. Только тот, кто прибывал в Канаду, имея минимум 100 ф. в кармане, мог рассчитывать на их благосклонность. Земельные компании фактически превратились в полновластных хозяев огромных районов. Агенты устанавливали там удобные им порядки. Поселенцев намеренно разоряли тем, что предоставляли им кредиты и, если поселенец не мог вернуть деньги в установленный срок, его землю конфисковывали. Средства, которые выкачивались из поселенцев, большей частью не задерживались в колонии, а уплывали за океан к владельцам этих спекулятивных предприятий⁴⁵.

Как видим, новая система продажи земли в Канаде и образование земельных компаний лишь усугубляли состояние дел с землей в Канаде и усиливали всеобщее недовольство населения.

Таким образом, в течение первых десятилетий английского колониального господства в Канаде огромный земельный фонд незанятых земель был разбазарен. Стремление метрополии как можно быстрее освоить территорию колонии привело объективно к противоположному результату, ибо в итоге канадская граница оказалась «закрытой на замок» для простых поселенцев, что серьезно препятствовало прогрессивному развитию страны. Вокруг земельного вопроса сложился целый комплекс противоречий, важнейшим из которых было противоречие между колониальной политикой Великобритании в этом вопросе, направленной на сохранение в Канаде феодальных институтов и латифундизма, с одной стороны, и тенденцией капиталистического развития, выразившейся в стремлении канадских поселенцев добиться владения землей на принципе свободной буржуазной собственности, с другой. Это противоречие стало одной из главных объективных предпосылок антиколониальной буржуазной революции в Канаде.

Одним из основных моментов первоначального накопления в Канаде, на наш взгляд, была иммиграция, интенсивный рост на-

⁴¹ PACR, 1935, p. 207—209, 213—215.

⁴² *Martin R. M. Statistics of the Colonies...*, App. 3, p. 70.

⁴³ *Select Documents in Canadian Economic History*, p. 94.

⁴⁴ *Martin R. M. Statistics of the Colonies...*, p. 68—69, 76—79.

⁴⁵ *Select Documents in Canadian Economic History*, p. 89, 93—94.

селения при установленной монополии на землю, т. е. процесс лишения сельскохозяйственного производителя средств производства происходил не в классической и более привычной форме «сгона» с земли, обезземеливания крестьян, а в форме «отстранения» от земли, недопущения к земле самых бедных поселенцев. Трудный доступ к земле, высокие цены на землю заставляли бедных иммигрантов превращаться в наемных рабочих, и лишь части из них удавалось накопить денег на покупку участка земли.

Обезземеливание крестьян, т. е. начальная фаза процесса первоначального накопления, следовательно, имело место в метрополии, а превращение лишенных средств производства крестьян в наемных рабочих, т. е. вторая фаза процесса, происходило уже в колонии. Между двумя этими моментами лежал длительный переезд через океан. Процесс первоначального накопления в колонии оказывается тесно связанным с развитием капитализма в самой метрополии и в какой-то степени являлся производным от него, развиваясь по следующим этапам: метрополия (лишение производителя средств производства) — переезд через океан (переселение в колонию) — колония (превращение переселенца в наемного рабочего).

Известно, что правящие круги Великобритании и колониальная администрация сознательно проводили политику, затрудняющую доступ к земле и вынуждающую поселенца становиться наемным рабочим. Делалось это прежде всего в интересах капиталистов и предпринимателей, чей бизнес страдал от нехватки рабочих рук в колонии. Так, депеша министра по делам колоний губернатору Верхней Канады Колборну содержала приказ прекратить селить бедных иммигрантов на подготовленные участки земли и перестать предоставлять им кредит. В депеше, в частности, ставился вопрос: «Как общество будет гарантировано от перехода в примитивно-грубое состояние и как будут сохраняться комфорт и рафинированность цивилизованного образа жизни, если не будет определенного разделения труда и класса людей, готовых работать за заработную плату?»⁴⁶.

Наряду со специфической для колониальной Канады, да и для всей Северной Америки⁴⁷ формой первоначального накопления в стране находила место и такая классическая его форма, как обезземеливание крестьянства в результате разложения феодальных отношений и развития капитализма в канадской деревне. Объясняется это наличием в Канаде, в отличие от США, довольно развитых форм феодального землевладения. В первой трети XIX в. сеньориальный строй в канадской деревне переживал глубокий кризис, одним из проявлений которого стало разорение крестьянских хозяйств, уход крестьян из сеньорий и превращение их в наемных рабочих.

⁴⁶ PACR, 1935, p. 281.

⁴⁷ См.: Ефимов А. В. США. Пути развития капитализма (донимпериалистическая эпоха). М., 1969, с. 317—321.

КРИЗИС СЕНЬОРИАЛЬНОГО СТРОЯ И РАЗВИТИЕ БУРЖУАЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Вопрос о кризисе аграрной экономики французской Канады в первой трети XIX в. стал предметом одной из наиболее острых дискуссий в современной канадской историографии. Автор статьи, претендующей на итоговый характер, так излагает суть спорной проблемы: «В настоящее время историки признают, что в экономике Нижней Канады в первые два десятилетия XIX в. имели место глубокие изменения. Эти перемены так или иначе в корне преобразили общество, которое до этого сохраняло в своей основе экономическую структуру периода до английского завоевания. Считается, что они сыграли значительную роль в зарождении и развитии политических конфликтов тех лет, когда новый слой франкоканадцев — представителей свободных профессий, при поддержке основной массы канадцев французского происхождения, вел борьбу за власть против союза английских купцов и чиновников, которая в конечном итоге вылилась в восстание 1837—1838 гг. и волнения 40-х годов XIX в.»⁴⁸

Некоторые историки, преимущественно франкоканадские, признавая в целом правильность этого высказывания, резко разошлись в трактовке существа экономических перемен и их влияния на социально-политическое развитие колониального общества. Внешне сугубо академическая дискуссия, главное содержание которой составляют длинные статистические выкладки, модные математические модели и экономико-социологические построения, по существу имеет довольно злободневную политическую подоплеку и представляет собой столкновение двух направлений в современной франкоканадской историографии — либерального и неонационалистического. Оба эти направления в условиях обострения франкоканадского национального вопроса в 60—70-х годах XX в. используют в политических целях исторические реконструкции прошлого.

Либеральная точка зрения франкоканадской историографии представлена прежде всего работами Ф. Уэлле. Этот историк довольно досконально изучил источники по социально-экономической истории колониального Квебека и пришел к заключению, что в начале XIX в. в сельском хозяйстве Нижней Канады начался кризис, который еще более усилился в 20-е и 30-е годы. По его мнению, английское завоевание способствовало включению аграрной экономики Нижней Канады в североатлантическую коммерческую систему. Война Англии с Францией в 1793 г., рост английского населения и развитие английской промышленности привели к усилению спроса на колониальную продукцию и преж-

⁴⁸ *Le Goff T. J. A. The Agricultural Crisis in Lower Canada, 1802—1812: A Review of a Controversy.*—CHR, Mar. 1974, v. 55, N 1, p. 1.

де всего зерно, расширению торговых связей внутри колониальной империи. Канадские абитаны под влиянием этого спроса стремились увеличивать производство зерна, часть которого шла на экспорт в метрополию. В 1801—1802 гг. производство и экспорт достигли рекордных показателей, но после этого начался спад, переросший в глубокий и затяжной кризис. Основной причиной кризиса Уэлле считает падение производительности в сельском хозяйстве, неспособность абитанов использовать новые методы обработки земли и новую технику, модернизировать хозяйство и сделать его конкурентоспособным на внешнем рынке.

«Если с 1760 по 1802 г.,— считает Уэлле,— урожай были в среднем довольно высокими и объем продукции возрастал, это не было результатом совершенствования сельскохозяйственной техники. Прирост продукции был в основном результатом увеличения площади обрабатываемых земель. Другими словами, чтобы больше производить, крестьянин больше распахивал и засеивал земли. Что касается его сыновей, они осваивали новые участки, которые на некоторое время позволяли увеличивать продуктивность земли»⁴⁹.

Со временем возможности экстенсивного ведения хозяйства в условиях нехватки земель и перенаселения сеньорий были исчерпаны. Растущий и углубляющийся кризис в земледелии — главном и почти единственном занятии франкоканадского населения — совпал, считает Уэлле, с зарождением и подъемом франкоканадского национализма, обусловленного экономическими бедствиями и угрозой культуре и самобытности. Этот национализм был облачен франкоканадской мелкой буржуазией в одежды либеральной идеологии, которые на самом деле прикрывали консервативный социальный идеал⁵⁰.

В интерпретации Ф. Уэлле, на наш взгляд, бесспорны следующие моменты: наличие кризиса аграрного строя в Нижней Канаде, влияние экономических и социальных факторов на политическое развитие, в том числе на освободительное движение и формирование идеологии франкоканадского национализма. Однако Уэлле преувеличивает потенциальные возможности прогрессивного развития колонии, которые якобы были привнесены английским завоеванием Канады, и ошибочно возлагает вину за деградацию экономики французской Канады всецело на франкоканадцев, их психологическую инертность и нежелание расстаться с традиционным укладом жизни. Правильно связывая идеологию франкоканадского национализма с появлением национальной

---

⁴⁹ *Ouellet F. Histoire économique et sociale du Québec. 1760—1850. Montréal, 1966, p. 155.*

⁵⁰ *Ibid., p. 169—174, 180—188, 196—212; Ouellet F., Hamelin J. La crise agricole dans le Bas-Canada. 1802—1837.— CHR, 1962, p. 317—333; Ouellet F. Le nationalisme canadien-français: de ses origines à l'insurrection de 1837.— CHR, December 1964, v. 45, N 4, p. 277—292.*

мелкой буржуазии и других средних слоев, Уэлле подчеркивает лишь консервативность и реакционность этой идеологии, а именно — идеализацию и восхваление французского колониального прошлого, приверженность к традиционным институтам, сдерживавшим развитие колониального общества. Он совсем не видит прогрессивного начала в мелкобуржуазном национализме франкоканадского освободительного движения того времени: его антиколониальную направленность, демократические устремления. Направленная формально против «английских капиталистов», эта идеология не была, по сути, направлена против свободного развития колоний по буржуазному, капиталистическому пути, — наоборот, имела своей целью уничтожить одно из главных препятствий развитию новых, прогрессивных по тому времени отношений — колониальный режим и сопутствующие ему институты, в том числе паразитирующий крупный торговый капитал, который Уэлле, а до него и Д. Крейтон, ошибочно трактуют как носителя прогресса и процветания.

В этой связи представляется справедливой критическая оценка исследования Уэлле канадским историком-марксистом С. Райерсоном: «Большая работа профессора Уэлле, в которой рассматриваются долговременные факторы конфедерации, значительно пополняет, особенно в количественном отношении, наши знания относительно экономической эволюции в Нижней Канаде. Однако при решении основного вопроса — о взаимной связи между классовыми силами и национальными движениями — автор, по моему мнению, ставит историю вверх ногами. Подобно Дональду Крейтону он рассматривает движение патриотов как регрессивное, реакционное, а представителей английской торговой олигархии Монреаля — как носителей просвещения и прогресса. Если следовать этому взгляду, то исчезают два важных фактора: имперское господство над колонией, осуществлявшееся при самом горячем сотрудничестве со стороны купеческого капитала, и демократическое движение за самоуправление, которое выражало интересы местного промышленного капитала и за которое совместно сражались патриоты и реформисты в обеих частях Канады»⁵¹.

Политическая подоплека интерпретации Уэлле не столь явно выражена. Однако трудно отрицать, что эта интерпретация вполне согласуется с современными концепциями канадских либералов, что проблема Квебска порождена не длительной зависимостью и неравным положением франкоканадцев в системе общеканадского государства, а прежде всего является результатом собственных бед и недостатков, имманентно присущих франкоканадскому обществу, — таких, как инертность, замкнутость, традиционализм и отсутствие стремления к предпринимательству.

---

⁵¹ Райерсон С. Б. Неравный союз. История Канады. 1815—1873. М., 1970, с. 385.

Главными оппонентами Ф. Уэлле выступают франкоканадские историки Ж. Паке и Ж.-П. Уэлло, которые сначала в серии статей, а затем в монографии⁵² выступили с противоположной интерпретацией экономического и социального положения в Нижней Канаде в первой трети XIX в. Паке и Уэлло лишь в одном согласны с Уэлле, что к первой трети XIX в. со времен английского завоевания сельское хозяйство Нижней Канады почти не изменилось⁵³. Но дальше их трактовка расходится с выводами Уэлле. Они считают, что в начале XIX в. в сельском хозяйстве Нижней Канады никакого кризиса не было. Абитаны производили больше или меньше зерна в соответствии с изменением спроса и рыночных цен на зерно. По Паке и Уэлло, упадок экспорта нижнеканадского зерна после 1802 г. не означал, что аграрии не были способны производить достаточно зерна, чтобы удовлетворить спрос на внешнем рынке. Просто они вели себя как «рациональные производители» и в конечном итоге из-за ненадежности внешнего рынка прекратили производство зерна на экспорт. Внутренний спрос на зерно был постоянным, и абитаны по мере роста внутреннего рынка, развития экономики и роста спроса на зерно постоянно увеличивали производство зерна и повышали собственный уровень жизни. Труд абитанов был вполне конкурентоспособным, а применяемые ими методы производства продукции достаточно хороши для условий Северной Америки, считают Паке и Уэлло⁵⁴.

И вообще сельское хозяйство не было доминирующим сектором колониальной экономики, а аграрный кризис (если таковой вообще имелся) не мог стать определяющим фактором в развитии франкоканадского национального движения — таков вывод Паке и Уэлло⁵⁵.

Вся игра с цифрами относительно экспорта и изменения цен у Паке и Уэлло не убедительна и противоречива, используемые статистические данные не всегда надежны, а некоторые выводы противоречивы и часто исключают друг друга⁵⁶. Политическая подоплека исследований этих историков проступает довольно отчетливо. Они исходят из того, что еще до английского завоевания французская Канада была процветающим коммерческим

⁵² *Paquet G., Wallot J.-P. Aperçu sur le commerce international et les prix domestiques dans le Bas-Canada (1793—1812).*— RHAf, 1967, v. 21, p. 447—473; *Idem. Crise agricole et tensions socio-ethniques dans le Bas-Canada. 1802—1812: éléments pour un re-interprétation.*— RHAf, 1972, v. 26, p. 185—237; *Idem. Patronage et pouvoir dans le Bas-Canada (1794—1812).* Montréal, 1973.

⁵³ *Paquet G., Wallot J.-P. Crise agricole...*, p. 201—204, 217—221.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 197—200, 205—216, 231—234.

⁵⁵ *Paquet G., Wallot J.-P. Crise agricole...*, p. 185—196; *Idem. Le Bas-Canada au début du XIXe siècle: une hypothèse.*— RHAf, 1971, v. 25, p. 39—61; *Idem. International circumstances of Lower Canada.*— CHR, 1972, v. 53, p. 371—401; *Idem. Aperçu sur le commerce international...*, p. 447—450, 471—473.

⁵⁶ См.: *Le Goff T. J. A. Op. cit.*, p. 6—7.

обществом, а франкоканадцы имели сложившееся национальное самосознание. Дальнейшее развитие Квебека проходило без каких-либо глубинных кризисов, и его главной аномалией стал тот факт, что вся высшая политическая и экономическая власть в колонии после завоевания перешла в руки англичан. Этим в конечном итоге и определяется основная концепция неонационалистически настроенных историков об исторической давности как самой идеи независимого существования Квебека, так и истории борьбы франкоканадцев за ее осуществление, что в конце концов ведет к признанию обоснованности требований современных квебекских сепаратистов о выходе провинции Квебек из состава канадской конфедерации.

Дискуссия между канадскими историками, по существу, оставила почти все основные вопросы без ответа, в чем, на наш взгляд, проявилась при достаточно высоком профессионализме и технике исследования слабость теоретико-методологических позиций канадских немарксистских историков.

* * *

В конце XVIII — первой трети XIX в. большая часть населения канадских провинций проживала в деревне и занималась сельским хозяйством. По описи 1831 г., в Нижней Канаде около 51 тыс. семей занимались земледелием и только 2,5 тыс. были заняты в промышленности и торговле⁵⁷. В Верхней Канаде и приморских провинциях, где промышленность была развита совсем слабо, сельскохозяйственный труд также составлял основное занятие большинства населения. Как уже отмечалось, в колонии существовали две основные формы земельной собственности: феодальная, сохранившаяся с времен Новой Франции, и буржуазная, утверждавшаяся на осваиваемых территориях после английского завоевания. Аграрная экономика колониальной Канады носила многоукладный характер. В канадской деревне одновременно существовали полунатуральные хозяйства феодально зависимых абитанов и поселенцев-пионеров на передовой черте поселения, мелкотоварные хозяйства свободных фермеров — производителей зерна и даже встречались крупные хозяйства чисто капиталистического типа.

Вдоль всей долины р. Св. Лаврентия на территории 168 сенъорий общей площадью свыше 10 млн. акров⁵⁸ проживали франкоканадские крестьяне — абитаны. Здесь сохранялись феодальные порядки, сложившиеся во времена французского колониального господства. Круг феодальных повинностей франкоканадских абитанов оставался довольно широким, и при низкой продуктивности крестьянских хозяйств их бремя было, несомненно, тяже-

⁵⁷ *Martin R. M. Statistics of the Colonies...*, p. 154—155.

⁵⁸ *Ibid.*, p. 164.

лым. Следует отметить, что в рассматриваемый период наблюдается рост сеньориальных и церковных доходов. Ж. Паке и Ж.-П. Уэлло даже приводят это обстоятельство в качестве доказательства якобы имевшего место прогресса в развитии феодального землевладения⁵⁹. Однако тот же Ж.-П. Уэлло в другой своей работе доказывает, что именно в начале XIX в. церковь всячески стремилась усилить свои позиции и власть над населением⁶⁰ и эти усилия не могли не пополнять церковную казну. Что же касается роста сеньориальных платежей, то, как справедливо считает канадский историк Т. Легоф, увеличение доходов крупных землевладельцев свидетельствовало не о прогрессе земледелия, а об усилении феодальной эксплуатации крестьянского населения⁶¹.

Одним из основных проявлений кризиса сеньориального режима стал факт перенаселения сеньорий. Как мы уже знаем, размер феодальных владений в Канаде был довольно внушительным и их общее число продолжало увеличиваться в первые десятилетия английского колониального режима. На условиях обычного феодального держания сеньоры раздавали участки земли поселенцам, увеличивая тем самым год от года число феодально зависимых крестьян в Нижней Канаде. Один из активных деятелей освободительного движения в Нижней Канаде Джон Нилсон так охарактеризовал ситуацию: «С 1793 г., но особенно с 1800 г. до окончания последней войны в Европе (имеются в виду наполеоновские войны.— В. Т.), прогресс в заселении сеньорий был очень значителен. Там, где земля была хорошей и ее можно было получить приблизительно на старых условиях, т. е. недорого, ее охотно брали держатели, заселяли и общими усилиями прокладывали дороги, как этого требовал закон. Удаленность участков, задержки, расходы и трудности, связанные с получением грамоты на держание (*procès-verbaux*), как до, так и после соглашения, стали главным объектом недовольства. Однако высокие цены на сельскохозяйственную продукцию, установившиеся после войны в Европе, позволяли поселенцам выстоять и преодолеть все тяготы, вызванные недостатком дорог. С окончанием войны прогресс в заселении сеньорий с каждым годом шел на убыль. Падение цен на сельскохозяйственную продукцию, чрезвычайный рост рентных платежей и новые обременительные условия пожалования земли, отказ многих сеньоров идти на какие-либо уступки да к тому же расходы и трудности, связанные с прокладкой дорог, о которых уже упоминалось,— все это оказалось не под силу абитанам»⁶².

⁵⁹ *Paquet G., Wallot J.-P. Crise agricole...*, p. 229—230.

⁶⁰ *Wallot J.-P. Religion and French-Canadian Mores in the Early Nineteenth Century.*— *CHR*, 1971, v. 52, p. 51—94.

⁶¹ *Le Goff T. J. A. Op. cit.*, p. 27.

⁶² Цит. по: *Ouellet F. Le Bas-Canada. 1791—1840. Changements structureaux et crise.* Ottawa, 1976, p. 221.

В нижнеканадской деревне начинается процесс измельчания, дробления участков. Глава крестьянской семьи, будучи не в состоянии арендовать новые земли для своих сыновей, вынужден был делить уже арендуемый участок. Достаточно сказать, что с 1784 по 1837 г. население сеньорий увеличилось в 4 раза, а количество обрабатываемой абитанами земли только на одну треть ⁶³.

В 1822 г. Дж. Нилсон утверждал, что «почти все первоначальные пожалования земли разрезаны на узкие полоски длиной до одной мили, причем некоторые из них не шире обычной дороги; на стороне, выходящей к воде, дома стоят теперь так близко друг к другу, что образуют одну улицу в несколько миль длинной» ⁶⁴. Раздел участков имел своим следствием падение уровня жизни абитанов и новые бедствия для их семей. Один из цензитариев Нижней Канады свидетельствовал: «Нас постигли невероятные бедствия... Приход наш обнищал. Многие люди не могут выполнять свои обязательства, живут все хуже и зачастую терпят крах. Глава семьи сплошь и рядом не может прокормить себя и своих детей, даже на всем участке, на разделенном же не хватает топлива, почва истощается, так как на земле, предназначенной для одной семьи, вынуждены кормиться две» ⁶⁵. Довольно типичную ситуацию обрисовал в 1821 г. владелец сеньории Бертье Дж. Катберт: «Население в старых сеньориях очень плотное, и в моем подразделении милиции в 1804 г. было около 900—1000 ополченцев, а в 1820 г. уже 2400 человек старше 16 лет... Будь у меня непожалованная сеньориальная земля хорошего качества, я смог бы сдать в аренду 200 или 300 участков в течение года» ⁶⁶.

Перенаселение и обнищание крестьянских хозяйств привели к разрушению ряда традиционных основ франкоканадского общества. Увеличилось число крестьян, вынужденных покидать сеньории и пополнять ряды городских пауперов. Об этом свидетельствуют данные о миграции населения Нижней Канады из деревень в более крупные населенные пункты (см. табл. 3).

Таким образом, если в 1790 г. более половины населения провинции проживало в небольших населенных пунктах (до 1 тыс. человек), то в 1831 г. основная масса поселенцев (78%) проживала в крупных населенных пунктах (свыше 1 тыс. человек).

Кризис сеньориального строя проявился не только в измельчании земельных наделов и перенаселении сеньорий, но и в падении продуктивности хозяйств абитанов, их все увеличивающейся отсталости и деградации.

---

⁶³ Durham's Report, p. 77.

⁶⁴ Цит по: *Ouellet F. Le Bas-Canada*, p. 226.

⁶⁵ Ibid., p. 227.

⁶⁶ Ibidem.

Что представляло собой хозяйство цензитариев Нижней Канады? Прежде всего это было индивидуальное, полунатуральное хозяйство. Во всей Нижней Канаде в 1831 г. только 7602 человек работали на фермах по найму⁶⁷. Скорее всего, этот труд использовался в хозяйствах свободных фермеров, проживавших в провинции в районе «восточных тауншипов». Наемный труд

Таблица 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ НИЖНЕЙ КАНАДЫ ПО НАСЕЛЕННЫМ ПУНКТАМ *

Численность жителей в населенном пункте	1790 г.		1822 г.		1825 г.		1831 г.	
	Число пунктов	%	Число пунктов	%	Число пунктов	%	Число пунктов	%
До 100	0	—	0	—	0	—	0	—
101—500	30	23	4	3	10	6	9	4
501—1000	38	29	20	19	30	18	34	18
1001—2000	56	43	27	25	53	32	58	31
2001—3000	5	3	27	25	39	23	49	26
3001 и более	0	—	27	25	31	19	33	18
Всего	124	—	105	—	163	—	183	—

* *Quellet F. Le Bas-Canada. 1791—1840. Changements structuraux et crise. Ottawa, 1976, p. 225.*

в первой трети XIX в. в нижнеканадских сеньориях почти не применялся, и абитаны обрабатывали участки собственными силами. Собственными силами изготовлялись в хозяйствах цензитариев и многие необходимые предметы.

Однако отличающийся удивительной устойчивостью образ жизни в сеньориях Нижней Канады стал постепенно меняться. В натуральные хозяйства все больше начинают вторгаться товарные и денежные отношения. В условиях канадского климата пшеница показала себя как вполне доходная культура, и она оставалась на протяжении долгого времени основной культурой, выращиваемой в долине р. Св. Лаврентия. За счет средств, вырученных от продажи пшеницы, абитаны покупали необходимые им предметы потребления. По свидетельствам современников, в 20—30-х годах XIX в. жители Нижней Канады уже не могли обходиться только собственными изделиями и покупали многие предметы, ввозимые из Англии, в том числе одежду, чай, металлические изделия⁶⁸.

⁶⁷ *Martin R. M. Statistics of the Colonies...*, p. 155.

⁶⁸ *Sales Laterrière P. de. Political and Historical Account of Lower Canada. London, 1830, p. 127.*

Методы обработки земли в Канаде оставались еще самыми примитивными. Практически в Нижней Канаде существовало двухполье: вся земля делилась на две примерно равные части, одна из которых засеивалась пшеницей, вторая — прочими культурами. Но, поскольку доход крестьянам приносила только пшеница, они почти повсеместно перестали соблюдать основной принцип севооборота — ежегодную смену полей и засеивали пшеницей всю землю. Удобрений абитаны не применяли, даже навоз⁶⁹. В результате земля феодальных сеньорий, обрабатываемая держателями, была истощена до предела, что повлекло за собой снижение производства хлеба. Урожайность зерна упала с 10—12 мино⁷⁰ с арпана в конце XVIII в. до 6—7 мино с арпана к 1822 г. Кривая экспорта хлебных культур из провинции в течение всей первой трети XIX в. идет вниз⁷¹.

В 30-е годы в долине р. Св. Лаврентия один за другим следовали неурожаи, сопровождавшиеся опустошительными нашествиями хлебной саранчи, уничтожавшей и без того скудные посевы. Эти эпидемии имели место в 1828 и 1829 гг., а с 1832 по 1836 — каждый год. Накануне восстания 1837 г. Нижняя Канада не только перестает вывозить хлеб, но вынуждена ввозить его из Верхней Канады и США, чтобы прокормить собственное население. В 1835 и 1836 гг., когда в провинции был полный неурожай хлеба, в Нижнюю Канаду ввезли почти 500 тыс. бушелей пшеницы даже из Европы⁷². Многие абитаны были вынуждены прекратить выращивать пшеницу вообще, что было для них сущей трагедией, ибо примитивные методы хозяйствования не позволяли быстро перестроить хозяйство на другой лад. Постепенно основной культурой становится картофель. С 1827 по 1831 г. он составляет 46% урожая франкоканадского абитана⁷³.

Бедственное положение сельского хозяйства франкоканадцев было прежде всего результатом феодальной системы держания земли, сводившейся к тому, чтобы ограничить подвижность земельного собственника и какие-либо капиталовложения в фермерское хозяйство. В начале XIX в. сеньориальный строй пришел в противоречие с потребностями растущего хозяйства колонии. В докладе Дарэма отмечаются факты, что англичане — покупатели сеньорий жаловались на то, что система держания не позволяет им совершенствовать свое хозяйство, поскольку абитан до тех пор, пока он платит свою ренту, не может быть лишен земли, равно как и принужден применять более передовые методы ве-

⁶⁹ Jones R. L. French-Canadian Agriculture in the St. Lawrence Valley, 1815—1840.— *Agricultural History*, 1942, v. 16, p. 140—141.

⁷⁰ 1 мино равно 39 л.

⁷¹ Ouellet F., Hamelin J. La Crise agricole..., p. 20—23.

⁷² Jones R. L. French-Canadian Agriculture..., p. 141; Bouchette J. The British Dominions..., v. 1, p. 369.

⁷³ Ouellet F., Hamelin J. La Crise agricole..., p. 21.

дения хозяйства. Дарэм писал также, что сеньориальная система была непопулярна и среди самих абитанов, стремившихся всячески избавиться от нее⁷⁴. В документах миссии Дарэма мы находим петиции на его имя, в которых канадцы высказывались за отмену феодальной системы землевладения и выражали желание получить землю на любых условиях, но только не на правах феодального держания⁷⁵.

Английские правящие круги и колониальная администрация, по-видимому, еще в 20-х годах начали осознавать необходимость изменений в сеньориальной системе Нижней Канады. В 1825 г. английским парламентом был принят «акт о держании» (*Tenure Act*), по которому сеньорам предоставлялось право сдать свою землю верховному владельцу земли — короне и сразу же получить ее обратно в виде бесплатного дарения, но уже на основе принципа соккеджа, т. е. в обычную частную собственность. Предусматривалась выплата определенной суммы за то, что сеньор освобождался от всех обязанностей в отношении английской короны. Но со своей стороны сеньор должен был на том же принципе позволить выкуп земли своим держателям.

Этот акт был прохладно встречен сеньорами в колонии, и, поскольку он не носил обязательной силы, они не торопились расставаться со своими привилегиями. Источники отмечают, что к 1838 г. имели место только два случая, когда сеньоры желали изменить характер своей собственности⁷⁶. Сеньориальный строй продолжал оставаться господствующим в нижнеканадской деревне, а интересы развивающегося капиталистического способа производства требовали уничтожения изживших себя форм производственных отношений.

Что же представляла собой та часть территории Канады, где с приходом англичан стала утверждаться буржуазная собственность на землю? В конце XVIII — начале XIX в. характер землевладения в канадских провинциях очень сильно изменился. После английского завоевания в Британской Северной Америке появились новые лендлорды, которые весьма отличались от прежних хозяев. Среди новоявленных лендлордов все чаще начинают встречаться не просто бездеятельные аристократы-придворные, а торговцы-капиталисты, земельные дельцы. Они, как и в Англии эпохи Кромвеля, стали именоваться «новыми сеньорами». Сейчас «богатый капиталист,— читаем мы в докладе Дарэма,— вкладывает свои деньги в покупку сеньориальной собственности, и подсчитано, что к настоящему моменту добрая половина самых лучших феодальных поместий принадлежит английским собственникам»⁷⁷. «Новых сеньоров» уже не устраивает взимание лишь

⁷⁴ Durham's Report, p. 13.

⁷⁵ PACR, 1923, p. 184.

⁷⁶ Bouchette J. The British Dominions..., v. 1, p. 384.

⁷⁷ Durham's Report, p. 21.

одной феодальной ренты. Крупные земельные собственники в стремлении перестроить свое хозяйство на капиталистический лад, естественно, дополняют феодальную эксплуатацию капиталистическими формами грабежа. Не освободив крестьян от тех повинностей, которые они несли раньше, английские землевладельцы увеличили размер денежных платежей в 3—4 раза.

В Верхней Канаде, где буржуазная собственность утверждалась на новых землях, или, как еще говорили, на «свежей» земле, хозяйство сразу же строилось на капиталистической основе. Как и в Англии, «новые сеньоры» в Канаде сдавали свою землю отдельными участками в аренду, устанавливая арендную плату. Обычный размер арендной платы составлял половину урожая, но это в том случае, если арендатор получал от владельца земли необходимый инвентарь, скот и семенной фонд⁷⁸. Многие поселенцы, не имевшие достаточно денег для покупки собственной фермы, арендовали эти участки.

В некоторых случаях владельцы крупных доменов заводили собственное хозяйство. Так было, например, с известным уже нам полковником Тэлботом. Получив огромный участок в собственность и обширную территорию под свой контроль для заселения, он, всячески препятствуя освоению окрестных земель, довольно энергично взялся за свое хозяйство, и в 20-х годах XIX в. его ферма процветала. Однако подобные крупные хозяйства были немногочисленны и не получили широкого распространения в колонии. Причина этого, на наш взгляд, спекулятивный и паразитический характер крупной земельной собственности в колонии: сдача земли в аренду или продажа ее по спекулятивной цене приносили крупным лендлордам большой доход и требовали меньше забот, связанных с ведением собственного хозяйства. Немаловажной причиной слабого развития капиталистического землевладения в Канаде стала также относительно высокая стоимость наемного труда. «Вследствие высокой стоимости наемного труда,— писал автор обзора по вопросу эмиграции в Канаду,— крупные фермерские хозяйства здесь терпят неудачу. Условия новых стран не позволяют ведение обширных хозяйств. Поселенцы, которые быстрее всего начинают процветать,— это люди с крепкими руками, привыкшими к физическому труду»⁷⁹.

Относительно высокая стоимость наемного труда в сельском хозяйстве колонии объяснялась прежде всего хроническим недостатком рабочей силы. «Жалование, которое выплачивается в Верхней Канаде сельскохозяйственным рабочим, обычно от 2 до 3 ф. ст. в месяц вместе с жильем и харчем, и при такой плате здесь ощущается постоянная потребность в рабочих руках»⁸⁰,—

⁷⁸ Jones R. L. History of Agriculture in Ontario. 1613—1880. Toronto, 1948, p. 68.

⁷⁹ Macgregor J. Observations on Emigration to British North America. London, 1829, p. 32.

⁸⁰ Emigration and the Condition of Labouring Poor. Colchester, 1832, p. 16.

РАСЧИСТКА ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА

сообщали в своем докладе члены комиссии английского парламента по вопросам эмиграции и положения бедноты.

Основной хозяйственной ячейкой в канадской деревне в период английского господства становятся хозяйства свободных мелких фермеров — производителей зерна. В первой трети XIX в. число свободных фермеров в Канаде сильно возросло. Обширные районы Верхней Канады к северу от оз. Онтарио и в долине р. Оттавы быстро заселяются многочисленными иммигрантами. Увеличивается число самостоятельных фермерских хозяйств в районах, где жили так называемые «старые поселенцы», — это верховье р. Св. Лаврентия, побережье оз. Онтарио, Ниагарский п-ов. Широкие плечи и жилистые руки поселенцев-пионеров превращали канадские дебри в плодородные поля, приносявшие богатые урожаи хлеба.

Процесс утверждения фермеров-пионеров, которые в большом количестве селились на передовой черте поселения⁸¹, был очень трудным, и, как правило, занимал несколько лет, прежде чем его хозяйство начинало поставлять продукцию на рынок. Нужно было построить жилище, купить утварь, сельскохозяйственный инвентарь и необходимый домашний скот.

⁸¹ В отличие от тернеровского термина «фронтир» в отношении американской действительности, в канадской истории и историографии понятие «граница» определяется термином «backwoods» или «bush», а понятие поселенца-пионера — термином «backwoodsman».

Оставшись один на один со своей землей, поселенец начинал расчистку земли от леса. Когда участок был частично расчищен, поселенец начинал свой первый сев. Чаще всего это сводилось к посадке картофеля, турнепса, майса. Только на другой год сеялась пшеница. Нередко поселенец, чтобы поддержать семью, занимался охотой или рыболовством, и это составляло очень важную статью семейного дохода. Продавать фермеру-поселенцу первое время было нечего, и, следовательно, денег, чтобы купить необходимые товары и продукты, у него также не было. Семьи первопоселенцев полностью удовлетворяли свои потребности, не прибегая к услугам торговца или лавочника. Одежда изготовлялась домотканым способом из шерсти овец, сахар добывался из сока кленовых деревьев (*maple sugar*)⁸².

В отличие от районов Нижней Канады, производство зерна фермерами Верхней Канады постоянно возрастало в конце XVIII — первой трети XIX в. Об этом говорит хотя бы тот факт, что экспорт зерна из Британской Северной Америки с начала века до 1830 г. оставался примерно на одном уровне и даже несколько возрос⁸³, тогда как доля зерна, произведенного в сеньориях Нижней Канады в эти же годы, как мы уже знаем, сильно сократилась. Историк Р. Джонс даже склонен считать, что примерно с середины 20-х годов в сельском хозяйстве Верхней Канады были заметны признаки процветания⁸⁴. Однако дело дальше отдельных признаков так и не пошло. Скорее наоборот, 20—30-е годы стали неблагоприятным временем для канадского фермерства.

Главным рынком сбыта колониального зерна была метрополия. Но с 1815 г. в Великобритании принимается ряд «хлебных законов», в результате чего канадские фермеры понесли большие убытки. Продать пшеницу в Соединенных Штатах они не могли из-за высокой пошлины, введенной в 1824 г. американским правительством. В 1831 г. актом о колониальной торговле английский парламент в интересах английских купцов и судовладельцев, наживавшихся на транзитной торговле по р. Св. Лаврентия, отменил все пошлины на сельскохозяйственные продукты, ввозимые в Британскую Северную Америку. Американская пшеница получила свободный доступ в Канаду. Это сказалось на ценах и сильно ударило по канадским фермерам, которые определенно были недовольны тем, что американцы, имея монополию на своем рынке, получили свободный доступ на рынок Канады.

Этим же актом был нанесен ощутимый удар по животноводству колонии, так как все пошлины на мясо-молочные продукты, ввозимые из США, также отменялись. Американские фермеры соседних с Канадой штатов стали в большом количестве ввозить

⁸² *Talbot E. A. Five Years Residence in the Canadas. London, 1824, v. 1, p. 249—252.*

⁸³ *Select Documents in Canadian Economic History, p. 265—266.*

⁸⁴ *Jones R. L. History of Agriculture..., p. 123.*

по удобным водным путям свои продукты. Источники отмечают, что многочисленные стада скота по 50—60 голов одно за другим переправлялись через Ниагару у Кингстона для продажи мясникам в Торонто или Гамильтоне⁸⁵. Рынок в Монреале, на который в значительной мере рассчитывали фермеры восточной части провинции Верхняя Канада, стал удовлетворяться почти полностью продуктами из американского штата Вермонт, ибо доставка оттуда обходилась дешевле, чем из отдаленных районов Канады. Так, в 1833 г. почти 30 тыс. баррелей соленой свинины были доставлены в Монреаль из Соединенных Штатов и только 1800 — из Верхней Канады⁸⁶.

Боязнь американской конкуренции не позволяла многим канадским фермерам заниматься товарным животноводством. Естественно, что фермеры хотели установления протекционистских тарифов, ограждающих их от конкурентов с Юга. Недаром это требование и критика акта о колониальной торговле стали одним из основных моментов в программе сторонников демократических реформ в Верхней Канаде. Противоречие между интересами канадских фермеров и силами колониального режима являлось одним из самых острых в процессе хозяйственного развития Канады в первой трети XIX в.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, БАНКОВСКОЕ ДЕЛО, ТОРГОВЛЯ

Промышленность в Канаде на самой ее ранней стадии зародилась еще в период французского господства. Однако феодальная Франция чинила всяческие препятствия самостоятельному развитию колонии, и ее экономика на протяжении столетий сводилась к двум основным отраслям — добыче мехов и рыболовству. Английское завоевание первоначально мало что изменило, хотя теперь метрополией Канады стала страна, пережившая буржуазную революцию. Исходя из этого, можно предположить, что развитие капиталистических отношений в Канаде должно было пойти более быстрыми темпами после того, как она была завоевана страной, где утвердился новый общественный строй. Рассмотренные нами выше проблемы подтверждают это: развитие собственного английского капитализма вширь в форме массовой эмиграции людей и капиталов оказалось непосредственно связанным с более быстрым развитием капиталистических отношений в колонии, которая вовлекалась в орбиту нового способа производства, а утверждение новой формы собственности на землю на части территории колонии способствовало развитию канадского сельского хозяйства

⁸⁵ Colonial Advocate, 1831, Nov. 10.

⁸⁶ Jones R. L. History of Agriculture..., p. 128 (1 баррель составляет 163,6 л).

по капиталистическому пути. Но в отношениях метрополии с колонией действовали и противоположные тенденции. Великобритания не была заинтересована в слишком большой самостоятельности Канады в хозяйственных делах: английскому капиталу это несло опасность дополнительной конкуренции и снижения прибылей от колониального грабежа. Кроме того, печальный опыт с 13 американскими колониями подсказывал английским политикам, что этот опасный путь мог вполне привести к утрате последних английских владений в Северной Америке.

В первой трети XIX в. бывшая основа канадской экономики — добыча мехов и пушная торговля утратили свое первостепенное значение. Ведущими отраслями канадской промышленности становятся лесная и судостроение. Первым серьезным стимулом к развитию канадской лесной индустрии было введение Наполеоном I в 1806 г. континентальной блокады, оказавшей сильное влияние на экономику стран Европы и Америки. Ввоз в Англию прибалтийского леса сократился в несколько раз, и метрополия обратила взор на леса Канады. Пошлины на лес, ввозимый из Европы, были сильно увеличены, а в отношении канадского леса введены льготные тарифы. Мачтовый лес, идущий на постройку судов, ввозился в Великобританию из колонии беспошлинно⁸⁷.

Действие преференций было сильным⁸⁸. Однако не следует преувеличивать степень поддержки лесной промышленности колонии лондонскими властями. Метрополия рассматривала лес лишь как источник важного сырья и, по словам лидера канадских демократов У. Макензи, поддерживала добычу леса только для того, «чтобы не зачахло слабеющее английское судостроение»⁸⁹. Когда же потребность в канадском лесу уменьшилась в связи с переходом к металлическому судостроению, метрополия сразу же снизила пошлины на балтийский лес⁹⁰. Именно поэтому, несмотря на быстрый рост, уровень добычи леса в Канаде оставался низким. Этим тяжелым и примитивным трудом занимались в основном безденежные иммигранты, стремившиеся любым путем как можно быстрее заработать денег для покупки земли, и отдельные фермеры, для которых это был дополнительный заработок в зимнее время, помогавший прокормить семью и увеличить обрабатываемый участок земли.

Лесоразработки шли главным образом в долине р. Св. Лаврентия и в низовье р. Оттавы. Заготовленный зимой лес отправлялся сплавом на судостроительные верфи, расположенные по р. Св. Лаврентия, или же в порты Монреаль и Квебек, где грузился на лесовозные суда. Начиная с 20-х годов сплав леса по рекам Св. Лаврентия и Оттаве был особенно интенсивным. Только в

⁸⁷ *Diarmid O. J. Commercial Policy in Canadian Economy. Cambridge (Mass.), 1946, p. 26.*

⁸⁸ *Select Documents in Canadian Economic History, p. 332.*

⁸⁹ «*Colonial Advocate*», 1824, May 18.

⁹⁰ *Diarmid O. J. Op. cit., p. 41.*

1823 г. по р. Оттаве было спущено 300 плотовых «флотилий»⁹¹. Монреаль и Квебек становятся крупными лесоэкспортными портами. Здесь лес продавался судовладельцам или агентам торговых компаний.

В связи с тем, что первичная обработка древесины происходила до того, как ее погрузить на корабль, в Канаде возникает большое число лесопильных заводов. Так, по сообщениям русской прессы, в 1831 г. в Нижней Канаде было 737, а в Верхней Канаде 680 лесопилен⁹². Нередко они становились центрами, вокруг которых складывались постоянные населенные пункты.

Не только древесина являлась важным продуктом лесной промышленности. Многочисленные фермеры, расчищающие свою землю методом сжигания деревьев, становятся производителями большого количества золы, из которой после соответствующей обработки получали поташ — вещество со щелочными свойствами, пользующееся спросом. Поташ вывозился в Англию для нужд текстильной и химической индустрии и составлял одну из важных статей канадского экспорта. Только в Нижней Канаде в 1831 г. было 489 поташных мастерских⁹³.

Это может показаться неожиданным, но Канада, пожалуй, больше теряла, чем приобретала от развития торговли лесом с метрополией. Вот что пишут по этому поводу авторы истории канадских провинций: «В результате деятельности лесопромышленников многие прекрасные лесные массивы были полностью уничтожены, не принося ни продуктов для населения, ни капиталов для развития страны... Торговцы лесом, кто в основном и наживался на этом деле, после короткого пребывания в Канаде обычно прекращали свое дело и уезжали, забирая капитал с собой и лишая занятия большое число канадского населения, обреченного в результате этого на голодное существование»⁹⁴.

В начале XIX в. в Канаде наблюдается быстрый рост судостроения, которое было призвано прежде всего обеспечивать нужды Англии: английским судостроителям было дешевле построить верфь в колонии, чем везти лес через океан и строить судно в метрополии. Развитию судостроения способствовали интересы самой Канады, получившей на основе британских навигационных законов преимущества в торговле с Вест-Индией. В 20-е годы XIX в. судостроение развивается особенно быстро. В 1825 г. в Нижней Канаде было построено 61 судно общим водоизмещением 22 636 т. Всего в Британской Северной Америке только за один 1825 г. было построено 422 судна⁹⁵. Круп-

⁹¹ *Guillet E. C. The Lives and Times of the Patriots. An Account of the Rebellion in Upper Canada, 1837—1838, and the Patriot Agitation in the United States, 1837—1842. Toronto, 1963 (1-st ed. 1938), p. 234.*

⁹² «Сын отечества», 1840, т. 6, с. 247.

⁹³ Там же.

⁹⁴ *Canada and its Provinces. A History of the Canadian People and their Institutions. Ed. by A. Shortt, A. G. Doughty. Toronto, 1913, v. 4, p. 588.*

⁹⁵ *Martin R. M. Statistics of the Colonies..., p. 178, 289.*

КАНАДСКИЕ ПЛОТОГОНЫ НА Р. ОТТАВЕ

ным центром судостроения становится город Квебек. В 1825 г. в окрестностях этого порта строился 21 корабль большого водоизмещения⁹⁶.

Но успешное развитие лесной промышленности и судостроения продолжалось в Канаде недолго. С переходом в 30-х годах XIX в. от деревянного судостроения к металлическому и от парусных судов к пароходам эти две ведущие отрасли канадской промышленности вступили в полосу глубокого кризиса. Число строящихся судов резко сократилось. Торговля лесом и лесоразра-

⁹⁶ Nile's Weekly Register, 1825, Jan. 1, v. 27, p. 278.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ПОТАША

ботки также начинают приходить в упадок. Однако имевшиеся в колонии верфи деревянных судов послужили все же основой для строительства пароходов. В Монреале и Торонто на литейных мануфактурах вместе с металлическими плугами и другими медными и жестяными изделиями стали изготавливать пароводные двигатели. Первый пароход в Канаде был спущен на воду оз. Онтарио в 1809 г. Через два года к нему добавился еще один, а в 1819 г. на р. Оттаве появился первый пароход, на котором стоял судовый паровой двигатель канадского производства. Пароходы строились водоизмещением от 50 до 500 т, и в 1819 г. их уже насчитывалось в Канаде свыше десятка⁹⁷.

⁹⁷ Glazebrook G. P. de T. A History of Transportation in Canada. Toronto, 1938, p. 72.

В Канаде возникает и собственная металлургическая промышленность. Железодельательные заводы в Нижней Канаде имелись в Сен-Морисе и Труа-Ривьере. Железодельательный завод на р. Сен-Морис был построен еще в середине XVIII в., и в 30-х годах XIX в. на нем работало около 300 рабочих. Надсмотрщиками на заводе были англичане, а неквалифицированными рабочими — в большинстве своем франкоканадцы⁹⁸. В Нижней Канаде успешно работали три бумажные мануфактуры. Самая крупная из них — в Порт-Нефе — выпускала 600 т бумаги в год. 5—6 мануфактур действовало в Верхней Канаде. В Сент-Джонсе имелась фабрика по производству стекла, в Торонто — каретодельательная мастерская. Почти в каждом крупном населенном пункте были винокурни. В 1836 г. только в Нижней Канаде было произведено 400 тыс. галлонов спирта⁹⁹.

В 20—30-х годах в Канаде начинает развиваться своя хлопчатобумажная промышленность. В Шербруке была основана мануфактура, выпускавшая 1 тыс. ярдов полотна в день. Другая, в Шамбли, производила несколько меньше. В Монреале работали три специальные мастерские по производству канатов и веревки из конопли. Интересный перечень промышленных предприятий по округам Верхней Канады приводит Р. Мартин: в Джонстауне — мастерская по производству паровых двигателей, медеплавильня, мыловарня; в Припц Эдварде — 6 сукновален, маслобойня, 10 мастерских по производству саней, литейня и кузница; в Мидленде — 6 сукновален, бумажная мануфактура, мастерская по изготовлению шляп, кузница и железодельательный завод и т. д.¹⁰⁰

Однако перечисленные выше предприятия были, как правило, мелкими, с ограниченным использованием наемного труда, хотя последний находит все большее применение. Одной из причин, сдерживающих применение наемного труда рабочих, была нехватка рабочих рук, несмотря на рост иммиграции, и относительно высокая стоимость наемного труда, т. е. те же факторы, которые препятствовали росту крупного капиталистического землевладения в колонии. В качестве примера средних промышленных предприятий капиталистического типа можно привести сукновальню в Нижней Канаде, на которой работало 20 наемных рабочих¹⁰¹. В Хаукесбери на лесопильне, построенной в 1809 г., было занято 80 рабочих. Столько же работало на предприятии «Шелтон, Датчер энд компани», выпускавшем металлические изделия.

В целом же промышленность в колонии в первой трети XIX в. находилась еще на мануфактурной стадии производства. Наличие в Канаде мануфактуры как формы организации про-

⁹⁸ Select Documents in Canadian Economic History, p. 305—307.

⁹⁹ Ibid., p. 256 (1 галлон равен 4,5 л).

¹⁰⁰ Martin R. M. Statistics of the Colonies..., p. 196.

¹⁰¹ Ibid., p. 175.

изводства еще не означало, что она была определяющим фактором в экономике страны. Канадские мануфактуры свидетельствовали не о господстве капиталистических отношений, а скорее характеризовали способ производства, вызревающий внутри феодального общества. Недаром К. Маркс называл мануфактуру «архитектурным украшением», которое выделялось на фасаде здания, покоящегося на широком фундаменте городского ремесла и сельских промыслов. Промышленность в колонии еще в значительной степени основывалась на кустарных ремеслах и промыслах. Так, в Нижней Канаде в конце 30-х годов XIX в. насчитывалось 13,5 тыс. домашних ткацких станков, которые производили в год 1,5 млн. ярдов сукна, 990 тыс. ярдов фланели, 1,4 млн. ярдов полотна¹⁰².

Увеличение населения, рост промышленности и ремесла сказались на расширении внутреннего рынка и на развитии внутренней и внешней торговли колонии. Основным путем, по которому шла внутренняя торговля, была р. Св. Лаврентия. О том, сколь внушителен был объем этой торговли, говорит факт увеличения судоходства по этой водной магистрали. В 1815 г. самым большим судном для перевозки товаров между Кингстоном и Прескоттом являлась шхуна водоизмещением 40 т. В 1833 г. здесь совершали регулярные рейсы уже 14 пароходов водоизмещением от 30 до 500 т и 50 шхун водоизмещением от 40 до 150 т. В 1834 г. между Квебеком и Монреалем ходило 11 пароходов, совершавших свыше 700 рейсов в год¹⁰³. Выросло судоходство на оз. Онтарио. Если в 1812 г. на его канадском берегу имелось только 3 купеческих судна, то в 1826 г. их было уже около 40. В 1812 г. здесь не было ни одного парохода, а через 14 лет его воды бороздили 7 прекрасных по тем временам пароходов, построенных в провинции Верхняя Канада¹⁰⁴.

Об экономическом росте колонии и развитии там капиталистических производственных отношений свидетельствовали рост городского населения, расширение старых и возникновение новых городов. Крупными промышленными и торговыми центрами становятся Монреаль и Квебек. В Монреале были сосредоточены конторы акционерных компаний, торговых фирм и банков. Еще в 1819 г., когда население Монреаля насчитывало около 20 тыс. человек, каждый десятый домовладелец (в городе имелось 2,5 тыс. домов) являлся купцом или крупным торговцем¹⁰⁵. Быстро растущим промышленным центром становится Торонто в Верхней Канаде. Вот что писал Ч. Диккенс, посетивший Канаду в конце 30-х годов: «Город лежит на совершенно плоской равнине, а потому его окрестности ничуть не живописны, зато

¹⁰² *Martin R. M. Statistics of the Colonies...*, p. 175.

¹⁰³ *Martin R. M. History, Statistics and Geography...*, p. 323—325.

¹⁰⁴ *Nile's Weekly Register*, 1826, Oct. 7, v. 31, p. 87.

¹⁰⁵ *Doige T. An Alphabetical List of the Merchants, Traders and Housekeepers Residing in Montreal. Montreal, 1819.*

сам он полон жизни и движения, суматохи, деятельности и стремления к усовершенствованию. Улицы прилично вымощены и освещаются газовыми фонарями; дома большие и хорошие; магазины превосходные. Витрины многих из них могли бы потягаться с витринами в главном городе какого-нибудь процветающего графства Англии, а иные не посрамили бы и столицы»¹⁰⁶.

Одним из основных препятствий на пути развития внутреннего рынка и хозяйства колонии стало отсутствие необходимых путей сообщения. Дороги в стране были в ужасном состоянии. Почти каждый путешественник того времени отмечал это «национальное бедствие» Канады. Первая мощеная дорога в Канаде появилась только в 1836 г.¹⁰⁷ В 1832 г. образовалась «Железнодорожная компания Шамплейна и Св. Лаврентия» с капиталом в 50 тыс. ф. ст. для строительства первой железной дороги. Но результат ее деятельности был жалок: в 1836 г. построили крохотную железнодорожную ветку в обход порогов на р. Ришельё и по ней был пущен паровоз английского производства¹⁰⁸.

В силу географических условий в Канаде важную роль призвано было сыграть водное сообщение, прежде всего по р. Св. Лаврентия, но многочисленные пороги и водопады мешали развитию судоходства и лесосплаву. В колонии уже давно ощущалась потребность в строительстве каналов в обход порогов. Но только в 20—30-х годах в Канаде начинается строительство каналов. В строительстве каналов с точки зрения их стратегического значения оказалась заинтересованной в отдельных случаях и метрополия, ибо война 1812—1814 гг. показала военное значение коммуникаций по р. Св. Лаврентия¹⁰⁹.

Английское правительство в 1826 г. приступило к строительству канала Ридо — водного пути длиной 130 миль от р. Оттавы до Кингстона на оз. Онтарио. Строительство завершилось в 1832 г.¹¹⁰ В 1824 г. в Верхней Канаде была создана акционерная компания по строительству нового Уэллендского канала в обход Ниагарского водопада. В числе акционеров находились губернатор провинции Мейтленд, главный судья и лидер правящей верхушки колонии Робинсон и другие официальные лица из правительственных кругов. Строительство канала оказалось чрезвычайно трудным не столько из-за природных условий, сколько из-за коррупции, которая развернулась вокруг этого предприятия. Значительную долю средств владельцы компании присваивали себе, а последняя превратилась, по меткому выражению историка, в «персонально контролируемую организацию по пере-

¹⁰⁶ Диккенс Ч. Собр. соч. в 30-ти томах. М., 1958, т. 9, с. 252.

¹⁰⁷ Glazebrook G. P. de T. Op. cit., p. 120.

¹⁰⁸ Ibid., p. 153.

¹⁰⁹ Creighton D. G. The Commercial Empire of St. Lawrence. 1760—1850. Toronto, 1959, p. 192; Glazebrook G. P. de T. Op. cit., p. 78.

¹¹¹ См.: Legget R. F. Rideau Waterway. Toronto, 1955.

распределению государственных средств»¹¹¹. С большим трудом канал был построен в 1829 г.

Строительство каналов в обход водопадов на реках Ниагаре и Св. Лаврентия в целом, конечно, способствовало экономическому развитию страны. Каналы открывали путь на колонизируемый Запад и связывали его удобной коммуникацией с мировым рынком. Но все же каналы не отвечали в полной мере интересам национальной канадской экономики и далеко не удовлетворяли потребности во внутренних путях сообщения. Строительство каналов стало очередной синекурой для местной правящей клики и крупных монреальских капиталистов, наживавшихся на этом деле.

Развивающаяся промышленность и внутренний рынок Канады требовали активных капиталовложений, без которых развитие капиталистического предпринимательства и торговли было невозможно. В денежном кредите нуждались торговцы и фермеры, начинающие свое дело, будь то лавка или же ферма. Потребность в капиталах и в организации банковского дела, ощущалась в стране очень остро. Первый банк в Британской Северной Америке возник в 1817 г. в Монреале¹¹². В 1819 г. образован Банк Верхней Канады, в 1832 и 1835 гг. были созданы банки в округах Мидленд и Гор. Наряду с крупными банками существовали мелкие: Сельскохозяйственный банк, Фермерский банк, Народный банк. Но правом выпуска банкнот в Верхней Канаде обладали лишь три так называемых установленных банка. В Нижней Канаде такими «установленными» банками были Монреальский, Квебекский и Городской, хотя наряду с ними существовали и мелкие: Народный банк, «Банк Сент-Иасент» и др. Всего к 1837 г. в провинциях Британской Северной Америки насчитывалось 18 банков¹¹³.

Крупные банки являлись привилегированными корпорациями, тесно связанными с правительственными кругами. Так, например, четверть акций Банка Верхней Канады принадлежала правительству, которое к тому же назначало 4 из 15 его директоров. В действительности же этот банк полностью находился под контролем правительства: 9 его директоров были членами либо исполнительного, либо законодательного советов провинции или же занимали важные официальные должности. Список директоров возглавлял архиепископ Д. Стрэчен — глава англиканской церкви и лидер правящих кругов в провинции. Банковская монополия была объектом критики со стороны национальной буржуазии и демократических элементов.

¹¹¹ *Aitken H. G. The Welland Canal Company: a Study in Canadian Enterprise. Cambridge (Mass.), 1959, p. 86.*

¹¹² См. подробнее: *Denison M. Canada's First Bank. A History of the Bank of Montreal. Toronto, 1966—1967, v. 1—2.*

¹¹³ *Martin R. M. Statistics of the Colonies..., p. 174, 209; App. 3, p. 51.*

Положение местной канадской буржуазии в период английского господства оставалось далеким от процветания. Ее уделом оставалась в основном посредническая торговля. Вся крупная торговля колоний, экспорт и импорт были в руках торговых компаний и различных акционерных обществ, капитал которых, как правило, был британского происхождения. В руках этих компаний сосредоточивались все важные отрасли и пути сообщения. Монреальские банкиры прибрали к рукам все вновь построенные каналы, за провоз по которым они установили очень высокие сборы и свели практически на нет выгоды от эксплуатации каналов для мелких торговцев и фермеров. В 30-х годах на страницах канадских газет все чаще можно было встретить высказывания вроде следующего: «Если до сих пор мы были лишены законных прибылей от наших коммерческих дел и обогащали монреальских купцов тем, что разоряли самих себя, это совсем не значит, что нам и впредь необходимо поступать так же»¹¹⁴.

Наиболее губительно колониальные узы сказывались на внешней торговле Канады. Торговые связи колониальной Канады с внешним миром постоянно расширялись по мере роста населения и хозяйства страны. Необходимость интенсивной внешней торговли диктовалась также слабым развитием собственной промышленности в колонии. О том, насколько объем внешней торговли был велик, красноречиво свидетельствует хотя бы количество обслуживающих ее нужды судов. В 1806 г. в Нижнюю и Верхнюю Канаду прибыло 90 английских судов и отбыло 97, в 1826 г. — соответственно 732 и 662, в 1836 г. в торговле с Канадой было занято 2 тыс. английских судов общим водоизмещением 500 тыс. т¹¹⁵. В 30-х годах колония уже имела свой собственный торговый флот. «Корабли, построенные в сих колониях, нагружаются ежегодно 30 тыс. т по 7 ф. ст. за тонну, а количество грузов на кораблях, принадлежащих собственно колониям, простирается до 350 тыс. т», — сообщала своим читателям в 1837 г. русская газета «Московские ведомости»¹¹⁶.

Разумается, наиболее интенсивные торговые отношения колония имела с метрополией. В Канаду импортировалось огромное количество английских товаров. Так, в 1830 г. 900 тыс. жителей Британской Северной Америки потребили английских товаров на 2 млн. ф. ст., в то время как вся Северная Европа, где населения было значительно больше, затратила на английские товары только 600 тыс. ф. ст.¹¹⁷ «Каждый житель в наших колониях, — писал в 1829 г. один из авторов брошюры об эмиграции в Канаду, — потребляет ежегодно промышленных изделий Англии на сумму 3—4 ф. Только с этой точки зрения колонии имеют боль-

¹¹⁴ Select Documents in Canadian Economic History, p. 178.

¹¹⁵ Bouchette J. The British Dominions..., v. 2, p. 239.

¹¹⁶ Московские ведомости, № 60, 1837, 28 июля.

¹¹⁷ Old Inhabitant. Observations on the Importance of the North American Colonies to Great Britain. London, 1831, p. 7.

шую ценность, не учитывая еще того, что прямо или косвенно получают многие тысячи жителей Соединенного Королевства от судоходства, причастного к колониальной торговле»¹¹⁸. Двумя годами позже другой автор указывал, что «Россия, Дания, Пруссия, Швеция и Норвегия с общим населением 47 млн. человек не потребляют столько английских изделий из шерсти, хлопка, пряжи, кожи, железа и стали, как 1,2 млн. жителей Британской Северной Америки»¹¹⁹.

Обширной была торговля Канады со своим южным соседом — Соединенными Штатами. Достаточно сказать, что, например, в 1819 г. ввоз американских товаров, облагаемых пошлиной (это значит без учета большого количества контрабандных товаров) равнялся общему ввозу из Англии и Вест-Индии¹²⁰. Война 1812—1814 гг. лишь на время прервала торговые связи между двумя соседями. Сразу по окончании военных действий американцы довольно интенсивно стали вторгаться на канадский рынок. В 1824 г. «Найлс уикли реджистер» сообщала о большом объеме торговли через американо-канадскую границу: «Американские хлопок, готовые изделия, лошади, телеги, мебель, звонкая монета и другая собственность, которая была ввезена в Куинстон за последние две недели поселенцами, купцами и другими лицами, с полным основанием могут быть оценены не меньше чем в 15 тыс. дол. Мы не включаем сюда стоимость контрабандных товаров, которые были перевезены ночью»¹²¹.

Кроме торговли с метрополией и Соединенными Штатами, Канада имела довольно значительные торговые связи с другими колониальными владениями Великобритании, прежде всего с Вест-Индией.

Однако общий объем колониальной внешней торговли еще не говорит о ее характере и направленности. Гораздо важнее проанализировать структуру канадского ввоза и вывоза, а также соотношение между ними. Основу канадского экспорта в метрополию составлял лес. В 1816 г. из Британской Северной Америки отбыло в Англию кораблей с лесом общим водоизмещением 200 тыс. т, в 1818 г.— 300 тыс. т¹²². В 1834 г., несмотря на упадок лесоторговли, вывоз леса составлял две трети всего канадского экспорта в Англию общим объемом в 784 457 ф. ст.¹²³ Кроме того, Канада вывозила в метрополию зерно, муку, свинину, рыбу, поташ, меха, соль и многие другие товары. Ввозила Канада прежде всего промышленные изделия, спиртные напитки, чай, специи, табак, кофе. Как поставщик хлеба для метрополии колония утверждается в самом начале XIX в., когда экспорт ка-

¹¹⁸ Macgregor J. Op. cit., p. VIII.

¹¹⁹ Old Inhabitant. Op. cit., p. 7.

¹²⁰ Diarmid O. J. Op. cit., p. 30.

¹²¹ Nile's Weekly Register, 1824, Jun. 19, v. 26, p. 252.

¹²² Innis M. Q. An Economic History of Canada. Toronto, 1954, p. 112.

¹²³ Select Documents in Canadian Economic History, p. 274.

надской пшеницы возрастает и становится довольно значительным¹²⁴.

Канадские фермеры, производившие пшеницу, были заинтересованы в ее допущении на английский рынок. Но в Англии с 1815 г. был введен «хлебный закон», согласно которому в случае падения цен на хлеб в стране колониальная пшеница не допускалась на английский рынок, а в силу действующих навигационных актов она не могла продаваться и где-либо в другом месте. Поскольку цены на хлеб падали очень часто и неожиданно, тем более для заокеанских торговцев, это сильно ударило по канадскому фермерству. В 1821 г. канадская газета писала: «Амбары наших фермеров и лавки торговцев сейчас переполнены пшеницей, которая быстро портится и утрачивает с каждым днем свою ценность, а продать ее за приличные деньги невозможно. В то же время большинство фермеров неблагоразумно залезли в долги в расчете на продажу своего зерна по обычной цене. Теперь они находятся под угрозой, что вся их земля, постройки, скот, орудия труда и мебель будут конфискованы судебным иском или же проданы за полцены»¹²⁵.

Внешняя торговля колонии имела постоянный пассивный баланс. В 1816 г. экспорт из порта Квебек (лес, меха, поташ, зерно, мука) составил 480 тыс. ф. ст. В том же году импорт (готовые изделия, вино, ром, виски, джин, сахар, кофе, патока, табак, чай, соль) оценивался в 2 174 796 ф. ст.¹²⁶ Как видим, баланс не в пользу колонии около 1 700 000 ф. ст.

Превышение импорта над экспортом из колонии постоянно увеличивалось в первой трети XIX в. На протяжении 10 лет, с 1827 по 1836 г., объем канадского экспорта возрос совсем незначительно, в то время как импорт товаров из Англии — почти в 3 раза и общий пассив торгового баланса составил в 1836 г. более 2 млн. ф. ст.¹²⁷ Следует учитывать, что английские промышленные товары продавались в Канаде на 50—75% дороже, чем в Англии¹²⁸. Это был колоссальный косвенный налог и значительный источник доходов для правящих классов Англии. Всю тяжесть этого бремени несли на себе колонисты. Таким образом, торговля метрополии с колонией являлась одним из основных методов колониальной эксплуатации населения Канады Великобританией.

В целях сохранения и упрочения подобного положения Великобритания осуществляла особые мероприятия в области колониальной торговой политики. В 1783 г. вступили в действие для Британской Северной Америки навигационные акты, которые за-

¹²⁴ См. данные об экспорте зерна и муки из Канады: *Select Documents in Canadian Economic History*, p. 265—266.

¹²⁵ Цит. по: *Ibid.*, p. 236.

¹²⁶ *Nile's Weekly Register*, 1817, Mar. 29, v. 12, p. 70.

¹²⁷ *Martin R. M. Statistics of the Colonies...*, App. 3, p. 47.

¹²⁸ *Macgregor J. Op. Cit.*, p. 65.

прещали колонии торговать с другими странами, кроме Англии, и перевозить товары на иных судах, кроме английских. Несколько раньше был принят Квебекский акт о доходах 1774 г., согласно которому ром, ввозимый в Канаду из Вест-Индии, облагался пошлиной в размере 6 пенсов за галлон, из других английских владений в Америке — в размере 9 пенсов, из других стран и колоний — в размере 1 шилл. Ром, ввозимый в Канаду из Англии, облагался пошлиной лишь в размере 1 пенса за галлон! Патока, из которой изготовлялся ром, облагалась при ввозе в Канаду пошлиной в размере 3 пенсов, если привозилась на английских судах или канадских, и 6 пенсов — на судах других стран ¹²⁹. В результате ром обходился Канаде дешевле, если ввозился из Англии, а не из Вест-Индии, где он производился.

Отметим, что подобной меркантилистской по духу политики Англия строго придерживалась только в отношении морской торговли, строго соблюдая интересы английского судоходства. Что касается американо-канадской торговли через материк, то здесь с самого начала английское правительство выражало готовность пойти на компромисс с американскими бизнесменами. Издержки этого компромисса должны коснуться прежде всего канадских поселенцев и мелкого национального бизнеса, зато эта сделка могла ослабить экспансионистские устремления со стороны США. Исторические факты достаточно убедительно подтверждают этот вывод. Еще в 1788 г. Великобританией была объявлена свободная торговля между США и Канадой лесом, морскими продуктами, пенькой, льном, зерном и всеми продуктами, которые производились в соседних американских штатах. Несмотря на сильную оппозицию канадских производителей, был разрешен ввоз в колонию американского поташа и табака. В 1819 г. было принято решение о беспошлинном ввозе в Канаду из США леса, пшеницы и другого зерна, хлопка, шерсти, продуктов питания. Все же промышленные товары облагались при ввозе из США в Канаду очень высокими пошлинами, а ввоз некоторых вообще был запрещен, особенно неамериканского производства ¹³⁰.

Разумеется, что подобный порядок не отвечал потребностям внутреннего канадского рынка, ибо все беспошлинные товары производились в самой колонии и их производители, естественно, страдали от американской конкуренции.

Своеобразным ответом-протестом канадских поселенцев на запретные меры колониальных властей стало бурное процветание контрабандной торговли с США. Нужда в дешевых предметах первой необходимости заставляла канадских фермеров, рабочих и мелких дельцов заниматься этим рискованным бизнесом. Многочисленные источники воссоздают достаточно яркую картину контрабанды через американскую границу. В прессе тех лет мы нахо-

¹²⁹ Statutes..., p. 140—142.

¹³⁰ Diarmid O. J. Op. cit., p. 19, 24—29.

дим поразительные данные о масштабах контрабандной торговли чаем. «Найлс уикли реджистер» писала в 1824 г., что ежегодное потребление чая в Канаде составляет около 20 тыс. ящиков, из которых 16 тыс. ввозятся контрабандой из США¹³¹. Этот же орган сообщал в 1831 г. о случаях крупной контрабанды промышленных товаров через американо-канадскую границу и отмечал, что в этом проявляется англо-американское промышленное соперничество¹³².

В первой трети XIX в. британская колониальная политика в Канаде претерпела некоторые изменения. Английский парламент принял ряд актов (Акт о канадской торговле 1826 г., Акт о колониальной торговле 1831 г., и др.), которые ознаменовали собой начало упадка политики меркантилизма и утверждения эпохи фритридерства. Несколько ослабляя колониальные ограничения и вводя новые правила торговых отношений своих владений с другими странами и метрополией, Англия признавала частичное право других стран участвовать в торговле с Британской Северной Америкой. Разрешался морской ввоз определенных товаров из США и других американских государств в некоторые порты Канады, но только на английских судах или же судах той страны, где они были произведены. Подобным же образом разрешался вывоз канадских товаров в другие страны или владения в Америке. Торговля с европейскими странами могла вестись лишь на английских судах. Только английские суда могли осуществлять перевозки из одной английской колонии в другую или же в метрополию. Для иностранных судов в Британской Северной Америке были открыты порты Квебек, Галифакс, Сент-Джонс и несколько других¹³³.

Интересно, что, как и прежде, среди товаров, разрешенных для ввоза в Канаду из других стран, было много таких, которые производились в самой Канаде, но не было ни одного, который бы производился в Великобритании! В результате положение почти не изменилось: канадская торговля по-прежнему оставалась привязанной к метрополии и служила придатком ее хозяйственной системы. Об этом говорит достаточно красноречиво состав судов, прибывших в порт Квебек в 1836 г. Из 1146 судов 880 прибыло из Великобритании, из других портов Британской Северной Америки — 147, из Соединенных Штатов — 50, из других иностранных государств — 42¹³⁴.

Канадская национальная экономика и торговля были буквально втиснуты в прокрустово ложе колониальных ограничений. Стремление широких слоев канадцев освободиться от них становится все более заметным. «Пусть нам позволят покупать на самом дешевом рынке и продавать на самом дорогом, который нам

¹³¹ Nile's Weekly Register, 1824, Sept. 4, v. 27, p. 16.

¹³² Nile's Weekly Register, 1831, Oct. 1, v. 41, p. 77.

¹³³ Constitutional Documents. 1819—1828, p. 217, 223, 227.

¹³⁴ Martin R. M. Statistics of the Colonies..., p. 170—172.

доступен, пусть наша торговля будет освобождена от всех ограничений... Ошибочно думать, что наше процветание создается колониальной системой торговли... Оно создается трудолюбивым народом, развивающим страну, обладающую большими природными богатствами, и требование нашего времени в том, чтобы освободиться от английской зависимости», — писала канадская пресса ¹³⁵.

Итак, экономическое развитие колониальной Канады в первой трети XIX в. достигло определенных успехов. Быстрый рост населения, заселение страны, увеличение производства промышленности и сельского хозяйства, развитие внутренних и внешних торговых связей, банковского дела способствовали утверждению в стране капиталистического способа производства. Однако хозяйственное развитие провинций Британской Северной Америки было подчинено интересам метрополии и местной колониально-феодальной верхушки. Трудный доступ к незанятым землям, сохранение феодальных порядков на значительной части территории колонии, а также многочисленные колониальные ограничения в сфере промышленности и торговли сдерживали рост производительных сил страны. Весь ход экономического развития Канады выдвинул объективную задачу устранения препятствий на пути дальнейшего роста элементов нового общественного строя. В Канаде сложились экономические предпосылки для буржуазной и антиколониальной революции.

---

¹³⁵ Select Documents in Canadian Economic History, p. 347—349.

Глава шестая

КРИЗИС СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ И ИДЕЙНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ

КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА КАНАДСКОГО ОБЩЕСТВА

Многоукладность канадской экономики и противоречивость процесса развития капиталистических отношений в колониальной Канаде обусловили довольно сложную социальную структуру канадского общества, характер классовых отношений и расстановку политических сил в этой стране в ходе освободительной борьбы.

В первой трети XIX в. в колониальных провинциях сложилась вполне отчетливая правящая верхушка, вошедшая в исторические анналы под названием «семейный союз» (Family Compact) — в Верхней Канаде и «дворцовая клика», или «клика Шато» (Chateau Clique), — в Нижней Канаде. «Семейный союз» и «дворцовая клика» — явление, действительно, необычное в канадской истории. Его природа оказалась скрытой не только от многих современников событий, но и от тех, кто позднее пытался описать прошлое. Некоторые даже ставили под сомнение сам факт существования определяемого этими терминами какого-то привилегированного класса или группу людей, управляющих колонией и занимающих господствующее положение во всех сферах ее жизни. Так, английская писательница А. Джеймсон отзывалась о «семейном союзе», как о «самозванной аристократии, которая ни на что реальное не опирается»¹. Более внимательный очевидец Р. Бонникасл отозвался о «семейном союзе», как о «самозванной аристократии, состоящей из первоначальных поселенцев, занимающих официальные должности»².

Приведенные выше характеристики затрагивают внешнюю сторону явления. Несомненно, что это была «относительно небольшая, тесно связанная между собой группа людей, под контролем которой находилось правительство»³, — как отмечает историк Дж. Крэйг. Однако это еще ничего не объясняет.

¹ Jameson A. Winter Studies and Summer Rambles in Canada, v. 1—2. Toronto, 1943, v. 2, p. 98.

² Bonnycastle R. H. The Canadas in 1841, v. 1—2. London, 1841, v. 1, p. 170.

³ Craig G. Upper Canada. The Formative Years. 1784—1841. London, 1963, p. 107.

Формирование правящей колониальной верхушки началось со времени установления колониального господства Великобритании над Канадой, когда, по словам Дарэма, «чиновники гражданского правительства вместе с армейскими офицерами составили привилегированный класс, заняв первое место в обществе и изгнав представителей высшего класса из числа коренных жителей (имеются в виду франкоканадцы.— В. Т.) как из правительства, так и из верхушки общества»⁴.

Английское правительство установило щедрые оклады и многочисленные привилегии для служителей нового режима. В Канаду устремились многочисленные честолюбцы и авантюристы в надежде выслужиться перед короной или же просто обедневшие аристократы, мечтавшие поправить свое материальное положение. Эти люди и составили основу штата колониальной администрации. Однако они не стали каким-то особым классом «бюрократов», как называет высших должностных лиц историк Д. Крейтон⁵. Очень скоро, как мы уже знаем, колониальные чиновники приобрели огромные участки земли, превратившись в крупных землевладельцев-латифундистов. Кстати, при образовании провинции Верхняя Канада колониальная администрация была почти полностью сформирована из привилегированной части богатых лоялистов, которые также являлись крупными владельцами земли⁶.

Этот слой земельной аристократии представлял собой не что иное, как феодальных или полуфеодальных собственников земли, живущих за счет взимания ежегодной ренты (квитренты) с мелких фермеров или же феодальных платежей, если земельные пожалования были получены ими в свое время в форме сеньории. Социальную природу завоевателей как «новых сеньоров» характеризует и тот факт, что английские колонизаторы, дабы укрепить свое влияние в новых владениях, прежде всего установили союз со старым правящим классом бывшей французской Канады, т. е. франкоканадскими феодалами-сеньорами. «Дворцовая клика» в Нижней Канаде совсем не была союзом англичан против французов. В ней нашлось место и для наиболее влиятельных лендлордов — владельцев сеньорий в долине р. Св. Лаврентия. За ними были сохранены не только земли и привилегии, но и предоставлены высокие посты в системе колониального режима. «На практике,— пишет Дарэм,— тем не менее пришлось укрепить союз с профеодальной католической иерархией и французскими лендлордами, чтобы нанести поражение демократическим силам французского среднего класса и крестьянства...»⁷.

⁴ *Durham J. G. L. The Report on the Affairs of British North America. London, 1902* (далее — *Durham's Report*), p. 20.

⁵ *Creighton D. The Economic Background to the Rebellion of 1837.— CJEPS, 1937, v. 2, p. 323.*

⁶ *Craig G. Op. cit., p. 21.*

⁷ *Durham's Report, p. 11.*

Получив из рук английской короны главный источник своего богатства — землю и политическую власть, крупная земельная аристократия была предана метрополии, стремилась упрочить свое привилегированное положение. Этот класс феодальных собственников земли составлял одну из основ господствующей колониальной верхушки, являясь главной опорой колониального режима. Однако следует учитывать, что Канада стала владением Великобритании, когда в метрополии уже утвердился буржуазный строй. Английская торговая буржуазия буквально хлынула во вновь приобретенные владения в поисках больших прибылей. «Английский капитал,— отмечал современник событий,— привлекало в Канаде огромное количество экспортной продукции и большие возможности для торговли»⁸.

Главной резиденцией английской торговой буржуазии стал Монреаль — средоточие штаб-квартир компаний, страховых обществ и банков. Банкиры и крупные торговцы составляли богатую и влиятельную часть населения этого самого крупного города колонии. В 1819 г. в Монреале проживало 243 крупных торговца⁹. Преобладающим занятием этой группы людей была колониальная торговля. Представители торгового капитала были кровно заинтересованы не только в сохранении зависимости Канады от Великобритании, но и в покровительстве местной знати — земельной аристократии. «Английские торговцы,— замечает канадский историк,— понимали, что они смогут обеспечить свои интересы перед лицом враждебного французского большинства, связав себя с олигархией... Наравне с богатыми лоялистами, пустившими корни в Нижней Канаде, крупные торговцы заняли все места в исполнительном совете и официальные посты в провинции, образовав «дворцовую клику»»¹⁰.

Однако в первой трети XIX в. характер правящей верхушки несколько изменился. Упадок мехоторговли, частичный переход к фритредерству, рост земельной спекуляции и успехи национального канадского бизнеса ухудшили условия деятельности торговой буржуазии, капитал которой носил в значительной степени еще купеческий характер, ибо держался на посреднической торговле. Как указывал К. Маркс, «самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к степени развития капиталистического производства» и «монополия посреднической торговли, а вместе с тем и сама эта торговля, приходит в упадок по мере экономического развития тех народов, которые она эксплуатировала...»¹¹.

Пример колониальной Канады — убедительное подтверждение этой отмеченной К. Марксом закономерности. Сколотив прилич-

⁸ Ibid., p. 21.

⁹ См.: *Doige T. An Alphabetical List of Merchants, Traders and Householders Residing in Montreal. Montreal, 1819.*

¹⁰ *Careless J. M. S. Canada. A Story of Challenge. Cambridge, 1963, p. 177.*

¹¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 361.*

ные состояния на мехо- и лесоторговле, многие представители старой торговой буржуазии в первой трети XIX в. покинули страну, а часть из них приобрели сеньории, вложили свои капиталы в банки, занимали аристократические титулы¹². Эта категория меньше всего была заинтересована в развитии местного производства. Как пишет С. Райерсон: «Купцы, накопившие „первоначальный капитал“ путем извлечения сказочных прибылей из „торговли“ с индейцами, были мало заинтересованы в том, чтобы иметь дело с менее прибыльными сыромятнями, конопляными мастерскими и другими формами раннего капиталистического производства»¹³. Но все же в начале XIX в. в связи с общим развитием хозяйства колонии и роста ее торговых связей часть торговцев английского происхождения начали ставить свое дело на широкую капиталистическую ногу, не ограничиваясь только торговыми операциями. Они становились владельцами судов, доверфей, лесопилен и других промышленных предприятий, так или иначе связанных с колониальной торговлей. Эту новую «деловую элиту» начала XIX в. Ф. Уэллс определил так: «импортеры, торговцы лесом и зерном, судовладельцы и акционеры банков»¹⁴. Торгово-промышленный характер, который начинает приобретать колониальная буржуазия в Канаде, не ослабил ее связи с метрополией. Все эти новые буржуа по-прежнему рассматривали колонию лишь как выгодную сферу приложения своих капиталов. По сути, они оставались торговцами, а производство рассматривали как вспомогательный элемент.

Крупная монреальская буржуазия, сохраняя всесторонние связи с метрополией, не была заинтересована в развитии собственно канадской промышленности и всячески стремилась сохранить старый порядок, основанный на полной колониальной зависимости. В этом ее интересы полностью совпадали с интересами земельной аристократии. На основе общности классовых интересов и сложился союз крупных торговцев-буржуа и лендлордов-латифундистов, что придало правящей колониальной верхушке Канады особо реакционный характер.

Основной целью этого альянса «верхов» было установление господства меньшинства над большинством, сохранение своего влияния перед лицом растущего давления и недовольства не только со стороны народных низов, но и крепнущей национальной канадской буржуазии, стремившейся к устранению колониальной зависимости и к участию в управлении страной.

Накануне восстания 1837 г. правящая верхушка обладала безраздельным влиянием во всех сферах экономической и политической жизни канадских провинций. Вот как предстает «семейный

¹² Dubuc A. Problems in the Study of the Stratification of the Canadian Society from 1760 to 1840.— CHAR, 1965, p. 25.

¹³ Ryerson S. B. The Founding of Canada, p. 149.

¹⁴ Quellet F. Histoire économique et sociale du Québec, 1760—1850. Montréal, 1966, p. 29.

союз» Верхней Канады со страниц «Доклада» лорда Дарэма: «На протяжении долгого времени эта группа людей, время от времени пополнявшая свои ряды, обладала почти всеми высшими государственными должностями, посредством которых, а также благодаря своему влиянию в Исполнительном совете, прибрала к рукам всю правительственную власть. Главенствуя также и в Законодательном совете, она распространяет свое влияние и на законодательные дела провинции. Кроме того, «семейный союз» держит под своим контролем большое число второстепенных должностей, находящихся в ведении правительства... Суд, магистрат, высшие должностные лица епископальной церкви состоят из приверженцев этой партии. Путем пожалований или за деньги они прибрали к своим рукам почти все свободные земли провинции. Они — полновластные хозяева в банках и до последнего времени делили между собой почти исключительно все должности в советах компаний, а заодно и прибыль»¹⁵.

Представители колониальной верхушки часто занимали по несколько должностей одновременно, обогащаясь и укрепляя свои позиции. «Поскольку должностей было много,— свидетельствует современник,— а сфера выбора ограничивалась определенным кругом лиц, множественность в занятии должностей стала правилом»¹⁶. В результате и без того высокие жалования становились еще выше.

Большинство членов правящей верхушки проживало в городах Квебеке, Монреале и Торонто. «Классовые различия были очень резко выражены в то время,— считает авторитетный историк Э. Джиллет,— и фешенебельное общество первых городов составляла относительно малая часть населения»¹⁷ — те из числа привилегированных, кто на периферии старался не отстать от столичных богачей.

Путешествовавший в 1832 г. по стране священник И. Фидлер был поражен многочисленностью прислуги в доме мирового судьи в одном из мелких населенных пунктов, а также «комфортом и роскошью цивилизованной жизни в этой глуши»¹⁸.

Следует отметить, что вопрос о существовании социально-классовых различий в Канаде, особенно в районах новых поселений, имеет принципиальное значение для трактовки североамериканской истории. Как известно, многие канадские историки испытывали сильное влияние идей американского историка Ф. Д. Тернера¹⁹ и пытались применить его концепцию границы при объ-

¹⁵ Durham's Report, p. 105.

¹⁶ Gourlay R. Statistical Account of Upper Canada... Edinburgh, 1821, v. 2, App. LXXXIX.

¹⁷ Guillet E. C. Early Life in Upper Canada. Toronto, 1963, p. 195.

¹⁸ Fidler I. Observation on the Professions, Literature, Manners and Emigration in the United States and Canada, Made During a Residence There in 1832. New York, 1833, p. 220.

¹⁹ См.: Сороко-Цюпа О. С. Историческая концепция Ф. Д. Тернера и канадская историография.— Американский ежегодник. 1972. М., 1972.

яснении истории Канады, полагая вслед за ним, что в районе черты новых поселений классовых различий, а значит и противоречий, не существовало. Так, известный канадский историк А. Лоуэр писал, что на границе в основном «людей оценивали по их способности самостоятельно справиться с делом и по умению жить добрососедски. Знатный или же ученый человек не могли рассчитывать на многое, если оказывались в районе раскорчевки леса»²⁰.

Достаточно авторитетные документальные свидетельства и новейшие исследования опровергают положение о бесклассовом характере канадского общества в районах новых поселений. В частности, канадский историк М. Кросс, специально исследовавший вопрос о формировании аристократии в долине р. Оттавы, пришел к выводу, что в этом районе новых поселений и развивающейся лесодобычи система социальной иерархии существовала буквально с момента прибытия поселенцев. Господствующие позиции забирала в свои руки очень узкая группа людей, «знать», определяющим моментом принадлежности к которой являлась не только собственность, но и не в меньшей мере родословная поселенца и его приверженность установленным институтам, прежде всего колониальному режиму. «Подобно хлопковой аристократии юга Соединенных Штатов,— пишет М. Кросс,— они придавали особое значение тем сторонам, которые выделяли их из массы, обуславливая их место в обществе, а именно: честь, культура, воспитание,— которые они скорее пародировали, чем копировали с английских»²¹.

Явные признаки углубления социальной пропасти между имущими и неимущими, разложения и деградации правящего класса особенно стали заметны в предреволюционные десятилетия. Источники почти единодушно отмечают, что в 20—30-е годы в среде «семейного союза» и «дворцовой клики» почти не было действительно сильных и способных личностей. Исключение, пожалуй, составляли лидеры «семейного союза» в Верхней Канаде: архиепископ Торонто Джон Стрэчен, сосредоточивший в своих руках огромную власть, богатство и многочисленные посты, и его верный ученик, главный судья провинции и глава законодательного совета Джон Робинсон. Однако «сыновья этих людей были людьми, которых невозможно было не презирать,— пишет один из первых историков восстания 1837 г.— Наверняка, на свете не было более презренной и в высшей степени никчемной группы людей, чем четыре пятых второго поколения этой ублюдочной аристократии... Многие из них, даже включая тех, кто занимал высокие должности, были столь безграмотны, что не могли на-

---

²⁰ Lower A. R. M. *Colony to Nation: A History of Canada*. Toronto, 1964, p. 49.

²¹ Cross M. *The Age of Gentility: The Formation of an Aristocracy in the Ottawa Valley*.— CHAR, 1967, p. 110.

писать простое деловое письмо без орфографических ошибок»²².

Пристроившись у правительственной кормушки, презирая народ и не заботясь об интересах страны, правящая верхушка все больше погрязала в роскоши и безделье. Ее представители пытались копировать высший свет метрополии: строили жилища на манер английских манор-хаусов, устраивали поздние и длительные трапезы с помпой и церемониалом, выезжали в экипажах, украшенных фамильными гербами, с лакеями в ливреях и позументах. «Я не ожидала обнаружить здесь,— писала из Торонто А. Джеймсон,— в этой новой столице новой страны, с безграничными лесами вокруг, средоточие самых худших пороков старой социальной системы, которая существует у нас дома. Торонто, подобный самому захудалому провинциальному городишку метрополии, обладает в то же время претензиями на столичный город. Здесь есть своя мелкая колониальная олигархия, самозванная аристократия, которая не имеет никакой реальной основы»²³.

Правящий класс колонии отличался особой кастовостью, реакционностью и нетерпимостью в отношении всех инакомыслящих. «Все представители знати были твердолобыми тори, и они очень внимательно следили за ходом политической жизни»,— отмечает М. Кросс²⁴. «Никто, какими бы способностями он ни обладал, не мог рассчитывать на получение мало-мальски приличной должности или места в Верхней Канаде, если он отважился объявить себя в оппозиции к ним»²⁵,— писал Ч. Дент. Человек, прибывший в колонию с капиталом, или местный бизнесмен, намеревающийся занять соответствующее место в обществе и вести свое дело, часто не могли ничего добиться, если не имели связей с кликой и не были допущены в ее ряды.

Разумеется, паразитизм и всевластие правящей верхушки, глубокая социальная пропасть, отделявшие ее от основной массы населения страны, не могли не стать причиной недовольства самых широких народных масс. «Жителю лесной глуши всякий раз, когда он опускает свой топор на корень дуба в канадских лесах, следует непременно помнить,— писал современник,— что и на его родной земле произрастает вредная поросль, которая, если ее вовремя не срубить, разбросает свои темные тени над страной и сведет на нет все его усилия. Оглянись, читатель, и ты увидишь эти ветви — ветвь Робинсонов, ветвь Стрэгена, ветвь Пауэллов, ветвь Джонсонов и т. д. Фермер, рабочий и купец трудятся в поте лица, а семейный союз пожинает плоды их усилий»²⁶.

---

²² *Dent J. C. The Story of the Upper Canadian Rebellion. Toronto, 1885, v. 1, p. 79—81.*

²³ *Jameson A. Op. cit., v. 2, p. 98.*

²⁴ *Cross M. The Age of Gentility..., p. 115.*

²⁵ *Dent J. C. Op. cit., v. 1, p. 74.*

²⁶ *Scadding H. Toronto of Old. Ed. by F. A. Armstrong. Toronto, 1966, p. 105—106.*

Развитие канадского капитализма в первой трети XIX в. не могло не вызвать радикальных перемен в социальной структуре канадского общества. Именно таким явлением было формирование в колониальной Канаде местной национальной буржуазии, сыгравшей важную роль в истории освободительной борьбы и становлении канадской независимости. Основу этого нового крепнущего класса составляли многочисленные мелкие и средние предприниматели, лавочники, купцы-посредники, занимающиеся розничной торговлей, вся эта армия активного, развивающегося национального канадского бизнеса, вызванная к жизни глубокими экономическими сдвигами начала XIX в.

Если еще в конце XVIII в., кроме деревенских ремесленников, использующих труд одного или нескольких помощников, мы едва ли встретили бы в колонии фигуру капиталистического предпринимателя более крупного масштаба, независимого от метрополии или правящей клики, то в первой трети XIX в. независимый мелкий и средний бизнес прочно утвердился в экономике страны. Это означало, что в равной степени в области социальных отношений утвердился фигура мелкого и среднего буржуа. Как правило, это были хозяева небольших мануфактур, винокурен, сыромятен, мельниц и т. п. К числу последних относился, например, Уолфред Нельсон — хозяин винокуренного завода с 12 рабочими, один из самых активных и радикальных лидеров освободительного движения. Число таких мелких и средних предпринимателей в колонии постоянно росло по мере развития национальной промышленности и роста населения страны. Так, если, по данным Д. Буше, в 1827 г. в Нижней Канаде насчитывалось 1500 валялен, чесален, лесопилок, мельниц, винокурен, пивоварен и подобных им предприятий²⁷, то примерно такой же цифрой должно было выражаться и число их хозяев. В состав национальной буржуазии входила также группа мелких торговцев-лавочников и других лиц, занимавшихся мелким частным бизнесом. Так, в 1819 г. в Монреале проживало свыше 3 тыс. мелких лавочников, бакалейщиков, держателей таверн, кабачков и гостиниц²⁸. В 1827 г. в Нижней Канаде в целом имелось свыше 1 тыс. мелких торговцев-лавочников²⁹. К началу вооруженной борьбы в 1837 г. их число значительно возросло в связи с резким ростом населения и внутреннего рынка.

Положение мелких и средних канадских буржуа было далеким от процветания. Монопольное положение правящей колониально-феодальной верхушки во всех сферах жизни страны препятствовало нормальному развитию этих новых социальных элементов в канадском обществе. Щедрые прибыли от заокеанской торговли и от торговли с Соединенными Штатами, прави-

²⁷ *Bouchette J.* British Dominions in North America. London, 1832, v. 1, p. 352—353.

²⁸ См.: *Doige T.* Op. cit...

²⁹ *Bouchette J.* Op. cit., v. 1, p. 353.

тельствственные субсидии (например, на строительство каналов) попадали, как правило, в руки крупных торговцев и привилегированных подрядчиков — компаний, находящихся под контролем монреальских капиталистов или богачей из правящей верхушки. Банки, капитал которых был так необходим становившимся на ноги местным предпринимателям, также полностью находились под контролем «семейного союза» и «дворцовой клики». Попытки нарушить эту монополию в сфере бизнеса наталкивались на самое суровое противодействие со стороны защитников существующего режима.

Показательна в этом отношении судьба Фрэнсиса Хинкса³⁰, энергичного и знающего человека, который в 1830 г. прибыл с небольшим капиталом из Англии в Верхнюю Канаду. Начиная бизнесмен арендовал помещение в Торонто и занялся торговлей. Недостаток капиталов и господство в банках провинции деятелей из «семейного союза» вынудили его вместе с компаньонами по делу организовать «Объединенную фермерскую банковскую компанию» (Farmer's Joint Banking Company), но и это предприятие быстро оказалось под контролем «семейного союза». Тогда Хинкс и его друзья вышли из этой организации и учредили новый Народный банк (Bank of the People). Накануне восстания банк имел капитал в размере 50 тыс. ф. ст. и его президентом стал Джеймс Лесли — активный сторонник демократических реформ и один из лидеров освободительного движения. Среди директоров был также один из активных реформаторов, Джон Рольф. Хинкс являлся управляющим и казначеем. В 30-е годы его имя мы встречаем уже среди сторонников борьбы за реформы, а в 40-е он становится одним из лидеров реформаторов.

Интересно, что путь от трудного и часто неудачного предпринимательства из-за существующего в колонии режима к политической борьбе против господствующего класса типичен для многих буржуазных демократов Канады. Накануне восстания 1837 г. такой путь проделал лидер освободительного движения Уильям Макензи, начавший с продажи книг и медикаментов и кончивший вооруженной борьбой против существующего порядка. В Верхней Канаде один из первых реформаторов, Роберт Гурлей, тоже пришел в стан противников «семейного союза», потерпев неудачу в деловой сфере.

Неустойчивое состояние национального бизнеса сказывалось и на настроениях его представителей. Их деятельность всецело зависела от колониальной политики, от рыночных колебаний в метрополии, а в годы экономических кризисов, как это было, например, в 1837 г., состояние многих оказывалось потерянными или находилось на грани катастрофы. Разумеется, интересы этого класса требовали уничтожения существующего порядка, освобож-

³⁰ См. подробнее: *Longley R. S. Sir Francis Hincks. A Study of Canadian Politics, Railways and Finance in the Nineteenth Century. Toronto, 1943.*

дения страны от пут колониальной зависимости и уничтожения всевластия местных кланов. Их стремления совпадали с чаяниями широких масс поселенцев и носили общенациональный характер. Это совсем не значит, что существовала некая идентичность классовых интересов буржуазии и трудящихся: общность интересов в эпоху демократических переворотов проистекает прежде всего из наличия у различных и даже противоположных классов общего врага. И таким общим врагом выступали в данном случае колониальный режим и господство местной олигархии.

Национальная буржуазия колонии не могла стать последовательным выразителем интересов большинства населения, поскольку сама выступала как эксплуататор в отношении простых поселенцев. И степень этой эксплуатации в колонии уже достигла достаточного накала. Мелким предпринимателям не были чужды методы капиталистической эксплуатации. Известен, например, такой факт, что работавшие в типографии У. Макензи наемные рабочие объявили забастовку в защиту своих интересов³¹. Так один из видных лидеров освободительного движения предстал в роли обычного эксплуататора-капиталиста! Но это совсем не парадокс, а, наоборот, яркий образец того положения, которое занимали представители мелкой и средней канадской буржуазии в ходе освободительного движения.

Особенно активно свою эксплуататорскую сущность в отношении поселенцев проявляли купцы и лавочники, часто беспощадно разорявшие мелких фермеров. Обычно лавочник предоставлял длительный кредит под залог нуждающимся фермерам и, кроме получения процента, часто получал за полцены и их ферму.

Случаи принудительной продажи собственности должника-фермера весьма часты. «Не попадай фермеры Верхней Канады в долги и довольствуйся домотканым сукном, они и сейчас бы наслаждались в полную меру независимостью, которую привыкли так ценить. Но значительная часть фермеров утратила эту возможность навсегда, ибо едва ли среди них есть человек, чье имущество не может быть пущено с молотка в любой момент, когда это понадобится тому, кому он должен»³². По свидетельствам источников, если бы местные купцы и ростовщики требовали в 30-х годах XIX в. все долги с фермеров, они разом разорили бы две трети всех фермеров Верхней Канады³³.

Крайне сильная зависимость земледельца от купцов и ростовщиков наблюдалась в отдаленных районах, где первопоселенцы были вынуждены почти всю свою связь с внешним миром осуществлять через этих посредников. Аналогичное явление отметил, кстати, В. И. Ленин при исследовании процесса развития капи-

³¹ *Armstrong F. H. Reformer as Capitalist: William Lyon Mackenzie and the Printer's Strike of 1836.*— *OH*, v. LIX (3), Sept. 1967, p. 187—196.

³² *Select Documents in Canadian Economic History. 1783—1885.* Ed. by H. A. Innis, A. R. M. Lower. Toronto, 1933, p. 240.

³³ *Ibid.*, p. 239.

тализма в России: «Чем захолустнее деревня, чем дальше она стоит от влияния новых капиталистических порядков, железных дорог, крупных фабрик, крупного капиталистического земледелия, — тем сильнее монополия местных торговцев и ростовщиков, тем сильнее подчинение им окрестных крестьян и тем более грубые формы принимает это подчинение»³⁴.

Предприниматели, купцы, лавочники обладали значительно более высоким социальным статусом в канадском обществе, чем основная масса трудящегося населения. Как писал автор одного из «обзрений» канадских провинций: «Это, может быть, покажется странным и в Англии подобное положение могло бы вызывать удивление, но здесь мелкий лавочник, который продает в розницу ром, сахар и чай, корабейник с клубками ниток и всякой мелочью вокруг шеи, держатель таверны или пивной, констебль, разносящий повестки в суд, и даже торговец лошадьми считаются более уважаемыми людьми, чем действительно заслуживающие уважения и поистине честные люди, обрабатывающие свою собственную землю»³⁵.

Мелкая и средняя канадская буржуазия составляла основу средних слоев канадского общества, в состав которых входили и другие социальные группы. Прежде всего это была довольно значительная и очень активная в политическом отношении прослойка местной разночинной интеллигенции. Потребности страны, развивающейся по капиталистическому пути, успехи в области техники и просвещения вызвали к жизни такие некогда редкие для отсталых колониальных обществ профессии, как адвокаты, нотариусы, журналисты, учителя, врачи. Доля лиц этих профессий в колониальной Канаде первой трети XIX в. была уже значительна. В 1827 г. только в Нижней Канаде имелось 168 нотариусов, 461 врач, 145 мировых судей, около 300 учителей³⁶. Эти люди не меньше, чем представители средних деловых кругов, страдали от засилья олигархических клик во всех сферах государственной службы. В особо бесправном положении находилась франкоканадская интеллигенция.

В силу своего социального положения в местных общинах национальная интеллигенция пользовалась большим влиянием и авторитетом среди населения. Дарэм, называя в своем «Докладе» всех этих людей «канадскими демагогами», вынужден был отметить их крайне сильное влияние среди простого населения, особенно среди крестьян³⁷.

Не случайно именно из этой среды вышли почти все лидеры освободительного движения и вожди вооруженного восстания 1837 г.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 383.

³⁵ Macgregor J. Observations on Emigration to British North America. London, 1829, p. 59.

³⁶ Bouchette J. Op. cit., v. 1, p. 353.

³⁷ Durham's Report, p. 19.

К средним слоям канадского общества мы можем отнести и мелких канадских сеньоров, своеобразное канадское мелкопоместное дворянство — джентри. Внешне они сохраняли аристократический образ жизни.

Однако класс феодалов-сеньоров подвергся значительному внутреннему разложению в период английского колониального господства. Причиной этого был прежде всего кризис сеньориальной системы ведения хозяйства. Часть сеньоров, как мы уже знаем, особенно крупных, сохранили свои позиции в среде господствующего класса, благодаря союзу с новой администрацией. Но высокие оклады и синекуры достались не всем. Многие сеньоры оставались прозябать в провинциальной глуши, доходы их катастрофически падали, не говоря уже о влиянии среди крестьян³⁸. Среди них возникало вполне понятное недовольство своим положением, направленное против засилья английских банкиров и новой аристократии, в рядах которой им не нашлось места. Именно этим фактором можно объяснить, что часть франкоканадских джентри приняла участие в политической борьбе за демократические реформы и даже выдвинула из своих рядов таких выдающихся лидеров канадского национально-освободительного движения, как Луи-Жозеф Папино.

Мы уже отмечали, что крупное духовенство римско-католической и англиканской церквей составило часть правящей колониальной верхушки. Однако свое повседневное влияние церковь осуществляла через многочисленных мелких священников (в Нижней Канаде — кюре). Эти кюре, как правило, были выходцами из народа, не получали высокого жалованья и, если обучение в квебекской семинарии не выбило из них остатки самостоятельности, частенько проявляли недовольство и вставали на сторону народа. Особенно это относилось к священникам непривилегированных церквей — таким, как методисты.

Основной класс канадского общества и большинство населения провинций Британской Северной Америки составляли фермеры-агрии. Наличие разных хозяйственных укладов в деревне колониальной Канады определило чрезвычайную неоднородность фигуры канадского фермера. Существовало два основных типа тружеников земли в Канаде в первой трети XIX в. — это фермеры-абитаны, проживавшие в районах феодальных сеньорий, чье хозяйство велось в значительной степени еще на феодальной основе, и свободные фермеры-поселенцы, обрабатывавшие землю на принципе соккеджа.

Однако проводить слишком резкую грань между двумя этими типами фермеров было бы ошибкой. Во-первых, не каждого фермера-абитана в первой трети XIX в. можно было назвать феодально зависимым, а во-вторых, не всех фермеров-поселенцев можно рассматривать как свободных капиталистических предпри-

³⁸ Onellet F. Op. cit., p. 412.

нимателей. Скорее всего, мы имеем здесь дело со сложным процессом, который К. Маркс определял как «генезис капиталистического фермера». Отмечая, что это был «медленный процесс, растянувшийся на многие столетия», К. Маркс называл применительно к Англии следующие последовательно сменявшиеся формы фермерского хозяйства: а) bailiff [управляющий господским имением]; б) фермер, которого лендлорд снабжает семенами, скотом и сельскохозяйственными орудиями; в) фермер-половинник (отдающий половину урожая); г) фермер в собственном смысле слова, который вкладывает собственный капитал в дело, ведет хозяйство при помощи наемных рабочих и платит лендлорду земельную ренту³⁹.

В Канаде этот закономерный для многих стран процесс все же занял сравнительно короткие исторические сроки, и в рассматриваемый нами период мы наблюдаем одновременное существование всех отмеченных в «Капитале» форм «капиталистического генезиса фермера», за исключением, может быть, управляющего господским имением, поскольку крупные хозяйства в колонии были немногочисленны.

Что собой представлял крестьянин из долины р. Св. Лаврентия? Мы уже достаточно подробно охарактеризовали отношение франкоканадского цензитария к земле и природу его зависимости от сеньора. Но это далеко не полная социальная характеристика фермера феодальных сеньорий. Сохранилось много различных описаний тружеников-абитанов. В XVIII в. один из путешественников писал, что крестьяне этого района жили со своими семьями изолированно друг от друга и деревней можно было лишь назвать место, где стояла церковь и дом священника, а также школа и дома торговцев. Жилища фермеров тянулись, таким образом, вдоль берегов реки почти сплошной полосой и «это можно было назвать одной деревней, которая начинается у Монреаля и кончается у Квебека, протянувшись на расстояние более 180 миль»⁴⁰.

Жизнь и труд абитанов были тяжелы и безрадостны. На полях постоянно трудились не только мужчины, но и женщины, так и не обеспечивая свою семью всем необходимым. В течение зимы приходилось промышлять охотой и рыболовством. Одновременно фермер постоянно стремился расширить обрабатываемую площадь за счет нерасчищенной земли⁴¹.

В 20—30-х годах XIX в. уровень жизни в аграрных районах Нижней Канады резко снизился. Голод стал постоянным спутником франкоканадских крестьян. 25 января 1817 г. газета «Монреаль геральд» писала, что в окрестностях Монреаля не менее полуторы тысяч жителей низведены до состояния полной нужды,

³⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 753.

⁴⁰ Kalm P. Travels in North America. Ed. A. Benson. New York, 1937, v. 2, p. 415—416; Fidler I. Op. cit., p. 245.

⁴¹ Manning H. T. The Revolt of French Canada. 1800—1835. New York, 1962, p. 14.

сотням семей из-за высоких цен недоступно продовольствие и положение в этих семьях тяжелое⁴².

Не изменилось положение 20 лет спустя. Весной 1837 г. газета канадских патриотов писала о положении в окрестностях Римуки: «Если бы наш корреспондент проехал сейчас по бедствующим районам провинции, он по-прежнему увидел бы те же картины, что уже обрисовывал нам. Он обнаружил бы огромное число семей, выгнанных голодом из дома на улицы и вынужденных осаждать двери домов как богачей, так и бедняков. Если бы он вошел в их дома, то обнаружил бы кучу детей, бедных, дрожащих от холода, мечущихся в поисках хлеба. А у их матери нет ничего, кроме слез: последнюю корку хлеба она между ними поделила еще накануне»⁴³.

Жизнь фермера-поселенца была не менее тяжелой. Получив участок, расчистив несколько акров и построив свой дом, он еще долго не мог стать полноправным собственником земли, поскольку был не в силах выплатить необходимую сумму денег, будь это 5, 10 или 20 ф. ст. Уильям Макензи отмечал, что сплошь и рядом из десяти поселенцев в округе Чингуакузи ни один не имеет юридического документа на владение своей землей⁴⁴.

Даже сосредоточив все свои усилия, поселенец был не в состоянии прокормить свою семью сельскохозяйственным трудом. В том же округе Чингуакузи одна пятая поселенцев, проживших здесь от двух до пяти лет, не обеспечивала себя достаточной провизией⁴⁵. Вот почему многие фермеры были вынуждены в межсезонье уходить на заработки (вспомним русское отходничество).

Один из очевидцев писал, что в окрестностях Сен-Тана (150 миль от Йорка) на протяжении 7 миль он встретил только две-три бревенчатые лачуги, да и те пустовали: «Несколько акров были расчищены и засеяны, но ... я узнал, что жители ушли на соседние фермы, чтобы заработать немного и обеспечить себе существование в течение долгой зимы»⁴⁶. Как видим, фермер-поселенец практически выступал и в качестве наемного рабочего.

В чистом виде категория свободного канадского фермера капиталистического типа была представлена лишь в районах более или менее давних поселений, плодородных и удобно расположенных. Это был фермер — производитель зерна на рынок. Но и его положение было отнюдь не блестящим. «Фермеры в постоянных долгах у местных торговцев, которые в свою очередь в кабале у крупного капитала лондонского происхождения. Эта цепь долгов,

⁴² Цит. по: This was Montreal in 1814, 1815, 1816 and 1817. Montreal, 1960, p. 178.

⁴³ La Minerve, 1837, Mars 17.

⁴⁴ Colonial Advocate, 1824, Jul. 29; Mackenzie W. L. Select Writings of William Lyon Mackenzie, 1824—1837. Ed. by M. Fairley. Toronto, 1960, p. 18.

⁴⁵ Mackenzie W. L. Select Writings..., p. 19.

⁴⁶ Colonial Advocate, 1826, Febr. 9.

зависимости и деградации ... опутала душу и тело нашего фермерства»⁴⁷, — отмечал в 1824 г. Уильям Макензи.

Разумеется, фермерство как класс, несмотря на свою социальную неоднородность, в равной степени представляло собой основную массу эксплуатируемого населения колонии, низший класс канадского общества, лишенный прав, благ и радостей жизни. Настроения недовольства и протеста становятся широко распространенными накануне восстания среди канадского фермерства. Уже упоминаемый священник Фидлер рассказывал о случайной встрече с одним из поселенцев, который принял его за человека, получившего от правительства бесплатное пожалование земли. «Полагаю, что вы получили акров 500», — сказал незнакомец. Священник ответил, что это не так, на что услышал: «Вы только нам так говорите, но мы-то знаем лучше. Прошл й зимой мы им показали, что их ждет. Мы не нуждаемся в губернаторах, епископах и архидьяконах!». «Вскоре он ушел, и я понял, что это был наверняка республиканец, приверженец Макензи»⁴⁸, — встревоженно заканчивал Фидлер.

Тяжелое положение, недовольство этим и стремление изменить существующий порядок делали канадское фермерство способным подняться на освободительную борьбу, став ее главной движущей силой.

Говоря о народных низах как составной части социальной структуры канадского общества, мы с полным правом можем говорить о наличии в первой трети XIX в. складывающегося класса наемных рабочих. Рост промышленности, каналостроения, лесной индустрии вызвал высокий спрос на наемный труд и, как мы уже отмечали, колониальные власти всячески содействовали тому, чтобы в Канаде всегда имелось необходимое число людей, готовых работать по найму. В 20—30-е годы число наемных рабочих в провинциях Британской Северной Америки было довольно значительным — правда, назвать хотя бы приблизительную цифру трудно. Известно только, что в Канаде существовали промышленные предприятия с числом рабочих 80 и более⁴⁹. В адресной книге Монреаля среди 2 тыс. домовладельцев в 1819 г. числилось 214 наемных рабочих⁵⁰.

Средоточием наемного труда являлось строительство каналов. Так, при сооружении канала Ридо в один сезон было занято свыше тысячи человек, работавших по найму⁵¹. Большое число рабочих было сконцентрировано на лесопромыслах. Последние составляли, пожалуй, наиболее колоритную группу среди тех, кто работал по найму. Жизнь лесорубов была тяжелой, но привлекала тех, кто желал вырваться из постоянной нужды, особен-

⁴⁷ Colonial Advocate, 1824, May 19.

⁴⁸ Fidler I. Op. cit., p. 223.

⁴⁹ Select Documents in Canadian Economic History, p. 271, 297.

⁵⁰ Подсчитано по: Doige T. Op. cit.

⁵¹ Nile's Weekly Register, 1827, 31 Mar., v. 32, p. 84.

но молодых канадцев. Для бедных поселенцев торговля лесом стала наиболее доходным занятием. Многие жители долины р. Св. Лаврентия даже бросали свои фермы и уходили в лесорубы — последнее было выгоднее, хотя неудачный год на квебекском рынке угрожал полным крахом.

Были ли канадские лесорубы чем-то вроде американских золотискателей, т. е. предпринимателями-одиночками, или же их труд все же носил наемный характер? По-видимому, существовала и та, и другая форма, причем с ростом лесной индустрии в 20-е годы XIX в. вторая начинала преобладать, поскольку в писточниках встречается все больше свидетельств того, что крупные торговцы лесом занимались формированием артелей лесорубов, не полагаясь на частное предпринимательство отдельных лиц⁵².

В силу сезонного характера своего труда и территориальной разобщенности лесорубы не представляли собой какой-либо организованной силы. Иначе обстояло дело с рабочими других профессий. А таких профессий возникает в колонии уже немало: механики, судостроители, каменщики, камнерезы, печатники, сапожники, портные, жестянщики, плавильщики, столяры и т. д.

Несмотря на то, что стоимость наемного труда в колонии, а следовательно, и заработная плата рабочих, была несколько выше, норма капиталистической эксплуатации и здесь достигала значительных размеров. Разумеется, рабочий тех лет не имел никаких гарантий или прав на свое рабочее место. Предприниматель мог уволить неугодного в любое время и под любым предлогом. В 1833 г. демократическая газета «Виндикэйтор» сообщала о случае, когда рабочий, получивший профессиональное заболевание в результате длительного и тяжелого труда, был уволен хозяином⁵³.

Особенно страдали рабочие из-за длинного рабочего дня, который достигал 11—12 часов. Один из них писал в той же газете: «Я не знаю, что хозяин плотников считает честным и справедливым рабочим днем, но я знаю точно, что, работая по 12 часов в день и имея на сон только 7 часов, я не сделаю больше работы, чем если бы я работал на два часа меньше»⁵⁴.

Постепенно среди рабочих зреет стремление к организации в борьбе против предпринимателей, возникают первые профессиональные союзы и наблюдаются самостоятельные организованные выступления. Первая организация рабочих-печатников возникла в 1827 г. в Квебеке, в 1830 г. в Монреале начал действовать профсоюз обувщиков, к 1833 г. в Верхней и в Нижней Канаде уже имелись профсоюзы печатников, плотников, портных и рабочих других профессий⁵⁵.

⁵² Select Documents in Canadian Economic History, p. 197.

⁵³ Vindicator, 1833, Febr. 1.

⁵⁴ Vindicator, 1833, Jan. 29.

⁵⁵ Lipton C. The Trade-Union Movement in Canada. Montreal, 1967. p. 3—6.

В 30-х годах XIX в. деятельность союзов наемных рабочих была довольно активной, и мы даже можем говорить о зарождении в то время рабочего движения в Канаде. Хотя основным содержанием рабочих выступлений была борьба со своими работодателями, однако свое приниженное положение рабочие колонии связывали не только с жестокостью и жадностью собственного хозяина, их протест был направлен и против господствующего класса в целом, что делало класс наемных рабочих также одной из главных движущих сил освободительного движения. Недаром мы читаем в источнике, что большинство населения Канады накануне восстания 1837 г. состояло из «закаленных фермеров и бедных мастеровых, составляющих очень независимый, трудноуправляемый, а иногда и совсем непокорный лагерь демократии»⁵⁶.

Говоря о «народных низах» Канады, нельзя не коснуться еще одной группы населения — коренных жителей страны индейцев. В 20—30-х годах XIX в. в Канаде жили лишь остатки некогда могущественных индейских племен. Их последняя героическая попытка добиться самостоятельности и сохранить свою автономию была связана с англо-американской войной 1812—1814 гг. Конфедерация индейских племен, проживавших на территории США и Канады, под руководством легендарного Текумсе приняла участие в военных действиях на стороне Великобритании в надежде отстоять свои права на землю и независимое существование. Но на переговорах в Генте при заключении мира англичане предали своих храбрых и верных союзников⁵⁷.

Условия жизни индейцев были в первой половине XIX в. ужасными. «Они часто отчаянно бедны и почти сплошь все нищие»⁵⁸, — писал современник. Путешествовавшая по провинции писательница рассказывает о своей встрече с индейцами: «Они сообщили мне, что являются представителями племени чипева, проживающего в окрестностях озера Гурон, где охотничий сезон был неудачным. Их племя страдает от сильного голода и морозов, и они пришли сюда, чтобы просить Великого отца, губернатора, дать им пищу и теплую одежду для женщин и детей. Они прошли по снегу 180 миль, и в течение последних 24 часов никто из них ничего не ел»⁵⁹.

Индейцы подвергались самой жестокой эксплуатации со стороны колониальных властей и многочисленных спекулянтов, торговцев и прочих любителей наживы. Грабеж индейцев в первой трети XIX в. приобрел грандиозный размах. Департамент по делам индейцев в местной администрации выступал зачинщиком это-

⁵⁶ Durham's Report, p. 14—13.

⁵⁷ См.: *Tucker G. Tecumseh. Vision of Glory*. New York, 1956; *Stanley G. The Indians in the War of 1812*. — CHR, 1950, v. 3.

⁵⁸ *Stuart C. The Emigrant's Guide to Upper Canada*. London, 1820, p. 264.

⁵⁹ *Jameson A. Op. cit.*, v. 1, p. 25.

го, а многие его сотрудники имели устойчивую репутацию жуликов и мошенников⁶⁰.

Особенно бесцеремонно обращались с индейцами торговые компании, в частности Компания Гудзонова залива, которые, стремясь во что бы то ни стало сохранить свое влияние на индейцев, продолжали их щедро спаивать. Это было публично признано главой англиканской церкви в Верхней Канаде⁶¹.

Нужда, голод и бесчеловечное обращение со стороны колонизаторов вызывали сильное недовольство индейского населения, которое иногда выливалось в кровавые столкновения. Так, в августе 1816 г. индейцы поселения Ред-ривер — владения Компании Гудзонова залива взбунтовались против чиновников. В результате стычки 21 служитель, включая правителя компании, были убиты⁶².

В 1829 г. индейцы племени миссискуа, проживавшие на р. Кредит, направили губернатору Верхней Канады Колборну такую петицию: «Отец! К тебе обращаются твои дети — остатки некогда великой нации, которая владела и населяла ту страну, где сейчас живешь ты и устанавливаешь законы. Земля, на которой проживаешь сейчас ты с твоими детьми, сплошь усеяна костями наших многочисленных предков. Когда твои предки пересекли большую воду, мы приняли их как друзей и дали им землю, чтобы они могли жить на ней. Мы всегда были друзьями нашего великого отца-короля и его белых детей. Когда к нам пришли белые люди, они принесли нам болезни и пьянство, и чем больше становилось их, тем меньше оставалось нас, пока не осталось совсем мало. Мы продали нашему отцу-королю много земли за малую цену, а сами становимся все беднее и беднее. Мы сохранили для себя лишь места охоты и рыбной ловли, но белых людей стало скоро так много, что они забрали у нас и это. За нами остались только два ручья по 10 и 12 миль и р. Кредит. Два первых у нас уже отобрали, но мы хотим сохранить за собой р. Кредит...»⁶³.

Недовольство индейцев в результате их слабости и разобщенности едва ли могло вылиться в организованное выступление. Отдельные стычки да петиции, пожалуй, единственное, что мы можем назвать. Разумеется, эта часть населения не могла играть какую-либо активную политическую роль, но симпатии индейцев, конечно, были на стороне угнетенных. Уильям Макензи сообщает, что среди индейцев Верхней Канады в 20—30-х годах XIX в. было много регулярных подписчиков на его газету «Ко-

---

⁶⁰ *Dent J. C. Op. cit.*, p. 84.

⁶¹ *Bethune A. Memoirs of the Right Reverence John Strachan. Toronto, 1870, p. 66.*

⁶² *This was Montreal...*, p. 127.

⁶³ *MacKenzie W. L. Sketches of Canada and the United States. London, 1833, p. 130.*

лонизл адвокатэйт», которая бесстрашно обличала колониальный режим и «правящую клику» ⁶⁴.

Итак, рассмотрев социальную структуру канадского общества, мы можем с полным основанием сказать, что она характеризовалась глубокими антагонистическими противоречиями между господствующими классами феодальной земельной аристократии и крупной торговой буржуазии, составлявшими основу правящей верхушки колонии, с одной стороны, и широкими массами абитанов, поселенцев-фермеров, рабочих, ремесленников, а также национальной мелкой и средней буржуазии, с другой, несмотря на то что последняя сама выступала в роли эксплуататора народных масс. Все это создавало основу для острого социального протеста со стороны угнетенных классов, который стал первопричиной революционного освободительного движения. Колониальная зависимость от Великобритании создавала вполне объективную предпосылку, чтобы это движение вылилось в открытое выступление за национальную независимость.

ОБОСТРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И ФРАНКОКАНАДСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

Вопрос о том, в какой степени освободительное движение в колониальной Канаде было связано с характером существовавшего в стране политического строя, не остался без внимания историков. Но выводы, к которым пришли исследователи, оказывались не только различными, но и часто противоположными. Так, авторы 22-томной истории Канады после подробного рассмотрения проблемы заключили, что «в происхождении кризиса 1837 г. форма правления сыграла определенную роль, но подлинной причиной недовольства в этой сфере была не форма правления, а та манера, в которой это управление осуществлялось... Причины восстания лежали в людях, а не в институтах» ⁶⁵. Историк А. Данэм, специально изучавшая политическую борьбу в Верхней Канаде накануне восстания, считала, что система правления сама по себе усиливала социальное расслоение в стране и была одной из причин «политической смуты» 20—30-х годов XIX в. ⁶⁶ Более правильным представляется вывод С. Райерсона, что «полувековая борьба за создание «ответственного правительства» явилась политическим выражением противоречия между развивающейся местной капиталистической промышленностью и препятствующей ее развитию системой купеческо-колониального правления» ⁶⁷.

⁶⁴ Ibid., p. 133.

⁶⁵ Canada and its Provinces. A History of the Canadian. People and their Institutions. Toronto, 1913, v. 3, p. 485—486.

⁶⁶ Dunham A. Political Unrest in Upper Canada. 1815—1836. Toronto, 1963, p. 44.

⁶⁷ Райерсон С. Б. Неравный союз. История Канады. 1815—1873. М., 1970, с. 34.

Согласно Конституционному акту 1791 г. английский монарх и парламент метрополии являлись носителями высшей власти в провинциях Британской Северной Америки. Власть короля выражалась прежде всего в том, что он считался верховным собственником всех общественных земель в колониях, назначал высших должностных лиц колонии: губернатора, верховного судью, главного прокурора, казначея и т. д. Но на практике назначение ограничивалось губернаторским постом, а на все остальные должности назначал сам губернатор от имени короля. Под непосредственным контролем короны находилась значительная часть доходов провинции, а также право «патронажа», т. е. назначение на религиозные должности. Правда, это право не распространялось на римско-католическую церковь, где епископ назначался папой, а местные священники-кюре выбирались на приходских собраниях по рекомендации епископа.

Министр по делам колоний был главным и основным лицом, которому подчинялись чиновники колониальной администрации. Один из первых историков канадской революции, биограф Уильяма Макензи Ч. Линдсей справедливо писал, что «вся сила правительства была сконцентрирована на Даунинг-стрит, и все колониальные чиновники, от высших до низших, были марионетками в руках министра по делам колоний»⁶⁸.

Как справедливо отмечает советский исследователь, «управление колониями было построено на принципах строгой централизации: министерство распоряжалось всеми делами в колониях, не допуская никакой инициативы на местах. Губернаторы при назначении получали детальные инструкции, которым были обязаны неукоснительно следовать, а все их решения подлежали санкции Лондона. При отдаленности расстояний решение любого вопроса затягивалось на месяцы и даже годы»⁶⁹.

Почти без исключения в Лондоне на пост губернатора и генерал-губернатора назначали военных. Отважные солдаты и знатоки военной стратегии, как правило, оказывались невеждами в вопросах гражданского управления и совсем неизвестными с канадской действительностью. Это чаще всего приводило к тому, что губернаторы либо начинали управлять колонией теми же методами, как на войне своими солдатами, либо попадали в полную зависимость от своего ближайшего окружения из представителей местной олигархии. Вот как описывает подобную ситуацию Р. Кристи: «Прибывая в незнакомую страну, губернатор, как бы честен и независим он ни был, нуждался в необходимых сведениях и рекомендациях по государственным делам. И то и другое он получал от тех, кто занимал тогда места в исполнительном со-

⁶⁸ *Lindsey C. The Life and Times of William Lyon Mackenzie. Toronto, 1862, v. 1, p. 345—346.*

⁶⁹ *Ерофеев Н. А. Английский колониализм в середине XIX века. Очерки. М., 1977, с. 31—32.*

вете, или от тех официальных лиц, с кем он непосредственно вступал в контакт. Консультироваться с ними входило в его обязанности, и как бы он ни был осторожен, он не мог долго оставаться независимым от взглядов своих советчиков. Однажды овладев его доверием, нетрудно было предусмотреть дальнейший ход событий. Он начинал думать и смотреть на вещи так, как это ему представляли, постепенно переняв все предрассудки советчиков. Они же, в свою очередь, овладевали властью и патронажем правительства, не неся за это никакой ответственности, которая всецело оставалась на губернаторе»⁷⁰.

Бывший английский чиновник в Канаде явно идеализирует положение дел. Губернаторы не были невинными жертвами в руках господствующей колониальной верхушки. Чаще всего между сторонами царило сердечное согласие, ибо интересы сторон полностью совпадали. Однако степень влияния правящей элиты на личность губернатора нельзя недооценивать, и исполнительный совет, действительно, являлся важнейшим инструментом осуществления этого влияния.

Исполнительный совет, согласно Конституционному акту 1791 г. назначался самим губернатором и считался высшей судебной инстанцией в провинции. Состав его был немногочисленным, и он не обладал никакими существенными полномочиями, кроме права давать советы губернатору. Но на деле обычно в него входили все высшие должностные лица провинции из числа колониальной верхушки, и они заправляли всеми внутренними делами колонии. В Верхней Канаде, к примеру, на протяжении 20 с лишним лет первую скрипку в исполнительном совете и роль ближайшего советника при губернаторах играл лидер «семейного союза» архиепископ Торонто Джон Стрэчен, назначенный по рекомендации губернатора Гора членом совета еще в 1815 г.

Накануне восстания большинство членов исполнительных советов канадских провинций, а в Нижней Канаде все без исключения, входили одновременно в состав верхних палат местных парламентов — законодательные советы. Это обеспечивало администрации надежную опору в законодательных органах провинций и еще больше усиливало деспотический, узкоклассовый характер колониального режима. «Исполнительная власть приобрела тиранический и хищнический характер, — писал Дж. Дент о периоде накануне восстания 1837 г. в Верхней Канаде. — ...Члены „семейного союза“ заправляли всеми делами согласно своим собственным интересам и могли рассчитывать на поддержку всех членов законодательного совета. С помощью своего послушного инструмента — губернатора — они контролировали состав этого органа и заботились, чтобы ни один человек, не принадлежащий

---

⁷⁰ Christie R. A History of the Late Province of Lower Canada, v. 1—6. Quebec, 1848—1855, v. 1, p. 349.

к их кругу или не находящийся под их полным влиянием, не был назначен членом законодательного совета» ⁷¹.

Внешние парламенты провинций с их двумя палатами — верхней и нижней — были похожи на английский. Законодательный совет состоял из лиц, назначаемых губернатором провинции пожизненно. В Верхней Канаде в этом совете должно было быть не менее 7, а в Нижней Канаде — не менее 15 человек. Постоянным спикером совета являлся обычно главный судья провинции. В Верхней Канаде этот пост долгие годы занимал небезызвестный Джон Робинсон. Как и исполнительный совет, верхняя палата была орудием в руках губернатора и его окружения. В совет входили все высшие должностные лица, крупные капиталисты и богатые лендлорды. В 1830 г. в законодательном совете Нижней Канады из 12 мест 7 занимали крупные землевладельцы, — а 3 — монреальские буржуа ⁷².

Законодательные советы принимали только те законы, которые устраивали исполнительные власти, и могли наложить вето на любой законопроект, одобренный нижними палатами — ассамблеями. Полное подчинение законодательных советов колониальным властям и безраздельное господство в них представителей правящей элиты колонии практически полностью парализовали деятельность единственных выборных органов власти — законодательных ассамблей. Любой негодный властям законопроект, одобренный ассамблеей, безнадежно застревал в верхней палате. Достаточно указать, что начиная с 1829 г. к моменту восстания 1837 г. в ходе борьбы за реформы в Нижней Канаде законодательный совет похоронил 234 билля и 322 — в Верхней Канаде ⁷³.

Недаром законодательные советы провинций были главным объектом критики сторонников демократических реформ в Канаде и наиболее ненавистным органом власти в глазах большинства населения провинции. В 1832 г. газета франкоканадских патриотов писала: «Законодательный совет справедливо считается виновником всех наших политических бед. С помощью этого органа меньшинство имеет возможность отвергать или откладывать многочисленные меры, требуемые большинством... Благодаря общности и единству интересов этого органа с исполнительной властью, администрации долгое время удавалось уклоняться от исполнения чаяний народа и их представителей. В управлении делами колоний необходимы существенные перемены» ⁷⁴.

По Конституционному акту 1791 г. избирательное право в колонии предоставлялось мужчинам, достигшим 21 года и имеющим британское подданство не менее одного года. Имущественный ценз был довольно высок, правом выбирать в ассамблею обладал лишь тот, чье хозяйство в деревне давало 40 шилл. до-

⁷¹ *Dent J. C. Op. cit.*, v. 1, p. 53—54.

⁷² *Райерсон С. Б. Неравный союз...*, с. 41.

⁷³ *Dent J. C. Op. cit.*, v. 1, p. 56.

⁷⁴ *Le Canadien*, 1832, nov. 9.

хода в год или кто получал доход не менее 5 ф. ст. в год, проживая в городе⁷⁵. Женщины, рабочие, вновь прибывшие иммигранты, таким образом, лишались избирательного права. Накануне восстания в Нижней Канаде из полмиллионного населения право голоса имели 80 тыс., причем 72 тыс. из них были владельцами земли, т. е. фермерами⁷⁶. По тем временам это был все-таки довольно широкий круг избирателей, что не могло не сказаться на характере и результатах выборов в ассамблею.

Ограниченность избирательного права усугублялась неравным представительством от разных населенных пунктов. Депутаты в ассамблею должны были избираться от графств и городов, но нормы представительства властями не соблюдались. В Канаде, как и в Англии до парламентской реформы, имелись многочисленные «гнилые местечки» с традиционным консервативным влиянием, пользовавшиеся правом представлять депутата в ассамблею, хотя численность их населения не шла ни в какое сравнение с быстрорастущими центрами. Как пример таких мест можно назвать Ниагару, Броквилль, Корнуэлл (Верхняя Канада). «Все они,—пишет Дент,—являлись пресловутыми гнилыми местечками так же, как и Гэттон, Грэмпаунд или Олд-Сарэм, и всегда поставляли депутатов из тори, готовых выполнять любые приказания властей. Такой порядок разлагал ассамблею, а избирательное право становилось инструментом притеснения»⁷⁷.

Сами выборы в ассамблею проходили под постоянным контролем, а часто при грубом нажиме со стороны властей с целью обеспечить кандидатам правящей верхушки места в ассамблее. Иногда это вмешательство принимало формы прямого подкупа избирателей. Так было во время выборов 1836 г., когда голосовавшим за сторонников правительства тут же на месте выдавались патенты на участки земли.

И все же как бы ни было ограничено избирательное право, растущее недовольство широких масс населения колонии было столь велико, что начиная с 20-х годов XIX в. (а в Нижней Канаде еще до войны 1812—1814 гг.) население избирало в состав ассамблеи депутатов, выступавших против правящей клики и существующего политического строя. Как правило, это были представители среднего класса—мелкие бизнесмены, адвокаты, а иногда даже сеньоры и фермеры.

Правящая верхушка относилась с презрением и высокомерием к тем, кто занимал места в нижней палате. В исследовании Э. Маннинг приводится послание генерал-губернатора Крэйга одному из его друзей в Лондон, в котором депутаты ассамблеи

⁷⁵ Statutes, Treaties and Documents of the Canadian Constitution. 1713—1929. Ed. by W. P. M. Kennedy. Toronto—London, 1930 (далее — Statutes...), p. 197—198.

⁷⁶ Martin M. Statistics of the Colonies of the British Empire. London, 1839, p. 161.

⁷⁷ Dent J. C. Op. cit., v. 1, p. 69.

характеризуются следующим образом: «За исключением трех-четырех англичан и еще меньшего числа франкоканадцев с приличными манерами, это люди, с которыми я не могу иметь что-либо общее... Среди них имеются, бесспорно, темные люди и злоумышленники, не обладающие необходимыми для лидеров принципами. Из 47 членов палаты 16 адвокатов и нотариусов. Многие из них сыновья лавочников самого низкого происхождения... Среди наших законодателей мы имеем такое же количество «абитанов», т. е. фермеров, людей, обрабатывающих землю своими собственными руками и погрязших в невежестве и предрассудках... Многие из них даже не могут написать своего имени»⁷⁸.

Губернатор, мягко говоря, сгущает краски, не гнушаясь грубой ложью в адрес нижней палаты. В первой трети XIX в., когда провинциальные ассамблеи стали основными центрами политической оппозиции колониальному режиму и большинство их депутатов составляли сторонники демократических реформ — представители широких масс канадского населения, политический и культурный уровень ассамблей был высок. Большинство депутатов были людьми образованными, а некоторые обладали выдающимися знаниями и способностями (Л.-Ж. Папино, Дж. Нилсон, А. Кувийе, П. Бедар — в Нижней Канаде; У. Макензи, М. Бидуэлл, Дж. Рольф — в Верхней Канаде). Содержание дебатов и порядок ведения дел проходили на достаточно высоком юридическом и теоретическом уровнях⁷⁹. Ассамблеи стали подлинным средоточием политических сил растущего класса канадской национальной буржуазии, ставшего на данном историческом этапе выразителем интересов основной массы населения страны.

Правящая верхушка и колониальные власти всячески старались доказать, что политический режим колонии — очередное торжество принципов английской конституции. Они лезли из кожи вон, чтобы придать управлению Канадой хотя бы внешнее сходство с работой машины власти в метрополии. Это послужило поводом для едкого замечания Ч. Диккенса по случаю открытия в одной из канадских провинций сессии местного парламента: «Церемония эта была столь тщательной копией с ритуала, соблюдаемого при открытии сессии парламента в Англии, с такой торжественностью, — только в меньших масштабах, — были выполнены все формальности, что казалось, будто смотришь на Вестминстер в телескоп, только с обратного конца»⁸⁰.

Антинародный, эксплуататорский характер существующего в Канаде политического строя проявлялся не только в деятельности высших органов власти. Все звенья государственного аппарата колонии были отмечены печатью кастовости, паразитизма и коррупции. Причиной недовольства большинства населения провин-

⁷⁸ См.: *Manning H. T. The Revolt of French Canada*, p. 55.

⁷⁹ См.: *Lawrence S. «Le Canadien» and the British Constitution. 1806—1810.* — *CHR*, 1957, v. 38, N 2.

⁸⁰ *Диккенс Ч. Собр. соч. М., 1958, т. 9, с. 35.*

ций и объектом острой критики со стороны патриотов были судебные власти колоний.

Назначаемые губернаторами провинций судьи подбирались только из сторонников правительства и являлись послушным оружием в руках правительства. Ни о какой независимости судебной власти не могло быть и речи. Соединение судебной власти и политической в одних руках было официально признанным принципом колониального порядка. Естественно, что при такой ситуации суд защищал прежде всего интересы колониального режима и правящего класса, с его помощью местная олигархия на протяжении десятилетий расправлялась с неугодными и неблагонадежными с ее точки зрения лицами.

Коррупция была свойственна не только высшим судебным инстанциям, но наблюдалась и среди местных мировых судей. В одном из памфлетов тех лет говорилось: «Лавочники занимают должности мировых судей. Они могут назначать на свои товары грабительские цены и одновременно обладают полномочиями принуждать к платежам. Сначала они преступники, а затем судьи. Апелляционный суд так устроен, что справедливые решения присяжных не могут быть претворены в жизнь. Деятельность нашего суда несправедливая, угнетательская и подвержена влиянию. Прокуроры, пользуясь благосклонностью властей, назначаются заместителями мировых судей, так что процесс может быть возбужден и повестка в суд предъявлена только самым пристрастным образом. Королевские прокуроры получают по 7 ф. ст. за каждое возбужденное уголовное дело, что является хорошей приманкой для выслушивания пустяковых жалоб и легкомысленных обвинений...»⁸¹.

Бедные поселенцы часто жаловались на злоупотребления со стороны судебных властей в пользу представителей господствующего класса. «Какой смысл подавать в суд на богатого. С ним невозможно меряться силой, так как судья все равно решит в его пользу»⁸², — заявляли поселенцы.

В результате попустительства судебных властей среди колониальной администрации процветали взяточничество, присвоение общественных денег и другие незаконные действия⁸³. Коррупция в колонии стала возможной в значительной степени благодаря бесконтрольности высших чиновников в финансовых вопросах. Казной губернатор распоряжался фактически единовластно, устанавливая ежегодный бюджет провинции и его основные статьи по своему усмотрению и не считая должным консультироваться или же запрашивать одобрение у депутатов ассамблеи.

⁸¹ Цит. по: *Dent J. C. Op. cit.*, v. 1, p. 85.

⁸² *Guillet E. C. Op. cit.*, p. 213.

⁸³ См.: *Documents Relating to the Constitutional History of Canada. 1819—1828*. Ed. by A. G. Doughty, N. Story. Ottawa, 1935 (далее — *Constitutional Documents. 1819—1828*), p. 186—201, 323—327.

Колониальная администрация Канады в первой трети XIX в. была очень дорогостоящей и расточительной. Это наглядно видно из сравнения бюджетов на правительственные расходы за 1831 г. в провинции Верхняя Канада и в американском штате Мичиган, который был примерно равен Верхней Канаде по численности населения. Так, оклад главного судьи в канадской провинции составлял 7 тыс. долл. в год, а в американском штате — 1600 долл., оклад главного прокурора — 4800 и 250 долл. соответственно. Общие же расходы на управление составляли в Верхней Канаде 45 704, а в Мичигане — 6550 дол.⁸⁴

Естественно, чтобы покрыть эти расходы, колониальные власти прибегали к довольно интенсивной налоговой эксплуатации населения колонии. Число и размер налогов особенно заметно возросли в 20—30-х годах XIX в. Один из самых активных участников освободительной борьбы в Верхней Канаде писал по этому поводу: «Помимо обычных налогов, были установлены налоги на бревенчатые и каркасные дома, на необрабатываемую часть земли для владельцев участков, в то время как те, кто имел землю, но не проживал на ней, налоги не платили. Рогатый скот, лошади старше двух лет, кареты всевозможного типа, мельницы и лесопилы и т. п. — все облагалось налогами. Почти каждая необходимая вещь была обложена налогом»⁸⁵. Именно поэтому вопрос о праве налогообложения и о контроле над финансами Канады являлся одним из насущных вопросов освободительной борьбы.

Важное место в системе колониального режима занимала церковь. Вопрос о роли церкви во всех сферах жизни канадского общества имеет самое прямое отношение к проблеме освободительного движения в колониальной Канаде. К моменту английского завоевания Квебека здесь исключительным влиянием пользовалась римско-католическая церковь. Она была самым крупным землевладельцем и сеньором в колонии и играла важную роль в социальной и политической жизни французской Канады⁸⁶. Английским колонизаторам, дабы укрепить свое влияние в новых владениях, пришлось пойти на союз с католическим духовенством. Католическая церковь стала ближайшим союзником и верной опорой колониального режима. Крупное духовенство, как мы уже отмечали, было допущено в состав правящей аристократической верхушки и для него отводились места во всех высших органах власти. «История отношений между колониальным правительством и церковью — это история потрясающей сделки, которая когда-либо имела место между двумя политическими силами, каждая из которых чувствовала себя неспособной добиться ощутимых результатов без сотрудничества с другой, но пыталась в

⁸⁴ *M'Leod D. A Brief Review of the Settlement of Upper Canada...* Cleveland, 1841, p. 98.

⁸⁵ *Ibid.*, p. 29.

⁸⁶ См. подробнее: *Moir J. S. Church and State in Canada.* Toronto, 1967.

то же время отстаивать свои собственные интересы. Эта борьба была скрытой, взаимоотношения между сторонами носили дипломатический характер, и стороны взаимно уважали друг друга»⁸⁷, — так довольно метко вскрывает суть этого явления один из канадских исследователей.

Еще более влиятельными в колониальной Канаде того времени были позиции англиканской епископальной церкви, за которой метрополия официально закрепила положение господствующей, «установленной» церкви. По Конституционному акту 1791 г., только англиканская церковь получила право собирать десятину со всех протестантов, проживавших в канадских провинциях⁸⁸. К тому же как мы уже указывали, седьмая часть всех пожалований земли отчуждалась в пользу этой церкви, англиканские епископы являлись постоянными членами исполнительного и законодательного советов провинции. Эта церковь была связана с колониальными властями наитеснейшим образом, пользовалась их полной поддержкой и одновременно находилась под строгим контролем. Губернатор фактически назначал лиц на все духовные должности в этой церкви⁸⁹.

Экономическое положение англиканского духовенства было процветающим. О многом говорит хотя бы такой факт, что с 1789 по 1833 г. колониальные власти даровали духовным лицам провинции Верхняя Канада участки земли общим размером 23 905 акров, из них на долю англиканских священников досталось 22 345 акров⁹⁰. Англиканская церковь пользовалась исключительными привилегиями в сфере социальной и духовной жизни колонии. В Верхней Канаде только англиканские священники имели право освящать гражданские обряды, в том числе и брак, под их полным контролем находились просвещение и образование. В то же время в Британской Северной Америке существовало множество других церквей и религиозных сект, наиболее влиятельными из которых были методисты, баптисты и пресвитериане.

По многочисленным свидетельствам, в 20—30-е годы XIX в. членов методистской церкви в провинции Верхняя Канада было гораздо больше, чем протестантов. Но положение непривилегированных церквей резко отличалось от положения «установленной» церкви. Методисты и другие религиозные организации не имели даже земельных участков для строительства храмов⁹¹, не говоря уже о более крупных владениях. Неангликанские священники не имели права освящать браки членов своей конгрегации.

⁸⁷ Dubuc A. Problems in the Study of the Stratification of the Canadian Society from 1760 to 1840. — CHAR, 1965, p. 22.

⁸⁸ Constitutional Documents. 1791—1818, p. 1031; Statutes..., p. 200—201.

⁸⁹ Constitutional Documents. 1791—1818, p. 1031.

⁹⁰ The Seventh Report from the Select Committee of the House of Assembly of Upper Canada on Grievances... Toronto, 1835, p. XVII—XVIII, 164.

⁹¹ Ryerson E. Story of My Life. Toronto, 1883, p. 49.

В 1820 г. американская газета сообщала: «На последнем заседании суда в Корнуэлле (Верхняя Канада) Джозеф Лаулер, местный методистский священник, был осужден за освящение брака. Этот акт со стороны методистского священника в провинции рассматривается как незаконный, и он был приговорен к 14 годам изгнания и обязан покинуть провинцию в течение 7 дней после осуждения»⁹².

Религиозная нетерпимость со стороны англиканского духовенства приобрела особо резкие формы в десятилетия, предшествовавшие восстанию 1837 г. В Верхней Канаде члены «семейного союза» были сторонниками «установленной» церкви. Глава англиканской церкви в колонии архиепископ Стрэчен открыто заявил, что «в каждой христианской стране должна быть установленная государством религия, иначе это будет не христианская, а языческая страна»⁹³. Особенно ревностно церковь отстаивала свое право на владение «церковными резервами». Естественно, что среди широких масс населения провинций росло недовольство англиканской церковью. В ходе нарастающего освободительного движения вопрос о религиозных свободах, особенно в провинции Верхняя Канада, становился не менее важным, чем вопрос о свободах гражданских, а сама борьба за ликвидацию привилегий англиканской церкви — важным элементом буржуазно-демократического, антиколониального движения.

Углубление социально-политического конфликта в провинции Нижняя Канада было тесно связано с обострением франкоканадского национального вопроса. Открыто ассимиляторскую политику в отношении франкоканадского населения колониальные власти развернули во время администрации генерал-губернатора Джеймса Крэйга (1807—1811). Крэйг ненавидел франкоканадцев, подозрительно относился к их религии, сомневался в их лояльности и не верил в их способность к управлению страной⁹⁴.

Аналогичные взгляды были присущи и его ближайшему окружению из «дворцовой клики». Секретарь Крэйга экстремист Райленд ставил своей целью уничтожить всякое французское влияние в колонии⁹⁵, а главный судья провинции Сьюэлл открыто объявлял, что «провинция должна быть превращена в чисто английскую колонию или же окончательно потеряна»⁹⁶. Английские власти не препятствовали политике Крэйга, ограничившись лишь советом выражаться более умеренно и следить за своими выступлениями⁹⁷.

В первой трети XIX в. колониальные власти предприняли самое решительное наступление на оппозиционное правительству

⁹² Nile's Weekly Register, 1820, Sept. 23, v. 19, p. 63.

⁹³ Dent J. C. Op. cit., v. 1, p. 77.

⁹⁴ Christie R. Op. cit., v. 1, p. 339.

⁹⁵ См.: Statutes..., p. 238—240.

⁹⁶ Ibid., p. 268.

⁹⁷ Ibid., p. 225—226.

элементы из среды франкоканадского населения. Ни власти метрополии, ни правящая колониальная верхушка не думали идти на уступки. Засилье англичан в высших и местных органах власти сохранялось вплоть до восстания 1837 г. В 1828 г. 18 из 27 членов законодательного совета получали правительственные оклады, и все 18 были англичанами. В 1827 г. из 11 королевских судей только 3 были франкоканадцами, а к 1834 г. на долю франкоканадцев, составлявших три четверти населения провинции, приходилось всего четверть всех общественных должностей⁹⁸. С 1791 по 1841 г. из 976 назначений на различные посты в колониальной администрации около 600 назначений достались англоканадцам.

Доказательством того, что колониальные власти не назначали франкоканадцев на ответственные посты, является тот факт, что многолетний спикер ассамблеи Нижней Канады Жан-Клод Пане так и не вошел в состав исполнительного совета провинции, хотя имел на это законное право по конституции⁹⁹. Всякая попытка пойти на какие-либо уступки франкоканадскому большинству встречалась в штыки прежде всего «дворцовой кликой». Так, в 1815 г. ее лидеры добились отзыва из колонии генерал-губернатора Прево, политика умиротворения которого не устраивала господствующий класс¹⁰⁰.

В основе политики дискриминации и угнетения франкоязычного населения колониальной Канады лежали прежде всего классовые интересы английской торговой и промышленной буржуазии и колониальной аристократии. Как мы уже отмечали, с момента завоевания контроль над торговлей в Квебеке постепенно захватили в свои руки английские купцы. Оптовая торговля с метрополией, США и Вест-Индией стала уделом лиц английского происхождения, связанных с Лондоном, но имеющих свои резиденции в Монреале или Квебеке. Это подтверждает и пофамильный список крупных собственников-торговцев, проживавших в Монреале в 1819 г., среди которых мы не встречаем почти ни одной французской фамилии¹⁰¹.

Промышленное развитие колонии в первой трети XIX в. дополнило эту монополию англичан также монополией на крупный бизнес: ведущие отрасли промышленности — судостроение и лесная индустрия оказались в руках тех же монреальских торговцев. Накопленные ими капиталы были призваны служить тоже англичанам. Подтверждение этому мы находим в статистическом описании колонии, предпринятом М. Мартином накануне революции. Он приводит следующие данные (в ф. ст.) о занятости в

⁹⁸ Lower A. R. M. Op. cit., p. 220—221.

⁹⁹ Public Archives of Canada's Report (далее — PACR), 1913. Ottawa, 1914, p. 105.

¹⁰⁰ Wade M. Op. cit., p. 125.

¹⁰¹ См.: Doige T. Op. cit...

канадском бизнесе отдельных групп населения ¹⁰²:

капитал всех банков и компаний	—938 390
из них владеют:	
англоканадцы	—846 221
франкоканадцы	—92 169

В 20—30-х годах XIX в. ¹⁹/₂₀ всего банковского и промышленного капитала Нижней Канады приходилось на долю лиц английского происхождения. Таким образом, франкоканадцы заметной роли в крупном предпринимательстве не играли. Зато они составляли основу трудящихся классов, подавляющее большинство населения сельских округов провинции. Переписи тех лет не отражают, к сожалению, национального состава населения, однако в источниках мы находим прямые подтверждения этого положения. В 1788 г. генерал-губернатор сообщал в Лондон: «Вся коммерческая деятельность в стране осуществляется англичанами, и это приводит к довольно значительному смещению жителей в городах Квебека и Монреале, где на одного англичанина приходится только два канадца... Пропорция англичан и канадцев в округах Квебек и Монреаль, исключая города, составляет уже 1 : 40» ¹⁰³.

В дневнике английского военного деятеля Ч. Грэя мы находим следующую запись от 8 июня 1838 г.: «Необузданное и нецивилизованное племя плотогонов составляют в большинстве своем франкоканадцы, полукровные индейцы и ирландцы. Они зачастую по девять месяцев в году не выходят из леса» ¹⁰⁴. О том, что основу класса наемных рабочих составляли франкоканадцы, а работодателями были главным образом англичане, говорится и в докладе лорда Дарэма ¹⁰⁵.

Сложное сочетание национальных и классовых противоречий, с одной стороны, позволяло английским колонизаторам долгое время осуществлять свою обычную тактику «разделяй и властвуй», но, с другой стороны, делало экономические и социальные противоречия между отдельными группами населения еще более острыми и непримиримыми. В период развития буржуазных отношений и складывания предпосылок антиколониальной революции франкоканадский национальный вопрос, будучи классовым по своему характеру, окончательно стал составной частью и одной из форм проявления классовой борьбы, которая имела место в этой стране в период борьбы за национальное освобождение и утверждение буржуазного строя.

Рассмотрение социально-политической организации канадского общества в первой трети XIX в. позволяет сделать вывод о том, что существующий в Канаде колониальный режим служил инте-

¹⁰² *Martin M. Statistics of the Colonies...*, p. 175.

¹⁰³ *Statutes...*, p. 182.

¹⁰⁴ *Grey C. Crisis in the Canadas, 1838—1839. London, 1965, p. 220.*

¹⁰⁵ *Durham's Report...*, p. 71.

ресам метрополии и местной колониальной олигархии, что нашло свое выражение в политическом и национальном гнете и бесправии основной массы населения колонии, росте реакции и насилия со стороны господствующего класса и его государства.

Это вызывало в народных массах все более крепнущее недовольство и сознание необходимости коренных перемен. «Не отдельные люди, а сама система — вот что разрушает все добрые надежды, и, пока эта система не свергнута, бесполезно ожидать чего-либо стоящего от смены депутатов ассамблеи или же губернаторов»¹⁰⁶, — отмечал в 1818 г. Роберт Гурлей. «Эта система не может существовать дальше, — заявлял Уильям Макензи, — и я бы изменил своему долгу перед страной, где я родился, если бы не пытался разоблачать ее с целью добиться ее изменения»¹⁰⁷. «Смещение нескольких виновных лиц только бы частично облегчило народные страдания, которые могут быть устранены лишь сменой самой системы»¹⁰⁸, — писал лидер национально-освободительного движения в Нижней Канаде Жозеф Папино.

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Процесс созревания любой социальной революции имеет два важнейших аспекта, связанных между собой неразрывной диалектической связью. С одной стороны, это процесс складывания объективных предпосылок — развитие производительных сил, обострение экономических противоречий, нарастание стихийной классовой борьбы. С другой стороны, на базе объективных созревают субъективные предпосылки, зрелость которых В. И. Ленин определял как «способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство...»¹⁰⁹, т. е. свергнуть господствующий класс.

Важнейшим моментом в этом процессе является осознание переломной частью общества стоящих перед ним задач, формирование революционных идей, которые овладевают умами, проникают в стихийное движение угнетенных классов, становясь сами «материальной силой». Исторический опыт учит, что сначала возникают революционные общественные идеи, а уже затем соответствующие им революционные изменения в политической организации общества. Г. В. Плеханов писал по этому поводу: «...для того чтобы войти в жизнь, эти подсказываемые экономикой политические учреждения должны предварительно пройти через го-

¹⁰⁶ Constitutional Documents. 1819—1828, p. 11.

¹⁰⁷ Mackenzie W. L. Select Writings..., p. 98.

¹⁰⁸ Papineau L. J. Textes choisis et presentes par Fern. Ouellet. Quebec, 1958, p. 112.

¹⁰⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 219.

ловы людей в виде известных понятий»¹¹⁰. Этот процесс идеологической подготовки общества к социальному перевороту имел место и в канадском освободительном движении.

Духовная жизнь колониальной Канады в конце XVIII — первой трети XIX в. была разнообразной, бурной и сложной. На смену невежеству, косности и консерватизму, которые на протяжении долгого времени колонизаторы насаждали среди населения страны, приходили новые веяния, явные признаки духовного прогресса и нового общественного климата. Начало и основа этого процесса были заложены в сфере просвещения, что само по себе было отражением закономерных потребностей развивающегося в колониальных условиях капиталистического строя.

Как известно, эпоха перехода от феодализма к капитализму ознаменовалась широким идейным течением, охватившим многие страны и вошедшее в историю, как Просвещение. Идеи Просвещения были идеологическим обоснованием буржуазной революции, но в каждой стране, в зависимости от условий и времени, они приобретали особую, специфическую форму. Так, в XVIII в. в североамериканских колониях Англии исторически просветительное движение было связано с борьбой за освобождение колоний из-под власти английской метрополии. Это движение в США связано с именами Б. Франклина, Т. Пейна, Т. Джефферсона и других американских просветителей. А как обстояло дело в Канаде?

В анналах ранней истории Канады мы почти не встречаем имен каких-либо оригинальных прогрессивных мыслителей. И тем не менее уже в самом начале XIX в. мы можем говорить о наличии в духовной жизни канадских провинций крупных сдвигов, которые по своим чертам напоминали просветительское движение в североамериканских колониях накануне войны за независимость. В известном смысле мы можем говорить о возникновении в Британской Северной Америке собственно канадского движения Просвещения, одним из заметных проявлений которого стали успехи в области народного просвещения.

Просвещение народа в условиях колониального режима было в глубоком загоне и находилось под строжайшим контролем церкви. В Новой Франции это была монополия римско-католической церкви и ее различных организаций. С приходом англичан дело народного просвещения, за исключением провинции Нижняя Канада, всецело перешло в руки господствующей англиканской церкви. Все школьные учителя в колонии должны были получать право на преподавание от лондонского епископа, считавшегося главным наставником всех духовных дел в британских колониях¹¹¹. Со временем высшее колониальное духовенство добилось от Лондона почти полной автономии в этих делах. Так, в Верх-

¹¹⁰ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. М., 1956, т. 2, с. 216.

¹¹¹ Constitutional Documents. 1759—1791, p. 602—606.

ней Канаде был создан Центральный совет по делам образования, который и заправлял всем делом просвещения в провинции. Его главой с 1823 г. являлся архиепископ Стрэчен ¹¹².

Ни метрополия, ни местные власти не отпускали каких-либо средств на дело просвещения. Инициатива полностью принадлежала церкви или местным общинам, т. е. самим поселенцам. В результате народное образование в стране находилось в плачевном состоянии. Большинство населения колоний в начале XIX в. было неграмотным. Достаточно привести такой факт, что из 87 тыс. поселенцев Нижней Канады, подписавших в 1827 г. петицию в адрес английского монарха, только 7 тыс. были грамотными, а остальные поставили вместо подписи «крестики» ¹¹³. Единственным видом школ в колонии долгое время оставались начальные, которые финансировались самими поселенцами и уровень преподавания в них был чрезвычайно низок ¹¹⁴.

В начале XIX в. появляются средние школы, также финансируемые в основном за счет населения, но и в них учителя были малоквалифицированными, и число этих школ исчислялось единицами. Так, в 1827 г. в Нижней Канаде с населением почти в полмиллиона человек насчитывалось всего 273 школы ¹¹⁵.

Высшее образование почти совсем отсутствовало в колонии. Старейшим и долгое время единственным высшим учебным заведением оставался Квебекский колледж в Нижней Канаде, находившийся под контролем католической церкви. В 1831 г. здесь под началом 8 профессоров свыше 200 студентов изучали не только богословие, но и математику, философию, греческий, латинский, географию, историю ¹¹⁶.

Образование в колонии носило узкоклассовый, привилегированный характер. Окружные средние школы были доступны лишь детям, проживавшим в городах и чьи родители могли платить за обучение, что было под силу лишь немногим. В 1831 г. местная газета сообщала, что среднюю школу округа Мидленд (Верхняя Канада) посещал всего 31 ученик, а стоимость обучения была очень высока и недоступна для многих семей ¹¹⁷. Естественно, большинство населения не имело возможности дать образование своим детям. «Нам сообщили, — писала 22 сентября 1831 г. „Колониал адвокат“, — что в самом населенном тауншипе округа Хоум есть только одна школа с 10 учениками, хотя число детей от 6 до 16 лет свыше 600!!! Это самый лучший комментарий на систему образования доктора Стрэчена, цель которой держать народные массы в невежестве, а давать образование только несколь-

¹¹² *Bethune A. Op. cit.*, p. 104—111.

¹¹³ *Nile's Weekly Register*, 1828, jul. 12, v. 34, p. 315.

¹¹⁴ *Eames F. Pioneer Schools of Upper Canada.*— *OHSPR*, 1915, v. 18, p. 91—103.

¹¹⁵ *Bouchette J. British Dominions...*, v. 1, p. 352.

¹¹⁶ *Colonial Advocate*, 1831, May 19.

¹¹⁷ *Colonial Advocate*, 1831, Jan. 7.

ким сынкам из „семейного союза“. Для детей из самых привилегированных семей в Торонто, например, существовали особые частные школы и семинарии»¹¹⁸.

Особенно ревностно правящая клика и церковь охраняли монополию в сфере высшего образования. Так, когда в Верхней Канаде возникло первое высшее учебное заведение — Верхнеканадский колледж, архиепископ Стрэчен добился утверждения устава колледжа на следующих принципах: генерал-губернатор должен быть постоянным членом совета колледжа, а его постоянным президентом — архиепископ Торонто, т. е. сам Джон Стрэчен; все профессора, независимо от их специальности, должны быть членами англиканской церкви и разделять все ее догмы; студенты обязаны приносить присягу на верность короне и церкви и т. д.¹¹⁹ Таким образом, контроль над заведением оказался всецело в руках англиканской церкви и «семейного союза», против чего, кстати, резко выступили не только сторонники реформ, но и представители других церквей — методисты и пресвитериане¹²⁰.

Плата за обучение в колледже была высокой и, как писал Уильям Макензи, «колледж, ставший монополией церкви, представляет собой учебное заведение исключительно для семей правительственных чиновников... Этот колледж и не был никогда предназначен для народа, и власти не собирались давать выходцам из всех классов право приобщиться к источнику знаний»¹²¹.

Несмотря на узкоклассовый и ограниченный характер народного образования в колонии, в 20—30-х годах мы не можем не заметить признаков прогресса. Количество грамотных людей в провинции становилось все больше, а тяга к знаниям все сильнее. В те годы число школ в течение двух-трех лет увеличивалось обычно в несколько раз¹²². Довольно активно шло обучение взрослого населения. В Йорке действовали вечерние классы, в конце 1830 г. здесь был основан Йоркский институт механиков, а в 1831 г. Литературное и философское общество Верхней Канады¹²³. Выпускники высших учебных заведений в 30-х годах ежегодно пополняли ряды представителей национальной интеллигенции — юристов, учителей, врачей и т. п., которые начинали играть все более активную роль в идейной и политической жизни колонии.

Колонизаторы всячески старались оградить заокеанские владения от распространявшихся в мире революционных идей. Запрет был наложен на ввоз в колонию «вредных изданий». Это были прежде всего сочинения французских и английских мате-

¹¹⁸ Colonial Advocate, 1827, Febr. 22; 1831, Aug. 4.

¹¹⁹ Colonial Advocate, 1824, Oct. 11.

¹²⁰ Ibid.

¹²¹ Colonial Advocate, 1831, May 19.

¹²² Fidler I. Op. cit., p. 335.

¹²³ Colonial Advocate, 1831, Febr. 3.

риалистов, а также сочинения деятелей американской и французской буржуазных революций. Однако в первой трети XIX в. эти книги все же проникали в колонию и пользовались широкой известностью. Крупнейшая библиотека колонии была расположена в Квебеке и среди ее 84 тыс. томов были сочинения Вольтера, Дидро, Руссо, Локка, Франклина и т. п.¹²⁴ В первой трети XIX в. хорошие библиотеки имелись в Торонто, Монреале, Кингстоне и других городах¹²⁵.

Выдающуюся роль в идеологической подготовке освободительной борьбы в Канаде сыграла оппозиционная, демократическая пресса. По признанию канадских исследователей, 20—30-е годы XIX в. стали временем подлинного расцвета печатного дела в Канаде и зарождения национальной канадской журналистики¹²⁶. «В распространении реформаторских идей по всей провинции, — пишет канадский историк Дж. Крэйг, — ни одно средство не было таким эффективным, как газета»¹²⁷. Объяснялось это, на наш взгляд, в значительной степени и тем, что для разбросанных на огромных расстояниях канадских поселенцев газета часто была единственной нитью, связывающей их с внешним миром, источником свежих новостей и необходимой информации.

Первые газеты в Британской Северной Америке появились еще в конце XVIII в. Это были три официальных органа, издававшихся в провинциях Верхняя Канада, Нижняя Канада и Новая Шотландия. На протяжении долгого времени они оставались фактически единственными периодическими изданиями, были рупорами колониальной администрации и существенной роли в политической жизни провинции не играли¹²⁸.

Однако в 1806 г. в Нижней Канаде появляется первая оппозиционная газета франкоканадских демократов «Канадъен». Вслед за ней в той же провинции начинают издаваться две новых антиправительственных газеты «Минерв» (1826 г.) и «Виндикэйтор» (1828 г.). В 20-е годы периодические издания демократического направления возникали повсеместно. В Верхней Канаде с 1820 по 1825 г. были основаны три оппозиционных газеты — «Обсервер», «Колониэл адвокэйт» и «Канейдиэн фримэн». В 1831 г. в провинциях Британской Северной Америки уже выходило в свет 44—46 газет¹²⁹, из них многие были демократического направления.

Первая радикальная газета «Канадъен» была органом группы оппозиционно настроенных депутатов ассамблеи, в основном из числа адвокатов и нотариусов¹³⁰. Идейным вдохновителем

¹²⁴ *Trudel M.* L'Influence de Voltaire au Canada. Toronto, 1945, v. 1, p. 83.

¹²⁵ *Guillet E. C.* Op. cit., p. 335.

¹²⁶ *Talman J.* The Newspapers of Upper Canada a Century Ago.—CHR, 1938, v. 19, N 1.

¹²⁷ *Craig G.* Op. cit., p. 200.

¹²⁸ *Tremaine M.* Early Printing in Canada. Toronto, 1954, p. 2.

¹²⁹ *Christie R.* Op. cit., v. 3, p. 352.

¹³⁰ *Lawrence S.* Op. cit., p. 94.

газеты и ее главным автором стал Пьер Бедар. Газета выступила с резко антибританских позиций, в защиту прав и суверенитета франкоканадского населения. Ее основным лозунгом был: «Наш язык, наши законы и наши институты!». «Канадъен» обрисовывала ситуацию следующим образом. На Североамериканском континенте существуют две основные противоборствующие силы: лояльные, мирные канадцы («Les enfants du sol»), любящие своего короля, преданные своим законам и системе земельного держания, и американцы, жаждущие вторгнуться в долину р. Св. Лаврентия. Будучи торговцами по натуре, американцы находятся в союзе с английскими крупными торговцами из Монреаля и сообща пытаются создать в Канаде «торговую аристократию, наиболее отвратительную и вредную из всех видов аристократии». Газета обвиняла англичан в том, что они собираются американизировать Канаду и поэтому специально поощряют заселение провинции эмигрантами из Новой Англии ¹³¹.

Эта точка зрения — выражение складывающейся мелкобуржуазной идеологии франкоканадского национализма, являющейся одной из характерных черт ранней стадии освободительного движения в колонии, когда классовые противоречия в Нижней Канаде чаще всего проступали в форме противоречий национальных; идеология национализма при всей своей ограниченности в тот период несла в себе исторически прогрессивную миссию.

Выступая против англичан и американцев, газета разоблачала попытки представить франкоканадское население как неграмотное, отсталое и невежественное. Отвечая одному из авторов пасквиля, редактор газеты писал: «Мистеру Грю следовало бы заметить во время своего пребывания в Канаде, что эти «дикари» имеют великолепные колледжи с первоклассными лекциями по этике, которые читаются на уровне последних достижений науки, что у них есть грамотные и добродетельные священники, что среди канадцев много людей с правовым образованием, которым только нужна соответствующая сфера деятельности, чтобы завоевать себе репутацию» ¹³².

И все же наиболее примечательной стороной деятельности газеты «Канадъен» и ее редакторов была не проповедь франкоканадского национализма и идеализация прошлого, а пропаганда передовых идей и критика существующего в колонии политического строя. Эта сторона была связана прежде всего с именем Пьера Бедара — одного из первых идеологов канадского национально-освободительного движения. За основу своих концепций Бедар и его сторонники взяли законы и прецеденты английской конституции, т. е. принципы буржуазного права. Соответственно их теоретическими вдохновителями были выдающиеся теоретики буржуазного государства и права Монтескье, Локк, Блэкстоун.

¹³¹ Le Canadien, 1806, 22 nov.; 1808, 24 déc.

¹³² Le Canadien, 1808, 24 déc.

Основополагающей точкой зрения Бедара было заключение, что английский монарх злоупотребил своими правами над завоеванным народом Канады, установив Конституционным актом 1791 г. в колонии форму правления, которая лишь внешне напоминает английскую конституцию. Форма правления в колонии, по мнению Бедара, представляет собой сплошной «хаос» и «бессмыслицу», поскольку нарушены основные принципы, на которых должно зиждиться управление¹³³.

«Исполнительная власть,— писал Бедар, ссылаясь на Локка,— не имеет права устанавливать контроль над властью законодательной, исполнительная власть есть низшая по отношению к законодательной, и, хотя она сама по себе является одной из областей законодательной власти и первой по значению, другие области власти от нее совершенно никак не зависят»¹³⁴. Здесь мы наблюдаем явное влияние теории Монтескье о разделении и балансе властей.

Несмотря на известную ограниченность этих взглядов, их пропаганда в условиях колониального режима имела большое значение. Прежде всего это давало возможность обосновать идею независимости ассамблеи от других органов власти в колонии и ее право защищать интересы народа перед лицом королевских чиновников. «Дело в том,— писал Бедар,— что существует столь значительное равновесие между правами народа и правами представителей королевской власти, что, если возникает необходимость установления единовластия, народ имеет справедливые и надежные основания, чтобы отстаивать свои права»¹³⁵.

Исходя из этих же теоретических предпосылок, «Канадъен» и ее редактор требовали установления в Канаде министерского правления, ответственного перед выборной ассамблеей. Идею «министерской ответственности» для колонии Бедар изложил открыто в одной из своих речей в ассамблее в 1809 г.¹³⁶, а более подробно свои взгляды в «Мемуарах», которые главный судья провинции назвал «революционным проектом»¹³⁷.

Пропаганда подобных идей, несомненно, нашла широкий отклик среди населения провинции, и газета очень быстро приобрела популярность. «Удивительно,— пишет Э. Мэннинг,— как этой полдюжине людей, владевших дешевой и маленькой типографией и выпускавших еженедельную газету... удавалось проникать в самые отдаленные части провинции и оказывать влияние на исход выборов в ассамблею»¹³⁸.

Генерал-губернатор Крэйг в 1808 г. сообщал в Лондон: «Они полагают или склонны полагать, что здесь существует кабинет ми-

¹³³ PACR, 1913, p. 118.

¹³⁴ Ibid., p. 115.

¹³⁵ Le Canadien, 1809, 4 nov.

¹³⁶ См. текст этой речи: CHR, 1957, v. 38.

¹³⁷ Christie R. Op. cit., v. 6, p. 327.

¹³⁸ Manning H. T. The Revolt of French Canada, p. 64.

нистов по типу английской конституции, ответственный перед ними за поведение правительства. Нет нужды указывать вам, в. в-во, к чему может привести эта идея»¹³⁹. В 1810 г. газета была запрещена, но ее деятельность оставила заметный след в духовной и политической жизни страны. Взгляды Бедара оказали сильное влияние на лидера умеренного крыла освободительного движения Джона Нилсона, который, кстати, вел длительную переписку с Пьером Бедаром.

Подобные же либеральные взгляды с известной долей конституционно-монархических иллюзий проповедовали и другие идеологи канадской буржуазии. Среди них можно назвать имена известных сторонников демократических реформ Роберта Гурлея и Барнабаса Бидуэлла в Верхней Канаде, Джозефа Хау — в Новой Шотландии. В истории освободительной борьбы они составили умеренное крыло сторонников реформ, недовольных засильем правящей клики и английского капитала. Представители этого направления выступали за демократизацию политических порядков в стране, но в то же время были готовы мириться с колониальным режимом в случае его либерализации на манер английской конституции. Эти взгляды и политическая платформа отражали прежде всего интересы крупной и средней канадской буржуазии.

Однако в ходе освободительной борьбы появилась новая идеология буржуазно-демократического толка, отражавшая интересы широких слоев населения. Зарождение этого идейного течения канадской политической мысли связано прежде всего с двумя выдающимися деятелями — Уильямом Макензи и Жозефом Папино.

В летописи истории каждого народа записаны имена людей, в жизни которых преломляются время и события, ставшие поворотными для нации. В канадской истории таким было имя Уильяма Лайона Макензи¹⁴⁰.

Уильям Лайон Макензи родился в 1795 г. в Шотландии, в простой и бедной семье, где царил дух традиционной гордости, уважения к честности и ненависти к роскоши и лжи. «Нищета и лишения были моими няньками в детстве, а нужда и отчаяние — близкими друзьями юности»¹⁴¹, — писал позднее Макензи. Детство и первые самостоятельные шаги по жизни имели большое значение для формирования взглядов и характера молодого Макензи. К 24 годам, к моменту эмиграции в Канаду он прочитал около тысячи книг, среди которых были книги Монтескье, Вольтера, Дид-

---

¹³⁹ Statutes..., p. 224.

¹⁴⁰ Подробнее см.: *Тышков В. А.* Политические взгляды и деятельность Уильяма Лайона Макензи (К истории освободительной борьбы в Канаде). — Из истории международных отношений и освободительных движений XIX—XX вв. Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, № 343, М., 1970. с. 302—343.

¹⁴¹ Colonial Advocate, 1824, Jun. 10.

УИЛЬЯМ ЛАЙОН МАКЕНЗИ

ро, Локка, Пейна, Франклина и других передовых мыслителей эпохи буржуазных революций¹⁴².

В поисках заработка Макензи в 1820 г. эмигрировал в Канаду, где первое лето проработал в Монреале счетоводом, а затем переехал в Йорк (Торонто) и вместе с партнером открыл магазин по продаже книг и медикаментов. Дело шло неплохо, но вдруг начинающий бизнесмен продал всю свою собственность, купил в Соединенных Штатах печатный пресс и, обосновавшись в городе Куинстоне, выпустил 18 мая 1824 г. первый номер газеты «Колониэл адвокат», которой суждено было стать одной из самых знаменитых в канадской истории. Этот неожиданный шаг 29-летнего шотландского эмигранта нелегко объяснить. У. Килборн высказал предположение, что Макензи, наблюдая вокруг себя столь часто нищету, не желал обогащаться. Отмечая бескорыстие своего героя, этот историк справедливо называет Макензи прирожденным «разгребателем грязи»¹⁴³. Однако страстный противник нищеты и бесправия, Макензи в то же время на протяжении всей своей жизни отстаивал интересы мелкого бизнеса, национальной канадской буржуазии. Вполне возможно, что, будучи сам предста-

¹⁴² *Lindsey C.* The Life and Times of William Lyon Mackenzie, v. 1—2. Toronto, 1862, v. 2, p. 303.

¹⁴³ *Kilbourn W.* The Firebrand. William Lyon Mackenzie and the Rebellion in Upper Canada. Toronto, 1956, p. 23.

водителем этого класса, Макензи видел достаточно ясно, что в условиях колониального режима таким, как он, не имеющим связей с крупным английским капиталом и местной олигархией, рассчитывать на успех бесполезно.

«Я слишком долго наблюдал свою страну, находящуюся в руках алчных, хитрых и жестоких людей. Под их управлением одна из самых лучших и желанных частей Америки остается пустыней»¹⁴⁴, — вспоминал Макензи о своих первых годах в Канаде и о своем решении начать издавать газету.

Первые номера «Колонизэл адвокэйт» изложили программу молодого редактора. Макензи обращался к своему «единственному избранному патрону» — народу английских колоний. «Народ» для Макензи — это «подлинные труженики — земледельцы», «ремесленники, гордые своей профессией», все «свободные люди Верхней Канады». «На вас одних, фермеры, постоит Канада. Вы — единственные хранители гражданской и религиозной свободы... Мы сделали свой выбор!»¹⁴⁵ — заявляла газета. Действительно, отныне и навсегда простой фермер и бедный ремесленник стали главными объектами симпатий Уильяма Макензи. Он неустанно напоминал, что богатые земли, благоприятный климат и усердие поселенцев не приносят желаемых результатов, что фермеры в постоянных долгах у местных торговцев, которые опутали их «душу и тело»¹⁴⁶.

Не менее важны для Макензи интересы национального канадского предпринимательства. Торговля в стране, отмечала газета, находится в кандалах, надетых на нее английскими капиталистами. Развитие промышленности искусственно сдерживается, за исключением лесной, которая необходима властям только потому, чтобы не зачахло слабеющее английское судостроение. Страна наводнена английскими изделиями. «Мы горячо желаем увидеть, когда во всех канадских провинциях будет установлен порядок, содействующий росту ремесла и промышленности»¹⁴⁷, — писал редактор «Колонизэл адвокэйт».

Источником всех бедствий газета считала саму систему колониального управления, которая порождает «низкопоклонническое правительство, подавляет дух предпринимательства, возмущает чувства каждого независимо мыслящего колониста». «Прогресс невозможен, пока страна находится в руках бездеятельного губернатора, окруженного фаворитами, пока ассамблея легко подвержена коррупции системой пенсий, титулов, назначений, почестей и вознаграждений». Свою задачу Макензи видел в том, чтобы показать жителям провинции, «как можно лучше и быстрее обрубить корни этого зла»¹⁴⁸.

¹⁴⁴ *Lindsey C. Op. cit.*, v. 1, p. 40.

¹⁴⁵ *Colonial Advocate*, 1824, May 18.

¹⁴⁶ *Ibid.*

¹⁴⁷ *Ibid.*

¹⁴⁸ *Ibid.*

Каким же путем, по мнению Макензи, можно было достигнуть конечной цели — благосостояния народа Канады и изменения существующего в колонии строя? Конституционные, демократические реформы во всех сферах, начиная от политического устройства и кончая сферой просвещения, — вот та панацея от всех зол, в которую горячо верил Макензи в начале своей политической карьеры. Особенно горячо он выступал за развитие просвещения в стране, что вывело бы население из состояния невежества и политической пассивности. Эта сторона деятельности была для Макензи одной из первостепенных, поскольку он справедливо считал, что «все реформы в области управления должны начинаться с просвещения самих управляемых»¹⁴⁹.

«Колониэл адвокат» зло высмеивала невежество местной элиты, так называемых джентри: «Их манеры грубы и вульгарны. Их политика сводится к тому, чтобы раболепствовать в Йорке и уже без опаски вести себя как тираны в своих округах»¹⁵⁰, — писал Макензи. Он осуждал невежественные предрассудки, бытующие среди некоторой части колонистов, особенно межнациональную вражду. «Пусть между нами исчезнут все межнациональные различия, — призывал Макензи. — Пусть все жители провинции почувствуют себя одной нацией и пусть их единственным стремлением станет достойное похвалы соперничество в деле службы на благо страны, которую они избрали своей родиной»¹⁵¹.

Макензи ратовал за открытие университета в провинции, но в то же время предупреждал, что установление для студентов обязательной присяги будет на руку духовенству и вынудит молодых людей вместо того, чтобы следовать добрым целям, руководствоваться определенными догмами.

Предметом постоянной заботы Уильяма Макензи была система школьного образования. «Колониэл адвокат» била тревогу по поводу острой нехватки школ в колонии, засилья церкви и привилегированного характера образования. Одной из первых реформ Макензи считал отделение школы от церкви и установление государственной помощи школам. Макензи сам написал в 1830 г. один из первых учебников — «Катехизис образования», составленный им в доступной форме вопросов и ответов. Несмотря на то что идея написания этой работы родилась под непосредственным влиянием английского радикала Хьюма и в самой работе имеются многочисленные ссылки на А. Смита, Локка, Мильтона, Ньютона, Бэкона, Адамса, Джефферсона, Пейна, Вашингтона, Гельвеция и многих других мыслителей и ученых буржуазного просветительства¹⁵², «Катехизис» Макензи можно вполне рассматривать как оригинальное и самостоятельное произведение канадской политической мысли эпохи буржуазной революции.

¹⁴⁹ Colonial Advocate, 1831, Jun. 2.

¹⁵⁰ Colonial Advocate, 1824, May 18.

¹⁵¹ Colonial Advocate, 1826, Mar. 30.

¹⁵² Mackenzie W. L. Select Writings, p. 68.

«Что такое образование? — задает вопрос автор «Катехизиса». — Это самое полное использование возможностей, которыми обладает человек, чтобы его разум мог наилучшим образом содействовать делу человеческого счастья». Основой образования должна быть, по Макензи, «хорошая практика, не основывающаяся ни на чем другом, кроме глубокой теории». Теория же, в свою очередь, это имеющийся по тому или иному предмету свод знаний, составленный в такой форме и порядке, чтобы из него можно было наилучшим образом «извлекать хорошие практические указания»¹⁵³.

Образование человека достигается «старанием, волей и привычкой»; оно должно быть направлено на воспитание таких свойств человеческого ума, как «интеллект, сдержанность, справедливость и великодушие». Интеллект включает в себе две составные части — «знание и проницательность»¹⁵⁴. Однако все эти качества могут принести счастье лишь тому, кто ими обладает.

«Какими тогда качествами должен обладать человек, чтобы приносить наибольшее счастье другим? — гласит вопрос № 25. — «Человек может приносить счастье другим, если он будет воздерживаться от причинения им зла или творить для них добро. Не причинение зла называется справедливостью, творить добро — великодушием и щедростью»¹⁵⁵.

Как же Макензи понимает смысл счастья? «Катехизис» не дает точного ответа на этот вопрос: его автор ссылается на то, что философы до сих пор еще не пришли к единому мнению. Однако сам Макензи всегда связывал понятие «наибольшее счастье» с понятием «большинство людей».

Макензи ошибочно придавал образованию основополагающее значение в развитии общества. По его мнению, колоссальная разница в уровнях развития различных народов на Земле — это результат неравномерности образования¹⁵⁶. Не понимая связи между образованием и уровнем развития производительных сил и общественных отношений, он все же явно подметил классовый характер дела просвещения. Так, «Катехизис», отводя важную роль в деле образования здоровью, физическому труду и досугу, провозглашает: «Без физического труда большинства человечества наш род не может благополучно развиваться, но, если этот физический труд совершается свыше всяких норм, ни разум, ни добродетель, ни счастье не могут существовать на Земле»¹⁵⁷. Непомерный физический труд и его однообразие ведут к деградации людей, снижению их способности, парализуют ум, делают его неспособным к восприятию идей.

¹⁵³ Ibid.

¹⁵⁴ Ibid., p. 69.

¹⁵⁵ Ibid., p. 71.

¹⁵⁶ Ibid., p. 74.

¹⁵⁷ Ibid., p. 77.

Макензи прямо связывает такое положение с интересами эксплуататорских классов, которые боятся народного просвещения и за счет невежества масс держатся у власти. «Подобного мнения (отрицание необходимости образования для большинства людей.— В. Т.) придерживаются те, кто думает, что человеческое общество должно состоять из двух классов — угнетателей и угнетенных. Но, если образованию предстоит открыть смысл счастья и если интеллект включает в себе знания и проницательность, в этом случае вопрос о том, должен ли быть народ образован, идентичен вопросу, должен ли он быть счастливым или несчастным»¹⁵⁸.

«Правильно ли поступили правительства в Европе, подчинив специальное образование молодежи контролю церкви»? — звучит вопрос № 78. Ответ предельно краток: «Нет, неправильно».

«В чем состоит главный результат передачи дела образования молодежи в колонии в руки правительства или лиц, находящихся под его опекой? В том, что молодые люди не будут инструментом сил зла и станут способны правильно и справедливо оценивать свое собственное положение, а также поведение и характер правительства, при котором они живут»¹⁵⁹. Макензи не понимал, что правительство, как и церковь, в колонии носит тоже классовый характер. Его взгляды на правительство наивно-утопичны. «Правительство — это посредник, формирующий характер членов общества»¹⁶⁰, — считал Макензи.

Идейные истоки взглядов Макензи прослеживаются довольно четко. Это прежде всего наследие американских просветителей XVIII в. В списке книг, прочитанных Уильямом Макензи в юности, стоит «Автобиография» Бенджамина Франклина. Он неоднократно высказывался о великом американце, называя его «поборником гражданских и религиозных прав», и чрезвычайно высоко ценил философию, «обессмертившую бостонского печатника»¹⁶¹. В своих обращениях к народу Макензи отчасти заимствовал форму, применяемую в свое время Франклином в его знаменитом «Альманахе бедного Ричарда». Это — незатейливые правоучения, пересыпанные притчами, баснями, мудрыми народными пословицами и поговорками.

Идеи американской революции оказали влияние и на политические взгляды Макензи. Его идеал политического устройства Канады складывался постепенно, однако некоторые основные положения были им изложены еще в 1824 г. Он считал, что «правительство есть орган управления от имени народа», ответственный перед народом. Какое-либо отклонение народных представителей от бескорыстной общественной службы, использование вла-

¹⁵⁸ Ibid., p. 82.

¹⁵⁹ Ibid., p. 83, 84.

¹⁶⁰ Ibid., p. 86.

¹⁶¹ Colonial Advocate, 1824. May 18.

сти в личных интересах должны подвергаться немедленному искоренению. Избранные народом представители власти не имеют права причинять обществу зло и даже более — обязаны отвергать любую должность, которая может быть использована в узкокорыстных целях. Народ, в свою очередь, обязан избавляться от «сборщиков налогов, королевских прокуроров, тунеядцев и подхалимов». Он должен избирать «самых мудрых, честных, наиболее уважаемых и преданных патриотов, в сердце которых еще не угас огонь свободы...»¹⁶². Одним из «основополагающих и неотъемлемых принципов конституции» Макензи считал право народа быть обложенным налогом только с согласия его представителей¹⁶³.

Первоначально выдвинутые Локком, эти идеи были взяты на вооружение американскими колонистами еще в XVIII в., но в условиях колониальной Канады с ее продажной и антинародной системой правления пропаганда «правительства от имени народа и ответственного перед народом» являлась смелым и революционным шагом.

В отношении будущей формы правления Макензи первоначально выступал как сторонник союза всех колоний Британской Северной Америки под эгидой метрополии. По его мнению, следовало создать, согласовав предварительно с английским парламентом, конституционный конвент из представителей всех провинций с целью выработать конституцию, которую английскому парламенту предстояло бы ратифицировать. Избранное на основе новой конституции правительство должно иметь право «распоряжаться ресурсами всей Канады и обладать властью для проведения справедливой и беспристрастной политики во всех частях страны». Правительству потребовались бы «некоторые благодеяния от Великобритании», но это, как считает Макензи, лишь «укрепило бы обороноспособность колоний, способствовало росту колониального морского флота и колониальной внешней торговли, бывших до этого в запущенном состоянии в результате невнимания со стороны верховной власти»¹⁶⁴.

Следует заметить, что план Макензи, предусматривавший усиление страны путем объединения провинций, расширения их прав и самостоятельности в рамках Британской империи был, по всей видимости, заимствован из арсенала ранних идей деятелей американской революции. В 1754 г. Франклином был выдвинут проект союза североамериканских колоний под эгидой британской короны. Мотивируя необходимость принятия своего плана, Франклин также писал, что «союз колоний абсолютно необходим для их сохранения», для их взаимной защиты и безопасности и для расширения британских поселений в Северной Америке»¹⁶⁵.

¹⁶² Colonial Advocate, 1824, May 18.

¹⁶³ Colonial Advocate, 1828, Jan. 31.

¹⁶⁴ Colonial Advocate, 1824, Jun. 18.

¹⁶⁵ Франклин В. Избр. произв. М., 1956, с. 283.

Свое отношение к английской короне Макензи на первых порах изложил довольно определенно: «Мы никогда не были нелояльными подданными... Искренне преданные свободе, мы все же думаем, что она совместима с преданностью к ограниченной монархии... Нам нравится американская свобода, но еще больше мы предпочитаем английскую... Будучи британскими подданными, рожденными в Англии, мы клянемся в своей преданности конституционной монархии и прежде умрем, чем нарушим эту клятву»¹⁶⁶, — заверяла читателей газета Макензи.

Через несколько лет Макензи изменил свои представления: в 1836 г. он опубликовал в своей новой газете «Конститьюшн» знаменитый памфлет Т. Пейна «Здравый смысл», где короли называются ублюдками, провозглашаются равенство людей и их прирожденные неотъемлемые права, а в 1837 г. Макензи открыто призвал народ Канады к оружию против колониального режима и короля. Столь скорая метаморфоза позволила некоторым историкам обвинить Макензи в непоследовательности, отсутствии четкого мировоззрения. Нельзя не согласиться с канадским историком Р. Маккеем, что «в начале своей карьеры Макензи не был ни революционером, ни республиканцем»¹⁶⁷. Однако конституционно-монархические иллюзии не могут рассматриваться как доказательство непоследовательности, отсталости взглядов или политической близорукости Макензи. Заметим, что подобным иллюзиям в свое время были подвержены почти все проделавшие путь от конституционных демократов до демократов-революционеров, будь то Франклин или Джефферсон, Робеспьер или Марат.

Складывание мировоззрения Макензи происходило не только под влиянием различных внешних факторов. Его идеи были прежде всего частью и закономерным отражением процесса освободительного движения в самой Канаде, наиболее радикальным представителем которого он и оставался на протяжении всей своей деятельности. В 20-х годах XIX в. это движение еще носило характер конституционной борьбы за реформы. Переход на высшую ступень борьбы был еще впереди.

Макензи всегда необычайно остро реагировал на актуальные проблемы своего времени, свято блюдя интересы тех сил, на которые он опирался. Он не боялся пересмотреть те или иные свои взгляды и принципы, если видел их несоответствие жизни. Наиболее яркое доказательство тому — его настойчивые поиски решения проблемы будущего политического устройства Канады. Отношение английских властей к предложенному им плану объединения провинций не внушало никаких надежд на его осуществление, и в 1827 г. Макензи выдвинул идею колониального представительства в английском парламенте. Он наивно пола-

¹⁶⁶ Colonial Advocate, 1824, May 18.

¹⁶⁷ Mackay R. A. The Political Ideas of Mackenzie W. L.— CJEPS, 1937, v. 3, N 1, p. 5.

гал, что союз с Великобританией и распространение английской конституции на колонии привлечет капитал и иммигрантов из Англии в Канаду и одновременно жители ее будут пользоваться теми же правами, что и сами англичане у себя в стране¹⁶⁸. Однако очень скоро он вынужден был признать: «Охваченные горячим чувством верности, мы предпочли независимости союз с Великобританией, но, к сожалению, не нашли поддержки нашего грандиозного проекта... Надежды на то, что разум и независимые английские принципы найдут свое место в ассамблее Верхней Канады, оказались напрасными; жизнь показала, что мы допустили ошибку»¹⁶⁹.

Вот так через неудачи и поиски Уильям Макензи постепенно пришел к лозунгу колониального самоуправления в форме «ответственного правительства» — лозунгу, популярному тогда среди большинства сторонников реформ в обеих провинциях. Со временем он признал невозможность осуществления своей идеи — достижения «наибольшего счастья для большинства людей» при сохранении колониальной зависимости от метрополии — и в ходе освободительного движения одним из первых выступил сторонником отделения провинций Британской Северной Америки от Великобритании.

В целом же мировоззрение и деятельность Уильяма Макензи отражали интересы демократического крыла канадской буржуазии, а также широких слоев населения, прежде всего фермерства, а пропаганда его идей сыграла важную роль в идеологическом обосновании освободительной борьбы.

Накануне восстания 1837 г. мировоззрение некоторых идеологов канадского просвещения выходило за рамки буржуазного демократизма. В 1836 г. в провинции Верхняя Канада Самуэль Харт основал газету «Плэйн спикер». Харт считал себя левеллером и осуждал тех, кто, «купаясь в роскоши, присвоил себе право управлять людьми, но сами по себе не являются производящим классом, кроме как в одном смысле — они производят разногласия, вызывают вражду, толкают к восстаниям, умножают страдания и жиреют на несчастьях таких же людей»¹⁷⁰. Харт ратовал за «фермерского губернатора» и проповедовал идеи социального равенства. Во взглядах редактора «Плэйн спикер» отразились утопические чаяния и стремления эксплуатируемых низов — беднейшей части населения колонии.

Деятельность С. Харта и его принципы стали известны и приобрели последователей лишь в ходе вооруженной борьбы¹⁷¹.

---

¹⁶⁸ Colonial Advocate, 1827, Apr. 26.

¹⁶⁹ Ibid.

¹⁷⁰ Guillet E. C. The Life and Times of the Patriots. Toronto, 1963, p. 8. Номера газеты не сохранились, и эта интереснейшая страница в канадской истории остается пока малоизвестной.

¹⁷¹ См.: Guillet E. C. The Life and Times of the Patriots, p. 163—177.

Это же стремление к глубоким социальным переменам и к достижению социального равенства проявилось в распространении в колониальной Канаде оуэнистских идей. Известно, что в 1824 г. Роберт Оуэн посетил Северную Америку. В конце 20-х годов один из его последователей, отставной корабельный эконом британского флота Генри Джонс основал на эгалитарных, утопистски-социалистических принципах поселение на берегу оз. Гурон в графстве Лэмбтон (Верхняя Канада). Он называл его «Тун О'Максуэлл» в честь дома Р. Оуэна в Англии¹⁷². Поселенцы в течение ряда лет жили на основе общественной собственности и коллективизма. Они построили одноэтажное общежитие, где каждая семья имела отдельную квартиру, а кухня и столовая были общими. Люди работали сообща, постепенно расчищая землю и засеивая ее. Но эксперимент продлился недолго. В 1829 г. поселение посетил методистский миссионер Питер Джонс, записавший в своем дневнике: «В полдень мы проехали новое поселение... Это поселение было основано мистером Джонсом, который пытался осуществить так называемую оуэновскую систему общего владения всем. Мне сообщили, что дела здесь идут не очень хорошо»¹⁷³.

В целом уравнилельно-коммунистические идеи не получили широкого распространения в Канаде в ходе освободительного движения.

Как следует из вышеизложенного, процесс формирования предпосылок буржуазной и антиколониальной революции в колониальной Канаде первой трети XIX в. имел место не только в сфере экономики, но и во всех сферах общественной надстройки — в области социальных отношений, в политике и в идеологии.

---

¹⁷² См. подробнее: *Morrison J. The Toon O'Maxwell — an Owen Settlement in Lambton cty., Ont.* — OHSPR, v. 17, 1914.

¹⁷³ *Jones P. Life and Journals of Kah-ke-wa-que-na-by*, 1860, p. 200.

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРОВИНЦИЯХ БРИТАНСКОЙ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

В результате социально-экономического и политического развития колониальной Канады в конце XVIII — первой трети XIX в. освободительная борьба в этой стране наполнилась новым содержанием и вылилась в широкое народное движение против колониальной зависимости и социального угнетения. Это движение охватило все провинции Британской Северной Америки и, при общности основных своих черт и характеристик, в каждой из провинций имело специфические особенности и конкретные исторические формы. Именно последнее обстоятельство диктует в данном случае необходимость рассмотрения событий в каждой из провинций в отдельности.

НИЖНЯЯ КАНАДА

Особенно остро противоречия между основной массой населения и правящей колониальной верхушкой проявились во французской Канаде, где на основе широкого народного недовольства, обострившихся социальных и национальных противоречий демократически настроенная франкоканадская мелкая буржуазия и интеллигенция начали в первые десятилетия XIX в. довольно решительную борьбу против ассимиляторской политики и произвола колониальных властей.

Как мы уже знаем, с 1806 г. в Нижней Канаде выходила газета «Канадъен», вокруг которой группировались радикально настроенные депутаты законодательной ассамблеи во главе с Пьером Бедаром.

Популярность газеты и число ее сторонников росли очень быстро. Как сообщал один из колониальных чиновников, в то время «по провинции начали распространяться песни и пасквили дурного вкуса с целью разжечь страсти. Страницы газеты «Канадъен» изобиловали обличениями в адрес правительства.

В правительственных кругах тайно высказывались опасения насчет возможных интриг и восстания»¹.

Власти колонии усмотрели в теоретических рассуждениях Бедара и его единомышленников грозную опасность, о чем губернатор незамедлительно сообщил в Лондон². Солдафон Крэйг решил изгнать оппозиционных депутатов из ассамблеи и закрыть газету. 17 марта 1810 г. группа солдат совершила налет на типографию «Канадъен». Все оборудование было конфисковано. Редактор газеты Пьер Бедар и три ее совладельца были арестованы. Губернатор издал прокламацию, в которой обрушился на «демагогов» и «безответственных агитаторов»³. Однако чрезвычайные меры не смогли ослабить оппозицию. Очередные выборы в ассамблею вновь вернули депутатов старого созыва, в том числе тех, кого губернатор упрятал в тюрьму.

Англо-американская война 1812—1814 гг., в которую оказалась вовлеченной на стороне метрополии и Канада, вызвала в колониальных провинциях определенный подъем патриотических и верноподданнических настроений и некоторую консолидацию национальных сил. Жители Британской Северной Америки в большинстве своем сохранили преданность английской короне. Однако война 1812—1814 гг., оказав сильное влияние на развитие Канады в целом, способствовала подъему национального самосознания населения растущей страны.

Не успели закончиться военные действия, как в Нижней Канаде депутаты законодательной ассамблеи вновь начали борьбу против губернатора и «дворцовой клики», потребовав от властей проведения ряда существенных преобразований внутри страны. В 1814 г. ассамблея приняла законопроект о реформе школьного образования, предусматривавший отмену монополий англиканской церкви в деле просвещения. Кроме того, депутаты нижней палаты потребовали реформы исполнительного совета с целью придать ему характер органа, ответственного перед выборной ассамблеей, а не перед губернатором⁴.

Реформаторская деятельность ассамблеи привела к тому, что она была распущена раньше срока, но сторонники реформ, или как их стали называть в провинции, «реформаторы», пользуясь полной поддержкой избирателей, после очередных выборов снова обеспечили себе места в палате. «Роспуски и отсрочки могут следовать одна за другой, но скорее в стране произойдет революция, чем изменятся настроения жителей»⁵, — жаловался по этому поводу в Лондон генерал-губернатор лорд Шербрук.

¹ *Christie R.* A History of the Late Province of Lower Canada. V. 1—6. Quebec, 1848—1855, v. 1, p. 307.

² *Statutes, Treaties and Documents of the Canadian Constitution. 1713—1919.* Ed. by W. P. M. Kennedy. Toronto — London, 1930 (далее — *Statutes...*), p. 224.

³ *Christie R.* Op. cit., v. 1, p. 320.

⁴ *Christie R.* Op. cit., v. 2, p. 107.

⁵ *Ibid.*, p. 271.

В 1818 г. в провинции впервые получил широкий политический резонанс так называемый «вопрос о финансовых трудностях» — иными словами, о контроле над доходами и бюджетом провинции. Как известно, значительная часть средств, поступавших от налогов и обложений, находилась под контролем английской короны. Однако этой суммы было недостаточно, чтобы содержать дорогостоящую и продажную колониальную администрацию. На протяжении ряда лет губернатор без ведома местного парламента изымал часть средств из доходов, контролируемых ассамблеей, задолжав таким образом провинциальной казне к 1818 г. 120 тыс. ф. ст.⁶

При обсуждении очередного проекта ассигнований на «цивильный лист» в 1818 г. нижняя палата в корке пересмотрела предложенный губернатором проект бюджета и заново определила количество чиновников и размеры их заработной платы, вычеркнув из списка некоторые должности, признав их бесполезными или усмотрев в них синекуры.

Послушный губернатору законодательный совет отверг одобренный ассамблеей билль об ассигнованиях и вынес следующую резолюцию: «В случае принятия этого законопроекта палата представителей получила бы не просто конституционное право контролировать ежегодные ассигнования чиновникам, но также и право индивидуального вознаграждения за их службу, когда ассамблея сочтет это нужным, что означало бы их зависимость от избирательного органа, а не от короны. Это в конечном счете могло стать орудием для свержения той власти, которую депутаты ассамблеи всячески обязаны оберегать, поддерживать»⁷. Здесь довольно точно подмечено существо многолетней политической борьбы, которая велась в Нижней Канаде и других провинциях по вопросу о контроле над бюджетом и доходами колонии. Право распоряжаться провинциальной казной значительно усилило бы политические позиции местных ассамблей и ослабило бы власть губернаторов.

«Вопрос о финансовых трудностях» имел и глубокую экономическую подоплеку. Депутаты ассамблеи, представлявшие интересы мелкого и среднего канадского бизнеса, были заинтересованы в том, чтобы и без того скудные финансы провинции направить не на содержание раздутого штата чиновников и бесполезных синекур, а на развитие хозяйства страны. Когда после почти 10-летней упорной борьбы ассамблея Нижней Канады добилась права хотя бы частично распоряжаться собственными финансами по своему усмотрению, внимание депутатов сразу же было обращено на такие проблемы, как улучшение дорог, строительство

⁶ *Creighton D. G. The Struggle for Financial Control in Lower Canada. 1818—1831.*— CHR, 1931, v. 12, N 2, p. 131.

⁷ *Documents Relating to the Constitutional History of Canada. 1819—1828.* Ed. by A. G. Doughty and N. Story. Ottawa, 1935 (далее — *Constitutional Documents. 1819—1828*), p. 23.

каналов, развитие сельского хозяйства. В ходе сессии 1828/29 г. депутаты ассигновали средства на расширение и улучшение монреальской гавани, улучшение пароходства по р. Св. Лаврентия, строительство новых дорог в еще малозаселенных районах провинции, совершенствование образования, науки и искусства⁸. Как справедливо отмечает Э. Маннинг, «ассамблея в эти годы проявила свою способность не только реформировать политические институты колонии, но также выдвинуть и осуществить мероприятия, отвечающие материальному прогрессу страны и духовным запросам своих избирателей»⁹.

Политическая борьба в Нижней Канаде обострилась и вышла за пределы стен местного парламента в 1822 г. в связи с проектом объединения провинций Нижняя и Верхняя Канада. Так называемый юнион-билль был вынесен на обсуждение английского парламента под самым прямым давлением правящих кругов колонии, и главным образом крупного монреальского купечества¹⁰. Проект предусматривал объединение законодательных органов обеих провинций и создание объединенной ассамблеи Верхней и Нижней Канады. Для избрания в состав ассамблеи устанавливался высокий имущественный ценз (500 ф. ст. имущества или капитала). Губернатору предоставлялось право вводить в состав объединенной ассамблеи членов исполнительных советов провинций. Право английской короны назначать лиц на высшие духовные должности (право «патронажа») должно было распространиться и на римско-католическую церковь. Ведение дел в объединенной ассамблее должно было осуществляться только на английском языке¹¹.

Политическая направленность законопроекта была очевидна. «Юнион-билль» ставил целью дальнейшее англизирование населения Нижней Канады, устранение с политической арены непокорной провинциальной ассамблеи Нижней Канады и тем самым создание надежной преграды растущему национально-освободительному движению франкоканадского населения.

Как только известие о проекте объединения дошло до провинции, там сразу же началось широкое движение протеста. В Квебеке и Монреале состоялись митинги, на которых были созданы конституционные комитеты по выработке петиции в адрес короля и английского парламента. Председателем монреальского конституционного комитета был избран спикер ассамблеи Луи-Жозеф Папино, а квебекского — видный сторонник реформ, депутат ассамблеи и редактор либеральной «Квебек газетт» Джон Нилсон.

⁸ *Christie R. Op. cit.*, v. 3, p. 285—286.

⁹ *Manning H. T. The Revolt of French Canada. 1800—1835. New York, 1962, p. 320.*

¹⁰ См.: *Public Archives of Canada's Report* (далее — PACR). 1897. Ottawa, 1898, p. 1—46; *Ormsby W. Problem of Canadian Unity, 1822—1828.* — CHR, 1958, v. 39, p. 278—282.

¹¹ *Constitutional Documents. 1819—1828, p. 123—130.*

Конституционный комитет Квебека направил в Лондон послание на имя министра колоний. В этом послании условия предлагаемого объединения провинций назывались «глубоко унижительными и чрезвычайно невыгодными для интересов населения Нижней Канады»¹². Под общей петицией было в самые короткие сроки собрано около 60 тыс. подписей¹³. Доставку петиции в Лондон комитеты поручили Папино и Нилсону.

Явно отрицательная реакция большинства населения колонии на законопроект вынудила английские власти дать отбой. В январе 1823 г. министр по делам колоний известил генерал-губернатора лорда Дальхаузи, что «правительство е. в-ва решило снять в настоящее время с обсуждения эту политическую меру, которая утратила свою целесообразность»¹⁴. Это была пусть небольшая, но все же победа демократических сил провинции.

Успешная поездка Папино в Лондон окончательно утвердила за ним репутацию лидера не только радикально настроенных депутатов ассамблеи, но и всех оппозиционных сил. На выборах летом 1827 г. Папино и его сторонники получили полную поддержку избирателей.

Ассамблея почти единогласно избрала Папино своим спикером. Генерал-губернатор не утвердил выбор депутатов и предложил избрать нового спикера. Ассамблея отказалась, после чего Дальхаузи распустил парламент. Русский посланник в Вашингтоне сообщал по этому поводу в Петербург: «Стало известно из Канады, что то упорство, с которым новая законодательная ассамблея желает поддерживать свою кандидатуру в председатели палаты, отвергнутую генерал-губернатором, заставило последнего отложить сессию до февраля. Можно полагать, что если канадские депутаты не изменят своего мнения по этому вопросу, тогда окончательный роспуск законодательной ассамблеи будет неизбежен»¹⁵.

Предположение русского дипломата оправдалось. Депутаты отказались подчиниться требованиям губернатора, и парламент был в ноябре 1827 г. окончательно распущен. Но вновь избранный состав ассамблеи почти не отличался от прежнего. В 1828 г. ассамблея вызвала двух английских полковников — начальников департаментов местной колониальной администрации, в один из комитетов ассамблеи для дачи некоторых показаний. Губернатор запретил им сделать это. Тогда по приказу спикера ассамблеи оба чиновника были силой доставлены в палату. «Этот необычный случай, в котором канадские представители проявили столь мало уважения и сдержанности к метрополии, должен будет стать

---

¹² Constitutional Documents. 1819—1828, p. 139.

¹³ Christie R. Op. cit., v. 2, p. 389.

¹⁴ Constitutional Documents, 1819—1828, p. 147.

¹⁵ А. И. Крюденер — К. В. Нессельроде. Вашингтон, 17 (29) декабря 1827 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1828 г., д. 42241, л. 15.

предметом рассмотрения сессии английского парламента»¹⁶, — писал русский посланник из Вашингтона.

Последние события можно считать переломными в ходе политической борьбы в Нижней Канаде. Если до этого дело в основном ограничивалось конфликтами ассамблеи с органами исполнительной власти, то «разрыв Дальхаузи с народом», как отмечает С. Кларк, положил начало широкой политической агитации по всей провинции и зарождению новых организационных форм «движения политического протеста»¹⁷.

Действительно, до 1827 г. основной политической силой растущего движения в провинции была так называемая «народная партия», или реформаторы, представленные главным образом депутатами ассамблеи. Пользуясь поддержкой избирателей, они вели на протяжении почти 20 лет борьбу за национальные права и демократизацию колониального режима. Эта деятельность, как правило, не выходила за конституционные рамки и, разумеется, не могла принести ощутимых результатов. С конца 20-х годов политическая борьба уже вышла за стены колониальной ассамблеи и начала перерастать в подлинно народное движение.

Весной 1827 г. после роспуска ассамблеи в деревнях Сент-Насент и Сент-Эташ состоялись митинги поселенцев, на которых осуждались незаконные действия губернатора по отношению к депутатам ассамблеи¹⁸. После окончательного роспуска парламента в ноябре 1827 г. недовольство политикой властей охватило почти всю провинцию. В декабре 1827 — январе 1828 г. митинги протеста прошли в Монреале, Квебеке, Труа-Ривьере, Сен-Бенуа, Сен-Дени, графствах Йорк, Ришелье, Сюррей, Кент, Бедфорд, Уорвик, Хантингтон¹⁹.

Принятые на митингах резолюции были составлены в умеренном тоне, однако в некоторых довольно резко осуждалась система колониального управления, «разделившая подданных е. в-ва на два класса: угнетателей и угнетенных», как было записано в резолюции, принятой на общем собрании представителей графства Ришелье 26 декабря в Сен-Дени.

На собраниях поселенцев избирались конституционные комитеты, а в Труа-Ривьере был создан «объединенный конституционный комитет» ряда округов. «Пример, показанный конституционным комитетом Труа-Ривьера... — сообщал 20 октября 1828 г. губернатору провинции главный прокурор Стюарт, — нашел повсюду отклик в сердцах непокорных и враждебно настроенных людей... Собрания подобных полузаконных организаций, называемых «конституционными комитетами», состоялись в других местах, в том числе и собрание «объединенных конституционных

¹⁶ Там же, д. 12237, л. 76—77.

¹⁷ Clark S. D. Movements of Political Protest in Canada. 1640—1840. Toronto, 1959, p. 260.

¹⁸ La Minerve, 1827, 16 April, 21 May.

¹⁹ La Minerve, 1827, 13, 14, 27, 31 Dec.; 1828, 7, 10, 14, 17, 24 Jan.

комитетов округов Сен-Грегуар, Беканкур, Жантилей, Сен-Пьер-ле-Бек». Ни у кого не может быть сомнений насчет вредного характера этих ассоциаций. Они, вне всякого сомнения, рассчитывают на то, чтобы дискредитировать правительственную власть, вызвать к ней презрение и постепенно занять ее место»²⁰.

К концу зимы 1828 г. в Нижней Канаде была составлена петиция, и в Англию направлена депутация от имени конституционных комитетов провинции.

В петиции, в частности, говорилось, что «исполнительная власть провинции постоянно презирает общественное мнение, игнорирует народные требования. Состав законодательного совета и судей формируется администрацией из лиц, столь раболепных перед исполнительной властью, что разница между этими органами, по существу, только в названии...»²¹. Основное требование петиционеров — изменение состава законодательного совета, под влиянием которого всецело находились губернаторы и который являлся своеобразной штаб-квартирой местной «дворцовой клики». Под петицией стояло 87 тыс. подписей²².

Одновременно подобная петиция поступила в Лондон и от жителей Верхней Канады.

В Англии членам канадской депутации удалось добиться отзыва лорда Дальхаузи с поста генерал-губернатора Британской Северной Америки и представить свои петиции на рассмотрение специально созданной комиссии палаты общин. По этому поводу русский посланник писал из Вашингтона: «Эта мера будет благоприятной для интересов метрополии и колониального общественного мнения, не раз выступавшего против лорда Дальхаузи... Может быть, на этот раз Великобритания решила отнестись снисходительно к чувствам канадцев ввиду большой важности для нее в настоящий момент благосклонного отношения канадцев и намерена найти такого губернатора, который мог бы вызвать у канадцев симпатии к монарху»²³.

Так называемая канадская комиссия заслушала представителей колонии, рассмотрела петиции и составила компромиссный и половинчатый документ — «Доклад канадской комиссии»²⁴, который создавал видимость удовлетворения требований петиционеров, но в конечном счете так и не был одобрен палатой общин.

Опубликование «Доклада» и отзыв губернатора первоначально вызвали удовлетворение канадских патриотов. Уильям Макензи направил Джону Нилсону письмо, в котором от имени сторонников реформ Верхней Канады выразил желание и впредь действо-

²⁰ Constitutional Documents. 1819—1828 p. 513—514.

²¹ Ibid., p. 457—458.

²² Christie R. Op. cit., v. 3, p. 176; Statutes..., p. 271.

²³ А. И. Крюденер — К. В. Нессельроде, Вашингтон, 17 (29) декабря 1827 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1828 г., д. 12241, л. 15.

²⁴ См.: Statutes..., y. 254—259.

вать сообща и сохранять тесный союз с соратниками по борьбе в Нижней Канаде²⁵. Но вскоре выяснилось, что метрополия и не думала идти на какие-либо уступки колонистам. В первом же послании новому губернатору Кемпту от 29 сентября 1828 г. Лондон напомнил, что «все законы пока остаются в силе» и ими следует руководствоваться губернатору при осуществлении своей политики в провинции. В то же время губернатору рекомендовалось «действовать в духе примирения по отношению к ассамблее и по возможности положить конец раздорам, которые имели место в провинции столь долгое время»²⁶.

Маневры колониальных властей на время ослабили политическую борьбу в канадских провинциях. Однако скоро «эра добрых чувств» подошла к концу, и освободительная борьба возобновилась с новой силой.

Окончательный крах надежд добиться уступок от английско-го правительства произошел зимой 1831/32 г., когда колониальные власти от политики «умиротворения» и обещаний перешли к открытым репрессиям против демократических сил. Постановлением законодательного совета Нижней Канады были заключены в тюрьму редакторы двух ведущих оппозиционных газет в провинции «Миневр» и «Виндикэйтор» Трэйси и Дюверне. Им инкриминировалась публикация статей, осуждавших действия законодательного совета.

В январе 1832 г. в Квебеке, Монреале и других центрах провинции состоялись многотысячные митинги протеста против ареста редакторов²⁷. На митинге в Монреале, где влияние патриотов было особенно сильным, прозвучал призыв к более решительным действиям, чем принятие резолюций и организация демонстраций протеста. Выступавший на митинге Роберт Нельсон — один из радикально настроенных реформаторов заявил следующее: «Завтра любой из нас ... может оказаться вместе с этими двумя защитниками общественных прав и свобод. Когда отсутствует закон, защищающий нас, или же когда законы не соблюдаются, для нас самое время оглядеться вокруг и, согласно с требованием момента и широко распространившимися в мире духом свободы, а также в силу патриотических чувств, призвать к защите самих себя как членов общества, а не страдать подобно рабам... Когда умеренные средства борьбы оказываются безрезультатными, мы можем прибегнуть к необходимости утверждения суверенитета народа»²⁸.

На митингах в Квебеке, Монреале, Ла-Прери, Ассомпсьоне, Бертье были избраны специальные комитеты по проведению агитационной кампании за освобождение Трэйси и Дюверне. По мнению С. Кларка, эти комитеты сыграли большую роль в выра-

²⁵ Constitutional Documents. 1819—1828, p. 464—466.

²⁶ Ibid., p. 493.

²⁷ Vindicator, 1832, Jan. 24, 27.

²⁸ Vindicator, 1832, Jan. 24.

ботке «общей стратегии политических действий» и для «опыта организации населения»²⁹. Общее руководство всеми действиями осуществлял монреальский конституционный комитет во главе с Папино.

Антиправительственные собрания в провинции не прекратились и после освобождения Трэйси и Дюверне. На дополнительных выборах в ассамблею весной 1832 г. Трэйси был выдвинут кандидатом от одного из избирательных округов Монреаля. Во время выборов по распоряжению властей в этот избирательный округ были введены войска. Власти попытались оказать давление на избирателей и предотвратить избрание радикального депутата. Провокационные действия властей накалили и без того напряженную обстановку в городе до предела и в конечном счете привели к столкновению населения с солдатами. По собравшейся толпе был открыт огонь и трое было убито, двое ранено³⁰.

«Ужасное злодеяние!» — извещал на следующий день огромный заголовок в газете «Виндикэйтор». Через три дня состоялись похороны жертв расстрела мирных жителей. Это была внушительная 4-тысячная демонстрация. Прекратили работу магазины и мастерские, в городе объявили траур³¹.

Под влиянием событий в Монреале прошли митинги в Квебеке и других местах. Принятые на них резолюции отражали настроения жителей провинции. Так, в резолюции митинга в округе Сен-Жозеф-де-Шамбли говорилось: «Те, кто собрался сегодня, с ужасом узнали о кознях и насилии в Монреале со стороны врагов нашей страны против избирателей западного района, которые поддерживали кандидатуру Трэйси... Мы не можем без содрогания слышать о кровавой уличной бойне, подстроенной и проведенной людьми, которые ненавидят и убивают наш народ»³².

Митинги в провинции приобретали более осознанную политическую направленность. Из резолюций и сообщений о собраниях канадских поселенцев, регулярно публиковавшихся демократической прессой, видно, что беспокойство народа было вызвано широким кругом вопросов, касающихся прежде всего порочной системы земельных пожалований, феодальных порядков, злоупотреблений местной правящей верхушки, национальной дискриминации. Так, собравшиеся на митинг летом 1832 г. фригольдеры графства Ту-Маунтенс поставили перед собой задачу «обсудить наиболее действенные средства борьбы по предотвращению всякой монополии, спекуляции и привилегий при заселении свободных земель, а также найти более простой способ пожалования земли, который отвечал бы интересам населения»³³.

---

²⁹ Clark S. D. Op. cit., p. 268.

³⁰ Christie R. Op. cit., v. 3, p. 399.

³¹ Vindicator, 1832, May 25.

³² Vindicator, 1832, Jul. 13.

³³ Vindicator, 1832, Jul. 6.

ЛУИ-ЖОЗЕФ ПАПИНО

Резолюции, принятые фермерами на этом собрании, осуждали систему монопольного владения землей и сеньориальные законы, господствовавшие в Нижней Канаде. Еще большей критике колониальные порядки подверглись на массовом митинге фермеров в деревне Дебарц (округ Сен-Шарль), куда съехались поселенцы из пяти окрестных графств — Ришильё, Сент-Иасент, Вершер, Рувилль и Шамбли ³⁴.

Массовые выступления фермеров и горожан в поддержку курса демократических реформ, а также нежелание колониальных властей удовлетворить требования патриотов оказали влияние на руководство движением, прежде всего на буржуазных демократов в провинциальной ассамблее. Еще весной в лагере патриотов наметились признаки раскола между сторонниками умеренных действий и радикальным крылом. До весны 1832 г. умеренное крыло составляло большинство депутатов ассамблеи. Лидером этой политической группировки стал Джон Нилсон, редактор либеральной газеты и владелец винокуренного завода. Позиции умеренного крыла были выработаны в политической борьбе до 1832 г., и идеальным воплощением их замыслов явилась программа ограниченных либеральных реформ, которую должно было осуществить сверху английское правительство.

³⁴ La Minerve, 1832, 6 août.

Радикальное крыло в ассамблее Нижней Канады группировалось вокруг бессменного спикера Луи-Жозефа Папино, известность и авторитет которого в провинции в то время были уже огромны. До 1832 г. Папино не отличался особым радикализмом во взглядах по сравнению с другими депутатами ассамблеи, но к 1832 г. под влиянием событий последних лет политическое мировоззрение Папино серьезно изменилось, и он все больше становится сторонником идей и практики американских колонистов, завоевавших независимость в XVIII в.³⁵

К Папино примкнули и стали его верными соратниками молодые и радикально настроенные депутаты из числа местной разночинной интеллигенции — Роберт и Уолфред Нельсон, Томас Браун, Жорж Картье, Этьен Таше, О'Каллагэн и др.

На очередных выборах летом 1832 г. «радикалы» получили устойчивое большинство мест в ассамблее. В ноябре 1832 г. открылась новая сессия, имевшая значительные политические последствия и главное из них — окончательное оформление рядов и программы радикального направления в руководстве освободительным движением.

Прежде всего депутаты взялись за рассмотрение многочисленных петиций, поступивших из различных частей провинции. Ассамблея назначила специальную комиссию, которая занялась тщательным изучением материалов петиций с привлечением непосредственных свидетелей. Жалобы и требования, содержащиеся в петициях, послужили сторонникам Папино основой для выработки новой и более четкой политической платформы освободительного движения. Такая программа была составлена в форме «Девяноста двух резолюций», предложенных комиссией ассамблее для одобрения и принятых после длительных и острых дебатов 21 февраля 1834 г.³⁶ Авторами этого важного документа являлись Папино и Августин Морэн.

«Девяноста две резолюции» представляли собой самое полное изложение требований канадских патриотов накануне восстания 1837 года. Их содержание раскрывает в значительной степени характер освободительного движения в Нижней Канаде. Главное место в документе занимала критика существующего в колонии политического строя и программа коренных реформ системы управления страной. «Самый серьезный дефект Конституционного акта, — гласила 9-я резолюция, — его главный порок и первопричина всех бед и недовольства в провинции, а также основной повод для злоупотреблений властью и нарушений законов ... сопровождаемых безнаказанностью правящей партии и угнетением управляемых ... это необдуманное введение в силу принципа, согласно которому корона была облечена чрезмерной властью ... выбирать и формировать без каких-либо ограничений, правил или

³⁵ См.: *Ouellet F. Papineau dans la Revolution de 1837—1838.* — CHAR, 1958.

³⁶ Полный текст см.: *Christie R. Op. cit., v. 4, App. E; Statutes...*, p. 270—290.

определенных установлений основной орган законодательной власти, который по своей природе должен был бы быть независимым, но неизбежно превратился в послушный инструмент исполнительной власти...»³⁷.

Назначаемый губернатором законодательный совет стал основным объектом критики (резолуции с 9-й по 40-ю). Патриоты выдвинули требование реформы законодательного совета на основе избирательного принципа. Причем резолюции высказывались против установления имущественного ценза при выборах в совет. «Искусственное установление политических привилегий в пользу тех, кто владеет крупной собственностью, должно быть заменено преимуществами, которые представляют свободные выборы тем, кто обладает достоинствами, талантами и знаниями»³⁸, — говорилось в 12-й резолюции. Требование реформы избирательной системы включало также установление равного представительства от всех районов провинции, а также увеличение числа представителей в выборных органах (резолуция 46).

Программа патриотов содержала аргументированное и развернутое осуждение исполнительных властей колонии: губернатора, исполнительного совета и всего чиновничьего аппарата. Перечисляя многочисленные злоупотребления колониальных властей, авторы резолюций подвергали особому осуждению те из них, которые «уничтожили даже малейший намек на контроль законодательной ассамблеи над общественными доходами провинций». Одобрив курс ассамблеи на воздержание от ассигнований на правительственные расходы, резолюции выдвигали требование признать за выборной ассамблеей исключительное право распоряжаться доходами и бюджетом страны. «Как представитель народа провинции, законодательная ассамблея обладает внутри страны правом и, когда этого требуют обстоятельства, всеми полномочиями, привилегиями и иммунитетом, которые провозглашены и которыми обладает палата общин парламента в королевстве Великобритании и Ирландии»³⁹.

Резолюции осуждали судебные власти провинции, особенно полное засилье в судах лиц английского происхождения и использование судов в политических целях, в интересах господствующей верхушки (резолуции с 76-й по 78-ю).

Кроме требований политического характера, программа содержала ряд пунктов, затрагивающих более широкие сферы жизни колонии. Признавая тяжесть феодальных повинностей, которые продолжали нести поселенцы, и необходимость уничтожения феодальных порядков, резолюции в то же время требовали отмены известного «акта о держании»⁴⁰. Этот акт, говорилось в 57-й резолюции, лишь формально провозгласил отмену феодального

³⁷ Statutes..., p. 271—272.

³⁸ Ibid., p. 272.

³⁹ Ibid., p. 284, 286.

⁴⁰ Ibid., p. 282—283.

принципа землевладения, а на самом деле, вопреки интересам цензитариев, представил сеньорам право объявить себя безраздельными собственниками еще незанятых земель, закрыв к ним доступ для простых поселенцев и сделав их добычей земельных спекулянтов. Резолюции осуждали политику земельных пожалований, в результате которой незаконным путем «губернаторы, члены законодательного и исполнительного советов, судьи и подчиненные им чиновники приобрели для себя обширные участки земли и над значительной частью незанятых земель была установлена монополия земельных спекулянтов, проживающих в Англии...»⁴¹.

Важное место в «Девяноста двух резолюциях» занимал национальный вопрос. В документе приводились неопровержимые факты национального угнетения франкоканадского населения со стороны колониальных властей. 52-я резолюция выражала решимость патриотов отстаивать принципы равноправия англоканадцев и франкоканадцев, в том числе права на религию и язык. Однако следует отметить, что чисто национальные требования не занимали самодовлеющего места в программе. Это красноречиво свидетельствует о том, что освободительное движение во французской Канаде носило прежде всего социально-классовый и антиколониальный характер.

В целом «Девяноста две резолюции» представляли собой обширную программу буржуазных реформ, направленных на демократизацию общественного строя в колонии и на завоевание национальной независимости. Хотя в этом документе патриоты не сформулировали открыто требование национальной независимости, но содержание и дух резолюций практически давали ответ на этот главный вопрос освободительного движения.

Действительно, что означали требования установить избираемый законодательный совет и наделить законодательную ассамблею полномочиями английской палаты общин? Это означало бы переход всей полноты законодательной власти в колонии в руки канадских избирателей и возможность поставить под контроль исполнительную власть страны, т. е. установление независимого «ответственного управления». Кстати, современники прекрасно понимали смысл этого требования канадских патриотов. В декабре 1836 г. русский консул Е. И. Кремер писал из Нью-Йорка: «Главная цель, которую ставит перед собой пользующаяся большим влиянием партия реформистов Нижней Канады,— это требование установления законодательного совета на основе принципа народных выборов. Это нововведение обязательно создало бы ситуацию, при которой мирные отношения между Канадой и Великобританией стали бы невозможными»⁴².

---

⁴¹ Statutes..., p. 287.

⁴² Е. И. Кремер — К. В. Нессельроде, Нью-Йорк, 11 (23) декабря 1836 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1836 г., д. 220, л. 40.

Кроме того, в ряде резолюций давалось безоговорочно понять, что, если требования, изложенные в документе, не будут удовлетворены, завоевание независимости от метрополии должно будет стать единственно возможным средством достижения целей канадских патриотов. «Пришло время решать,— заключала 50-я резолюция,— что неоценимые преимущества самоуправления гораздо лучше, чем управление извне, которое Британская Америка имеет сейчас, и это требует отвергнуть систему колониального правительства»⁴³.

К концу своей работы ассамблея предприняла еще один значительный шаг, выдвинув требование созвать конвент делегатов от всей провинции для выработки необходимых изменений к существующей конституции, т. е. к Конституционному акту 1791 г.

Программа патриотов и требование созыва конвента нашли горячую поддержку среди самых широких слоев населения. В апреле 1833 г. состоялся большой митинг избирателей города и графства Квебек в поддержку проекта «Девяносто двух резолюций». К весне 1834 г. в поддержку программы выступило население западной части провинции, до этих пор не отличавшееся особой политической активностью.

Весной 1834 г. митинги прошли почти в 20 графствах провинции, что свидетельствовало о безраздельной поддержке населением курса Папино и его сторонников. По этому поводу редактор газеты «Виндикейтор» замечал: «Банда чиновников, бездельников-бюрократов, представителей олигархии, должностных лиц и их подчиненных объявила через своего глашатая (имеется в виду генерал-губернатор.— В. Т.), что список жалоб, содержащийся в известных «Девяносто двух резолюциях», существует только в воображении тех, кого народ послал своими представителями в ассамблею ... Избиратели страны сейчас собираются, чтобы дать ответ, кто прав: олигархия в лице официальных лиц или же ассамблея. Уже в нескольких графствах состоялись собрания, и в их резолюциях торжественно объявляется о поддержке своих представителей»⁴⁴.

Важной особенностью митингов в графствах было создание на них постоянно действующих руководящих органов — комитетов бдительности и связи, признанных возглавить коллективные действия населения. Создавая свой комитет, жители графства Шамбли постановили, что «вышеуказанному комитету бдительности и связи поручается сотрудничать со всеми комитетами, которые уже созданы или будут созданы в провинции и, если потребуется ... направить необходимое число его членов для представления графства на любых собраниях, которые время от времени могут проводиться в провинции»⁴⁵.

⁴³ Statutes..., p. 280.

⁴⁴ Vindicator, 1834, Mar. 28.

⁴⁵ Vindicator, 1834, Mar. 18.

Так организационной стороне освободительного движения в Нижней Канаде был придан некоторый постоянный характер, которого оно до сих пор не имело. Избрание в комитеты бдительности и связи от 60 до 80 членов, считает С. Кларк, означало, что на деле они стали «ассамблеями графств»⁴⁶. Число этих комитетов действительно было велико, и влияние их огромно, что проявилось в ходе избирательной кампании летом 1834 г.

К этому времени среди бывших депутатов ассамблеи произошел окончательный раскол между сторонниками Папино и теми, кто придерживался умеренной политики. Ясность внесло голосование по «Резолюциям». Комитеты бдительности и связи сделали «Девяносто две резолюции» манифестом избирательной кампании и убеждали население оказывать поддержку лишь тем, кто голосовал за или же был согласен с содержанием резолюций⁴⁷.

В округе Монреаль руководители движения пошли еще дальше в создании патриотических организаций. 7 апреля 1834 г. в Монреале собрался съезд, на котором присутствовали делегаты, избранные на митингах различных графств этого округа. На одном из его заседаний был создан Постоянный центральный комитет (ПЦК) округа Монреаль, обосновавшийся в г. Монреале⁴⁸. В его состав вошли все видные руководители движения, включая Папино, Уолфреда Нельсона, Брауна и других радикальных политических деятелей.

Монреальский ПЦК практически стал руководящим органом лагеря патриотов. «Духовная сила всего округа отныне сосредоточилась в Центральном комитете,— писал редактор «Виндикейтор»,— и власть, которой он обладает, может спасти страну, если народ присоединится и окажет ему свое содействие»⁴⁹.

Один из активных членов ПЦК Томас Браун писал позднее в своих воспоминаниях: «Постоянный центральный комитет представлял собой активную движущую силу нашего движения. Его заседания проходили открыто в Монреале, в отеле «Нельсон», и их посещали наиболее горячие и решительные канадцы города и провинции. Здесь находило отклик и поддержку каждое выступление в любой части провинции, здесь рождались новые планы всеместных действий...»⁵⁰.

Если до 1834 г. большинство своих жалоб жители Нижней Канады связывали с действиями местной колониальной администрации и искали их удовлетворения в петициях на имя короля, то последние события изменили положение. Вера в монарха и в парламент метрополии оказалась подорванной и в провинции поднимается волна антибританских настроений. Еще в мае 1834 г.

⁴⁶ *Clark S. D. Op. cit.*, p. 278.

⁴⁷ *Vindicator*, 1834, Apr. 15.

⁴⁸ *Vindicator*, 1834, May 23.

⁴⁹ *Vindicator*, 1834, May 20.

⁵⁰ *Brown T. S. 1837 and my Connection with it. Quebec, 1898*, p. 15.

ТОМАС БРАУН

жители графства Боарнуа постановили, что, «если нужды страны не будут быстро удовлетворены, нужно ожидать, что отделение от метрополии станет неизбежным»⁵¹. Делегаты монреальского съезда записали в своей резолюции, что «они не без оснований с тревогой смотрят на повторяющиеся случаи вмешательства английского парламента во внутренние дела провинции и объявляют, что подобное вмешательство противоречит и нарушает права законодательной власти провинции»⁵². В июле 1834 г. «Виндикэйтор» призвала к бойкоту английских товаров, ввозимых в провинцию и облагаемых пошлинами⁵³.

События весны и лета 1834 г. предопределили результаты новых выборов в ассамблею. В ноябре 1834 г. волей избирателей было нанесено окончательное поражение умеренному крылу лагеря патриотов. Почти все кандидаты, придерживающиеся курса либеральных реформ, включая лидера крыла Нилсона, не нашли себя в списке вновь избранных депутатов ассамблеи. Сторонники радикальных действий составили подавляющее большинство палаты. Спикером ассамблеи почти единогласно был избран Пачино⁵⁴.

⁵¹ *Vindicator*, 1834, May 23.

⁵² *Vindicator*, 1834, Jul. 4.

⁵³ *Vindicator*, 1834, Jul. 8.

⁵⁴ *Christie R. Op. cit.*, v. 4, p. 44—45.

Результаты выборов довольно убедительно показали, что основным мотивом движения являлся не франкоканадский национализм, а общедемократические, антиколониальные устремления. Интересен предпринятый Э. Маннинг анализ национального состава депутатов новой ассамблеи, показавший, что канадцев английского происхождения в ней было на 2 больше, чем депутатов французского происхождения, примерно треть составляли ирландцы, немцы и американцы вместе взятые. 25 депутатов не являлись уроженцами Канады, но были избраны благодаря голосам франкоканадцев. Э. Маннинг, отмечая, что призыв к «национальному чувству» исходил в основном со стороны противников реформ и приверженцев правительства, вполне справедливо заключает, что «Папино и его сторонники несколько не больше поощряли проявление национального эгоизма, чем это делали чиновники из английского министерства колоний»⁵⁵.

Ноябрьские выборы привели к дальнейшему обострению политической ситуации в провинции. Обстановка в Нижней Канаде осенью 1834 г. была чрезвычайно напряженной. Донесения представителей власти в Лондон проникнуты испугом и растерянностью перед неотвратимо надвигающимися антиправительственными выступлениями. В декабре 1834 г. монреальский корреспондент сообщал в Лондон: «Намерения партии сейчас ясны, маски сброшены — не реформы, а революция является их открыто признанной целью»⁵⁶.

Своим первым актом новая ассамблея осудила губернатора за его «пренебрежительное отношение к защите прав поселенцев провинции». Запрос губернатора об ассигнованиях на правительственный бюджет был отвергнут. Не добившись ничего от ассамблеи, губернатор распустил ее в марте 1835 г.

Через своего представителя депутаты ассамблеи передали английскому парламенту «Девяносто две резолюции», что заставило палату общин вновь заняться канадскими делами. Была создана специальная комиссия по расследованию поступивших жалоб.

К весне 1835 г. внутри движения сторонников реформ заметно проступила тенденция к сплочению и к еще более тесной организации всех оппозиционных колониальному режиму сил. Лидеры патриотов Нижней Канады предприняли активные действия по укреплению контактов со своими собратьями по борьбе в соседней провинции. Инициативу установления единого фронта освободительного движения в Канаде взял на себя монреальский ПЦК. 2 мая 1835 г. он выработал и одобрил условия объединения патриотов в единую организацию под названием Ассоциация сторонников реформ, которой надлежало стремиться к установлению союза с любой организацией Верхней Канады, ставящей

⁵⁵ Manning H. T. Op. cit., p. 365.

⁵⁶ Цит. по: Clark S. D. Op. cit., p. 283.

своей целью «достижение наибольшего счастья для большинства народа». По всей провинции должны были быть созданы отделения и представительства ассоциации, а координация их деятельности возлагалась на Центральный совет ⁵⁷.

Ассоциация сторонников реформ ставила перед собой довольно широкие цели: а) распространение сельскохозяйственных, коммерческих и политических знаний и инициативы среди населения; б) сохранение мира и общественного порядка, защита прав, свобод и интересов народа североамериканских колоний; в) достижение ответственной перед народом формы правления; г) отмена всех форм монополии, особенно монополии земельных компаний; д) установление быстрого и дешевого правосудия; е) религиозная свобода для всех классов общества; ж) противодействие всеми возможными средствами вмешательству метрополии во внутренние дела североамериканских колоний и т. д. ⁵⁸

Без всякого сомнения, далеко идущие цели организации носили общенациональный характер и были призваны служить платформой для сплочения, а сама Ассоциация сторонников реформ должна была стать организующим центром антиколонизальных демократических сил.

Пример патриотов Монреаля пашел быстрый и горячий отклик в провинции. 8 июня в округе Квебек на митинге жителей города и графства была создана организация под таким же названием ⁵⁹. Летом 1835 г. отделения ассоциации стали возникать по всей провинции. «Нам радостно сознавать,— писал орган патриотов,— что страна твердо идет по священному пути организации. Ассоциации сторонников реформ возникают повсюду, и в тех графствах и округах, где они еще не существуют, идет подготовка к их созданию» ⁶⁰. Только в течение лета 1835 г. газета сообщила о создании более 10 отделений ассоциации в различных графствах и округах провинции.

Ассоциация отличалась от прежних патриотических организаций не только далеко идущими целями и последовательностью, но и тем, что она с самого начала рассматривалась лидерами движения и самими поселенцами как орган не только агитации, но и действия. Недаром газета «Виндикэйтор» призывала обратить внимание на создание отдельной ассоциации не столько на уровне графств, сколько на уровне округов и тауншипов, чтобы «обеспечить более тесную связь между сторонниками реформ на случай, если последует призыв к действию» ⁶¹.

Принятие ассамблей Нижней Канады «Девяноста двух резолюций» и возникновение Ассоциации сторонников реформ ознаменовали завершение определенного этапа в истории освободи-

⁵⁷ Vindicator, 1835, Jul. 3.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Vindicator, 1835, Jul. 16.

⁶⁰ Vindicator, 1835, Jul. 14.

⁶¹ Vindicator, 1835, Jul. 28.

тельной борьбы в этой провинции. Основным результатом этого периода было оформление радикального крыла сторонников демократических реформ, которое представляло интересы большинства населения провинции и пользовалось его полной поддержкой.

Весной 1835 г. правительство Великобритании объявило о решении направить в Канаду королевскую комиссию с целью изучить и по возможности решить проблемы колонии. Возглавлял эту комиссию лорд Госфорд, который по прибытии в Квебек должен был занять пост генерал-губернатора. Как говорилось в инструкции, эта миссия направлялась в Канаду «не столько с целью провозгласить какие-либо новые принципы управления, сколько с целью содействовать претворению в жизнь в Нижней Канаде той системы свободы и правосудия, которая уже давно была одобрена е. в-вом»⁶². Можно было заранее сказать, что подобная миссия имела мало шансов на успех.

Маневр властей вызвал возмущение канадских поселенцев и укрепил в них решимость добиться своих требований любым путем. Сразу же после того, как новый лейтенант-губернатор соседней провинции Хед разгласил содержание упомянутой выше инструкции во время заседания ассамблеи Верхней Канады, патриоты поставили об этом в известность своих соратников по борьбе в Нижней Канаде. В ответ Папино направил спикеру ассамблеи Верхней Канады Бидуэллу послание с выражением симпатии и солидарности в общем деле борьбы. Папино резко осудил правительство Великобритании, квалифицируя его как «обнаженное уродство колониальной системы», а королевских посланников как «лживых агентов» этого правительства.

В этом интересном документе, в частности, говорилось: «Мы обвиняем этих посланцев в предательстве, ибо они не желают содействовать спокойствию и примирению, как это надлежит им делать. Мы обвиняем их за инструкции от 17 июля 1835 г., согласно которым над нами должно быть установлено еще более безответственное правительство, чем было прежде ... и еще более зависимое от указаний с Даунинг-стрит, где никак не поймут и не хотят понимать, что повсюду на Американском континенте характер общества требует такой формы правления, которая ближе к существующей в соседней республике, чем к той, которую судьба и время уготовили европейским странам»⁶³.

Когда Госфорд обратился к ассамблее Нижней Канады с очередным посланием об ежегодном ассигновании на нужды управления, депутаты отказались предоставить средства более, чем на 6-месячный срок, пригрозив, что если требования сторонников реформ не будут удовлетворены, ассамблея вообще откажется предоставлять ассигнования правительству. После того как за-

⁶² Statutes..., p. 307—318.

⁶³ Christie R. Op. cit., v. 4, p. 162—164.

конодательный совет отверг билль о 6-месячном ассигновании, парламент был распущен генерал-губернатором в марте 1836 г. По этому поводу русский консул в США Е. И. Кремер доносил из Нью-Йорка: «Между Канадой и метрополией отношения осложнились еще больше. Английское правительство, послав в эту колонию лорда Госфорда, нынешнего генерал-губернатора, надеялось восстановить посредством уступок и снисходительности свое прежнее влияние на законодательную ассамблею Нижней Канады, которая в течение последних лет проявляла несовместимый с колониальным режимом Великобритании дух независимости. Но эта надежда не оправдалась. Законодательная ассамблея, которая в течение двух последних сессий отказывалась предоставить необходимые ассигнования на оплату правительственных служащих, была только что распущена снова после того, как проголосовала временную субсидию на 10 месяцев и направила Госфорду обращение, в котором официально заявила о своем отказе собираться и решать дела до тех пор, пока не будет изменена конституция страны»⁶⁴.

Весной 1836 г. в Нижней Канаде наблюдается новый подъем освободительной борьбы. В апреле в Сен-Бенуа состоялся митинг, на котором жители графства приняли резолюцию недоверия законодательному совету и королевской комиссии. Резолюция осуждала колониальное правительство за использование общественных доходов без конституционного одобрения со стороны законодательных органов. Жители Сен-Бенуа рекомендовали населению колонии воздержаться от потребления английских товаров, с которых собирается пошлина. Резолюция призывала устанавливать связи с населением Верхней Канады и избирать делегатов от графств на общий конвент, который следовало бы созвать в одной из провинций, чтобы выработать методы совместного сотрудничества при настоящем критическом положении дела колониальной свободы»⁶⁵.

Аналогичные митинги летом 1836 г. прошли в графствах Терребонн, Ямаска, Акадия, Миссискуа, Водрей. Во всех принятых резолюциях присутствовал пункт, призывающий жителей к бойкоту английских товаров и развитию местного производства. Анализ отчетов о митингах выявляет одну очень важную деталь, характеризующую новый этап борьбы: из резолюции почти полностью исчезли традиционные пункты о преданности населения короне и метрополии.

Открыто революционный характер освободительное движение в Нижней Канаде приобрело весной 1837 г. К этому времени члены королевской комиссии закончили свою работу и высказались против введения ответственного управления и установления

⁶⁴ Е. И. Кремер — К. В. Нессельроде, Нью-Йорк, 11 (23) октября 1836 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1836 г., д. 220, л. 38.

⁶⁵ Vindicator, 1836, Apr. 15.

УОЛФРЕД НЕЛЬСОН

избираемого законодательного совета в колонии. На основании этих рекомендаций 6 марта 1837 г. английская палата общин приняла специальные постановления о положении в Британской Северной Америке. Эти постановления, вошедшие в историю как «резолуции Рассела», отвергли наиболее важные конституционные изменения, которых требовали канадские патриоты. Кроме того, резолюции наделили губернатора правом изымать из общественной казны без согласия ассамблеи средства, необходимые для содержания правительства ⁶⁶.

«Резолуции Рассела» окончательно лишили сторонников реформ в колонии всякой, даже самой малой надежды добиться уступок со стороны метрополии мирными средствами. Наиболее радикально настроенные лидеры в лагере патриотов призвали поселенцев к вооруженному выступлению против правящей верхушки и метрополии. Этот призыв нашел поддержку среди народа. 21 апреля 1837 г. газета «Виндикэйтор» писала о положении в Монреале и его окрестностях: «Настроения в этом богатом и населенном округе, вызванные позорными резолюциями лорда Джона Рассела, представляют собой единодушный гнев и возмущение... Сторонники реформы уже наготове... Впредь не должно быть спокойствия в провинции. Нет пощады грабителям. Дейст-

⁶⁶ См.: Statutes..., p. 342—343.

вуйте! Действуйте! Действуйте! Уничтожьте налоги и угнетателей. Все средства законны, когда в опасности наши основополагающие свободы. Гвардия умирает, но не сдается!».

7 мая 1837 г. патриоты провели митинг избирателей графства Ришельё, на котором присутствовало 1200 человек. Главным организатором его был Уолфред Нельсон, депутат ассамблеи, один из наиболее последовательных «радикалов». На митинге присутствовал Папино, предложивший проект резолюции явно революционного характера. «Постановили,— гласил этот документ,— что в подобных обстоятельствах мы не можем больше смотреть на правительство, которое прибегло к несправедливости, насилию и нарушению общественного договора, иначе, как на деспотическую власть, как на управление силой... Постановили ... что исчезла последняя надежда на удовлетворение парламентом жалоб населения колонии. Это обязывает нас навсегда отказаться от мысли искать справедливость по другую сторону Атлантического океана... Печальный опыт обязывает признать, что наши друзья и естественные союзники находятся по другую сторону 45-й параллели»⁶⁷.

Резолюция митинга решительно отвергла право вмешательства британского парламента во внутренние дела колонии без согласия на то представителей ее народа. Жители графства признали своим долгом «оказывать сопротивление власти тирании всеми методами, которыми они располагают в настоящее время»⁶⁸. Одним из таких методов признавался бойкот английских товаров и контрабандный ввоз товаров из США.

Лозунг бойкота английских товаров быстро распространился по всей провинции. 15 мая собрались на митинг избиратели графства Монреаль. Выступивший на собрании Папино призвал к немедленной организации центрального комитета с целью создания ассоциации по поддержке местной промышленности и по сбору сведений о том, какие товары следует производить на месте и какие ввозить из США, чтобы избежать потребления английских товаров. В своем постановлении собравшиеся участники митинга призвали к полному воздержанию от рома, брэнди, вина, чая, сахара и табака, которые ввозились из Англии, и к поддержке местного производства холста, шерстяных и хлопчатобумажных изделий. Митинг выработал и отправил обращение к американскому конгрессу с просьбой снизить пошлины на канадские товары, вывозимые в США⁶⁹.

Подобный митинг состоялся в графстве Вершер. Своего наивысшего подъема кампания митингов достигла летом 1837 г. 1 июня состоялось собрание фригольдеров и абитанов графства Ту-Маунтенс. Фермеры пришли на митинг с плакатами «Долой деспотизм!», «Да здравствует Папино и независимость!». Блестя-

⁶⁷ Vindicator, 1837, May 11.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Vindicator, 1837, Jun. 13.

пая речь Папино, общее настроение собравшихся оказали влияние и на характер принятой резолюции. Она содержала решительное предупреждение в адрес метрополии, что в случае одобрения английским парламентом «резолюций Рассела» все узы, связывающие Великобританию с Канадой, будут канадцами разорваны и народ провинции окажет английским властям сопротивление. Участники митинга заявили, что в своей борьбе они полагаются также на «сотрудничество своих братьев в других провинциях» и на «поддержку соседней республики»⁷⁰.

На митинге в Ту-Маунтенсе было решено также отказаться от употребления чая, рома, сахара и других товаров английского происхождения. Был образован комитет в составе 42 человек, в обязанности которого входило поддерживать связь с другими комитетами Нижней Канады, а также выбрать делегатов от графства на провинциальный конвент, если таковой будет иметь место.

Вслед за митингами в графствах Ришельё, Вершер, Монреаль, Ту-Маунтенс собрания прошли в Квебеке, графствах Шамбли, Терребонн, Ямаска, Труа-Ривьер. Характер этих митингов был неизменным: принимались резолюции о бойкоте английских товаров, вырабатывались обращения к конгрессу США, уже создавались комитеты по избранию делегатов и по подготовке провинциального конвента. Митинги по всей провинции превратились в убедительную манифестацию пробудившейся политической активности канадцев и их решимости добиться независимости и уничтожения существующего в стране режима.

Рост антиколониальных выступлений и общего недовольства в провинции серьезно беспокоил местные власти. 25 мая 1837 г. губернатор сообщал министру по делам колоний: «У меня нет ни малейших сомнений насчет серьезной смуты, исходящей от этих митингов... Они задумываются и проводятся, и резолюции к ним подготавливаются одними и теми же не столь многочисленными лицами, которые, понятно, желают заменить существующую форму правления республиканской»⁷¹. Через две недели Госфорд отправил в Лондон еще более тревожное письмо, в котором поделился с министром опасением, что «организация под влиянием и руководством Папино и еще нескольких неблагонадежных лиц готова в настоящий момент осуществить свои цели», основной из которых является «возбудить чувство враждебности к правительству, созвать конвент, который держал бы в постоянном страхе конституционные власти»⁷².

15 июня напуганный генерал-губернатор издал прокламацию, призывающую всех подданных е.в-ва «объединиться во имя дела мира и доброго порядка, прекратить публикацию всяких материалов подрывного характера и проведение опасных, двусмысленных

⁷⁰ Vindicator, 1837, Jun. 6.

⁷¹ PACR, 1923, p. 268.

⁷² Ibid., p. 269.

собраний с принятием резолюций, имеющих своей целью сопротивление законной власти короля и парламента»⁷³. В прокламации содержалось распоряжение местным властям сорвать «коварные замыслы» подрывных элементов.

Однако этот документ не возымел действия. На заседании монреальского ПЦК 22 июня прокламация была охарактеризована как «недопустимая и клеветническая нападка на публичные митинги»⁷⁴. Публичные собрания граждан продолжались. В ряде мест провинции создавалось, как отмечает С. Кларк, «положение открытого восстания»⁷⁵. Так, в графстве Ту-Маунтенс поселенцы начали жечь дома и уничтожать собственность представителей правящего класса. Резолюции митингов содержали революционные призывы. 29 июня 4 тыс. граждан на торговой площади Монреаля единодушно согласились, что «бесполезно и позорно рассчитывать на справедливость английского правительства и парламента. Спасение страны должно стать делом ее собственных рук с опорой на симпатии наших соседей на Американском континенте»⁷⁶.

В июле фригольдеры графства Миссискуа провели митинг по случаю годовщины провозглашения американской независимости. Своими лозунгами и резолюциями они выразили полную симпатию американским принципам правления и свою решимость бороться против деспотизма метрополии. Вслед за тем аналогичные собрания состоялись в графствах Акадия, Сен-Морис, Ассомпсьон, Ла-Шени, Ла-Прери, Водрей⁷⁷. В течение всего лета активно действовал и регулярно собирался ПЦК Монреаля.

18 августа 1837 г. открылась очередная сессия ассамблей. Депутаты демонстративно явились на заседание одетые в одежды канадского производства. Деятельность ассамблеи оказалась чрезвычайно короткой. На 6-й день работы депутаты представили губернатору адрес, который осуждал результаты миссии Госфорда и «резолюции Рассела». Ознакомившись с мнением депутатов, губернатор тотчас же распустил ассамблею и предпринял очередную кампанию против патриотов. Были смещены со своих постов мировые судьи, офицеры милиционного ополчения и другие официальные лица, участвовавшие в антиправительственных выступлениях. К началу сентября в провинции было смещено 35 офицеров милиционного ополчения и 18 мировых судей⁷⁸. На их место подыскивались и назначались более «лояльные» граждане.

Этот шаг со стороны губернатора привел к тому, что в ряде мест, где движение было особенно сильным и количество уволен-

⁷³ Ibid., p. 270—271.

⁷⁴ Vindicator, 1837, Jun. 23.

⁷⁵ Clark S. D. Op. cit., p. 295.

⁷⁶ Vindicator, 1837, Jun. 30.

⁷⁷ Vindicator, 1837, Jul. 11, 18; Aug. 4, 8, 11, 15.

⁷⁸ Christie R. Op. cit., v. 4, p. 384; Clark S. D. Op. cit., p. 297.

ных наибольшее, народные массы фактически установили свои собственные органы власти. В графстве Ту-Маунтенс постоянный комитет выработал целую программу действий, которая была рассчитана на установление местных органов власти под контролем патриотов. В округах Сен-Бенуа, Сент-Эрма, Сент-Эсташ и Сен-Шоластик, где почти полностью были смещены со своих постов офицеры милиции и мировые судьи и заменены новыми, комитет рекомендовал населению стараться не прибегать к помощи судей и не подчиняться приказам новых офицеров⁷⁹. Жителям этих округов было предложено избрать пользующихся доверием населения лиц для исполнения обязанностей мировых судей или, как их называл комитет, «миротворцев». Одновременно комитет советовал поселенцам, проходящим службу в ополчении, образовать добровольно в каждом округе роты под командованием офицеров, избранных самими милиционерами. Личное снаряжение и вооружение предоставлялось в этом случае постоянным комитетом графства.

В программе действий определялись довольно четко обязанности избранных мировых судей и жителей. Первые должны были устранять разногласия, возникающие между поселенцами, и выносить свои определения. Решения «миротворцев» могли быть обжалованы перед постоянным комитетом. Никаких чаевых и вознаграждений не должно быть. Дело чести каждого поселенца считалось подчинение решениям избранных лиц. Тот, кто отказывался явиться в суд по вызову, не подчинился постановлению или же обратился со своим делом к судье, назначенному губернатором, лишался права голоса на публичных митингах и возможности быть избранным патриотами на какую-либо должность. Поведение таких поселенцев подлежало публичному осуждению через газету, и патриоты прерывали с ними всякие отношения. Это положение не распространялось на случаи обращения в обычный суд, когда иски носили чисто коммерческий характер или затрагивали вопросы прав собственности⁸⁰. Очевидно, лидеры движения осознавали, что патриоты еще не в силах взять в свои руки всю полноту власти.

15 октября жители округов Сент-Эсташ, Сен-Шоластик, Сент-Эрма и Сен-Бенуа на общем собрании признали постоянный комитет графства «органом законной власти, исходящей от народа, которому каждый сторонник реформ обязан подчиняться». Собрание поддержало программу действий, предложенную комитетом Ту-Маунтенса, и избрало мировых судей для каждого округа, причем многие из избранных оказались мировыми судьями, смещенными губернатором за нелояльность⁸¹.

Установление патриотами органов власти свидетельствовало, что освободительное движение в провинции достигло осенью

⁷⁹ Vindicator, 1837, Oct. 6.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Vindicator, 1837, Oct. 17.

ответствует этим целям, народ может и должен изменить ее или уничтожить совсем и установить новое правительство»⁸⁹.

Конфедерация последовала примеру графства Ту-Маунтенс по установлению органов местного самоуправления, не подвластных контролю официальных властей. Патриоты постановили: «Необходимо тех, кого враждебная нашей стране администрация назначает на должности, заменить людьми, пользующимися доверием народа. Следует во всех районах шести графств, которые здесь представлены, одновременно в течение декабря избрать мировых судей и офицеров милиции. Временно одобряются для руководства и исполнения правила, выработанные в графстве Ту-Маунтенс»⁹⁰. Заключительная резолюция митинга призывала всех молодых людей провинции организовываться в ассоциации «Сынов свободы» и быть готовыми к любым действиям, которые могут потребоваться для защиты их свобод.

Принятое «Обращение конфедерации шести графств к народу Канады» было направлено «братьям по несчастью» в соседней провинции, чтобы и они лишили своего доверия существующую администрацию, избрали собственные органы власти и организовали ассоциации «Сынов свободы». Этот документ заканчивался выражением надежды на поддержку со стороны США и полной солидарности с идеями и принципами американской революции.

Очевидец довольно живо передал атмосферу собрания в Сен-Шарле: «Весь день погода была великолепная. Ничто не шло в сравнение с порядком и организованностью, которые царили во круг. Все поле колыхалось от развевающихся по ветру флагов и транспарантов, которые принесли люди из близлежащих округов. Это производило потрясающее впечатление. В честь Папино на поле была воздвигнута красивая деревянная колонна, увенчанная «колпаком свободы» и надписью: «Папино от благородных братьев-патриотов. 1837». По окончании митинга Папино попросили встать у колонны, и один из участников митинга обратился к нему с прочувственной речью, на которую последовал ответ в таком же духе. Затем к колонне подошла молодежь, присутствовавшая на митинге. Молодые люди пели народный гимн и, касаясь руками символического древа, давали клятву, что будут преданы своей стране и победят или умрут за нее. Эта торжественная клятва находила отклик в сердцах всех присутствующих. Звучали мушкетные залпы. Это было торжественное и впечатляющее зрелище»⁹¹.

Интересно отметить, что выступавший на этом митинге как главный оратор Жозеф Папино призывал собравшихся делегатов и жителей Сен-Шарля к осторожности и сдержанности, но ему не удалось задать тон собранию. Пожалуй, впервые инициатива в руководстве движением переходит от признанного лидера к бо-

⁸⁹ *Vindicator*, 1837, Oct. 27.

⁹⁰ *Ibid.*

⁹¹ *Christie R. Op. cit.*, v. 4, p. 404.

лее революционно настроенным руководителям типа Томаса Брауна, Амори Жиро, доктора Кота, готовых взять курс на вооруженное восстание. Именно под их влиянием идея вооруженного восстания выдвигается патриотами как непосредственная задача освободительной борьбы. Выступавший на митинге доктор Нельсон заявил: «Пришло время переплавить наши оловянные ложки на пули»⁹². Т. Браун вспоминал о себе в то время: «Я поспевал повсюду и днем и ночью. Молодой, энергичный, охваченный энтузиазмом, всегда уверенный в себе, я чувствовал себя как бы пахарем, идущим за плугом, и не оглядывался назад. Правительство страны находилось в отчаянном положении, и я не видел другого выхода, кроме как развивать наше движение дальше до его логического завершения, каким бы ему ни суждено было стать»⁹³.

Призыв к вооруженной борьбе встречал отклик среди канадских поселенцев. Еще до митинга в Сеп-Шарле началось стихийное вооружение народа и создание боевых организаций. Особую активность в этом проявляли «Сыны свободы» в Монреале. В октябре 1837 г. по городу под самым носом английских солдат маршировали тысячные колонны вооруженных патриотов. Купец из Торонто, побывавший в Монреале, рассказывал, что он видел однажды около 800 человек, обучавшихся военному делу, в одном из предместий города и около тысячи человек в тот же день — в другом⁹⁴. Дух восстания овладел народными массами. «Графства, расположенные между Лонгвилль и верхней частью Ришельё, практически находятся в состоянии мятежа»⁹⁵, — сообщал генерал-губернатор Госфорд губернатору Верхней Канады Хеду, призывая последнего в срочном порядке мобилизовать все силы для подавления «беспорядков».

В провинции распространялись упорные слухи о том, что значительные силы по ту сторону американской границы готовы оказать поддержку канадским патриотам. Перепуганный Госфорд сообщил министру по делам колоний, что в Монреаль якобы прибыли из США несколько французских офицеров, чтобы обучать канадцев военному делу. Достоверность этих сведений установить трудно, отметим только, что газета Уильяма Макензи в Верхней Канаде писала, что патриоты соседней провинции «ожидают большую помощь из Вермонта людьми, оружием и военными руководителями»⁹⁶.

Местные власти практически не были способны остановить надвигающийся взрыв. Донесения в Лондон накануне восстания проникнуты страхом и призывами о помощи. В начале ноября

⁹² *Vindicator*, 1837, Oct. 31; *David L. O. Op. cit.*, p. 23.

⁹³ *Brown T. S. Op. cit.*, p. 17.

⁹⁴ *Constitution*, 1837, Nov. 8.

⁹⁵ *Arthur Papers. 1822—1850*. Ed. by C. R. Sanderson, v. 1—3. Toronto, 1957—1959, v. 1, p. 19.

⁹⁶ *Constitution*, 1837, Nov. 8.

командующий английскими королевскими войсками Колборн писал Госфорду из Монреаля: «Дела в провинции в течение нескольких месяцев приняли столь серьезный и тревожный оборот, что, не теряя ни одной минуты, следует готовиться к опасному объединенному мятежу. Вооруженные люди — сторонники революции — разбужают по большей части страны и угрожают каждому, кто колеблется и не присоединяется к ним. Доктора Кота в Акадии, Монжо в Рувилле обычно сопровождают 5—6 сотен вооруженных людей... В Сент-Иасенте, как я полагаю, штаб-квартира революционеров, и говорят, что вчера туда были приглашены Папино и Нельсон, который в случае отказа первого должен будет объявить себя руководителем мятежа»⁹⁷.

По признанию властей, все население провинции в ноябре 1837 г. было настроено антиправительственно⁹⁸. Правящая верхушка оказалась неспособной управлять страной, население которой вышло из повиновения. Это положение довольно точно описывает современник: «Многим, кто не был хорошо знаком с ситуацией в Нижней Канаде и с настроениями большинства ее жителей в тот период, кажется странным, что исполнительная власть не прибегла к законным мерам, чтобы воспрепятствовать мятежным настроениям, распространившимся по всем уголкам провинции. Но в условиях почти всеобщего недовольства, всякая попытка прибегнуть к законности оказывалась бесполезной. Отравлены были сами источники правосудия. Правительство было парализовано и беспомощно, а его неоплачиваемые на протяжении четырех предыдущих лет чиновники пребывали в состоянии отчаяния и уныния»⁹⁹.

Приближение революции заставило духовенство забыть тревогу и вмешаться в ход событий, дабы предотвратить взрыв. Монреальский епископ Лартик обратился с посланием ко всем верующим, в котором осудил тех, кто «агитирует против законных властей». Высокопоставленный духовный сановник попытался опорочить саму идею революции и вызвать у населения страх перед ней. Автор послания не побоялся вспомнить и истолковать в своих целях опыт прошлых великих революций. «Слишком хорошо известный Национальный конвент Франции,— говорилось в этом послании,— хотя и вынужден был признать принцип народного суверенитета, поскольку сам был обязан своим существованием этому принципу, осудил народное восстание тем, что записал в Декларацию прав, с которой начинается конституция 1795 г., что верховная власть принадлежит не части и даже не большинству народа, а всем без исключения гражданам... Но кто осмелится сказать, что в нашей стране все граждане желают свержения правительства?»¹⁰⁰.

⁹⁷ Arthur Papers, v. 1, p. 20.

⁹⁸ Ibid., p. 22.

⁹⁹ Christie R. Op. cit., v. 4, p. 400.

¹⁰⁰ Ibid., p. 409.

Однако старания высшего духовенства уговорить непокорную паству оказались безрезультатными. Современник вспоминает: «Никогда еще не было такого разрыва между народом и его духовными наставниками... Некоторые священники на местах отказались читать послание своим прихожанам или же делали это с извинениями. В некоторых округах люди покидали церковь, когда начиналось его чтение»¹⁰¹.

С осуждением революции выступили бывшие умеренные реформисты. Их лидер Нилсон подстрекательно осуждал правительство провинции за нерешительность в борьбе с растущим беззаконием. Но все было напрасно. В Нижней Канаде осенью 1837 г. сложилась революционная ситуация. Настал тот самый момент в развитии исторических событий, когда, по словам В. И. Ленина, «низы не хотели»... «верхи не могли» жить по-старому»¹⁰².

ВЕРХНЯЯ КАНАДА

Первые признаки политической оппозиции в провинции Верхняя Канада проявились в самом начале XIX в., когда группа демократически настроенных представителей средних слоев начала политическую борьбу против колониальной администрации и местной олигархической клики. Одним из инициаторов выступлений был молодой адвокат Уильям Уикес, прибывший в Верхнюю Канаду из Ирландии через Соединенные Штаты. В 1805 г. Уикес добился своего избрания в ассамблею, где стал едва ли не основным критиком злоупотреблений колониальных властей. По его инициативе главный землемер провинции Ч. Уатт предъявил обвинения исполнительному совету в обманных земельных сделках с индейцами¹⁰³.

В числе первых оппозиционеров выступил также королевский судья Роберт Торп, также ирландец по происхождению, находившийся на английской колониальной службе сначала на о-ве Принца Эдуарда, а с 1805 г. в Верхней Канаде. В своих посланиях на имя руководителей британской колониальной политики Р. Торп резко критиковал деятельность местных властей. «Я считаю, что губернатор Хантер почти разорил эту провинцию, — писал Торп в Лондон. — Вся его политика была хищнической, подчиненной единственной цели — награть больше денег путем земельных пожалований. Несправедливый и деспотичный, он вызывал недовольство народа и притеснял правительственных служащих... Для колонии ничего не было сделано, никакого внимания не уделялось развитию дорог, водоснабжения, почты,

¹⁰¹ Christie R. Op. cit., v. 4, p. 411.

¹⁰² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 218.

¹⁰³ PACR, 1892, Note «D», p. 62.

религии, морали, образования, торговли, сельского хозяйства и промышленности»¹⁰⁴.

Уикес, Торп и их сторонники считали, что Верхняя Канада страдает прежде всего от плохого управления некомпетентных властей и что в провинции настоятельно необходима реформа по претворению в жизнь конституционных принципов английского правления. Как отмечает канадский исследователь, «видя недостатки системы управления в провинции, они, хотя и не упоминали принцип министерской ответственности — главное требование их последователей через 20 лет, утверждали, что контроль исполнительной власти над большей частью доходов провинции нарушал основные права избранных народных представителей в Верхней Канаде. В этом своем требовании они формулировали один из основных принципов ответственного правительства»¹⁰⁵.

Мотивы, которыми руководствовались первые критики колониальных порядков, зачастую были довольно прозаическими, в частности далеко не последнее место среди них принадлежало стремлению самим пробраться в ряды местной олигархии¹⁰⁶. Связи с широкими слоями населения первые сторонники реформ в Верхней Канаде также почти не имели. Именно это отсутствие опоры среди населения позволило колониальным властям поначалу довольно быстро расправиться с недовольными элементами. Они были смещены со своих постов, некоторые покинули пределы провинции. В 1807 г. один из сторонников Торпа, шериф района Хоум Дж. Уилкоккс решил издавать в Ниагаре оппозиционную газету «Аппер Канада гардиан», но это начинание было фактически блокировано властями.

К началу англо-американской войны 1812—1814 гг. первая оппозиционная группировка в Верхней Канаде фактически прекратила свое существование. К тому же война пробудила верноподданнические чувства среди канадских поселенцев перед лицом возможного завоевания страны Соединенными Штатами. Однако колониальный режим не смог вытравить подспудное недовольство и мятежные настроения среди широких масс канадских поселенцев. Вскоре после окончания войны 1812—1814 гг. в Верхней Канаде недовольство поселенцев, прежде всего земельной политикой властей, привело к первым уже открытым и массовым антиправительственным выступлениям.

Эти первые выступления связаны с именем шотландца Роберта Гурлея¹⁰⁷. Советский историк Н. А. Ерофеев называет его имя в числе тех, кто в 20-х годах XIX в. выступал с проектами вывоза английских пауперов в колонии в целях снижения:

¹⁰⁴ Ibid., p. 39.

¹⁰⁵ Guest H. H. Upper Canada's First Political Party.— OH, 1962, v. 54, p. 275.

¹⁰⁶ PACR, 1892, Note «D», p. 85—86.

¹⁰⁷ Подробнее см.: Milani L. D. Robert Gourlay, Gadfly. Toronto, 1971.

расходов на бедных¹⁰⁸. Действительно, первоначально Гурлей прибыл в Верхнюю Канаду, чтобы собрать необходимую информацию для составления статистического описания провинции, которое должно было способствовать британской эмиграции в Канаду.

В 1817 г. Гурлей распространил среди населения письмо-анкету, последний вопрос которой был сформулирован так: «Что вы думаете об улучшении вашего тауншипа и провинции в целом и что больше всего могло бы содействовать этому улучшению?»¹⁰⁹. Гурлей просил провести в каждом тауншипе собрания поселенцев и на них обсудить ответы на анкету. Собрания поселенцев состоялись более чем в 50 тауншипах округов Западный, Ниагара, Гор, Ньюкасл, Джонстаун, Восточный и Лондонский. В резолюциях, принятых на этих митингах, высказывалось недовольство жителей положением с землей, особенно резервацией двух седьмых земли в пользу церкви и короны, а также запретом для поселенцев из США приобретать участки и селиться в провинции¹¹⁰.

Ответы поселенцев побудили демократически настроенного шотландца вести борьбу с местной олигархией. Гурлей объявил, что его «подлинной целью является призвать к расследованию коррупции и плохого управления»¹¹¹. Когда весной 1818 г. временно исполняющий обязанности губернатора Верхней Канады Смит разогнал местную ассамблею, Гурлей обратился с очередным обращением к фермерам провинции. «Конституция провинции в опасности, и все блага общественного договора гибнут,— говорилось в обращении.— Что делать? Ожидать чего-либо от нового губернатора — это значит еще раз разочароваться. Ожидать чего-либо от новых представителей в ассамблее — это еще раз быть обманутыми... Не люди, а сама система — вот что разрушает наши надежды на лучшее будущее, и до тех пор, пока эта система не будет уничтожена, бесполезно думать, что смена губернатора или депутатов ассамблей принесет существенные перемены»¹¹².

Ссылаясь на право народа изменять правительства, он призвал поселенцев к созыву провинциального конвента, который обсудил бы претензии населения и принял петицию на имя принца-регента с программой реформ провинциального управления. Делегаты на конвент должны были быть посланы от каждого ок-

---

¹⁰⁸ Ерофеев Н. А. Английский колониализм в середине XIX века. Очерки. М., 1977, с. 73—74.

¹⁰⁹ Gourly R. Statistical Account of Upper Canada. V. 1—2. Toronto, 1822, v. 1, p. 274.

¹¹⁰ Ibid., p. 275, 576, 280, 334, 362.

¹¹¹ Gourlay R. General Introduction to the Statistical Account of Upper Canada. London, 1822, p. XXXVI.

¹¹² Constitutional Documents. 1819—1828, p. 10—11.

руга конференциями представителей, которых избрали на общих собраниях жители тауншипов¹¹³.

Американская газета «Найлс уикли реджистер» 16 мая 1818 г. писала: «Политический климат в Канаде, кажется, становится настолько жарким, насколько холодна погода в этой стране... Среди лидеров тех, кого можно назвать *революционной партией*, мистер Гурлей. Он открыто призывает народ к созыву конвента, который бы рассмотрел жалобы поселенцев и одобрил меры по их устранению. Это еще не означает, что цель всех этих действий — достижение *независимости*, да и мы не полагаем, что это сейчас возможно, но кое-что в этом направлении может быть предпринято».

Реакция поселенцев на призыв Гурлея довольно красноречиво говорила о настроениях в провинции. Несмотря на официальный запрет властей, весной 1818 г. прошли собрания жителей почти во всех округах провинции и представители тауншипов избрали делегатов на предстоящий съезд. «Возможно, еще никогда люди, разбросанные по полосе земли длиной в 600 миль, не поднимались и не организовывались так быстро», — писал Гурлей¹¹⁴. С 6 по 10 июля 1818 г. в г. Йорке состоялся Верхнеканадский конвент сторонников расследования, на котором было представлено 14 делегатов от 7 дистриктов (из 10) провинции¹¹⁵. Заседания съезда носили мирный характер. Было решено не посылать сразу петицию в Лондон, а дождаться прибытия в провинцию нового губернатора. Съезд назначил постоянный комитет для выработки обращения к губернатору и к принцу-регенту. Этот комитет продолжил свою работу и в октябре представил губернатору петицию. Основные пункты петиции касались системы пожалования земель, политики заселения колонии, а также нежелания английского правительства удовлетворить требования канадцев, служивших в милиционном ополчении и понесших потери во время войны 1812—1814 гг.

«Семейный союз» и новый губернатор провинции Мэйтленд не замедлили с расправой над оппозиционными элементами. Как отмечается во введении к новому изданию работы Гурлея, «Гурлей не был революционером в политике, но верхнеканадские тори инстинктивно почуяли в нем своего врага»¹¹⁶. Законодательная ассамблея по настоянию губернатора приняла акт, объявивший публичные митинги и съезды вне закона. Сам Роберт Гурлей был арестован как «злонамеренный мятежник» и после длительного заключения в тюрьме осужден и выслан из провинции¹¹⁷.

¹¹³ Ibid., p. 12—13; Gourlay R. Statistical Account..., v. 2, p. 581—587.

¹¹⁴ Gourlay R. Statistical Account..., v. 2, p. 76.

¹¹⁵ Ibid., p. 615—627.

¹¹⁶ Gourlay R. Statistical Account of Upper Canada. Abridged by S. R. Mealing. Toronto, 1974, p. 6.

¹¹⁷ Cruikshank E. A. The Government of Upper Canada and Robert Gourlay.— OHSPR, 1927, v. 23, p. 152.

Он уехал в Соединенные Штаты, где опубликовал подробный памфлет о своей деятельности в Канаде¹¹⁸, а затем вернулся в Англию и там издал обширный труд «Статистический отчет о Верхней Канаде».

Так закончилось в Верхней Канаде так называемое «гурлейское движение». Правящая клика на время задушила растущее в провинции недовольство. Однако, как справедливо утверждает профессор С. Кларк, «митинги в таунишах и округах, а также сам конвент дали населению Верхней Канады определенное осознание своей политической силы»¹¹⁹. Кроме того, опыт Гурлея по организации оппозиционных сил послужил моделью для создания в будущем организаций сторонников реформ в провинции¹²⁰.

Следует отметить, что социальная база «гурлейского движения» была довольно ограниченной. Основными сторонниками Гурлея были поселенцы американского происхождения, лишенные права владеть землей, а также поначалу крупные собственники земли, которые также страдали от запрета на продажу земли переселенцам из США и недостатка иммигрантов. «Гурлейское движение» охватило лишь часть территории провинции. Его центром стали западные районы, в частности район п-ова Ниагара, где влияние новой волны эмиграции из США было особенно сильным. Несмотря на эту ограниченность, деятельность Роберта Гурлея оказала серьезное влияние на рост оппозиционных сил в провинции и прежде всего в законодательной ассамблее. Влияние агитации Гурлея вынуждены были признать даже заправилы «семейного союза». В конце 1818 г. Стрэчен писал своему другу: «Личность наподобие мистера Гурлея ... может принести большой вред провинции и, несмотря на отпор, который он получил, он уже причинил большое зло»¹²¹. Как отмечал один из первых канадских историков, после расправы над Гурлеем «впервые в истории Верхней Канады в стенах ассамблеи проявляются признаки организованной оппозиции»¹²².

На выборах 1824 г. большинство мест в законодательной ассамблее получили сторонники реформ, среди которых были такие оппозиционно настроенные депутаты, как Маршалл Бидуэлл, Джон Рольф, Питер Перри, капитан Маттеу. Все они были выходцами из среды мелкой буржуазии или же представляли местную интеллигенцию, как, например, Джон Рольф, занимавшийся юридической и медицинской практикой в местечке Шарлот-

¹¹⁸ *Gourlay R. The Banished Briton and Neptunians...*, Boston, 1843.

¹¹⁹ *Clark S. D. Op. cit.*, p. 348.

¹²⁰ *Jackson E. The Organization of Upper Canadian Reformers, 1818—1867.*—ОН, 1961, v. 53, p. 97.

¹²¹ *Bethune A. Memoirs of the Right Reverence John Strachan.* Toronto, 1870, p. 65.

¹²² *Dent J. C. The Story of the Upper Canadian Rebellion.* V. 1—2. Toronto, 1885, v. 1, p. 46.

правлящей верхушки все до одного поддерживают англиканскую церковь. Курс, проводимый этой церковью, стал тождествен тому, который проводит «семейный союз», и политические разногласия придали остроту и напряженность разногласиям религиозным»¹²⁹.

Борьба против «семейного союза» временно объединила силы антиправительственной и религиозной оппозиции, ряды сторонников реформы пополнились, но освободительное движение в Верхней Канаде на определенном этапе приобрело религиозную окраску. «Борьба за ликвидацию привилегий англиканской церкви,— отмечает советский исследователь А. Г. Милейковский,— являлась важным элементом буржуазно-демократического движения, направленного против колониальной администрации и крупного землевладения»¹³⁰.

Не следует преувеличивать роли, которую сыграли методисты и лично Райерсон в освободительном движении. Добившись через несколько лет некоторых уступок от метрополии (право владеть землей для захоронений и отправления культа и освящать браки и т. д.), они отошли от патриотов. Райерсон призвал своих сторонников и всех верующих не оказывать больше помощи сторонникам реформ. Его поддержала часть местных священников, от одного из них Райерсон получил письмо, в котором говорилось: «Мы слишком склонились в сторону радикализма, и нам настоятельно необходимо отмежеваться от них (патриотов.— В. Т.) полностью. Ясно, что они выступают не за реформы, а за революцию... Нам следует добиваться доверия губернатора и полностью порвать все связи с этой компанией левеллеров»¹³¹.

Большинство же рядовых верующих неодобрительно отнеслись к измене руководства. «Часть наших наиболее уважаемых методистов угрожает покинуть церковь. У всех сложилось впечатление, что вы перешли на сторону тори»¹³²,— писал один из священников Райерсону. Сотни методистов перестали считать себя членами церкви и сменили вероисповедание.

Призыв Райерсона «бойся бога и почитай короля» не устраивал простых верующих. Это показывало, что в основе религиозного конфликта в Верхней Канаде лежали глубокие социальные противоречия, временно и частично совпавшие с противоречиями религиозными. Но в целом, в отличие от ранней буржуазной революции в метрополии, религиозные лозунги не сыграли какой-либо значительной роли в канадском освободительном движении. Духовенство, не только англиканское и римско-католическое, но и других, непривилегированных, церквей, в конечном

¹²⁹ Ryerson E. Story of my Life. Toronto, 1883, p. 96.

¹³⁰ Милейковский А. Г. Канада и англо-американские противоречия. М., 1958, с. 105.

¹³¹ Ryerson E. Op. cit., p. 128.

¹³² Ibid., p. 129.

счете выступило на стороне правящего класса и колониального порядка и позднее стало душителем революции. Интересно, что сам Райерсон накануне восстания 1837 г. был уже одним из самых рьяных сторонников колониального режима¹³³.

Несмотря на то, что политическая борьба по религиозному вопросу усилила демократическое движение за реформы, успехи патриотов в Верхней Канаде пока были незначительны. Противники колониального режима не имели еще четкой программы и организации, хотя первые зародыши такой организации появляются (например, Йоркский ЦК). Основной движущей силой движения на этом этапе выступала мелкая и средняя национальная буржуазия и местная разночинная интеллигенция. Участие народных масс в политической борьбе сводилось к единодушной и ощутимой поддержке сторонников реформ на выборах. Но уже в этот период наблюдались отдельные выступления, которые явно выходили за рамки обычной конституционной борьбы.

Борьба по религиозному вопросу и за контроль над финансами, а также чрезвычайно консервативная политика губернатора провинции Мэйтленда привели к значительному усилению движения за демократические реформы. На выборах 1828 г. патриоты во главе с Уильямом Макензи впервые четко сформулировали свою избирательную платформу, выдвинув программу демократических реформ. Требования патриотов включали контроль ассамблеи над провинциальной казной, независимость судей, реформу законодательного совета, установление религиозного равенства, отмену права первородства при наследовании собственности и т. д.¹³⁴

Выборы принесли победу сторонникам Макензи, что означало крупное поражение консервативных правительственных элементов, или, как их называли в Канаде на английский манер, тори. Депутаты нового созыва, избрав своим спикером Маршалла Бидуэлла, повели решительное наступление на колониальные порядки, подвергнув обсуждению такие коренные вопросы, как система налогообложения, «церковные резервы», право первородства при наследовании, независимость судей, почтовая служба и др. Ассамблея потребовала от нового губернатора провинции Колборна освобождения из тюрьмы редактора оппозиционной газеты «Кэнедиэн фримен» Фрэнсиса Коллинза, которого власти дважды обвиняли в клевете на официальных лиц и в 1828 г. упрятали за решетку¹³⁵.

Ассамблея приняла ряд законопроектов в интересах большинства населения провинции, но усилия патриотов на протяжении почти двух лет не дали каких-либо ощутимых результа-

¹³³ См.: *Riddell R. G. Egerton Ryerson's Views on the Government of Upper Canada.*— CHR, 1938, v. 19.

¹³⁴ *Colonial Advocate*, 1828, Jan. 31; *Mackenzie W. L. Select Writings...*, p. 178—182.

¹³⁵ *Dent J. C. Op. cit.* v. 1, p. 203.

тов. Все законопроекты, рождавшиеся в стенах ассамблеи, безнадежно оседали в законодательном совете. 53 законопроекта, затрагивавшие важнейшие проблемы канадской действительности, были похоронены во время сессии 1829/30 г.¹³⁶ «Семейный союз» надежно держал под своим контролем верхнюю палату, пользуясь правом вето.

Неожиданная смерть короля Георга IV в 1830 г. положила конец деятельности ассамблеи. Согласно существовавшему порядку «новый король — новый парламент», были объявлены новые выборы и в колонии. Иллюзии населения в связи с опубликованием Доклада канадской комиссии, более гибкая политика нового губернатора провинции Колборна, а также, по-видимому, некоторое разочарование масс неспособностью депутатов добиться реформ позволили на сей раз тори получить на выборах большинство мест в ассамблее. Сторонники реформ были вынуждены продолжить борьбу в меньшинстве и уже не ограничиваться в своей деятельности стенами местного парламента.

Весной 1831 г. Макензи совершил поездку в столицу Нижней Канады Квебек, чтобы на месте встретиться с лидерами демократической оппозиции соседней провинции, которым, как известно, удавалось постоянно сохранять за собой большинство мест в ассамблее. Макензи надеялся, как полагает историк У. Килборн, извлечь некоторые «уроки из искусства оппозиции»¹³⁷. Эта поездка содействовала установлению необходимых связей, которые в то время были еще недостаточными, между сторонниками реформ в обеих провинциях.

В марте 1831 г. патриоты Верхней Канады начали кампанию по сбору подписей под петицией в адрес английского короля и парламента. Начало этой кампании, по всей видимости, положили аналогичные действия сторонников реформ в Нижней Канаде. В провинции повсеместно возникают комитеты по охране прав петиционеров. Макензи призвал к созданию обществ по охране конституционных прав британских подданных»¹³⁸.

Митинги поселенцев по сбору подписей продолжались все лето и охватили почти каждый населенный пункт провинции. Одним из первых среди них стал митинг 16 июля 1831 г. в Йорке, где был принят проект петиции, содержащей жалобы поселенцев и перечень необходимых реформ. На этом митинге был создан комитет по сбору подписей для связи с населением других округов. Вслед за тем в течение месяца собрания поселенцев прошли в 19 различных тауншипах, а в конце августа и сентябре — еще в 22¹³⁹.

¹³⁶ The Seventh Report from the Select Committee of the House of Assembly of Upper Canada on Grievances... Toronto, 1835, App. 83 (далее — Seventh Report on Grievances).

¹³⁷ Kibbourn. W. The Firebrand. William Lyon Mackenzie and the Rebellion in Upper Canada. Toronto, 1956, p. 63.

¹³⁸ Colonial Advocate, 1831, Mar. 10.

¹³⁹ Colonial Advocate, 1831, Jul. 27; Aug. 11, Oct. 20.

Реакция попыталась расправиться с лидерами движения. Зимой 1831/32 г. Макензи был изгнан из ассамблеи торийским большинством. Но уже на следующий день толпа горожан собралась у здания правительства, требуя от губернатора вернуть в ассамблею Макензи. Обстановка в столице мгновенно накалилась. Очевидец отмечал, что «толпы революционных бунтовщиков» были настолько значительные, что начали высказываться опасения насчет свержения правительства. Губернатор даже распорядился срочно привести в готовность солдат и разместить пушки на главных улицах, ведущих к его резиденции ¹⁴⁰.

2 января состоялись новые выборы на место изгнанного Макензи. Кандидатура его была вновь выдвинута жителями округа, и он был переизбран, получив лишь один-единственный голос против! На другой день депутата к зданию ассамблеи провожала толпа более чем в тысячу человек ¹⁴¹. Свое возвращение в ассамблею популярный «друг народа», как стали его называть канадские поселенцы, отметил новыми резкими выступлениями против «семейного союза» — этого «гнезда грязных жуликов», по его выражению. Повторные изгнания лидера движения из парламента окончательно убедили патриотов отказаться от попыток вести политическую борьбу через ассамблею. Однако Макензи и его сторонники еще продолжали верить в возможность добиться уступок от метрополии, обращаясь через головы местных властей к королю и английскому парламенту.

Состоявшийся в Йорке 19 января 1832 г. 3-тысячный митинг по составлению новой петиции стал впечатляющей демонстрацией силы растущего освободительного движения. К весне 1832 г. результаты агитации патриотов сказались на настроениях жителей самых отдаленных районов Верхней Канады ¹⁴². Митинги вновь прошли по всей провинции, и к весне 1832 г. было собрано около 25 тыс. подписей под петицией в адрес английских властей ¹⁴³.

В апреле 1832 г. посланец канадских поселенцев Уильям Макензи отбыл в Англию в надежде, что «если чиновники в Лондоне поймут чувства фермеров ... существующая система может и должна быть изменена» ¹⁴⁴. Жалобы канадцев, изложенные в петиции, встретили сочувствие и поддержку лишь со стороны некоторых английских радикалов, типа Плейса и Хьюма, но добиться от метрополии каких-либо серьезных уступок Макензи не удалось. Кабинет вигов и новый король не думали идти

¹⁴⁰ *Fidler I. Observation on the Professions, Literature, Manners and Emigration in the United States and Canada...* New York, 1833, p. 227.

¹⁴¹ *Lindsey C. The Life and Times of William Lyon Mackenzie.* Toronto, 1862, v. 1, p. 224—225.

¹⁴² *Clark S. D. Op. cit.*, p. 356.

¹⁴³ *Statutes...*, p. 297.

¹⁴⁴ *Mackenzie W. L. Sketches of Canada and the United States.* London, 1833, p. 243.

навстречу жителям далекой колонии. Вскоре ушел в отставку министр по делам колоний Годрич, обещавший выполнить некоторые требования петиции, а позиции вигов серьезно ослабли. «Чем больше я здесь нахожусь, тем яснее вижу, что виги и тори ничего более, как две фракции богатых и влиятельных людей, которых объединяет общая цель — грабеж народа»¹⁴⁵, — писал Макензи из Лондона.

Хотя попытка канадских посланцев заставить метрополию прислушаться к их жалобам окончились неудачей, движение за реформы в провинции не прекратилось. Продолжали проходить публичные митинги, в ряде мест возникли «политические союзы» сторонников реформ, поселенцы стали создавать комитеты бдительности. В резолюциях, принятых на митингах, содержались призывы к созданию в округах «обществ по систематической пропаганде политических знаний»¹⁴⁶. 29 июня 1833 г. «Колониэл адвокат» писала: «Публичные митинги, на которых создаются комитеты бдительности по охране интересов местного населения и провинции в целом, становятся в порядок дня... Народ проявляет большую политическую активность, и мы рады этому».

К концу 1833 г. среди патриотов Верхней Канады рождается идея созыва Великого провинциального конвента. На проходящих по стране митингах стали избираться делегаты на предполагаемый конвент. Среди широких масс все настойчивее высказывалась необходимость объединить все силы, противостоящие режиму местной олигархии и колониальных властей, и действовать отныне согласованно, единым фронтом «во имя великого дела свободы»¹⁴⁷. Однако патриоты решили ограничиться пока созывом конвента по графствам. Главной целью созываемых конвентов должно было стать обеспечение «независимого представительства» т. е. избрание на предстоящих выборах в ассамблею тех кандидатов, кто поддерживает дело реформ, пользуется доверием народа и несет перед ним ответственность. В течение февраля — апреля 1834 г. почти повсеместно прошли митинги в округах по выборам делегатов на конвенты графств. Вслед за этим патриотам удалось провести в восьми графствах и сами конвенты¹⁴⁸. Некоторые конвенты, как, например, в Хэлтоне, не ограничились только выдвижением кандидатов на предстоящие выборы, а провозгласили себя «постоянными комитетами действия»¹⁴⁹, что должно было придать им характер постоянно действующих органов.

Стремление населения колонии создать постоянные организации вместо эпизодических митингов проявилось во многих

¹⁴⁵ Цит. по: *Kilbourn W. Op. cit.*, p. 90.

¹⁴⁶ *Colonial Advocate*, 1833, Jun. 13.

¹⁴⁷ *Colonial Advocate*, 1833, Dec. 28.

¹⁴⁸ *Colonial Advocate*, 1834, Mar. 6, 13, 27; May 8.

¹⁴⁹ *Colonial Advocate*, 1834, Mar. 27.

местах. Поселенцы ряда округов на своих собраниях высказывались за создание постоянных комитетов округов, которые бы действовали вплоть до очередных выборов и оказывали необходимое содействие выдвинутым кандидатам в депутаты ¹⁵⁰.

На выборах в октябре 1834 г. сторонники реформ одержали убедительную победу. Это лишний раз показало патриотам, чего можно достигнуть объединенными усилиями. Настоятельной потребностью и закономерным результатом развивающегося движения стало создание единой политической организации патриотов Верхней Канады. Решение о создании такой организации под названием «Канадский союз» было принято 9 декабря 1834 г. на собрании наиболее активных участников движения в помещении Йоркского ЦК. Секретарем-корреспондентом союза был избран Уильям Лайон Макензи, президентом — видный сторонник реформ, один из директоров Народного банка Джеймс Лесли ¹⁵¹.

Руководство Канадского союза опубликовало Обращение к народу, написанное рукой его секретаря. Почему Верхняя Канада, говорилось в этом документе, не увеличивает своего населения и благосостояния, как это делают Соединенные Штаты, обладающие меньшими природными богатствами? «Потому, что вся система правления находится в вопиющем противоречии с интересами тех, кто владеет землей, интересами ремесленников, рабочих и народа в целом. Эта система выгодна лишь небольшому числу сборщиков налогов, чиновников, банковских монополистов, земельных спекулянтов, оплачиваемых государством священников, должностных лиц, директоров каналов, военных офицеров, дельцов и людей, прямо зависящих от этих привилегированных классов». До тех пор пока политический статус провинции и ее конституция не будут изменены и не будут гарантированы неприкосновенность личности и собственности, провинция останется «бедной, расстроенной и недовольной» ¹⁵².

Одна из основных целей союза — «достижение наибольшего счастья для большинства людей». «Цели союза патриотические и почетные,— говорилось в Обращении,— средства, которыми предполагается достичь этих целей, законные и конституционные... Общество не является тайным... оно не знает другого рода связи между его членами, кроме единства взглядов. В нем нет различия между бедными и богатыми. В нем найдется место для всех: и для рабочего, способного внести один пенс годового взноса, и для человека с большим состоянием» ¹⁵³.

К весне 1835 г. отделения Канадского союза возникли во многих округах. В Торонто численность союза составила 400 человек. «С каждым днем общество становится все более многочисленным и влиятельным,— писала возникшая в результате слия-

¹⁵⁰ Colonial Advocate, 1834, May 29.

¹⁵¹ Correspondent and Advocate, 1834, Dec. 18.

¹⁵² Correspondent and Advocate, 1834, Dec. 24.

¹⁵³ Ibid.

ния двух оппозиционных газет новая газета «Корреспондент энд адвокат».— Везде, где возникают отделения союза, глаза народа начинают раскрываться, усиливается общественное мнение, дело борцов за реформы постоянно прогрессирует...»¹⁵⁴.

Канадский союз, несомненно, был политической организацией революционного толка, ставившей своей основной задачей изменение существующего политического и социального порядка в стране. Но средства, которыми эта организация была намерена осуществить свои цели, все же еще не выходили за конституционные рамки. Это был своеобразный переходный момент в истории освободительной борьбы, когда пассивные методы себя уже изживали, исчезали верноподданнические настроения и на повестку дня ставился вопрос о революции, лозунгом которой должна была стать независимость, средством — оружие.

Неверно было бы полагать, что Уильям Макензи и его сторонники, осознав еще в 1834 г. необходимость радикального изменения существующего в стране политического режима и достижения независимости от метрополии, были готовы встать на сторону революции. Вся их деятельность до 1836 г., по выражению канадского историка Р. Маккея, свидетельствовала о «колебаниях между надеждой и отчаянием в попытке решить проблемы мирными средствами»¹⁵⁵.

Патриоты продолжают вести упорную борьбу за реформы. В январе 1835 г. открылась сессия вновь избранной законодательной ассамблеи, на которой комиссия под председательством Макензи 10 апреля представила так называемый «Седьмой доклад о жалобах», — пожалуй, самое полное и всестороннее осуждение колониального режима и наиболее цельное и последовательное изложение политической платформы лагеря сторонников реформ в Верхней Канаде.

«Седьмой доклад» начинался подробным изложением пороков колониального управления. Главным источником недовольства в колонии признавалась система «патронажа», т. е. право английской короны и министерства по делам колоний, распоряжаясь средствами колонистов без их на то согласия, назначать и содержать в колонии почти всех гражданских чиновников и служащих привилегированной церкви. «Королевский патронаж» также распространялся на судебные власти провинции. Корона бесконтрольно распоряжалась миллионами акров общественных земель. Сумма, которую корона выплачивала в колонии в виде жалований, пенсий и вознаграждений, составляла 50 тыс. ф. ст. в год. Эти деньги поступают исключительно из карманов колонистов. «В настоящее время, — говорилось в докладе, — все расходы по управлению возложены на колонию, жители которой не:

¹⁵⁴ Correspondent and Advocate, 1835, Feb. 26.

¹⁵⁵ Mackay R. A. Political Ideas of William Lyon Mackenzie.— CJEPS, 1937, v. 3, p. IV.

в силах оказывать какое-либо влияние на правительство, тратящее их деньги по своему усмотрению»¹⁵⁶.

В докладе приводился список наиболее высокооплачиваемых должностей, многие из которых можно либо упразднить, либо значительно понизить размеры жалования за них. Так, губернатору провинции за последние восемь лет было выплачено 38 тыс. ф. ст. Большую часть этой суммы он переправил в Англию. В течение последних восьми лет из провинциальной казны без согласия ассамблеи было выплачено также около 30 тыс. ф. ст. в виде пенсий разным лицам. Из этой суммы только полковник Тэлбот получил 4 тыс. ф. ст. «Если бы эта сумма была при экономном правлении целиком направлена на строительство мостов и дорог, какую бы огромную пользу принесло это стране»¹⁵⁷.

Авторы доклада разоблачали политику метрополии в религиозных делах, выступив против поддержки короной отдельных привилегированных церквей, служащие которых, кроме обычных доходов, получали официальные субсидии, извлекаемые короной все из той же провинциальной казны. В 1832, 1833 и 1834 гг. из средств провинции было выплачено без согласия ассамблеи на нужды привилегированных церквей 40 441 ф. ст., больше половины из них достались англиканской церкви¹⁵⁸.

Важнейшим требованием, которое выдвигали патриоты, было введение «ответственного управления» в колонии на манер существовавшего в Англии, где власть короля была ограничена выборными органами. «В Верхней Канаде такой ответственности не существует», и поэтому губернаторы колонии управляют «по своей прихоти и капризу», — говорилось в докладе. Патриоты требовали упразднить исполнительный совет и все органы власти, включая законодательный совет, установить на основе избирательного принципа. Выборные органы власти в докладе назывались «единственной гарантией того, чтобы канадские провинции не представляли собой невыгодное сравнение с условиями, существующими в соседней республике»¹⁵⁹.

Авторы «Седьмого доклада о жалобах» сформулировали довольно отчетливо требование предоставления независимости колонии: «Печальный опыт показал, насколько несостоятельна система чужестранного управления народом, который находится на расстоянии 4 тыс. миль... Эта система должна быть отменена, а собственные институты провинции должны быть настолько улучшены, чтобы принести народу счастье и согласие»¹⁶⁰.

В докладе повторялись неоднократно выдвигаемые канадскими патриотами требования: реформа избирательного закона, в ре-

¹⁵⁶ Seventh Report on Grievances, p. III—VII.

¹⁵⁷ Ibid., p. VIII, XIII—XIV.

¹⁵⁸ Ibid., p. XV—XVI.

¹⁵⁹ Ibid., p. XXVI, XXXV.

¹⁶⁰ Ibid., p. XXXIX.

зультате которой аннулировался бы 7-летний ценз оседлости, снижался бы имущественный ценз, отменялось бы право приносить присягу на верность, а также запрещалось бы вмешательство официальных лиц в выборы; принятие законов о независимости судей, об ограничении числа официальных лиц, занимающих места в ассамблее, об отмене права первородства при наследовании имущества, об упразднении системы резервирования земли в пользу короны и церкви¹⁶¹.

Как видим, многочисленные реформы, которых требовали патриоты Верхней Канады, в своей основе носили буржуазный характер, были направлены на достижение национальной независимости, на демократизацию политических порядков в стране и тем самым на данном историческом этапе отвечали интересам подавляющего большинства населения колонии. На этой политической платформе освободительное движение в Канаде находит свое дальнейшее развитие.

В январе 1836 г. в Верхнюю Канаду прибыл в качестве губернатора сэр Френсис Хед. В политике Хед смыслил, по его собственному признанию, не больше лошади, на которой он прибыл в Торонто¹⁶². В исторической литературе сравнительно долго бытовало мнение, будто Хед получил этот пост по ошибке вместо своего родственника Эдмунда Хеда¹⁶³. Однако впоследствии исследователи доказали, что никакой ошибки при назначении не было, хотя, как пишет Дж. Гибсон, «до сих пор для канадцев остается загадкой, как лорд Гленелг мог наткнуться на такую бездарность»¹⁶⁴.

«Семейный союз» быстро обработал нового губернатора. Хед заявил, что главной своей задачей считает разгром «республиканцев», или, как он выразился, «этой полдюжины предателей»¹⁶⁵. Первым, и весьма неудачным, шагом нового губернатора было предание гласности инструкции, полученной генерал-губернатором Нижней Канады лордом Госфордом от министра по делам колоний Гленелга. Копия инструкции была передана Хеду для «личной информации», а он ознакомил с ее содержанием депутатов ассамблеи. Из инструкции явствовало, что английское правительство не собирается производить какие-либо реальные перемены в Канаде.

В мае 1836 г. Хед разогнал ассамблею, объявив новые выборы. Разгон парламента вызвал в провинции невиданный до сих пор подъем недовольства. Кстати, незадолго до роспуска ассамблеи ее спикер Бидуэлл зачитал письмо Папино в адрес патрио-

¹⁶¹ Ibid., p. XXI—XXIV.

¹⁶² Head F. B. A Narrative. London, 1839, p. 37.

¹⁶³ Dent J. C. Op. cit., v. 1, p. 287; Wallace W. S. Op. cit., p. 100.

¹⁶⁴ Gibson J. The Persistent Fallacy of the Governor Head.—CHR, 1939, v. 19, N 3, p. 297, см. также: Manning H. T., Galbraith J. S. The Appointment of Francis Bond Head: A New Insight.—CHR, 1961, v. 42, N 1.

¹⁶⁵ Head F. B. Op. cit., p. 53.

тов Верхней Канады. Послание лидера движения в соседней провинции с призывом к совместным действиям против метрополии было встречено с горячим сочувствием и одобрением. Этот факт лишний раз подтверждает, что патриотов обеих провинций объединяли общие цели.

19 марта 1836 г. в Торонто состоялся 1,5-тысячный митинг протеста против действий губернатора и политики метрополии. Антиправительственные митинги прошли и в других частях провинции. Жители ряда округов еще раз выразили свою решимость добиваться ответственного правительства. Так, в резолюции публичного собрания жителей округа Уитби было записано: «Мы не намерены больше терпеть угнетение. Ответственное правительство есть приращенное право каждого британского подданного. Это право не может быть отнято и не зависит от воли е. в-ва или же министра по делам колоний. Оно существует издавна, и мы никогда не откажемся от своих требований на это право»¹⁶⁶.

Власти решили любым путем расправиться с освободительным движением. Под лозунгами «Победа или смерть!», «Заговорщики будут побеждены!» колониальная верхушка начала кампанию против патриотов. В мае 1836 г. местные тори образовали так называемое «британское конституционное общество» и начали формирование военных отрядов для борьбы с растущими выступлениями населения. Губернатор специальным посланием запросил у Лондона свободы действий против «республиканцев и революционеров»¹⁶⁷. Против патриотов развернулись гонения и репрессии. Во время выборов летом 1836 г. вооруженные группы людей из числа сторонников правительства дежурили на избирательных участках. Тем, кто голосовал за ставленников «семейного союза», тут же выдавались от имени губернатора патенты на владение землей. Участки земли раздавались бесплатно, только за голоса, и количество выданных патентов было так велико, что позднее потребовалось назначить дополнительный штат чиновников, чтобы вовремя удовлетворить эти патенты¹⁶⁸.

Тори удалось получить на выборах незначительное большинство, и многие видные сторонники реформ не нашли себя в списке избранных депутатов. Это заставило патриотов Верхней Канады перейти к более решительным действиям. 4 июля 1836 г. в 60-десятую годовщину американской Декларации независимости Уильям Макензи выпустил первый номер новой газеты «Констительюшн». От «Колониэл адвокэйт» эта газета заметно отличалась своим революционным духом. Поставив целью подготовить общественное мнение к «действиям, более достойным, чем могут подумать наши тираны», газета призвала патриотов пойти вместе с ней «смелым, опасным, но благородным курсом»¹⁶⁹.

¹⁶⁶ Correspondent and Advocate, 1836, May 11.

¹⁶⁷ Head F. B. Op. cit., p. 83.

¹⁶⁸ Dent P. C. Op. cit., v. 1, p. 331.

¹⁶⁹ Constitution, 1836, Jul. 4.

Свой призыв бороться за независимость канадских провинций редактор газеты изложил наиболее полно и открыто осенью 1836 г. в редакционной статье за подписью «Оливер Кромвель города Торонто»¹⁷⁰. Именно в это время освободительное движение в Верхней Канаде становится, по словам С. Кларка, «бескомпромиссной оппозицией всей системе колониального правления»¹⁷¹.

Наиболее радикальные сторонники реформ и их лидер Макензи находят единственный выход — на насилие ответить силой, призвать народ Канады к оружию.

Однако программа революционных действий не была поддержана всеми патриотами. Сказалось влияние умеренного крыла, представители которого не разделяли «экстремистских», по их мнению, взглядов Макензи. В октябре 1836 г. умеренные создали свою самостоятельную организацию — Политический союз города Торонто во главе с Болдуином и Бидуэллом¹⁷². Чтобы не дезорганизовать движение, Макензи на время пришлось снять лозунг независимости с повестки дня.

К весне 1837 г. в движении вновь наблюдаются заметные сдвиги влево. Сильный экономический кризис, начавшийся в США, быстро охватил и канадские провинции. Особенно сильно экономические потрясения затронули сельское хозяйство и ударили по фермерам. Все это способствовало росту недовольства и ускорило созревание революционной ситуации в Верхней Канаде. Ободряюще на сторонников Макензи должны были подействовать и вести из Нижней Канады, где борьба поселенцев против колониального режима отличалась особым упорством и решимостью. В начале лета 1837 г. Макензи со страниц своей газеты начинает пропаганду идеи вооруженного восстания. «В условиях тирании министерства по делам колоний и конной полиции у вас есть только два пути добиться удовлетворения своих чаяний. Первый — это обращение с петицией к вашим деспотам, второй — восстание. От ваших петиций отмахнулись с презрением. Вы — рабы, и если вы желаете продолжать быть ими, вам остается лишь одно — покорное подчинение», — писала 14 июня 1837 г. газета «Конститьюшн».

В сложившейся обстановке уже недостаточно было лишь смелых призывов, нужна была организация, способная претворить их в жизнь. Канадский союз был явно неспособен возглавить борьбу. В июле 1837 г. Макензи выдвинул проект новой организации патриотов Верхней Канады. План этой организации он изложил в статье под названием «Основы проекта по объединению и организации сторонников реформ Верхней Канады в поли-

¹⁷⁰ Constitution, 1836, Oct. 12.

¹⁷¹ Clark S. D. Op. cit., p. 371.

¹⁷² Constitution, 1836, Oct. 12.

тический союз на базе широких гражданских и религиозных свобод и равноправия»¹⁷³.

Новая организация должна была состоять из мелких ячеек, численностью не более 12 человек, хорошо знающих друг друга и желательно живущих по соседству. Из руководителей каждой пяти ячеек один избирался в низовой комитет тауншипа, а лица, избранные от каждого десяти низовых комитетов, входили в комитет округа и т. д. Все члены организации в конечном счете делились на четыре большие «дивизии», по три члена от каждой составляли руководство союза. Исключительно важным представляется тот факт, что патриоты рассматривали такую организацию как подходящую и для вооруженной борьбы. В этом случае структура организации не менялась: секретарь каждой ячейки (из 12 человек) становился капралом или сержантом, делегат низового комитета от 5 ячеек — капитаном и возглавлял отряд в 60 человек, делегат комитета округа — полковником и командовал батальоном в 600 человек. Предлагаемая организация, по всей видимости, и должна была стать основной вооруженной силой предстоящего восстания.

28 и 31 июля в Торонто прошли собрания патриотов, где были предприняты практические шаги по подготовке восстания. В резолюции собраний жители различных тауншипов, округов и городов провинции призывались назначить своих делегатов на конгресс в Торонто, который должен состояться в ближайшем будущем с целью «найти средство, как действительно удовлетворить чаяния колонистов»¹⁷⁴. Участники собрания приняли очень важный документ — «Декларацию реформаторов города Торонто к их собратьям по борьбе в Верхней Канаде» и учредили Постоянный комитет бдительности Торонто. Через день декларация была опубликована целиком на страницах «Копститьюшн»¹⁷⁵. Этот новый призыв ко всем патриотам провинции поддержать программу революционных действий одновременно являлся открытым обоснованием теоретической платформы канадских революционеров.

«Правительство основывается на власти народа и учреждается ради его блага,— говорилось в декларации,— поэтому, если какое-либо правительство в течение долгого времени совершенно не отвечает тем великим целям, ради которых оно было создано, народ имеет естественное право, дарованное ему творцом, добиваться установления и устанавливать такие учреждения, которые принесут возможно более полное счастье возможно большему числу людей»¹⁷⁶. Эти строки почти дословно повторяют текст американской Декларации независимости и свидетельствуют не

¹⁷³ Constitution, 1837, Jul. 19.

¹⁷⁴ Constitution, 1837, Aug. 2.

¹⁷⁵ Ibid. См также: *Lindsey C. Op. cit.*, v. 2, p. 334—342.

¹⁷⁶ Constitution, 1837, Aug. 2.

только о влиянии опыта американской революции, но и о сходном характере той борьбы, которую вели против метрополии американские колонисты в XVIII в. и канадские патриоты в первой трети XIX в.

После опубликования декларации в провинции повсеместно началась новая волна митингов. Их участники одобряли текст документа, избирали делегатов на предстоящий конгресс, выражали полную поддержку патриотам соседней провинции, учреждали комитеты бдительности или комитеты общественного спасения, предпринимали шаги по организации союза по плану Макензи.

Состоялось почти 200 митингов во всех районах провинции и возникло около 150 отделений союза¹⁷⁷. Если даже под словом «отделения» Макензи имел в виду ячейки по 12 человек, то и в этом случае число патриотов, объединенных в организацию, достигало 2 тыс. человек, что, несомненно, было внушительной цифрой для провинции.

Власти всячески пытались сорвать проведение митингов и разгромить организации патриотов. Навербованные ими вооруженные группы попытались силой прекратить «кампанию Макензи» и расправиться с самим лидером. Порой доходило до открытых столкновений. Сторонники реформ стали готовиться к вооруженному отпору. Предпринимались меры предосторожности во время поездки Макензи по стране. Так, например, 5 августа после митинга в Ллойдтауне, прошедшего под лозунгом «Свобода или смерть!», 50 вооруженных всадников сопровождали своего лидера до следующего местечка. В Чингакузи 10 августа, где приверженцы правительства были настроены особенно воинственно, Макензи прибыл под охраной почти 200 вооруженных патриотов, и тори не осмелились помешать проведению митинга. К месту следующего собрания лидер патриотов прибыл в сопровождении эскорта из 30 экипажей и сотен вооруженных людей¹⁷⁸.

«Констительюшн» продолжала агитацию за создание единой организации. 13 сентября 1837 г. газета писала: «Отряды 12-ти и 60-ти оказывают неоценимую услугу делу реформ» — дают возможность патриотам «найти друг друга и действовать совместно во имя общей цели, когда это потребуется». На страницах газеты идея вооруженного восстания уже открыто преподносится как вполне возможный и необходимый шаг в борьбе канадцев с колониальным режимом: «Нет нужды слишком часто напоминать, что Великобритания не обладает здесь властью, если действиям ее представителей будет противостоять единодушие поселенцев... Мы расположены далеко от моря. В течение пяти месяцев наши берега скованы льдом. По одну сторону от нас находится сильная республика, по другую — жители Нижней Канады. К северу

¹⁷⁷ Mackenzie's Gazette, 1838, May 12.

¹⁷⁸ Lindsey C. Op. cit., v. 2, p. 24—32.

ОБУЧЕНИЕ ВОЕННОМУ ДЕЛУ КАНАДСКИХ ПАТРИОТОВ
ОСЕНЬЮ 1837 Г.

и западу — Мичиган, озера и дебри. Вся военная сила правительства — английские солдаты и увязшие в грязи гарнизоны — не идет ни в какое сравнение с физической силой молодых мужчин лишь одного из наших крупных таунишипов»¹⁷⁹.

В октябре—ноябре освободительное движение продолжало неуклонно расти. «Мощь и число организации реформаторов, образованных на принципах июльской декларации, увеличивается с каждым днем,— писала 15 ноября 1837 г. «Констительюшн».—

¹⁷⁹ Constitution, 1837, Sept. 13.

На митинге Йоркского тауншипа в прошлую субботу мы насчитали 183 ружья в руках, возможно, самых лучших в Канаде стрелков».

На местах кузнецы уже давно отливали пули и ковали наконечники для копий. Фермеры вытаскивали старинные мушкеты и ружья самых невероятных образцов. Началось обучение населения военному делу. Очевидец событий Томас Шеппард рассказывал, как вместе с братом они «взяли свои мушкеты и присоединились к другим реформаторам, которые проходили обучение под руководством старого солдата, работавшего когда-то в типографии Макензи». Уильям Макензи сам приезжал из Торонто, чтобы «посмотреть, как старый солдат муштрует фермеров»¹⁸⁰.

В первой половине ноября Макензи изложил своим помощникам план восстания, а 18 ноября план действий был принят окончательно на заседании Центрального комитета реформаторов Торонто¹⁸¹. Днем выступления было определено 7 декабря. Основные силы патриотов должны были тайно собраться у таверны «Монтгомери», севернее Торонто, и двинуться к городу, соединившись по пути со своими сторонниками. Восставшие должны были захватить арсенал, установить контроль над гарнизоном, арестовать губернатора и его ближайшее окружение, объявить провинцию независимой, созвать конвент и выработать конституцию. Две последние недели перед восстанием было решено использовать для дальнейшей агитации за восстание и сплочение сил.

В провинции Нижняя Канада восстание началось 6 ноября, и гонец доставил Макензи послание от Жозефа Папино, в котором говорилось: «Настал час решительной борьбы за свободу»¹⁸². Макензи обратился с призывом к народу Верхней Канады поддержать патриотов соседней провинции. «Рекомендую всем друзьям народа запасти ружьем, мушкетом или пистолетом... следите за событиями в Нижней Канаде и будьте готовы к введению губернатором военного положения. Лучше умереть в борьбе за свободу, чем жить рабами!»¹⁸³.

На следующей неделе «Констительюшн» объявила о созыве конвента, который должен был собраться, чтобы рассмотреть положение в стране; открытие намечалось на 21 декабря в 10 часов утра. В том же номере редактор газеты призвал к революции: «Некоторые называют нас реформаторами, а не революционерами. Это глупые разговоры. Сторонники реформ вот уже 60 лет безуспешно добиваются своих целей. Разве в этом случае революция не становится священной обязанностью?»¹⁸⁴.

¹⁸⁰ Цит. по: Old Toronto. Ed. by E. C. Kyte. Toronto, 1954, p. 116.

¹⁸¹ Lindsey C. Op. cit., v. 2, p. 56—57.

¹⁸² Dent J. C. Op. cit., v. 1, p. 378.

¹⁸³ Constitution, 1837, Nov. 22.

¹⁸⁴ Constitution, 1837, Nov. 29.

Призыв к действию содержала написанная рукой Макензи знаменитая листовка «Независимость», начинавшаяся с напоминания о том, что на Американском континенте уже было 19 выступлений за независимость от европейской тирании, и все они оказались успешными. «Помните мои слова, канадцы! Борьба началась, и она может окончиться победой. Трусость и малодушие с нашей стороны лишь отсрочат приход свободы. Мы не сможем примириться с Великобританией ... и никогда не успокоимся, пока не получим независимость...

Поднимайтесь, храбрые канадцы! Готовьте ваши ружья, и дайте им работенку»¹⁸⁵.

В Верхней Канаде, как и в соседней провинции, осенью 1837 г. налицо была революционная ситуация. До восстания оставались считанные дни.

---

¹⁸⁵ Constitution, 1837, Nov. 29.

ВООРУЖЕННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ
В НОЯБРЕ — ДЕКАБРЕ 1837 ГОДА
В НИЖНЕЙ И ВЕРХНЕЙ КАНАДЕ

Решающие дни наступили в провинциях Британской Северной Америки осенью 1837 г. Многотысячный митинг патриотов в Сен-Шарле был самым крупным за всю историю освободительной борьбы. Создание на этом митинге конфедерации шести графств, по мнению канадского историка С. Б. Райерсона, «предвещало появление временного народного правительства»¹. С. Д. Кларк считает, что своими резолюциями на митинге 23—24 октября «население шести графств безоговорочно взяло линию на открытое восстание против государства»².

Однако вопрос, какой курс был взят лидерами патриотов в Сен-Шарле, требует некоторого уточнения. В своих воспоминаниях, записанных в 1851 г. по просьбе историка Р. Кристи и опубликованных в его работе, У. Нельсон сообщал: «Несмотря на то, что целью руководителей было использовать самые резкие формы протеста и проявления гнева, в их намерения не входило переступать границы законных дискуссий. Руководители движения хорошо осознавали, что власти могли их действия использовать, чтобы сфабриковать обвинение в государственной измене. Они могли воспользоваться этим, чтобы подавить движение и заставить его занять оборонительную позицию»³.

Именно по этой причине лидеры патриотов воздержались от призывов к открытой вооруженной борьбе. К мирному развитию революции призывали и ведущие органы патриотов — газеты «Виндикэйтор» и «Минерв»⁴. В последние дни октября в колонии существовали реальные условия для победы патриотов именно мирными средствами, ибо важнейшие районы Нижней Кана-

¹ Райерсон С. Б. Неравный союз. История Канады. 1815—1873. М., 1970, с. 57.

² Clark S. D. Movements of Political Protest in Canada. 1640—1840. Toronto, 1959, p. 260.

³ Christie R. A History of the Late Province of Lower Canada, v. 1—6. Quebec, 1848—1855, v. 4, p. 509—510.

⁴ An Impartial and Authentic Account of the Civil War in the Canadas;... 1 pt. London, 1838, p. 2 (далее — Civil War in the Canadas).

ды — долина р. Ришельё, округа Монреаль и Труа-Ривьер — вышли из-под контроля властей. В графстве Ту-Маунтенс, где движением руководили Жируар, Скотт и священник Шенье из Сен-Бенуа, уже создавалось народное правление. На митинге патриотов этого графства было решено «не подчиняться правительственным чиновникам и все вопросы гражданского управления передать избранныкам народа»⁵.

Как только стало известно о событиях в Сен-Шарле, писал очевидец и участник движения, «каждое графство и каждый округ провинции с энтузиазмом откликнулись на торжественный призыв конвента, и немедленно повсюду были приняты резолюции, выражающие недоверие властям с Даунинг-стрит и решимость добиться справедливости во что бы то ни стало»⁶.

По всей провинции развернулось движение за неподчинение колониальным властям, за отставку всех должностных лиц и передачу власти в руки народа. К концу октября только в графстве Акадия заявили о своей отставке добровольно или по принуждению 66 судей и других должностных лиц. Публикация этих списков и сопроводительных заявлений об отставке заняла в газетах патриотов целые страницы⁷.

Такой поворот событий побудил власти и местную реакцию попытаться разгромить патриотов. «Бюрократия решила, что наконец пришло время подвергнуть гонениям, наказать и расправиться с теми, кого она довела до отчаяния... Она хорошо знала, что население страны даже не готово к защите, а тем более к нападению, и рассчитывала заставить народ, чтобы защитить свою жизнь и собственность, взять в руки оружие, а затем она объявила этот шаг восстанием против английской короны!»⁸.

Эта интерпретация У. Нельсоном замысла властей находит подтверждение и в официальных документах. Еще в конце октября, зная о мирных настроениях лидеров движения, губернатор Госфорд отправлял в Лондон довольно успокоительные послания об отсутствии в провинции «серьезных волнений», заверяя, что «основная цель митингов и других действий патриотов — произвести эффект в Англии и запугать власти метрополии и колонии»⁹. Однако неделю спустя губернатор сообщал, что «после митинга в Сен-Шарле 23 и 24 октября зараза, которую так старательно насаждали агитаторы, распространяется гораздо быстрее и делает свое дело с большей скоростью и успехом, чем когда-либо. Во многих графствах округа Монреаль большинство сельского населения находится в таком состоянии, что трудно

⁵ *Brown T. S.* 1837 and my Connection with it. Quebec, 1898, p. 18.

⁶ *Theller E. A.* Canada in 1837—1838. Showing by Historical Facts the Causes of the Late Attempted Revolution and of its Failure, v. 1—2. Philadelphia, 1841, v. 1, p. 37.

⁷ *Brown T. S.* Op. cit., p. 18.

⁸ *Christie R.* Op. cit., v. 4, p. 510.

⁹ Parliamentary Paper, 1837, Dec. 23, N 72, p. 65.

сказать, как далеко оно может зайти». Больше всего Госфорда беспокоило то, что «цель лидеров сейчас — покончить с правительством путем принуждения тех, кто занимается официальные посты в судах или милиции, уйти в отставку»¹⁰.

30 октября на помощь властям Нижней Канады из Торонто был переброшен полк королевских войск. В Монреале и Квебеке срочно вооружались и обучались военному делу сторонники колониальных властей, объединившиеся в организацию «Дорический клуб». Развернула свою деятельность так называемая Конституционная ассоциация города Монреала, члены которой — состоятельные англоканадцы, потомки лоялистов, охваченные верноподданническими настроениями, — требовали от властей расправы над патриотами¹¹.

Поляризация классовых сил и накал политических страстей достигли в провинции такого предела, что столкновения между патриотами и сторонниками правительства можно было ожидать в любой момент. Эту возможность признал и губернатор Госфорд¹². Однако власти не пытались избежать столкновения. Очевидцы признают, что «невмешательство гражданских властей, возможно, проистекало от нежелания помешать деятельности «Дорического клуба», с политическими целями которого власти были полностью солидарны»¹³. Провокационную политику правительства в те дни отмечал и лорд Дарэм: «Восстание было ускорено действиями англичан, которые инстинктивно чувствовали, какая опасность грозила им, если бы канадцы имели достаточное время для его подготовки»¹⁴. Подавить назревающий взрыв колониальные власти поторапливала и приближающаяся зима. В условиях прекратившейся навигации и снабжения извне местное восставшее население получило бы неоспоримые преимущества в борьбе с английскими солдатами.

6 ноября в полдень в одном из самых больших дворов Монреала собрались на митинг около 200—250 патриотов. Не успели собравшиеся избрать своим председателем Папино, как во двор полетели камни и с воинственными криками и оскорблениями ворвались члены «Дорического клуба», в большинстве своем сынки местных купцов, торговцев и чиновников. После жаркой стычки митинг был разогнан, причем не без помощи английских королевских солдат. Вслед за тем сторонники правительства совершили нападение на дом Папино и разгромили типографию газеты «Виндикэйтор»¹⁵.

¹⁰ Ibid., p. 94.

¹¹ Christie R. Op. cit., v. 4, p. 443, 436—437.

¹² Parliamentary Papers, 1837, Dec. 22, N 72, p. 94.

¹³ Civil War in the Canadas, p. 3.

¹⁴ Durham J. G. L. The Report on the Affairs of British North America. London, 1902, p. 129.

¹⁵ Brown T. S. Op. cit., p. 21; Civil War in the Canadas, p. 4—5; Christie R. Op. cit., v. 4, p. 426—433.

Многочисленные источники подтверждают, что войска, представители властей и правые элементы действовали в тот день сообща¹⁶.

Известие о случившемся мгновенно разнеслось по всей провинции. Ненависть к властям, к англичанам — владельцам крупной собственности, к сеньорам — обладателям земель и привилегий побудила почти все население провинции встать на сторону патриотов. Повсеместно началось составление списков патриотов. Командующему английскими королевскими войсками Колборну сообщали из графства Ту-Маунтенс, что там предпринимаются отчаянные попытки обеспечить патриотов огнестрельным оружием и абитаны чинят старые ружья, а для вооруженных отрядов запасаются огромные количества пороха и в срочном порядке отливаются пули для мушкетов¹⁷.

Сам Колборн срочно прибыл в Монреаль и основал там свою штаб-квартиру, а через несколько дней отправил донесение генерал-губернатору с предложением «не терять ни минуты и готовиться к худшему, в том числе ко всеобщему объединенному мятежу»¹⁸. Колборн предостерегал губернатора, что, если революционерам будет по-прежнему позволено спокойно вооружаться, а из верноподданных жителей Монреаля и Верхней Канады не будут срочно сформированы отряды, тогда провинция будет утрачена. Он настаивал на срочном расквартировании добровольцев из отставных военных и отрядов из Верхней Канады в важнейших стратегических пунктах провинции, чтобы высвободить регулярные войска для расправы над патриотами.

Одновременно Колборн отправил послание губернатору Верхней Канады Хеду, в котором, отметив, что «все французское население провинции объединилось против правительства», призвал «без промедления собирать силы и вооружаться». «Если мы будем колебаться с проявлением своей силы, революционеры распространят влияние на Верхнюю Канаду до такой степени, что получат уже необратимые преимущества над нами»¹⁹. Колборн просил Хеда послать отряды милиции в Ла-Прери, Сен-Джонс и Шамбли, чтобы облегчить действия королевских войск.

В ноябре в Квебеке были арестованы по обвинению в подрывной деятельности редактор газеты «Минерв» Морэн и четверо других видных патриотов²⁰. В Монреале 12 ноября была опубликована прокламация, запрещающая митинги патриотов, а 16 ноября были арестованы и посажены в тюрьму шесть вид-

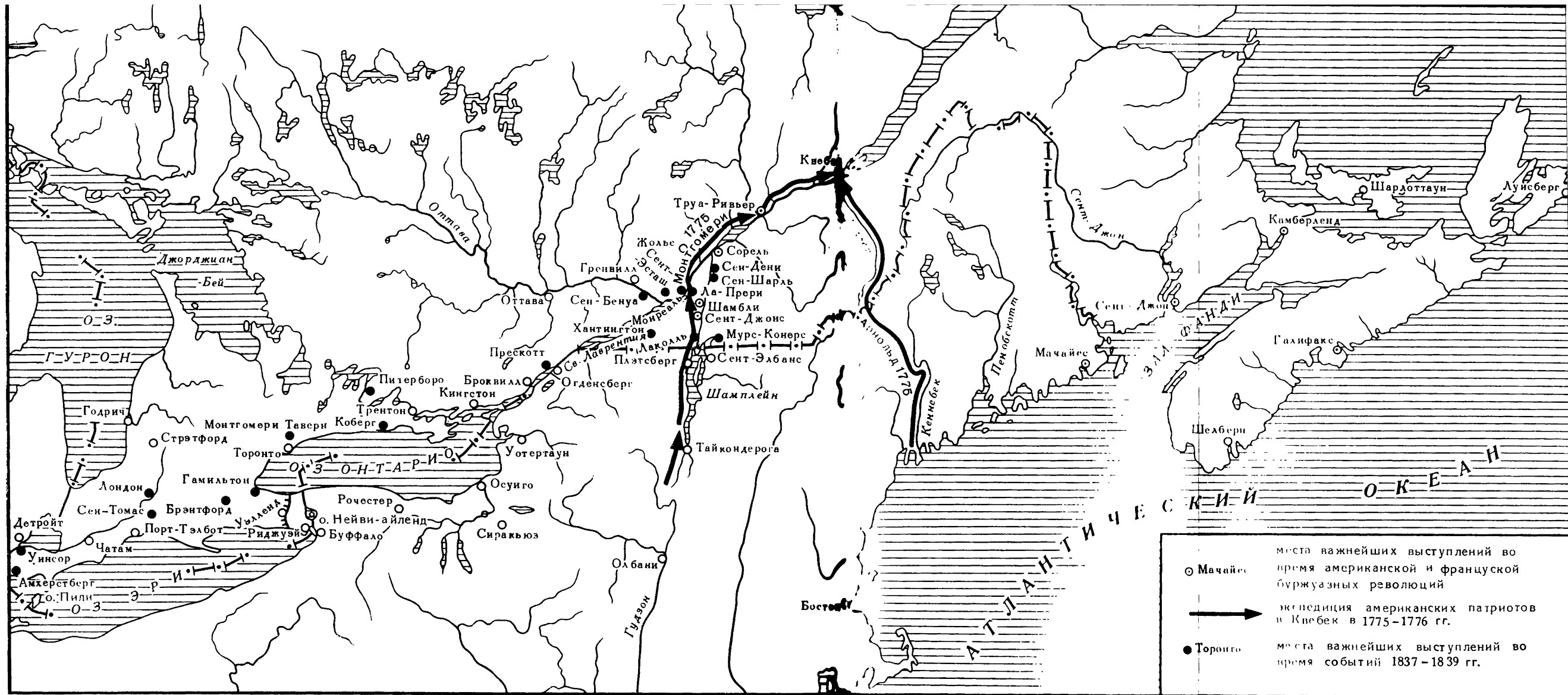
¹⁶ Civil War in the Canadas, p. 4—5; *Preston T. R. Three Years Residence in Canada, from 1837 to 1839*. London, 1840, p. 95; *Christie R. Op. cit.*, v. 4, p. 433.

¹⁷ The Arthur Papers. 1822—1850. Ed. by C. R. Sanderson. V. 1—3. Toronto, 1957—1959, v. 1, p. 21.

¹⁸ Ibid., p. 20.

¹⁹ Ibid., p. 22.

²⁰ *Christie R. Op. cit.*, v. 4, p. 438.

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОЛОНИАЛЬНОЙ КАНАДЕ

ных патриотов, в том числе Андре Кимет — президент общества «Сыны свободы», несколько членов руководящего комитета и Луи-Мишель Виже — президент Народного банка²¹. Почти всех руководителей движения обвинили в государственной измене. По призыву властей из сторонников правительства в Монреале и Квебеке были сформированы добровольческие стрелковые и кавалерийские отряды. Оружие и прочее снаряжение им было предоставлено из королевских арсеналов²².

Без сомнения, эти акции колониальных властей ускорили начало восстания. В обстановке развязанных репрессий руководители движения Папино, Браун и др. тайно покинули Монреаль. Папино еще 6 ноября по настоянию друзей перебрался в район Рипшельё, где патриоты полностью контролировали положение.

Один из активных участников движения, Амори Жиро, записал в своем дневнике, что 15 ноября встретил в Варенне Папино, О'Коллагэна и других руководителей, которые сообщили ему, что губернатор выдал ордера на арест группы патриотов, в том числе и самого Жиро, по обвинению их в государственной измене. Тогда же руководители обсудили положение и план предстоящих действий. «Я не помню точно, кто, кажется Буше, предложил созвать конвент и создать Временное правительство, — записал Жиро 16 ноября. — Мы согласились с этим, но Буше добавил, что, поскольку этот шаг равносителен акту открытого восстания, было бы хорошо обсудить вопрос об организации народа и обеспечении его оружием и амуницией. Мы все согласились и с этим предложением...»²³. После этой встречи по просьбе Папино Жиро направился на север провинции «посмотреть, что можно там предпринять», а Папино и О'Коллагэн — в Сен-Дени встретиться с Уолфредом Нельсоном и его сторонниками.

17 ноября в поселок Сент-Джонс на р. Рипшельё был послан кавалерийский отряд, чтобы арестовать двух патриотов согласно ордеру на их арест, выданному губернатором. Узнав о случившемся, вооруженные крестьяне из окрестных сел устроили возвращавшимся солдатам засаду и после короткой перестрелки отбили арестованных²⁴. Об этом первом открытом вооруженном столкновении патриотов с войсками в местечке Лонгви, расположенном на противоположном берегу р. Св. Лаврентия, сразу же стало известно в Монреале.

Один из королевских офицеров, Бьюклерк, писал, что после этого столкновения «франкоканадцы все до одного покинули город, магазины закрылись, начался всеобщий мятеж»²⁵. Мон-

²¹ Ibid., p. 447; Civil War in the Canadas, p. 9—10.

²² Christie R. Op. cit., v. 4, p. 439—440; Civil War in the Canadas, p. 12.

²³ Public Archives of Canada's Report for the Year 1923. Ottawa, 1924 (далее — PACR), p. 372.

²⁴ Christie R. Op. cit., v. 4, p. 448—449, 511; Civil War in the Canadas, p. 12.

²⁵ Beauclerk C. Lithographic Views of Military Operations in Canada in 1837 and Historical Notes. London, 1840, p. 2.

реаль фактически превратился в военный лагерь, где королевские войска, власти и их сторонники срочно готовились к открытой войне с населением провинции. Все улицы патрулировались днем и ночью, на выездах из города были установлены пушки²⁶. Правая монреальская газета «Куир» открыто злорадствовала: «Наконец-то правительство нанесло долгожданный удар. Наконец бунтовщики пролили кровь и теперь сбросили с себя маску. Они заслужили самых суровых наказаний за нарушение законов. Ни один аглийский подданный не желал бы лучших известий». Другая газета подстрекала власти произвести дополнительные аресты, причем «чем больше, тем лучше»²⁷.

Зато поселенцы были воодушевлены успехом: бегство королевских солдат от вооруженных крестьян вселяло уверенность, что канадцы могут и должны добиться своих требований силой оружия. Основными опорными пунктами патриотов стали деревни Сен-Дени и Сен-Шарль, расположенные по р. Ришельё. В Сен-Дени собралось около 800 вооруженных патриотов, готовых защищать своих руководителей от репрессий властей и постоять за правое дело. Повстанцы в течение нескольких дней готовились к обороне и возводили укрепления на подступах к деревне. Самым слабым местом было оружие: на 800 человек — около 100 старых кремневых ружей, остальное — косы и вилы.

Вторым стихийно возникшим лагерем патриотов в долине р. Ришельё была деревня Сен-Шарль, где около 200 патриотов во главе с Томасом Брауном готовились дать отпор королевским войскам. Сам Браун оставил интереснейшее описание этого исторического момента. «Те, кто слышал или читал, что для подавления канадского восстания пришлось послать 15 тыс. войск и стоило это более 3 млн. ф. ст., могут подумать, что оно было тщательно подготовлено»²⁸, — пишет Браун. Однако, по его словам, все было иначе: «Окрестное население, считая, что время для восстания наступило, собиралось, не дожидаясь специальных приказов. Я никогда не забуду готовность и преданность этих людей, выступивших прежде, чем прозвучал призыв встать на защиту прав своей страны. Они были благодатным материалом; с оружием и офицерами мы могли бы составить импровизированную армию, но у нас ничего этого не было». Браун сообщает, что патриоты имели лишь ветхие мушкеты, оставшиеся еще со времен завоевания Канады англичанами и годные лишь для музейной коллекции. С трудом набрали несколько бочонков пороха, а стрелять было нечем²⁹.

18 ноября в округ Ришельё были направлены две бригады королевских войск под командованием полковников Гора и Узеролла. 23 ноября Гор со своими войсками предпринял штурм

²⁶ *Preston T. R. Op. cit.*, p. 101.

²⁷ *Theller E. A. Op. cit.*, v. 1, p. 40.

²⁸ *Brown T. S. Op. cit.*, p. 25.

²⁹ *Ibid.*, p. 28.

деревни Сен-Дени, но был встречен отчаянным ружейным огнем патриотов. Трижды на протяжении 6 часов английские солдаты шли в атаку, потеряли 60 человек, причем половину из них убитыми, но были вынуждены отступить в Сорель, бросив возле деревни не только застрявшие в грязи сапоги, но даже раненых и пушки³⁰. В течение дня на помощь У. Нельсону пришли патриоты из Сент-Ура и других соседних деревень. Нельсон мужественно и умело руководил действиями патриотов Сен-Дени. Это был первый и, к сожалению, последний выигранный канадскими повстанцами бой.

Весть о победе мгновенно разнеслась по провинции, вселив в сердца поселенцев радость и надежду, веру в возможность победить. Браун писал позднее Нельсону: «Вдохновленные вашей искусной обороной в Сен-Дени, мы не чувствовали тревоги при приближении войск Уэзеролла»³¹. Жиро, собиравший силы повстанцев в северной части провинции, записал в дневнике от 24 ноября, что, как только пришло известие о победе Нельсона в Сен-Дени, в отряд Жиро менее чем за час влилось свыше 600 человек³².

Сам Нельсон вспоминает, что после отхода войск он собрал своих ближайших соратников на совет и заявил им, что теперь «рубикон уже перейден» и даже «позорная сдача» не гарантирует им спасение жизней³³. Однако в тот ответственный момент патриоты не приняли какого-либо действенного решения, не закрепили достигнутый успех, не сделали попытки соединить свои силы. Эта оборонительная и выжидательная тактика в конечном итоге оказалась гибельной для восстания в целом.

25 ноября Уэзеролл, имея около 500 солдат, достиг Сен-Шарля. Участвовавший в операции королевский офицер так описывал бой: «С западного берега реки инсургенты открыли сильный огонь и, хотя расстояние было значительным, нанесли нам некоторый урон. В то же время со стороны леса была предпринята такая отчаянная атака, что пришлось посылать туда отряд королевских гренадеров. Тогда артиллерии под командованием капитана Глазго было приказано выдвинуться вперед, и пушки открыли жестокую стрельбу шрапнелью... Несмотря на то, что местечко было уже почти захвачено, несколько домов и сараев оказались так хорошо укрепленными и с таким отчаянием защищались инсургентами, что потребовалось минут 20 ожесточенного огня, чтобы сдались и они. Защитники сражались с великой храбростью, многие оставались на своих постах, пока не были убиты или не попали на штыки...»³⁴.

³⁰ Theller E. A. Op. cit., v. 1, p. 44.

³¹ Christie R. Op. cit., v. 4, p. 520.

³² PACR. 1923, p. 375.

³³ Christie R. Op. cit., v. 4, p. 514.

³⁴ Beauclerk C. Op. cit., p. 5.

Силы были слишком неравными. Солдаты устроили зверскую расправу над патриотами, даже не беря пленных, и многие повстанцы предпочли погибнуть в ледяной воде р. Ришельё, чем от руки королевских солдат. Очевидец из числа карателей считает, что примерно из 1,5 тыс. патриотов 50—60 было взято в плен, около 150 убито³⁵. Эти цифры, видимо, преувеличены: обычно в литературе указывается, что здесь было убито 40 повстанцев. Источники единодушно называют одной из причин поражения в Сен-Шарле слишком поспешное бегство с поля битвы руководителя патриотов Брауна, который покинул повстанцев при первых же выстрелах. Сам же Браун оправдывал свое поведение тем, что он отправился с места боя в деревню за подмогой и, не получив ее, счел свое пребывание в Сен-Шарле бессмысленным и бежал в Сен-Дени к Нельсону³⁶.

Нерешительностью отмечено поведение во время восстания и других видных патриотов, включая главного лидера движения Папино. Как сообщил позднее Нельсон, утром накануне боя Папино, находившийся в доме Нельсона в Сен-Дени, выработал и подписал Декларацию независимости Нижней Канады. Этот документ подписали также Нельсон и еще шесть патриотов. Но, узнав о приближении войск, Папино уничтожил Декларацию вместе с другими бумагами и уехал в Сент-Иасент, а затем перебрался в Соединенные Штаты, в Вермонт³⁷. Вместе с Папино бежали О'Коллагэн, Дюверне и другие руководители.

Тем временем разобщенные отряды патриотов безуспешно пытались нанести поражение королевским войскам. Когда Уэзеролл уже расправился с повстанцами в Сен-Шарле, его силы были атакованы отрядом из Пуан-Оливьера, но эта атака была уже легко отбита³⁸.

По возвращении войск в Монреаль губернатор обнародовал новую прокламацию, установившую награду за голову Папино в 1 тыс. ф. ст. и в 500 ф. ст. за поимку каждого из 100 других патриотов, в том числе Нельсона, Брауна, О'Коллагэна, Жиро, Кота³⁹. Из арсенала Квебека было срочно доставлено 7 тыс. боекомплектов, набраны и вооружены отряды лоялистов-добровольцев⁴⁰. Войска Гора были укреплены и 30 ноября двинуты в новую карательную экспедицию против Сен-Дени.

После разгрома патриотов в Сен-Шарле лагерь повстанцев в Сен-Дени начал распадаться, многие участники первого боя

³⁵ *Beauclerk C. Op. cit.*, p. 6.

³⁶ *Brown T. S. Op. cit.*, p. 35.

³⁷ *Christie R. Op. cit.*, v. 4, p. 467—468. Кстати, Л.-Ж. Папино и не пытался в своих мемуарах снять с себя обвинение в этом, выдвинутое Нельсоном в 1848 г. (см. *Papineau L. J. Histoire de l'insurrection du Canada. Montreal, 1968*).

³⁸ *Beauclerk C. Op. cit.*, p. 8; *Theller E. A. Op. cit.*, v. 1, p. 51.

³⁹ *Christie R. Op. cit.*, v. 4, p. 486—491.

⁴⁰ *Theller E. A. Op. cit.*, v. 1, p. 48.

покинули Нельсона, а сам руководитель вместе с ближайшими сторонниками оставил деревню при приближении явно превосходящих сил правительственных войск. 2 декабря Гор, почти не встретив сопротивления, взял реванш за поражение и сжег деревню Сен-Дени, в первую очередь дом и винокурню Нельсона⁴¹.

Таким образом, с очагами восстания в долине р. Ришельё было покончено и власти получили возможность перебросить силы в другой район сосредоточения патриотов — графство Ту-Маунтенс, к северо-западу от Монреаля. Здесь вокруг Жируара и Дюмушеля в Сен-Бенуа, Шенье и Жиро в Сент-Эсташе собралось большое число вооруженных повстанцев, «готовых ценою своей жизни и имущества защищать свободу Канады»⁴², как отмечал в своем дневнике Жиро.

В Сент-Эсташе, как только стало известно о прокламации Госфорда, объявившей награду в 2 тыс. долл. за поимку Шенье, собрались патриоты со всего графства, чтобы защитить руководителя. В течение нескольких дней их число достигло примерно 1,5 тыс. человек. Руководителем стал Жиро, который по прибытии в Сент-Эсташ заявил, что послан самим Папино для организации вооруженной борьбы на севере провинции⁴³.

Лагерь патриотов в Сент-Эсташе столкнулся с огромными трудностями: нужно было разместить, накормить и воодушевить довольно большое число людей, а главное — дать в руки им оружие и обеспечить умелое и энергичное руководство. В этот критический момент лидеры повстанцев оказались не на высоте. Узнав 18 ноября о том, что по селениям разъезжает отряд солдат с констеблями, чтобы разыскать и арестовать руководителей патриотов Шенье, Жиро, Скотт и другие, бесполезно спорив 5 часов, так и не выработали единого плана действий⁴⁴.

Скотту удалось убедить Шенье, что активная вооруженная борьба с правительственными войсками сейчас бесполезна из-за недостатка оружия и снаряжения. Нужно подождать, когда замерзнут реки и выпадет снег, тогда можно будет получить

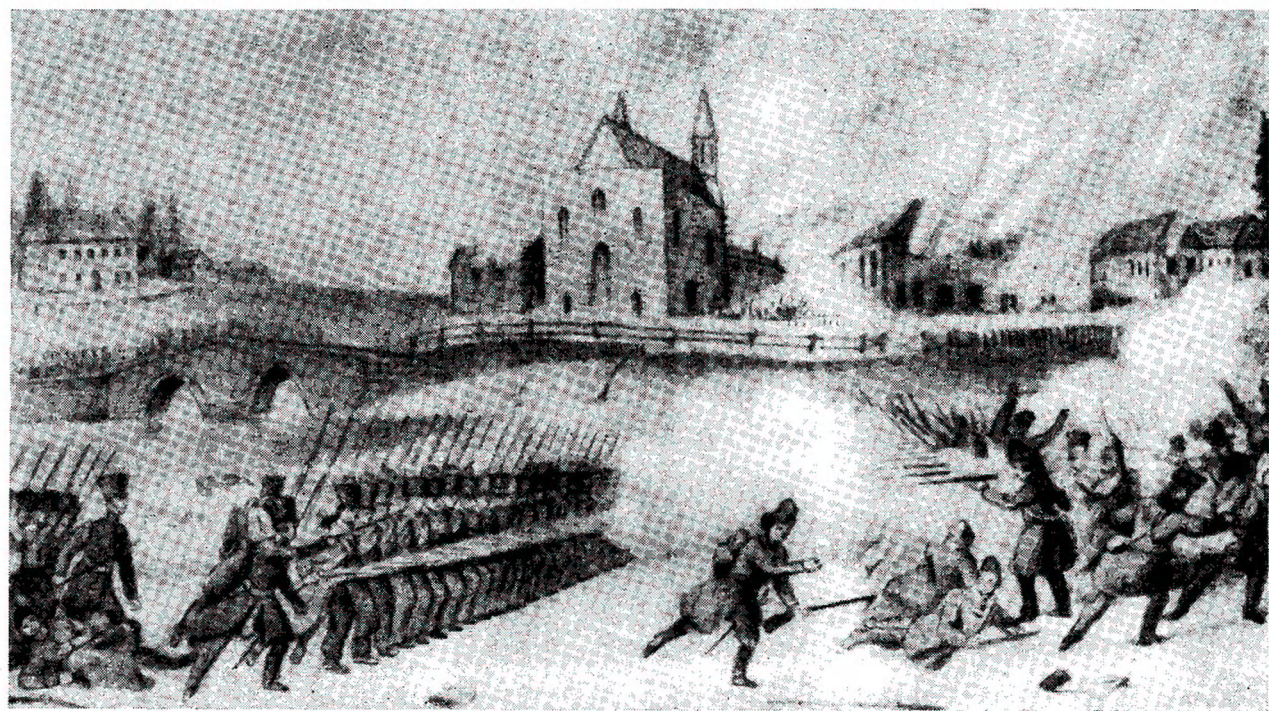
⁴¹ Ibid., p. 54; *Beauchlerk C. Op. cit.*, p. 10.

Среди бумаг, захваченных солдатами в доме Нельсона, было одно очень интересное письмо Папино. «Они,— писал Папино о молодых людях, взявших в ходе борьбы в руки оружие,— хотят послать делегацию в семь человек на конвент, или, как они его называют, конгресс обеих провинций, где они смогли бы выработать чисто демократическую конституцию и объявить о независимости, если Англия не согласится с конституцией. Что же касается меня, то я придерживаюсь мнения, что наш план бойкота английских товаров и агитации — эта наилучшая политика в настоящий момент, поскольку она делает колонию обременительной для Англии из-за необходимости увеличивать силы милиции и подрывает ее торговлю» (*Theller E. A. Op. cit.*, p. 54).

⁴² PACR. 1923, p. 372.

⁴³ *David L. O. Les Patriotes de 1837—1838. Montreal, 1884*, p. 46.

⁴⁴ PACR. 1923, p. 372.

БОЙ У СЕНТ-ЭСТАША 13 ДЕКАБРЯ 1837 Г.

оружие из Соединенных Штатов. Эта губительная тактика пассивного ожидания разлагала лагерь патриотов: имелись случаи мародерства, анархии, некоторые стали возвращаться домой⁴⁵.

24 ноября патриоты получили известие из Монреаля от Роберта Нельсона о том, что в городе почти нет войск и что его брат намеревается отвлечь внимание властей действиями по другую сторону р. Св. Лаврентия. Это убедило Жиро в необходимости пойти на Монреаль и попытаться овладеть городом. Однако состоявшийся 25 ноября совет руководителей патриотов Сент-Эсташа и Сен-Бенуа отверг это предложение. «Итак, они решили оставаться в обороне,— писал с горечью в дневнике Жиро.— Из-за их нерешительности была потеряна прекрасная возможность. И я впервые пожалел, что доверился таким слабохарактерным людям»⁴⁶.

Трагически неорганизованны и пассивны оказались действия повстанцев. Недостаток оружия можно было сравнительно легко возместить за счет разоружения на местах сторонников правительства — лоялистов, что и сделал, например, Жиро, совершив экспедицию в Сен-Пьер и раздобыв там большое число ружей и пистолетов. «Но, поскольку все командовали и никто не подчинялся, только один бог знает, куда подевалось все это оружие». Когда в лагерь пришло известие о поражении патриотов в Сен-Шарле, это привело в уныние и поколебало желание многих участвовать в вооруженной борьбе. Запись в отряды пошла медленнее. По словам Жиро, «кругом царил полный беспорядок»⁴⁷. Из руководителей, пожалуй, только один Шенье сохранил решимость «скорее умереть с оружием в руках, чем сдать»⁴⁸.

Еще 5 ноября Госфорд объявил весь район Монреаля на военном положении. Колборн, собрав около 2 тыс. королевских войск, отряд волонтеров и 9 артиллерийских орудий, лично возглавил операцию против патриотов Сент-Эсташа и Сен-Бенуа⁴⁹. 13 декабря первым у Сент-Эсташа на противоположном берегу реки появился отряд волонтеров под командованием сеньора Сент-Эсташа Глобенского. 150 патриотов, возглавляемых Шенье, бросились в атаку против волонтеров, но едва патриоты дошли по льду до середины реки, как сзади ударила картечь подошедших войск Колборна. Люди Шенье были вынуждены срочно вернуться в деревню, которую королевская артиллерия уже подвергала усиленному обстрелу. Многие патриоты, в том числе их командир Жиро, покинули поле битвы. Из оставшихся в деревне 500—600 человек лишь половина имели оружие, остальные были вооружены палками. Около 250 человек укрылись вместе с Шенье

⁴⁵ Ibid., p. 373—374.

⁴⁶ Ibid., p. 375.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ David L. O. Op. cit., p. 47.

⁴⁹ Christie R. Op. cit., v. 5, p. 4; David L. O. Op. cit., p. 48.

в здании церкви и в доме священника, на всех них приходилось только 60—80 ружей⁵⁰.

Несколько часов продолжался обстрел деревни, тем временем пехота и кавалерия окружили Сент-Эташ, сделав сопротивление повстанцев практически бесполезным. Патриоты сражались отчаянно и храбро, отстреливаясь от приближающихся солдат из окон укрепленных домов и с колокольни церкви. Солдатам удалось поджечь церковь, и горстка храбрецов во главе с Шенье попыталась вырваться из окружения через кладбище. Пули солдат настигли почти всех, в том числе и 30-летнего Шенье. Солдаты Колборна учинили в деревне настоящий погром. По различным сведениям, было убито от 70 до 200 человек и около 120 попали в плен⁵¹.

15 декабря Колборн приблизился к Сен-Бенуа, куда подошло еще около 2 тыс. королевских войск. Группа патриотов, очутившись в безнадежном положении, добровольно сложила оружие, но солдаты и на сей раз обстреляли, разграбили и сожгли деревню. Жируару удалось бежать, но позднее он был схвачен. Жиро, не пожелав попасть в руки полиции, покончил с собой⁵².

17 декабря, завершив карательную экспедицию на севере провинции и подавив еще один очаг вооруженного восстания, Колборн с войском вернулся в Монреаль. Городская тюрьма едва вместила доставленных пленных повстанцев⁵³.

Так трагически закончилось восстание в Нижней Канаде.

Параллельно с событиями в Нижней Канаде огонь вооруженной борьбы разгорелся и в соседней провинции. В октябре патриоты Верхней Канады сделали попытки установить более или менее тесный контакт с лидерами движения в Нижней Канаде. Один из соратников Макензи совершил несколько поездок в Нижнюю Канаду и доставил оттуда шифрованное письмо Т. Брауна, в котором высказывалось пожелание, чтобы первой выступила Верхняя Канада⁵⁴. Сам же Т. Браун в воспоминаниях, сообщая о встрече с «молодым человеком из Торонто», пишет, что тесной связи и координации действий между патриотами двух провинций не существовало: «Я ответил, что Макензи сам знает, что ему делать, и пусть следует своим курсом, результат которого лишь только поможет нам»⁵⁵.

Хотя патриотам не удалось объединить свои силы, все же солидарность и необходимое взаимопонимание между ними существовали. Об этом говорит хотя бы тот факт, что как только

⁵⁰ *David L. O. Op. cit.*, p. 49.

⁵¹ *Christie R. Op. cit.*, v. 5, p. 5—6; *Beauclerk C. Op. cit.*, p. 12; *David L. O. Op. cit.*, p. 50.

⁵² *Christie. Op. cit.*, v. 5, p. 7.

⁵³ *Ibid.*, p. 12.

⁵⁴ *Guillet E. C. The Lives and Times of the Patriots.* Toronto, 1963, p. 13.

⁵⁵ *Brown T. S. Op. cit.*, p. 22—23.

начались события в Монреале, в Торонто было принято решение перейти к непосредственной подготовке восстания с целью поддержать движение в Нижней Канаде «быстрыми и решительными действиями»⁵⁶. В первой половине ноября Макензи собрал тайное заседание 15 видных патриотов, на котором заявил, что все мирные средства исчерпаны и остается единственный путь — вооруженной борьбы. Колебания остальных не позволили тогда принять решение о восстании, но уже 18 ноября на новом заседании был принят план восстания и намечена его дата — 7 декабря⁵⁷.

Как уже отмечалось, согласно плану отряды патриотов должны были, собравшись у таверны Монтгомери, овладеть городом, провозгласить провинцию свободной, созвать конвент для выработки новой конституции и назначить Рольфа главой временного правительства. «Мы рассчитывали,— писал позднее Макензи,— осуществить все это без кровопролития, хорошо зная, что местное правительство было слишком непопулярно, чтобы иметь много настоящих сторонников»⁵⁸.

Конкретное осуществление плана восстания было поручено разработать Макензи, и он же должен был возглавить поход на Торонто. От ветерана наполеоновских войн, полковника милиции Ван-Эгмонда, богатого фермера, который поддерживал движение патриотов⁵⁹, Макензи добился согласия возглавить силы патриотов во время восстания. 24 ноября Макензи отправился в поездку по провинции и, по его словам, «в течение двух недель, до воскресенья, 3 декабря, только и делал, что посещал собрания, помогая создавать организации в городах и селениях, другими словами, готовить революцию»⁶⁰.

Внезапно Рольф, отвечавший за действия патриотов в городе, предложил ряду лидеров перенести дату восстания с 7 на 4 декабря и послать свои силы в таверне Монтгомери раньше, чем предусматривалось планом. Некоторые историки полагают, что в своих действиях Рольф исходил из стремления избежать кровопролития и успеть захватить город, пока королевские войска расправлялись с повстанцами в Нижней Канаде⁶¹. Как бы то ни было, но этот шаг оказался роковым для восстания в Верхней Канаде — с самого начала оно было дезорганизовано. Лишь незначительную часть патриотов успели известить об изменении даты выступления.

Еще 3 декабря у таверны собралось около 150 патриотов, не имевших запасов пищи и аммуниции. Среди руководителей воз-

⁵⁶ *Mackenzie W. L. Own Narrative of the Rebellion* [s. l., s. a.], p. 9.

⁵⁷ *Lindsey C. The Life and Times of William Lyon Mackenzie*. Toronto, 1862, v. 2, p. 52—53.

⁵⁸ *Mackenzie W. L. Own Narrative of the Rebellion*, p. 9—10.

⁵⁹ Подробнее о нем см.: *Needler G. H. Colonel Anthony Van Egmond. From Napoleon and Waterloo to Mackenzie and Rebellion*. Toronto, 1956.

⁶⁰ *Mackenzie W. L. Own Narrative of the Rebellion*, p. 10—11.

⁶¹ *Guillet E. C. Op. cit.*, p. 15.

ПОХОД ПОВСТАНЦЕВ НА ТОРОНТО В ДЕКАБРЕ 1837 Г.

никили разногласия. Предложение прибывшего к месту сбора Макензи немедленно пойти на город было отвергнуто Лаунтом и другими руководителями отрядов. Назначенный главнокомандующим всех сил патриотов полковник Ван-Эгмонд, единственный знаток военного дела среди руководителей патриотов, еще находился со своими подчиненными в районе Гуруновского участка, ничего не зная об изменении плана восстания.

4 декабря патриоты решили двинуться на Торонто, но были встречены делегацией от губернатора Хеда, который, хотя и бравировал своим бесстрашием перед действиями патриотов, все же к тому времени предусмотрительно поместил свою семью на борт парохода в бухте города. В составе делегации к великому изумлению повстанцев оказались Болдуин и Рольф. Призыв этих известных лидеров движения воздержаться от кровопролития, сам факт выступления Рольфа в роли миротворца оказали деморализующее влияние на повстанцев. Первое же столкновение с пикетом лоялистов на подступах к городу закончилось чуть ли не бегством патриотов.

Силы патриотов в районе таверны Монтгомери к этому времени составляли около 700-800 человек. Люди были плохо вооружены, не имели запасов продовольствия, необходимой амуниции, многие вернулись домой, «обнаружив, что у повстан-

цев нет ни мушкетов, ни штыков»⁶². Было решено оставаться в обороне до прибытия, как полагали, главных сил во главе с Ван-Эгмондом.

Несколько дней повстанцы бездействовали. Тем временем в Торонто царило необычайное возбуждение. Губернатор Хед был извещен о действиях патриотов. Сторонники правительства готовились к отпору повстанцам, в город прибывали подкрепления. Повстанцами было упущено драгоценное время, в том числе и возможность неожиданного нападения. Власти были теперь полностью осведомлены о положении патриотов. В то же время письмо, посланное повстанцами Рольфу с просьбой сообщить о намерениях и действиях властей, осталось без ответа.

Утром 7 декабря полковник Ван-Эгмонд прибыл со своим отрядом к таверне Монтгомери. Срочно был созван военный совет, на котором присутствовали Макензи, Ван-Эгмонд, Лаунт, Гибсон, Флетчер. Бесполезная дискуссия продолжалась около 2 часов, и была прервана известием дозорного о приближении правительственных войск с «музыкой и артиллерией»⁶³.

Основная группа в составе 150 патриотов под командованием Лаунта и Ван-Эгмонда заняла позиции на опушке леса в полмили к югу от таверны. Около 200 человек остались у таверны без оружия. Сколько человек в тот момент насчитывалось в стане повстанцев, сказать довольно трудно — видимо, не более 600, ибо многие еще до прибытия Ван-Эгмонда возвратились домой.

Макензи отмечал в своих воспоминаниях мужество, с которым патриоты встретили врага: «Отвага, с которой 200 плохо вооруженных фермеров противостояли сильной атаке противника численностью в 1200 человек, хорошо оснащенного, с новым оружием, артиллерией и первоклассными офицерами, убедила меня, что дисциплина, порядок, подчинение, наличие знающих руководителей позволят им приобрести уверенность в победе даже над регулярными частями, присланными из Европы»⁶⁴.

Однако артиллерия и превосходство в силах быстро привели дело к развязке. Повстанцы были рассеяны, а таверна Монтгомери сожжена. Этим поражением восстанию в Верхней Канаде сразу же был нанесен непоправимый удар. Историк Э. Джиллет справедливо писал: «Патриоты не являлись спартамцами и таверна Монтгомери не была Фермопильским ущельем и, естественно, с ними не было царя Леонида. Но при всех обстоятельствах, трудно поверить, чтобы какие-либо другие солдаты с теми же лидерами и оружием, вернее, недостатком его, могли сделать что-нибудь лучшее»⁶⁵.

Многие руководители восстания, в том числе Ван-Эгмонд, Лаунт, Маттеу, были схвачены и брошены в тюрьму. Макензи

⁶² Mackenzie W. L. Own Narrative of the Rebellion, p. 15.

⁶³ Ibid., p. 21.

⁶⁴ Ibid., p. 22.

⁶⁵ Guillet E. C. Op. cit., p. 27.

БОЙ У ТАВЕРНЫ МОНТГОМЕРИ

удалось избежать этой участи и бежать в США. Правительство объявило за его голову награду в 4 тыс. долл.

Очагами восстания стали и другие районы провинции. Узнав о событиях в Нижней Канаде и в Торонто, реформаторы в западных районах Верхней Канады, прежде всего в Лондонском округе, также решили взяться за оружие. По призыву известного сторонника реформ Чарлза Данкомба 7 и 8 декабря в Содоме были созваны митинги патриотов соседних графств, где в присутствии 200—300 человек было объявлено, что народ по всей провинции поднялся на восстание, дабы завоевать «дешевое и ответственное правительство»⁶⁶. Под председательством Ч. Данкомба был создан комитет бдительности. Прежде всего патриоты старались раздобыть оружие. Еще 6 декабря Макензи послал гонцов к Данкомбу с просьбой о немедленной помощи. Однако из-за плохих дорог эта просьба пришла с большим опозданием. Всего к 10 декабря в деревне Скотленд вокруг Данкомба собралось около 400—500 человек⁶⁷.

После боя у таверны Монтгомери губернатор Хед послал отряды правительственных войск и лоялистов-ополченцев во главе с полковником Макнабом в Лондонский округ. При при-

⁶⁶ Read C. F. The Rising in Western Upper Canada. 1837—1838: The Duncombe Revolt and after. Ph. D. Thesis, University of Toronto, 1974, p. 147—149.

⁶⁷ Ibid., p. 160.

близении войск к деревне плохо вооруженные патриоты оставили свои позиции. Макнаб предпринял карательный поход по району, отдав своим солдатам приказ арестовывать всех, у кого на шапках не было знака лоялистов и куска красной фланели, и стрелять в каждого, кто будет пытаться бежать⁶⁸. За головы руководителей и здесь были обещаны награды. Однако многим лидерам удалось пересечь американо-канадскую границу.

На первый взгляд, восстание в Верхней Канаде не было столь сильным, как в соседней провинции. Столкновения патриотов с правительственными войсками быстро закончились поражением. Всего за участие в восстании в провинции было арестовано 885 человек. Но это была лишь самая малая часть тех сил, которые были готовы с оружием в руках выступить против правительства. Лидеры освободительного движения сосредоточили свою деятельность в основном среди жителей северной части провинции. Однако, судя по документам, революционные настроения не были чужды и населению других мест, особенно района Ниагары. 13 декабря 1837 г. верноподданнически настроенный очевидец сообщал отсюда в Торонто: «Недовольство, к сожалению, в значительной степени охватило южные тауншипы этого округа. В тауншипе Полэм не более шести лояльных граждан на восемь патриотов. В Бертье, Уиллобэе, Арнленде, Хамберстоуне положение немногим лучше. Я уверен, что, если бы повстанцы добились успеха в Торонто, из этих тауншипов против нас были бы дважды большие силы»⁶⁹.

Но даже в самых верноподданнических районах число патриотов было значительным. Многие участники вооруженных выступлений, утратив после поражения надежду на «прогресс свободных принципов», срочно продавали имущество и покидали страну, эмигрируя в Соединенные Штаты. Историки полагают, что примерно 25 тыс. жителей Верхней Канады покинули свои жилища в дни восстания⁷⁰.

Отныне центр освободительной борьбы переместился в район канадо-американской пограничной зоны и в истории восстания начинается новая страница.

РЕСПУБЛИКА НА НЕЙВИ-АЙЛЕНД

Среди населения северных американских штатов нашлось много сторонников дела канадских патриотов. Как только известие о восстаниях в канадских провинциях достигло США, «в Мидлбурге, Бурлингтоне, Сент-Элбансе, Буффало, Олбани, Рочестере, Нью-Йорке и почти в каждом городке пограничных с Канадой штатов состоялись публичные митинги, на которых были приня-

⁶⁸ Guillet E. C. Op. cit., p. 53.

⁶⁹ The Arthur Papers, v. 1, p. 26.

⁷⁰ Guillet E. C. Op. cit., p. 59.

ты резолюции, выразившие самые теплые чувства и поддержку дела патриотов»⁷¹.

5 декабря в Буффало состоялся многолюдный митинг солидарности с верхнеканадскими повстанцами. Он проходил в самом большом зале города, и, пока 1500 человек рассаживались, оркестр исполнял «Марсельезу». Была принята резолюция в поддержку повстанцев и сформирован комитет для проведения кампании митингов. От Макензи в адрес собрания поступило письмо с благодарностью за поддержку⁷². Подобные митинги прошли в Осуинго, Огденсбурге и в других американских городах.

12 декабря, на следующий день после прибытия в Буффало Уильяма Макензи, в его честь в здании местного театра состоялся 3-тысячный митинг. Американская газета сообщала, что «все здание от оркестра до крыши было забито народом: партер, галереи, вестибюль и даже окрестная улица были переполнены, а сотни желающих вынуждены были уйти, не попав в помещение»⁷³. В своей речи Макензи сравнил канадских патриотов 1837 г. с американскими патриотами 1776 г. и обратился с призывом к населению США оказать помощь канадским братьям «оружием, боеприпасами и добровольцами».

Прямо тут же началась запись добровольцев в «патриотическую армию». Набор волонтеров в те дни шел открыто, и сами они свободно разгуливали по улицам американских городов с оружием в руках. 12 декабря Макензи получил подарок со следующим сопроводительным письмом: «Позвольте подарить вам пару пистолетов от одного из друзей канадских патриотов с пожеланиями успеха в вашем трудном деле»⁷⁴. Подобные послания Макензи стал получать в большом количестве. Оружие патриоты доставали и другими путями: 200 боекомплектов были захвачены у шерифа Буффало, а 450 мушкетов похищены из детройтской тюрьмы. Макензи и Рольф, который также бежал из Торонто, предложили взять на себя руководство «патриотической армией» молодому американцу Ван Ренселееру — выходцу из богатой семьи, имевшему некоторое военное образование.

Симпатии американцев в приграничных районах почти повсеместно были на стороне канадских повстанцев. Достаточно привести несколько писем, поступивших в те дни в адрес Макензи. Из Рочестера редактор газеты «Демократ» Д. Даусон писал: «Позвольте мне, как одному из сторонников действий, предпринятых вами и вашими соратниками против тирании, выразить вам свои симпатии. Я с огромным вниманием следил за ходом событий в Канаде. Я знаю, что она заслужила быть свободной, и верю, что, если она решилась добиться свободы, она ее добьет-

⁷¹ *Theller E. A. Op. cit.*, v. 1, p. 51.

⁷² *National Intelligencer*, 1837, Dec. 15.

⁷³ *Ibid.*

⁷⁴ *Public Archives of Ontario* (далее — PAO). Mackenzie — Lindsey Collection. Mackenzie's Papers.

ся... Я вижу, как солнце поднимается из утренних облаков над канадскими провинциями, и недалек тот день, когда оно засияет во всем своем великолепии. Несколько наших жителей просили меня написать вам и предложить приехать в наш город... Мы можем устроить митинг в субботу вечером»⁷⁵.

В письме некоего Ф. Хоуллетта из Батавии говорилось: «Вы меня не знаете, хотя я и не равнодушный наблюдатель славного дела гражданской и религиозной свободы в Канаде, которое вы так достойно представляете. Жители нашего местечка желают, чтобы вы приехали к нам. Поверьте, не праздное любопытство движет нами, а искреннее желание узнать подлинные факты о положении дел в Канаде. Наша искренность в отношении вашего приезда, без сомнения, может оказать пользу тому великому делу, которое столь близко вашему сердцу...»⁷⁶.

14 декабря в Буффало появилась листовка такого содержания: «Патриоты-добровольцы встречаются в 9 часов вечера перед зданием театра, готовые отправиться в поход по приказу Командующего». Утром 15 декабря группа канадских патриотов и присоединившихся к ним американцев во главе с Макензи и Ван Ренселеером заняла о-в Нейви-айленд, расположенный на канадской стороне р. Ниагары в нескольких милях выше знаменитого водопада⁷⁷. На этом небольшом острове повстанцы подняли флаг свободы.

Уже на следующее утро было отпечатано несколько сот экземпляров написанной Макензи прокламации «Жителям Верхней Канады»⁷⁸. Этот содержащий 2 тыс. слов пространный документ во многом был скопирован с американской Декларации независимости. Он начинался с осуждения колониального режима, «военных деспотов», «пришельцев из Европы», под игом которых страна влачит жалкое существование. «Мы устали от этого гнета и полны решимости свергнуть иго... Поднимайтесь, канадцы! Поднимайтесь все, как один, и славная цель наших желаний будет достигнута!»

«Штандарт свободы,— объявлялось в прокламации,— был поднят в Канаде ради достижения следующих целей:

вечный мир, основанный на правлении, гарантирующем равные права для всех, закрепленные в конституции, утвержденной народом на конвенте, созванном сразу же, как только позволят обстоятельства;

гражданская и религиозная свобода в полном объеме, при которой все законы обязательны для всех, независимо от каких-ли-

---

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Подробнее см.: *Cruikshank E. A. The Invasion of Navy Island in 1837—1838.*— *OHSPR*, 1937, v. 32, p. 7—84.

⁷⁸ Текст см.: *Lindsey C. Op. cit.*, v. 2, p. 363—369; *Guillet E. C. Op. cit.*, p. 256—259.

бо держаний, поместья, хартии, рождения или места проживания;

отмена наследственных титулов и званий, законов о майорате и первородстве, а также многочисленных привилегированных пенсий;

законодательная власть, состоящая из избираемых народом сената и ассамблеи;

исполнительная власть, состоящая из губернатора и других официальных лиц, избираемых народом;

судебная власть, избираемая губернатором и сенатом и состоящая из наиболее образованных и уважаемых лиц, пользующихся доверием граждан, отправление законов должно быть дешевым и быстрым;

свободный суд присяжных; шерифы избираются народом, а не занимают должности по прихоти тиранов, как сейчас; свобода печати...;

тайное голосование, свободные и мирные выборы на местах; народ во всех случаях избирает мировых судей, офицеров милиции, членов комиссариата;

свобода торговли — каждый человек может покупать товары на самом дешевом рынке и продавать на самом дорогом;

никто не может быть принужден вопреки собственному желанию нести военную службу;

достаточные средства, получаемые от использования богатых природных ресурсов страны, должны быть выделены для обеспечения образования каждого гражданина;

конечной целью управления экономикой должно быть процветание народа и избавление его от трудностей;

покончить навсегда с унижительными просьбами, мольбами и издевательствами, которые сопровождают наши связи с английским министерством по делам колоний на Даунинг-стрит в Лондоне;

открытие р. Св. Лаврентия для мировой торговли, чтобы самые крупные суда могли подниматься до оз. Верхнего, и распределение свободных земель ко благу трудолюбия, капитала и предприимчивости достойных людей всех национальностей».

Для достижения этих важных целей, говорилось в прокламации, патриоты, собравшиеся с оружием в руках на Нейви-айленд в Верхней Канаде, установили временное правительство во главе с Уильямом Макензи.

Как видно из обнародованного документа, конституционное устройство будущего независимого государства повстанцы представляли себе как республику американского типа. На автора оказали сильное влияние не только Декларация независимости, но и буржуазные конституции американских штатов, принятые в США в период президентства Джексона. Структура государственного управления была почти полностью скопирована с этих конституций. Документ ставил во главу угла не только интересы всего народа Канады, но и прежде всего интересы частных собствен-

ников: фермеров, торговцев, национальной буржуазии. Некоторые пункты были включены в прокламацию, видимо, с целью обеспечения поддержки дела канадских патриотов со стороны определенных слоев американского населения (свободное судоходство по р. Св. Лаврентия, наделение земель представителей всех национальностей и т. д.).

Нейви-айлендская прокламация имела по тому времени большое значение: впервые она цельно формулировала задачи антиколониальной революции и определяла курс на установление в Канаде буржуазно-демократического республиканского строя.

Вторая прокламация временного правительства обещала 300 акров канадской земли и 100 долл. серебром каждому, кто вступит в армию патриотов⁷⁹. Одновременно были отпечатаны бумажные деньги, оплату которых твердой валютой правительство гарантировало в Торонто к 1 мая 1838 г.

В США и Канаде стали широко распространяться листовки. Эмиссары временного правительства, посланные распространять их, единодушно сообщали, что население провинций готово взяться за оружие и поддержать патриотов на Нейви-айленд⁸⁰. К концу декабря число добровольцев на острове достигло 400—500 человек, а возможно — и более.

23 декабря один из шпионов сообщил английским властям: «Силы под командованием Ван Ренселеера увеличиваются с каждым часом. Ван Ренселеер нес военную службу в Мексике. Макензи почти ничего не смыслит в военном деле и ездит по окрестностям, организуя поставки. На острове возведены укрепления, а пушки размещены на позициях. В штате Нью-Йорк очень сильно возбуждение. Дело повстанцев с каждым днем приобретает все больше сторонников. Даже жены побуждали мужей отправиться к границе с Канадой. В городах штата народ солидаризуется с повстанцами. Две пушки были переправлены вчера на остров в добавление к уже имеющимся там. Сбор людей, денег и оружия идет во всех маленьких городах, и все это может быть направлено в Канаду, как только потребуется. В одном доме видели женщину, отливающую пули... Подлинное число людей на острове от 300 до 700, причем предпринимаются все меры, чтобы замаскировать их действия и скрыть численность»⁸¹.

О широкой поддержке канадских повстанцев со стороны населения США свидетельствовали многочисленные жертвования, которые поступали на Нейви-айленд от американских граждан. В качестве примера приведем письмо, отправленное 29 декабря 1837 г. из американского селения Питсфорда на имя Ван Ренселеера: «Жители нашей деревни, предполагая, что патриоты на Нейви-Айленд могут испытывать нужду в оружии и амуниции, собрали и направляют вам следующее: 8 шашек с португезами,

⁷⁹ *Lindsey C. Op. cit.*, v. 2, p. 131.

⁸⁰ *Ibid.*, p. 142.

⁸¹ Цит. по: *The Invasion of Navy Island in 1837—1838*, p. 29.

6 мушкетов с 4 штыками, 1 ружье... [неразборч.], 2 пистолета, 20 фунтов свинца, бочонок и 2 коробки пороха, 200 фунтов... [неразборч.], 17 одеял, 4 походных котла и 1 чайный котел. Все это может быть успешно и с пользой переправлено в Канаду из вашего лагеря. С самыми теплыми пожеланиями успеха и славы силам, находящимся под вашим командованием»⁸².

Аналогичные письма приходили на Нейви-айленд из очень многих мест, в частности из Буффало, Осуиго, Батавии и т. д.⁸³

Причины, по которым освободительная борьба в Канаде нашла поддержку американского населения, были самыми различными и далеко не однозначными. Несомненно, часть американцев искренне сочувствовала делу канадских патриотов, считая их борьбу против колониального гнета справедливой и заслуживающей поддержки. Однако среди американцев, в том числе и волонтеров на Нейви-айленд, были и такие, кого в первую очередь интересовали не принципы, а возможность приобрести канадскую землю и получение обещанного денежного вознаграждения. Американские города в то время были полны безработных, обездоленных людей, пострадавших в результате экономической депрессии 1837 г.⁸⁴ Американских торговцев, земельных дельцов, предпринимателей, среди которых имелись и искренние сторонники свержения английского колониального режима в Канаде, в значительной степени интересовала перспектива прибрать к своим рукам богатые природные ресурсы канадских провинций, плодородные земли, растущий рынок. Эти экспансионистские мотивы, прикрываемые благородной фразеологией, не были новы. Они зародились с образованием Соединенных Штатов, а в начале XIX в. послужили одной из причин англо-американской войны 1812—1814 гг.⁸⁵.

Свидетельством того, что американскую буржуазию интересовала перспектива использования освободительной борьбы в Канаде в своекорыстных целях, явилась двойственная и в конечном итоге губительная для дела канадских патриотов политика официальных властей США, которым в принципе были чужды подлинные чаяния и интересы населения канадских провинций. Формально правительство США специальными прокламациями президента М. Ван Бурена от 21 ноября 1837 г. и 5 января 1838 г. объявило о своем нейтралитете и невмешательстве в события в Канаде, осудило тех американцев, которые позволили себе вмешиваться в

⁸² Public Archives of Canada (далее — PAC). William Lyon Mackenzie Correspondence. 1818—1861. Microfilm N 127.

⁸³ PAO. Mackenzie — Lindsey Collection. Mackenzie's Papers.

⁸⁴ См.: Shortridge W. P. The Canadian-American Frontier During the Rebellion of 1837—1838. — CHR, 1926, v. 7, p. 18—26.

⁸⁵ См.: Болловитинов Н. Н. Происхождение и характер англо-американской войны 1812 года. — В кн.: От Аляски до Огненной земли. М., 1967, с. 142—154; Тишков В. А. Англо-американская война 1812—1814 гг. — В кн.: Основные проблемы истории США в американской историографии. Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1971, с. 155—179.

дела Великобритании, с которой США пребывали в мирных отношениях⁸⁶. Однако на деле, особенно со стороны местных властей пограничных штатов, позиция невмешательства на первых порах объективно была на пользу канадским патриотам, что вселяло в последних энтузиазм и радужные надежды.

Сложившаяся в тот момент ситуация довольно точно была описана очевидцем событий. 26 декабря один из проживавших в Олбани канадцев направил своему брату в Торонто письмо (попавшее в конечном итоге в руки губернатора Хеда и переправленное в Лондон) следующего содержания: «Ты не можешь себе представить то возбуждение, потрясающее возбуждение, которое царит в этой стране по отношению, как они называют, к канадской революции. Воинственные, как всегда, газеты не отражают подлинного состояния общественного мнения. Возбуждение более не ограничивается словами, а находит выход в действии, и все обстоятельства свидетельствуют, что в отношении канадских провинций будет применен план вторжения в Техас. До поражения радикалов, особенно в Верхней Канаде, голос прессы и, соответственно, ее читателей был умеренным, а сейчас рев возмущения и разочарования разносится по стране, маски сброшены, и все не скрывают своей симпатии к пережившим поражение патриотам, а также своей решимости поддержать их в предстоящей борьбе... Правительство заявляет, что оно не может предотвратить вторжение добровольцев в Канаду, но опасности войны с Англией нет, так как оно остается нейтральным. Правительство издало прокламации, призывающие своих граждан не вмешиваться в ссоры своих соседей. Сейчас эти прокламации уже не оказывают никакого воздействия, и все их считают просто игрой. Наказание за нарушение президентской воли, действительно, предусматривается серьезное, но атторнеи на местах, которые должны наказывать нарушителей, ведут себя абсолютно пассивно. Я глубоко убежден, что за кулисами всего этого стоит правительство: именно правительственные газеты наиболее усердствуют в поддержании симпатий среди народа к делу патриотов.

Прошлым вечером 70 вооруженных добровольцев под командованием бывшего капитана парохода Роуза отправились из Олбани на Нейви-айленд и рассчитывают приумножить свои ряды, прежде чем достигнут острова. Заметьте! Это происходит в столице штата, под самым носом у губернатора, деятельного и умного человека, окруженного не менее деятельными подчиненными. Один влиятельный местный джентльмен сообщил мне, что на следующий четверг был назначен митинг солидарности, но по его предложению (чтобы не нарушить слишком открыто приверженность нейтралитету) мероприятие назвали благотворительным собранием по сбору помощи канадским беженцам. Хорошо извест-

---

⁸⁶ A Compilation of Messages and Papers of the Presidents. 1789—1902. Comp. by J. D. Richardson. Washington, 1903, v. 3, p. 481, 485—487.

но, что в частном порядке идет сбор денег на содержание добровольцев. Некоторые люди жертвуют до 300 долларов... Низшие классы, включая ирландцев, во всех штатах выступают за патриотов, которые, как они говорят, беспощадно угнетаются англичанами... Сейчас такие времена, что тысячи людей без работы, предприятия остановлены и т. п. Все желают служить волонтерами... Возбуждение неожиданно усилилось в связи с возможным обсуждением в конгрессе таких опасных вопросов, как билли о Техасе и отмене рабства. Высшие классы начинают поговаривать, что в случае их принятия для сохранения союза необходимо будет присоединить канадские провинции...»⁸⁷.

Как показал дальнейший ход событий, политические соображения правящих кругов США и нежелание обострения отношений с Англией взяли верх в вопросе, как быть с канадскими патриотами. Предполагаемое молчаливое согласие и скрытая поддержка повстанцев в конечном счете обернулись открытым сотрудничеством с английскими колониальными властями по подавлению освободительного движения в Канаде.

Тем временем на Нейви-айленд события разворачивались следующим образом. В декабрьские холода повстанцы разместились в наскоро построенных шалахах. В самой крупной постройке расположилась штаб-квартира временного правительства, над которой был поднят голубой флаг с двумя звездами, обозначавшими союз двух канадских провинций. Условия на острове были тяжелыми. Патриоты испытывали нехватку продовольствия и оружия. Затруднена была связь с американским берегом. Только в конце декабря владельцы американского парохода «Кэролайн» взяли на себя доставку добровольцев и снабжение патриотов.

Патриоты готовили экспедицию в Верхнюю Канаду, рассчитывая на совместные действия с двумя другими частями повстанцев. Чарлз Данкомб, как полагали, действовал на северо-западе провинции. В Детройт с Нейви-айленд был направлен Томас Сазерленд, чтобы взять командование над патриотами в городе и его окрестностях и двинуться на соединение с Данкомбом и Ван Ренселеером. Поход объединенных сил на Торонто должен был завершить экспедицию по освобождению Верхней Канады⁸⁸. Однако осуществление этих планов затянулось. Силы Данкомба к тому времени были рассеяны правительственными войсками и лоялистской милицией. Власти провинции установили наблюдение за островом и наладили связь с американской пограничной службой. Губернатор Хед собрал милицию из верноподданнически настроенных канадцев и запросил военную помощь из Нижней Канады. В селении Чиппева, расположенном напротив острова,

---

⁸⁷ Цит. по: *The Invasion of Navy Island in 1837—1838*, p. 37—38.

⁸⁸ *Corey A. B. The Crisis of 1830—1842 in Canadian-American Relations*. New Haven, 1941, p. 35.

были размещены около 4 тыс. войск и установлена артиллерия⁸⁹. Силы повстанцев к началу января, по некоторым сведениям, достигли 1,5—2 тыс. человек⁹⁰.

30 декабря английские солдаты захватили и сожгли пароход «Кэролайн», нарушив связь патриотов с американским берегом. Со стороны американских властей также были предприняты решительные меры по пресечению действий повстанцев. Складывавшаяся для лагеря патриотов на Нейви-айленд безвыходная ситуация была зафиксирована в американской прессе: «Наши власти наконец взялись за дело. Вдоль всей пограничной линии скапливаются крупные военные силы, особенно в окрестностях Шлосера. Из Вашингтона получены приказы прекратить все военные поставки на остров и арестовывать всех, кто этим занимается. Сосредоточенных военных сил сейчас достаточно, чтобы поддержать действия гражданских властей, а нынешняя суровая зима скоро положит конец всему предприятию... Активные военные действия сейчас закончились, и я не вижу другой альтернативы для Ван Ренселеера и его людей, как вернуться на американский берег и сложить оружие...»⁹¹.

В лагере на Нейви-айленд, оказавшемся меж двух огней, начинается разброд, усугублявшийся ссорой между Макензи и Ван Ренселеером. Появились дезертиры, многие волонтеры болели. 13 января повстанцы начали эвакуацию острова, который 15 января был занят английскими войсками.

После эвакуации патриоты потеряли часть своих сторонников, которые разошлись по домам, опасаясь репрессий со стороны властей. Уильям Макензи отправился в поездку по северным штатам, продолжая агитацию за дело канадских повстанцев и намереваясь создать новую газету. Сопровождавший его Дэвид Гибсон писал 16 февраля 1838 г.: «Мы отправились в путь 17-го прошлого месяца и встретили мистера Уэллса, члена ассамблеи от Гренилла, который сообщил нам, что они могут собрать значительные силы на канадской стороне, но просят не созывать их, пока не будет более определенных шансов на успех дела... Днем Макензи выступил на большом митинге жителей Огденсберга, а вечером — снова в Кэнтоне на другом крупном собрании. Мы видели, что народ весьма сочувствует нашему делу...»⁹².

В этом же письме содержится ценная информация о состоянии освободительного движения в Нижней Канаде: «Мы отправились в Шатогуа (штат Нью-Йорк.— *В. Т.*) к мистеру Перрего, который вместе с пятью-шестью другими жителями Нижней Канады всеми силами старался собирать военное снаряжение, но был

⁸⁹ The Arthur Papers, v. 1, p. 29; The Invasion of Navy Island in 1837—1838, p. 53.

⁹⁰ The Invasion of Navy Island in 1837—1838, p. 67.

⁹¹ Цит. по: Ibid., p. 69.

⁹² Sumner E. G. Activities of Canadian Patriots in the Rochester District, 1837—1838.— OHSPR, 1944, v. 36, p. 28—32.

не в очень хорошем настроении относительно положения дел. Мы не смогли узнать ничего определенного, пока не прибыли в Платсберг, где встретились с доктором Нельсоном и другими людьми, которые отнеслись к нам очень сердечно и рассказали о многом. Они зачитали нам рукописный экземпляр их декларации, глубокий республиканский дух которой направлен против всех приобретений «Кэнада ленд компани» и сеньориальных прав, что затронет многих из тех, кто их имеет, как, например, Папино, Виже и др. Она направлена также против церковных податей в пользу римско-католического духовенства...

Их (повстанцев.— В. Т.) военное снаряжение сейчас составляет около 500 ружей, некоторое число пистолетов и сабель, которые были куплены или подарены, и они ожидают еще получить кое-что. У них есть также 6 или 7 пушек, 6 или 7 т снарядов, 200 фунтов пороха, что, конечно, недостаточно для подобного предприятия»⁹³.

Следует отметить, что поездка и встреча Макензи с руководителями повстанцев из Нижней Канады была лишь эпизодом в так и несостоявшемся союзе двух главных сил освободительной борьбы в Канаде.

Несмотря на неудачу нейви-айлендской экспедиции, патриоты сохраняли надежду на успех готовящегося вторжения в Канаду. 30 января 1838 г. Макензи писал из новой штаб-квартиры в Уотертауне: «Я думаю, что мы имеем людей и руководителя, которые осуществят план, обсуждаемый нами. Самой главной причиной отсрочки до этого была река, которая сейчас замерзла... Необходимые оружие, боеприпасы и часть провизии для экспедиции добыты и люди могут подняться по первому зову»⁹⁴.

Однако и на сей раз вторжение в Канаду не состоялось, и одной из причин этого стали нерешительность и разногласия лидеров. «Прошлой ночью,— писал Д. Гибсон из Уотертауна 23 февраля,— генерал Ван Ренселеер совершил марш к Хикори-айленд и оставался там до часу сегодняшнего дня, когда предполагалось отправиться к Кингстону. Но вместо похода на север они вернулись к Фрэнч-крик. Генерал чем-то так отравился, что не мог выполнять свои обязанности. Меня не было с ними, не было У. Л. Макензи, так как между ними произошла такая ссора, что друзья Макензи считали более благоразумным для него оставаться в стороне от активных действий, ибо Ван Ренселеер грозился застрелить его или выдать властям Канады...»⁹⁵. По словам Гибсона, Макензи и Ван Ренселеер в течение подготовки экспедиции постоянно ссорились и «полностью раскрыли планы своим противникам в Кингстоне, которые приготовились к встрече». Кроме того, как выяснилось, Ван Ренселеер не был болен,

⁹³ Sumner E. G. Activities of Canadian Patriots..., p. 30.

⁹⁴ Ibid., p. 31.

⁹⁵ Ibid.

а симулируя, намеренно дезорганизовал экспедицию⁹⁶. После этого молодой «генерал» предпочел вернуться домой и отошел от борьбы.

Отстраненным от руководства дальнейшей борьбой повстанцев оказался и Макензи. Некоторые лидеры движения считали его человеком слишком неуравновешенным и неспособным к руководству вооруженной борьбой. Обосновавшись с семьей в Рочестере, Макензи вновь поставил на службу революции свое перо. На занятые деньги он основал так называемую «Газету Макензи».

После неудачи на Нейви-айленд центр освободительного движения переместился в район Детройта. Здесь была создана Патриотическая армия Северо-Запада во главе с бывшим государственным чиновником из Вашингтона Генри Хэнди и «генералами» Уилсоном, Робертсом, Теллером. Организация была слабой, с оружием, одеждой и питанием дело обстояло плохо, к тому же в ряды патриотов проникли шпионы колониальных властей. К концу февраля в районе Детройта сосредоточилось около 600—800 вооруженных патриотов, которые были разбиты на несколько боевых групп, действовавших, как правило, несогласованно, на свой страх и риск.

Т. Сазерленд намеревался создать базу на американском острове Белого леса в 19 милях от Детройта, оттуда в качестве предварительного шага для наступления на Торонто атаковать и захватить канадский форт Мэлден. Но этот план провалился. Шхуна «Анна» под командованием аптекаря и виноторговца из Детройта Александра Теллера совершила рейд к канадскому берегу, однако вылазка прошла неудачно и шхуна была захвачена. Власти штата Мичиган арестовали Сазерленда и разоружили патриотов.

Характеристика положения в лагере патриотов в районе Детройта содержится в письме «генерала» Патриотической армии Д. Маклеода Ван Ренселеера: «Ваши соотечественники с Нейви-айленда сейчас со мной и ведут себя героически... С такими людьми дело патриотов победит и канадцы станут свободным и независимым народом. Патриотическая армия во время своего похода на запад, в соответствии с вашим приказом, вела себя с необычайным достоинством. Ни один отряд ... не получал от жителей страны, по которой он шел, столько похвал, как солдаты-добровольцы с Нейви-айленд от жителей Нью-Йорка, Пенсильвании и Огайо. История революции ... не знает ничего подобного, ибо ни одного нарушения законов или порядков местных общин ими не было допущено, по крайней мере не поступило ни единой жалобы... Моим намерением было перейти здесь к активным действиям, но недостаток оружия и боеприпасов не позволил это пока сделать. Я использовал все средства, чтобы получить их как можно быстрее, но пока безрезультатно... Я надеялся, что по прибытии сюда смогу совершить высадку на территорию Канады в районе города

⁹⁶ Ibid.

Детройта, но непредвиденные обстоятельства помешали это сделать. Поэтому я отойду дальше на запад и попытаюсь совершить ее в более подходящем месте с теми людьми, которые могут быть вооружены и экипированы. Людей, для которых оружие достать не удастся, я буду держать на этой стороне озера, пока они не смогут присоединиться ко мне... Если все пойдет хорошо, мое следующее послание вам будет из Канады...»⁹⁷.

24 февраля одна из групп в составе 150 человек под командованием Д. Маклеода предприняла попытку высадиться с судна «Эри» на канадском берегу, предварительно заняв о-в Файтинг. Силы Маклеода были почти полностью безоружны. Смельчаки оказались сразу же в безвыходном положении. Впереди на побережье находились английские солдаты, а в тылу появились американские части, посланные из Детройта, чтобы арестовать руководителей и разогнать экспедицию. Без сомнения, последний фактор сыграл роковую роль в судьбе экспедиции. Американский генерал Брэди раскрыл канадским властям планы патриотов, посоветовал им направить на о-в Файтинг войска, одновременно отрезав силы патриотов с тыла. Во избежание столкновений с англичанами и более организованной расправы над повстанцами Брэди отдал приказ отметить на льду красными флажками пограничную линию, разделив таким образом сферы действий по расправе с патриотами⁹⁸. 25 февраля английские войска начали высадку на остров, занятый повстанцами. Патриоты стойко и мужественно оборонялись. Под угрозой почти полного окружения они были вынуждены отсупить. На американской стороне регулярные части генерала Брэди разогнали остатки повстанческих сил.

Три дня спустя другая большая группа патриотов под командованием Сьюорда и Брэдли общей численностью около 450 человек заняла на оз. Эри в 18 милях от канадского берега о-в Пили. В течение нескольких дней там образовался лагерь повстанцев, насчитывавший свыше тысячи человек. 3 марта английские войска предприняли штурм острова. Патриоты были разбиты, потеряв убитыми и ранеными свыше 30 человек⁹⁹.

В конце февраля активизировали свои действия патриотические силы в восточной части границы, где сконцентрировались беженцы из Нижней Канады. И там события развивались не менее сложно и не менее трагически. Сразу же после поражения восстания в Нижней Канаде в приграничных городах штата Нью-Йорк руководители приступили к созданию патриотической армии. Правда, такие лидеры как Папино, взяли ориентацию на установление тесных контактов с правительством США, полагая, что без

---

⁹⁷ PAO, Mackenzie — Lindsey Collection. Mackenzie's Papers.

⁹⁸ Guillet E. C. Op. cit., p. 95.

⁹⁹ См.: Martin J. P. The Patriot Invasion of Pelee Island.— OH, 1964, v. 56, p. 153—165.

финансовой и военной поддержки американских властей вторжение в Канаду бесполезно. Другие деятели, прежде всего Роберт Нельсон, приступили к созданию освободительной армии и к подготовке провозглашения республики в Нижней Канаде, опираясь в основном на имеющиеся силы и поддержку местного американского населения¹⁰⁰. Нельсон и его сторонники обнародовали проект конституции Республики Нижняя Канада.

В течение февраля патриоты не предпринимали никаких активных действий, видимо, из-за недостатка оружия. 25 февраля из арсенала Елизабеттауна в штате Нью-Йорк была похищена тысяча мушкетов, и на следующий день Нельсон объявил сбор сил патриотов у границы. 28 февраля под командованием Нельсона и Кота повстанцы пересекли границу в районе деревни Элбург и вторглись на территорию Нижней Канады. Сразу же была провозглашена Независимая республика Нижняя Канада во главе с первым президентом и главой временного правительства Робертом Нельсоном. Патриоты распространяли среди населения Декларацию независимости народа Нижней Канады, в которой канадцы призывались поддержать новую республику и дело революции. Взамен правительство обещало защиту личности и собственности и демократические реформы. В этом важном документе, излагавшем цели и программу освободительного движения, говорилось:

«Отныне народ Нижней Канады освобождается от всякой зависимости от Великобритании и политическая связь между этой державой и Нижней Канадой уничтожается.

Республиканская форма правления является наиболее подходящей для Нижней Канады, и с сегодняшнего дня она объявляется республикой.

При свободном правительстве Нижней Канады все люди будут пользоваться одинаковыми правами: индейцы не будут больше подвергаться какой-либо гражданской дискриминации и получают те же права, что и все граждане Нижней Канады.

Всякий союз между церковью и государством настоящим объявляется расторгнутым, и каждый человек будет полностью свободен исповедовать ту религию или верование, какое диктуется ему его совестью.

Феодальное или сеньориальное держание земли настоящим отменяется полностью, как если бы такое держание никогда не существовало в Канаде.

Никогда более не станут выноситься смертные приговоры, кроме как по делу об убийстве.

Печать будет пользоваться свободой и независимостью при освещении всех общественных вопросов и дел.

Народу Нижней Канады гарантируется суд присяжных в его наиболее широком и демократическом понимании.

¹⁰⁰ The Report of the State Trials... Montreal, 1839, v. 2, p. 548—549.

Всеобщее государственное образование является необходимостью, и правительство должно обеспечить его народу, поэтому соответствующий закон будет принят, как только позволит обстановка в стране.

Чтобы обеспечить право участия в выборах, все выборы станут проводиться путем тайного голосования.

Во всех общественных делах будут употребляться как французский, так и английский языки»¹⁰¹.

И канадские, и американские власти были хорошо осведомлены о действиях патриотов. К району высадки были подтянуты королевские войска и отряды милиции. С тыла силы Нельсона были блокированы американским генералом Вулом. Встретившись с превосходящими силами противника, Нельсон не решился вступить в бой и отступил в Вермонт. 1 марта его отряд в 600 человек вместе с оружием вынужден был сдаться американским войскам.

Это была последняя крупная попытка канадских патриотов одержать победу над колониальными властями путем вторжения через американо-канадскую границу. Все эти попытки потерпели поражение. Причиной тому были обескураживающая разобщенность и несогласованность действий патриотов, нерешительность и неумелое руководство со стороны лидеров повстанцев, а главное — предательская позиция американских властей, вынудившая патриотов действовать фактически на два фронта.

Неудачи заставили патриотов искать новые формы борьбы. Не прошло и двух-трех месяцев, как освободительное движение снова набрало силу.

ТАЙНЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОБЩЕСТВА НА АМЕРИКАНО-КАНАДСКОЙ ГРАНИЦЕ

Весной 1838 г. борьба за освобождение канадских провинций от колониальной зависимости приобрела новый аспект. Вместо разрозненных, плохо подготовленных вторжений на территорию Канады патриоты перешли к организации тайных революционных обществ с целью объединить силы и ресурсы противников колониального режима. Одной из первых в марте 1838 г. в Локпорте (штат Нью-Йорк) возникла организация патриотов под названием Ассоциация помощи канадским беженцам. Эта ассоциация ставила своей целью не только оказание помощи бежавшим в США патриотам, но и содействие их борьбе против колониального правительства¹⁰². Президентом организации был избран житель Верхней Канады из Гамильтона Александр Макензи. Одним из основных организаторов общества явился «генерал» патриотов Дональд Маклеод.

¹⁰¹ Воспроизведение этого документа см. на переднем форзаце книги.

¹⁰² *Lindsey C. Op. cit.*, v. 2, p. 136—137; *Corey A. B. Op. cit.*, p. 70.

Первым шагом организации стало сожжение английского парохода «Роберт Пиль» в мае 1838 г., после чего власти американского штата Нью-Йорк и лейтенант-губернатор Верхней Канады Дж. Артур объявили о денежных вознаграждениях за поимку инициаторов и руководителей этой операции. Расчет патриотов на то, чтобы отдельными акциями на границе обострить отношения и вызвать конфликт между США и Великобританией, не оправдался. Еще меньше было шансов подобными действиями поднять канадцев на новое массовое выступление. Особенно отчетливо гибельность тактики отдельных мелких вторжений на территорию Канады проявилась в июне 1838 г., когда группа в несколько десятков человек высадилась у местечка Чиппева и в течение нескольких дней пыталась собрать поселенцев округа Ниагара для вооруженной борьбы против колониальных властей. В конечном итоге около сотни патриотов в деревне Шорт-Хиллс не выдержали боя с регулярными частями. Отряд был рассеян, а почти все его руководители попали в плен и их уделом стали эшафот или каторга¹⁰³.

В июне 1838 г. в Мичигане было создано другое тайное общество — «Сыны свободы», отделения которого возникли по всему южному берегу оз. Эри и в западной части Верхней Канады. Руководителем организации был Генри Хэнди. Все члены общества приносили ему присягу и клялись в «бесконечной преданности сынам свободы, посвятившим себя делу патриотов и независимости Канады»¹⁰⁴.

Хэнди составил обширный план революции в Канаде, предусматривавший создание канадской 20-тысячной революционной армии в составе 200 рот по 100 человек каждая. Призвать к действию эти силы вменялось в обязанность 100 специальным агентам общества. Военные действия должны были начаться с захвата города Уинсора и местного арсенала. Захватив Уинсор, патриоты рассчитывали разослать курьеров по стране с известием об успешном начале восстания и поднять канадцев на всеобщее выступление. Хэнди удалось послать доверенных лиц в различные районы Канады для создания отделений тайной организации на местах и вербовки членов в освободительную армию. С территорией Канады была налажена довольно быстрая связь через постоянные патрули, расположенные каждые 10 миль. 25 июня на собрании в Детройте была создана группа в 30—40 человек для захвата арсенала, но эта операция провалилась, и основные силы Хэнди остались без оружия. Попытка руководителей «Сынов свободы» получить помощь от тайной организации в районе Кливленда также оказалась безуспешной. Так прекрасный план был похоронен почти в самом начале его осуществления. Сама орга-

¹⁰³ Подробнее см.: *Cruikshank E. The Insurrection in the Short Hills in 1838.*— OHSR, 1907, v. 8, p. 5—23.

¹⁰⁴ Текст см.: *Lindsey C. Op. cit., v. 2, p. 192—193.*

низация «Сынов свободы» позднее слилась с охотничьими ложами¹⁰⁵.

Ложы охотников были самой массовой и влиятельной организацией канадских патриотов и американских граждан, которая позднее объединила все другие тайные общества, действовавшие как в США, так и в Канаде. Название «хантеры» источники и историки трактуют двояко: одни полагают, что оно происходит от имени первого организатора лож, активного участника восстания в Верхней Канаде, Джеймса Хантера, по другим сведениям, название произошло от обычая патриотов оправдывать свои действия тем, что они якобы направляются на «большую охоту» («хантинг» по-англ. — *B. T.*) в северные леса¹⁰⁶. Вторая версия представляется более правдоподобной, так как еще в мае 1838 г. в северной части штата Вермонт Роберт Нельсон и его сторонники образовали тайное общество «братьев-охотников» (*Frères Chasseurs*), приступившее к активным действиям в июле 1838 г.¹⁰⁷

Охотничьи ложы возникли как тайные организации с детальной разработкой системы посвящения в членство, знаков, кодов, которые со временем по мере роста организации изменялись и усложнялись. Рассказ об одном из первых собраний братьев-охотников мы находим в показаниях свидетеля на судебном процессе в Монреале над участниками вооруженного восстания в ноябре 1838 г. Это собрание проходило в комнате гостиницы в Сент-Элбансе (штат Вермонт) в присутствии Нельсона, Кота, Лоримье и других известных патриотов Нижней Канады. Кандидат в новые члены общества был поставлен на колени с повязкой на глазах и произнес клятву, обещая соблюдать секретные знаки и пароли, сохранять тайны общества, оказывать любую помощь каждому члену общества и т. д. В клятве содержалось требование бороться за победу республиканских институтов и идей во всем мире и «никогда не успокаиваться, пока английские тираны будут продолжать господствовать хотя бы в одном районе Северной Америки»¹⁰⁸.

Летом 1838 г. охотничьи ложы стали быстро создаваться по обе стороны американо-канадской границы. Ложы возникли не только в штатах Новой Англии, но и в Монреале, Квебеке, Труа-Ривьере и в других местах Нижней Канады. Создавали их многочисленные «организаторы», путешествовавшие по округам в надежде достать оружие и боеприпасы¹⁰⁹. К концу лета в север-

¹⁰⁵ *Corey A. B.* Op. cit., p. 74—75; *Kinchen O. A.* The Rise and Fall of the Patriot Hunters. New York, 1956, p. 35—36.

¹⁰⁶ *Read D. B.* Op. cit., p. 52; *Guillet E. C.* Op. cit., p. 132; *Kinchen O. A.* Op. cit., p. 31.

¹⁰⁷ *Filteau G.* Histoire des Patriotes. Montréal, 1941, t. 3, p. 145—147; *Caron I.* Une Société Secrète dans le Bas-Canada en 1838; L'Association des Frères Chasseur. — TRSC, Section 1, 1926, p. 17—34.

¹⁰⁸ The Report of the State Trials, v. 2, p. 548—549, 554—555.

¹⁰⁹ *Kinchen O. A.* Op. cit., p. 33.

ных штатах США трудно было найти населенный пункт, где бы не действовали тайные общества охотников. Общая численность организации, по различным источникам, колебалась от 40 до 200 тыс. человек¹¹⁰. Однако наиболее достоверной является, видимо, цифра 100 тыс. человек.

Позднее в английской прессе приводились данные из американских газет о количестве тайных лож в США и Канаде: в штатах Мэн — 99, Вермонте — 107, Нью-Йорке — 283, Мичигане — 54, Нью-Гэмпшире — 78, Висконсине — 7, Иллинойсе — 21, Индиане — 14, Огайо — 86, Пенсильвании — 49, Кентукки — 11, Вирджинии — 24, Мэриленде — 16, Делавэре — 2, Нью-Джерси — 17, Миссури — 39, Айове — 2, Луизиане — 11, Верхней Канаде — 81. В Нижней Канаде почти все население было организовано в ложы¹¹¹. Одна из газет того времени сообщала: «Рабочие оставляли свою работу, подмастерья своих хозяев, механики свои мастерские, торговцы свои лавки, магистраты свои служебные обязанности, мужья свои семьи, дети своих родителей, верующие своих духовных наставников, чтобы принимать участие в собраниях охотников»¹¹².

Все охотничьи ложы делились на четыре разряда, каждый из которых имел свои особые клятвы, пароли и сферу деятельности. Верхние, или гранд-ложы, члены которых назывались «патриоты-охотники», возглавлялись центральными комитетами и представляли собой руководящие центры в том или ином районе. Такие гранд-ложы существовали в Детройте, Кливленде, Буффало, Рочестере, Сент-Элбансе, Монреале и, по некоторым сведениям, в Верхней Канаде¹¹³. Гранд-ложы подчинялись двум основным руководящим центрам: республиканскому правительству Верхней Канады в Кливленде и правительству Республики Нижняя Канада.

Гранд-ложы в свою очередь осуществляли руководство деятельностью лож нижних разрядов, которые должны были составлять отчеты и оказывать финансовую помощь центральным комитетам гранд-лож. Собираемые в ложах средства шли на создание Патриотической армии и оплату различных организационных расходов. В западной части американо-канадской границы финансы охотничьих лож сосредоточивались в специально созданном Республиканском банке в Буффало¹¹⁴.

Члены трех остальных разрядов лож назывались: «большие охотники», «бобры» и «снегоступы». Во главе каждой ложы стоял «мастер», в обязанности которого входили прежде всего подготовка и проведение собраний членов общества. Другим важным

¹¹⁰ Ibid., p. 37; *Corey A. B. Op. cit.*, p. 75.

¹¹¹ *London Morning Chronicle*, 1841, 15 Nov.

¹¹² Цит по: *Corey A. B. Op. cit.*, p. 76.

¹¹³ *Lindsey C. Op. cit.*, v. 2, p. 199—200; *Kinchen O. A. Op. cit.*, p. 50.

¹¹⁴ *Lindsey C. Op. cit.*, v. 2, p. 226.

лицом в ложе являлся секретарь, который вел переписку секретным шифром ¹¹⁵.

Собрания охотников проводились тайно, по ночам в укромных местах, причем, если они проводились ложей четвертой ступени, могли присутствовать члены лож всех ступеней, если же собирались, например, «бобры», присутствие «снегоступов» запрещалось. На своих собраниях хантеры обсуждали всевозможные вопросы: набор волонтеров в армию патриотов, сбор оружия, денег и различной амуниции, критиковали колониальное правление в Канаде, призывали к установлению там демократических институтов и республики ¹¹⁶.

Важное место в деятельности лож отводилось приему и посвящению новых членов. Клятва, которую давали вступающие в ложу первой ступени, звучала так: «Перед лицом всевышнего и этой ступени ложы охотников я торжественно клянусь, что не буду разглашать секреты этой ступени или какие-либо другие известные мне тайны тем, кто не имеет законного права на обладание ими... Я клянусь, что буду оказывать помощь делу свободы, равенства и братства, даже если это может нанести ущерб мне самому и моей семье...». Затем принявшему присягу сообщали пароль и опознавательные знаки членов ложы первой ступени. Основным знаком было скрестить руки на груди (левая поверх правой), затем опустить их по швам. Другим знаком было сжатие конца рукава у пожимающего руку. Также можно было задать вопрос: «Вы — охотник?». Ответ должен быть в случае, если это происходит в понедельник: «Да, во вторник» ¹¹⁷.

Аналогичный ритуал присяги и паролей был разработан и для членов лож остальных трех ступеней. Существовала целая система всевозможных ловушек для шпионов и для тех, кто не был принят в члены ложы, но пытался в нее пробраться. Известны случаи, когда хантеры карали смертной казнью предателей. Все же среди членов этих тайных обществ имелось много шпионов, извещавших американские и канадские власти об их деятельности ¹¹⁸.

К осени складывается централизованная организация, объединяющая большинство лож западной приграничной зоны и Верхней Канады. 16—22 сентября 1838 г. в Кливленде состоялся конгресс 160 делегатов от лож этого района, на котором была согласована программа действий и основное внимание обращено на создание временного республиканского правительства для Верхней Канады ¹¹⁹. Руководящую роль в работе конгресса играли Чарльз Данкомб и Дональд Маклеод.

¹¹⁵ Report of the State Trials, v. 2, p. 554.

¹¹⁶ The Arthur Papers, v. 2, p. 348; *Kinchen O. A. Op. cit.*, p. 52—54.

¹¹⁷ *Filteau G. Op. cit.*, v. 2, p. 150; *Kinchen O. A. Op. cit.*, p. 56—58; *Preston J. R. Op. cit.*, v. 1, p. 159—163.

¹¹⁸ *Kinchen O. A. Op. cit.*, p. 58; *Preston J. R. Op. cit.*, v. 1, p. 165.

¹¹⁹ *Lindsey C. Op. cit.*, v. 2, p. 250; *Corey A. B. Op. cit.*, p. 77.

Конгресс сформировал временное правительство Республики Верхняя Канада. Президентом республики был избран Смит (беженец из Верхней Канады, ставший мировым судьей в Кливленде), вице-президентом — полковник огайской милиции Натан Уильямс, министром финансов — сборщик налогов из Осуиго Грант, военным министром — Маклеод, главнокомандующим «армией патриотов Запада» был назначен некто Люциас Бирс, служивший одно время бригадным генералом огайской милиции.

Один из руководителей хантеров, Данкомб, разработал, а конгресс одобрил проект учреждения республиканского банка для финансирования нужд нового государства. Проект этот отражал республиканско-демократические устремления части лидеров движения, в частности самого Ч. Данкомба. В обращении конгресса «Ко всем ложам по вопросу об Объединенной акционерной банковской компании» говорилось, что «все институты страны должны служить на благо народа и в республике не будет земельной аристократии, привилегированной церкви, банковской монополии, союза денежной аристократии с исполнительными властями»¹²⁰.

Республиканский банк должен был установить монополию на выпуск бумажных денег, а сам находиться под народным контролем, осуществляемым через делегатов по выборам директоров банка. По мысли автора проекта, банк и его прибыли должны были стать в равной степени собственностью каждого гражданина республики. Проект предусматривал учреждение акционерного капитала в размере 7,5 млн. долл., воплощенных в 150 тыс. акций стоимостью по 50 долл. каждая. Но в будущем этот капитал должен был возрастать, чтобы «каждый человек на континенте мог быть держателем хотя бы одной акции». Позднее предполагалось, что каждому человеку не будет разрешено иметь больше одной акции. Главной целью банка провозглашалось служение делу «свободы, равенства и братства».

По некоторым сведениям, патриоты даже начали распространять эти акции¹²¹. Однако собранный капитал был все же незначительным¹²², хотя некоторые историки полагают, что логи располагали крупными суммами денег, пожалованных богатыми бизнесменами американских пограничных городов¹²³.

Особенно сильный рост численности и влияния лож хантеров отмечался осенью 1838 г. По сообщениям американских должностных лиц, «план операции по свержению английского правления в Верхней Канаде и провозглашению ее независимости готовится к претворению в жизнь вдоль американской границы от р. Св. Лаврентия до Сен-Клэра, и нет ни одного города или деревни вдоль границы по Великим озерам, где бы не действовали ассоциации... Многие люди из числа среднего класса, в том числе бизнесменов,

¹²⁰ *Lindsey C. Op. cit.*, v. 2, p. 202.

¹²¹ *The Arthur Papers*, v. 2, p. 312.

¹²² *Lindsey C. Op. cit.*, v. 2, p. 202.

¹²³ *Kinchen O. A. Op. cit.*, p. 38.

промышленников и владельцев собственности, всецело отдаются этому делу»¹²⁴.

В приложениях к работе О. Кинчена об охотничьих ложах опубликован интересный документ — показания одного из свидетелей на судебном процессе над членами охотничьих лож в 1838 г. в Монреале. Из этих показаний следовало, что ложи охотников поддерживали очень влиятельные люди в Соединенных Штатах: активными членами общества были губернаторы штатов Эдвард Кент (Мэн), Уильям Мэрс (Нью-Йорк), Стефен Мэйсон (Мичиган), сенатор от штата Кентукки Генри Клей. Сообщалось также, что один из индейских вождей, Джон Грант, обещал привести 600 индейцев для службы в Патриотической армии¹²⁵. В начале ноября 1838 г. ложа охотников возникла в столице США Вашингтоне, причем большинство ее членов составили служащие правительственных учреждений¹²⁶.

Канадские власти не на шутку были встревожены ростом числа и действиями лож охотников. 3 ноября 1838 г. английский посол в Вашингтоне Фокс послал донесение в Канаду (материалы ему были предоставлены по распоряжению президента Ван Бурена) с описанием организации хантеров, действующей «вдоль всей канадской границы от Мэна и Вермонта до Мичигана» и ставящей перед собой цель «вторгнуться и захватить Верхнюю и Нижнюю Канаду, свергнуть установленное там правление и освободить провинции от власти британской короны»¹²⁷.

Губернатор Верхней Канады Артур, первоначально полагавший, что ложи состоят только из одних американцев, в ноябре в письме к Колборну признал, что вся западная часть его провинции «полна предателей», большое число которых находится в Торонто, и они уже с июля организованы в ложи охотников¹²⁸. Из Нижней Канады Колборн также извещал Артура, что не менее 3 тыс. хантеров действуют в окрестностях Квебека, в Монреале и в долине р. Ришельё и только «ожидают подходящего момента, чтобы поднять бунт в провинции»¹²⁹.

В течение семи месяцев, т. е. к концу ноября, ложи охотников превратились в мощную массовую и очень влиятельную организацию, ставящую целью свержение британского господства в Канаде. В эту организацию входили американские граждане различного социального положения, канадские эмигранты и жители колонии. Добровольцы в армию патриотов вербовались не только из канадских беженцев, но и из числа американских граждан, причем последние, возможно, составляли большинство. В основном это были молодые люди, жаждущие приключений и вериг-

¹²⁴ Цит по: *Ibid.*, p. 125—126.

¹²⁵ *Kinchen O. A. Op. cit.*, App.

¹²⁶ *Theller E. A. Op. cit.*, v. 2, p. 264—265.

¹²⁷ Цит. по: *Kinchen O. A. Op. cit.*, p. 135—137.

¹²⁸ *The Arthur Papers*, v. 2, p. 385—386.

¹²⁹ *Ibid.*, p. 401.

шие в правоту освободительной борьбы, а также безработные и разорившиеся фермеры, которых в 1838—1839 гг. в северных штатах из-за сильного экономического кризиса было больше чем достаточно. Многих американцев привлекали обещанные жалованье (10 долл. в месяц и 80 долл. после высадки на канадский берег), а также 160 акров бесплатной земли в Верхней Канаде после изгнания англичан¹³⁰. Абитанам Нижней Канады, вступившим в Патриотическую армию или поддерживавшим революционное движение иным путем, была обещана отмена феодальной зависимости и фригольд на землю, которую они до этого обрабатывали в пользу своего сеньора¹³¹.

Подготовка к новому восстанию велась по обе стороны границы еще с лета 1838 г. Особенно интенсивно ложи хантеров действовали в Нижней Канаде, где их агенты путешествовали из округа в округ, обещая оружие и поддержку из США. Как сообщал губернатор Артур, «канадские охотники были заняты поисками всевозможного оружия, мастерили деревянные пущки и пики, плавил пули в большом количестве и прятали свое военное снаряжение в специальных тайниках. Руководители канадских лож поддерживали постоянную связь со своими союзниками на американской стороне, их тайные посланцы по ночам многократно пересекали границу туда и обратно.

Нижнеканадские хантеры получили заверения от своих собратьев в Соединенных Штатах, что, как только они соберутся в назначенных местах в ночь накануне восстания, в каждом месте сбора к ним присоединятся многочисленные группы их товарищей с американской стороны с большим количеством оружия»¹³².

К началу ноября в северных штатах США ложам охотников удалось создать две армии для экспедиции в Канаду. Одна из них, под командованием Бирса, предназначалась для вторжения и освобождения Верхней Канады, другая, под командованием Роберта Нельсона, — для вторжения в Нижнюю Канаду. Датой начала совместных действий по освобождению Канады на конвенте патриотов в Кливленде было определено 1 ноября 1838 г. Ко времени назначенного выступления в Нижней Канаде была распространена новая прокламация Роберта Нельсона, провозглашавшая выход Нижней Канады из-под власти Великобритании и содержащая призыв к абитанам подняться в поддержку новой республики, которая должна быть объявлена на месте бывшей колонии.

Вторжение армии Нельсона началось с некоторой задержкой. 1 ноября независимо от Нельсона большой отряд хантеров под командованием Брайента двинулся на Канаду и обосновал лагерь на восточном берегу оз. Шамплейн. Сам Нельсон с отрядом высадился 3 ноября на канадском берегу и 4 ноября прибыл в ос-

¹³⁰ *Corey A. B. Op. cit.*, p. 78; *Kinchen O. A. Op. cit.*, p. 63.

¹³¹ *Kinchen O. A. Op. cit.*, p. 64.

¹³² *The Arthur Papers*, v. 2, p. 3.

новный пункт сбора патриотов Напьервилл. К этому времени большие группы франкоканадцев сосредоточились в намеченных сборных пунктах — в Напьервилле, Шатогуэе, Боарнуа, Тербонне, Сен-Клементе и других местах. Кое-где в ожидании основных сил и оружия из-за границы патриоты приступили к активным действиям, как, например, в Боарнуа, где 400 человек совершили нападение на резиденцию лендлорда, а также арестовали наиболее видных лоялистов¹³³. В Сен-Дени и Сен-Шарле от патриотов едва успели скрыться четверо магистратов. В ряде мест, особенно в приграничных селениях, франкоканадцы разоружали жителей английского происхождения, настроенных, как правило, лоялистски. Начались волнения в окрестностях Монреаля¹³⁴.

Однако уже в самой начальной стадии действия патриотов были разрозненными и нерешительными. Это позволило канадским властям выиграть драгоценное время. Было введено военное положение, в городе арестовывали всех подозреваемых, создавались отряды добровольцев, численность которых уже достигла 2 тыс. человек. В Квебек был срочно отправлен корабль за отрядами английских гвардейцев-гренадеров. Войскам был отдан приказ приготовиться к нанесению решительного удара патриотам¹³⁵. Тем временем в лагере патриотов начался разброд; кое-где повстанцы, не дождавшись обещанной помощи из США, разошлись по домам¹³⁶.

По прибытии в Напьервилл Нельсон собрал несколько сот находившихся там патриотов на митинг, где вновь обнародовал прокламацию о независимости Канады, а сам был опять, но теперь уже на канадской земле, провозглашен президентом Республики Нижняя Канада. Командующим силами патриотов был назначен Хиндерланг — французский офицер, проживавший до восстания в Соединенных Штатах. В течение нескольких дней численность повстанцев в лагере в Напьервилле выросла до 3 тыс. человек, а по некоторым сведениям — до 4—5 тыс.¹³⁷

В лагере в Напьервилле почти совсем не было оружия. Шхуна с оружием под командованием Брайента, которая должна была присоединиться к Нельсону, была захвачена пограничными войсками США, а участники экспедиции арестованы. Одновременно на американском пароходе было перевезено в западную часть оз. Шамплейн крупное подразделение английских колониальных войск, и, таким образом, патриотические силы оказались отрезанными от американской стороны¹³⁸.

¹³³ Nile's Weekly Register, 1838, Nov. 17; *Kinchen O. A. Op. cit.*, p. 67; *Grey C. Op. cit.*, p. 154.

¹³⁴ *Grey C. Crisis in the Canadas. 1838—1839. London, 1965*, p. 154.

¹³⁵ *Ibid.*, p. 145, 155; Nile's Weekly Register, 1838, Nov. 17.

¹³⁶ *Kinchen O. A. Op. cit.*, p. 67.

¹³⁷ *Grey C. Op. cit.*, p. 158; *Kinchen O. A. Op. cit.*, p. 67; *Райерсон С. Б. Указ. соч.*, p. 65.

¹³⁸ *Theller E. A. Op. cit.*, v. 2, p. 270; *Filteau G. Op. cit.*, v. 3, p. 165—166; *Kinchen O. A. Op. cit.*, p. 67—68.

ПОВСТАНЦЫ НИЖНЕЙ КАНАДЫ ОСЕНЬЮ 1838 Г.

Отряд патриотов-охотников под командованием доктора Кота попытался соединиться с находившимися на канадской стороне силами повстанцев, но был разбит английскими войсками. Повстанцы потеряли 50 человек ранеными и убитыми, остатки отряда вынуждены были отступить на территорию США. Не получили нужной поддержки патриоты и со стороны населения северной части провинции. Ч. Грей, служивший в колониальных войсках

в Канаде в то время, писал: «К счастью, восстание опять, кажется, началось преждевременно. Север провинции, где положение до этого было очень тревожным, остается спокойным, что позволило Джону Колборну все свое внимание сосредоточить на восстании в южной части провинции».

В район Напьервилля были направлены регулярные войска и отряды милиции. В этой безвыходной ситуации Нельсон решил перевести свою штаб-квартиру из Напьервилля ближе к американо-канадской границе, но его отряд в стычке с подразделениями канадской милиции и регулярными войсками потерпел 10 ноября поражение. Патриоты потеряли около 100 человек ранеными, убитыми и взятыми в плен. Остатки сил Нельсона разошлись по домам ¹³⁹.

Итак, первая экспедиция патриотов-охотников, призванная положить начало всеобщему восстанию в канадских провинциях, закончилась поражением. Главной причиной этой крупной неудачи стали объединенные действия американских и канадских властей против патриотов. Именно в результате блокады границы американскими войсками повстанцы оказались без оружия, подкреплений, что не позволило им объединить свои силы. Есть еще одна причина. «Примечательно,— писал полковник Грей,— что ни один из районов, охваченных восстанием в прошлом году, не был на сей раз вовлечен в борьбу. В Сен-Шарле народ сделал попытку собраться, но разошелся, так ничего и не предприняв, а к северу от Монреаля царил абсолютное спокойствие» ¹⁴⁰.

В районе восстания королевские солдаты и милиционеры учили расправу над населением и захваченными в плен патриотами. Были разграблены и сожжены сотни домов и ферм поселенцев ¹⁴¹. В зимнюю стужу женщины и дети остались без крова. Войска находились в районе восстания почти весь ноябрь, вылавливая, разоружая и арестовывая повстанцев. Грей сообщает, что его полк вместе с отрядами милиции арестовывал в округах всех тех, кто был наиболее активным во время восстания. Остальных заставляли приносить присягу на верность английской короне. В письме отцу в Лондон от 25 ноября 1838 г., отзываясь презрительно о местном населении, Грей не мог, однако, скрыть своего восхищения тем, что в течение столь длительного времени патриотам удалось готовить восстание в полной тайне от властей и их надежной агентуры — священников ¹⁴².

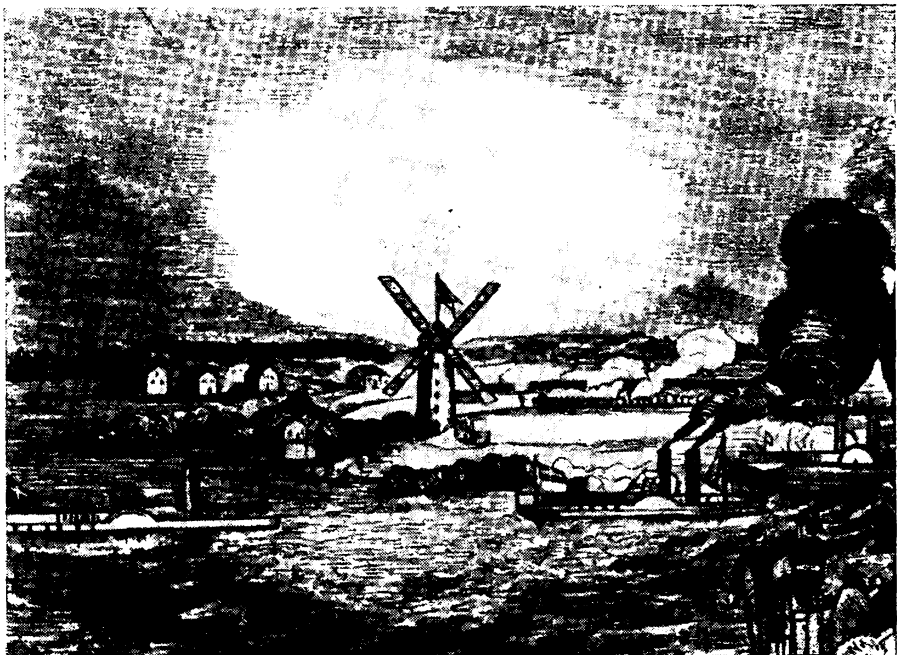
Почти одновременно с Нельсоном начали свои действия патриоты в западной части приграничной зоны. Без ведома главнокомандующего, находившегося в Кливленде, в самом начале ноября в северной части штата Нью-Йорк начал самостоятельно готовить экспедицию в Верхнюю Канаду еще один «генерал» патри-

¹³⁹ *Kinchen O. A. Op. cit.*, p. 69.

¹⁴⁰ *Grey C. Op. cit.*, p. 147.

¹⁴¹ *Ibid.*, p. 148, 151, 161.

¹⁴² *Ibid.*, p. 164.

БОЙ У ВЕТРЯНОЙ МЕЛЬНИЦЫ, НОЯБРЬ 1838 Г.

отов — Джон Бирдж. Он выступал на собраниях тайных лож и убеждал их членов в том, что в настоящее время подавляющее большинство населения Верхней Канады жаждет присоединиться к освободительным силам. Около 20 крупных лож выделили средства на снабжение Освободительной армии и организовали сбор оружия.

Ближайшим помощником Бирджа был Нилс Жолтевский (фон Шульц) — бывший польский офицер, высокообразованный человек, принимавший активное участие в польском восстании 1830 г. Позднее он временно служил во французском иностранном легионе, преподавал музыку в Италии, в 1836 г. переехал в США, где стал активным участником движения охотничьих лож. Фон Шульц глубоко симпатизировал освободительной борьбе канадцев, считая их такими же угнетенными, как и его соотечественники ¹⁴³.

В течение нескольких дней Бирджу и фон Шульцу удалось собрать довольно значительные силы, готовые отправиться в Верхнюю Канаду. В большинстве своем это были молодые безработ-

¹⁴³ *McLeod D. A Brief Review of the Settlement of Upper Canada... Cleveland, 1841, p. 54—55.*

ные американцы. Сохранился список 140 человек из 153 захваченных позднее в плен участников экспедиции фон Шульца. Из этого документа видно, что практически все участники не имели постоянной работы. Это были люди самых разных профессий и рода занятий, но самую большую группу (65 человек) составляли наемные рабочие. Около 100 человек были в возрасте до 30 лет¹⁴⁴. Руководители обещали участникам экспедиции ежемесячно платить 8 долл., 80 долл. — за каждую успешную операцию и 160 акров бесплатной земли в освобожденной провинции¹⁴⁵.

Перед самым началом экспедиции среди руководителей возникли разногласия. Фон Шульц предлагал двинуть все силы на канадский город Прескотт и, овладев им, создать опорную базу для всеобщего восстания. Бирдж противился этому, и четкий план операции так и не был выработан. 11 ноября три шхуны с патриотами отплыли в сторону канадского берега, но одна из них села на мель, другая ушла в американский город Огденсберг, и только шхуна с отрядом Шульца в 150—200 человек высадилась утром 12 ноября у ветряной мельницы недалеко от Прескотта. К концу дня сюда прибыло еще около 100 человек. Однако дальнейшая переправа людей и снаряжения была прервана американскими войсками, которые прибыли в район высадки и захватили суда патриотов. На канадском берегу отряд Шульца был окружен регулярными войсками и подразделениями милиции. Река Ниагара контролировалась американскими и английскими военными судами. Попытка местных канадских патриотов-охотников присоединиться к отряду закончилась безуспешно¹⁴⁶.

14 ноября правительственные силы начали наступление, но многочисленные атаки в течение всего дня не принесли им успеха. Патриоты мужественно оборонялись, заняв позиции в здании ветряной мельницы и вокруг нее. Английские войска понесли довольно крупные потери и были вынуждены подвести к мельнице тяжелые пушки. 16 ноября позиции патриотов были подвергнуты жестокому артиллерийскому обстрелу. Против 5 тыс. войск сражалось менее 200 патриотов. К вечеру они были вынуждены сдаться. Свыше 150 патриотов были захвачены в плен, связаны одной веревкой и отправлены в Кингстон.

На суде в Кингстоне Шульц заявил, что сражался за свободу канадцев так же, как и восемь лет назад сражался за свободу поляков. 31-летний польский революционер был приговорен к смертной казни и повешен 5 декабря 1839 г. К смертной казни были приговорены еще десятки человек, но казнены были восемь, а остальные отправлены в ссылку на Землю Ван-Димена (Тасмания).

¹⁴⁴ *Guillet E. C. Op. cit., App.*

¹⁴⁵ *Corey A. B. Op. cit., p. 78.*

¹⁴⁶ *The Arthur Papers, v. 3, p. 4.* Подробнее об экспедиции фон Шульца см.: *Stanley G. F. G. Invasion: 1838.— ОН, 1962, v. 54, p. 237—252.*

УЧАСТНИКИ ВОССТАНИЯ В ВЕРХНЕЙ КАНАДЕ, ПРЕДСТАВШИЕ ПЕРЕД СУДОМ
В ЛОНДОНЕ

Неудача экспедиции фон Шульца не остановила патриотов, они решили предпринять еще одно крупное вторжение в Канаду. В начале декабря в районе Детройта собралось несколько сот вооруженных членов охотничьих лож из Огайо, Пенсильвании, Мичигана, Буффало, Рочестера и других районов США. Руководители приняли решение занять канадский город Уинсор. Однако из-за несогласованности действий отдельных отрядов начало операции задержалось на несколько дней. 4 декабря только одно судно, имея на борту 135 человек во главе с «генералом» Бирсом, отплыло из устья р. Детройт к Уинсору.

Задержка начала действий патриотов позволила канадским и американским властям сконцентрировать в районе высадки военные силы. Причем американский генерал Брэди заранее известил канадские власти о готовящемся вторжении. У места высадки патриотов уже ожидали отряды королевских войск и милиции. Судьба находившихся на борту парохода «Шамплейн» была фактически предрешена.

Высадившись на канадском берегу, плохо вооруженный отряд тем не менее принял бой. «У нас нет обратного пути: мы должны победить или умереть», — обратился к своим людям Бирс¹⁴⁷. В бою с отрядами милиции патриоты потерпели поражение. 21 человек был убит и 44 взяты в плен. Некоторых расстреляли прямо на месте¹⁴⁸. Позднее суд приговорил 43 участников экспедиции к смертной казни, но повешены были 6, остальные сосланы на каторгу.

¹⁴⁷ Theller E. A. Op. cit., v. 2, p. 294.

¹⁴⁸ См.: Douglas R. A. The Battle of Windsor. — ОН, 1969, v. 61, p. 137—152.

В течение всего декабря 1838 г. в районе Детройта наблюдалось большое скопление патриотов, но федеральные власти США начали многочисленные аресты и наладили тщательную охрану границы¹⁴⁹. Колониальные власти беспощадно расправлялись с повстанцами, трибуналы, как правило, выносили два варианта приговоров: смертная казнь или ссылка на каторжные работы. Весной 1838 г. командующий английскими войсками в Британской Северной Америке Колборн просил прислать из Лондона дополнительно три полка солдат. К концу года в районе Монреаля были сконцентрированы крупные силы (8 пехотных и кавалерийских полков с артиллерией), готовые в любой момент двинуться в любой пункт канадских провинций. Всего в провинциях было сосредоточено около 10 тыс. регулярных войск и около 13 тыс. человек насчитывалось в отрядах милиции. Вдоль границы срочно сооружались новые укрепления и опорные пункты¹⁵⁰.

И все же несколько тысяч солдат в традиционных английских красных мундирах не являлись достаточно надежной гарантией сохранения власти метрополии в условиях вооруженной освободительной борьбы канадцев и движения в ее поддержку в США. Моральный дух английских солдат был довольно низок, и случаи дезертирства не были уж столь редким явлением¹⁵¹. Хотя провинции после поражения восстаний в ноябре-декабре 1837 г. и введения в 1838 г. чрезвычайного положения находились фактически в «состоянии военной оккупации», по признанию самих же колонизаторов, «недовольство достигло еще большего размаха, чем год назад»¹⁵². В отчаянии полковник Грей писал в Лондон: «Совершенно ясно, что, если нам надлежит предпринять что-либо серьезное в этой провинции (Нижней Канаде.— *В. Т.*), в систему наших действий должен входить поджог домов по обе стороны дорог, где мы будем проходить... Я полагаю, что единственным выходом из положения было бы установление независимой Канады на каких-либо условиях. Я должен признаться, что буду очень рад, когда мне удастся вырваться отсюда вообще, ибо служба, которую приходится здесь нести, отнюдь не из самых приятных»¹⁵³. В другом из писем Грей отмечал: «Такое положение не может продолжаться долго. Парламент должен немедленно что-то решить, хотя, что именно, я затрудняюсь сказать. Я сомневаюсь в возможности сохранения в какой-либо форме этой страны как колонии»¹⁵⁴.

Видимо, в Лондоне понимали, что решение канадского кризиса и усмирение одной лишь силой восставших колониальных провинций уже невозможно. В целях подготовки к решению столь

¹⁴⁹ *Theller E. A. Op. cit., v. 2, p. 311.*

¹⁵⁰ *Corey A. B. Op. cit., p. 68, 105.*

¹⁵¹ *Grey C. Op. cit., p. 118.*

¹⁵² *Ibid., p. 139, 141.*

¹⁵³ *Ibid., p. 142.*

¹⁵⁴ *Ibid., p. 139.*

ответственной задачи Лондон направил в Канаду во главе специальной миссии в качестве «генерал-губернатора и чрезвычайного посланника ее величества королевы Виктории» одного из лидеров партии вигов, сторонника либеральных реформ и одного из авторов парламентской реформы 1832 г. лорда Дарэма¹⁵⁵. Прибыв в Канаду в мае 1838 г., новый генерал-губернатор прежде всего решил сделать несколько великодушных жестов в отношении сотен арестованных повстанцев, объявив о частичной амнистии, а также попытался наладить более тесные контакты с правительством США с целью разрядить напряженную обстановку на границе. Для выполнения последней задачи в июне 1838 г. Дарэм направил в США своего родственника Ч. Грея с особой миссией для встречи в Вашингтоне с президентом Ван Буреном. Грей должен был передать президенту решение Дарэма «использовать имеющиеся в его распоряжении войска для защиты британских подданных, если американское правительство не предпримет энергичных мер на границе»¹⁵⁶.

Миссия Грея в США явилась важным событием в американо-канадских отношениях в тот момент. Она ознаменовала собой окончательное установление единого фронта английских и американских властей в борьбе против канадских патриотов. «Приятно сознавать, что моя поездка оказалась полезной,— писал Грей в Лондон.— Все, что Пойнсетт (военный министр США.— В. Т.) обещал мне сделать, было сделано. Связь с генералом Маккомбом (главнокомандующим армии США.— В. Т.) была установлена нашими сухопутными и морскими офицерами. Все действия обоих правительств осуществляются в согласии с целью обеспечения безопасности навигации на р. Св. Лаврентия и Великих озерах»¹⁵⁷.

К концу 1838 г., особенно после поражения патриотов возле Уинсора, освободительное движение в приграничной зоне потерпело окончательное поражение, а все более или менее серьезные попытки поднять народ Канады на революцию путем вооруженных вторжений с американской территории закончились неудачей. Упадок движения хантеров объяснялся рядом обстоятельств. Помимо собственной разобщенности, отсутствия сильного и действенного единого руководства, недостатка вооружения и пр., хантеры столкнулись фактически с необходимостью вести борьбу на два фронта — против англичан и против американской армии. Если власти штатов не особенно энергично боролись с движением, то федеральное правительство все более настойчиво усиливало контроль над границей и свое противодействие патриотам. К концу октября 1838 г. 2 тыс. федеральных войск были расположены

---

¹⁵⁵ Подробнее о лорде Дарэме и его миссии см. в следующей главе.

¹⁵⁶ *Grey C. Op. cit.*, p. 24.

¹⁵⁷ *Ibid.*, p. 98.

на границе в местах наибольшей активности патриотов¹⁵⁸. Сыграла свою роль и прокламация Ван Бурена от 21 ноября 1838 г. Изменилось и общественное мнение в США: многие американцы перестали симпатизировать и поддерживать движение. Об этом свидетельствовали митинги, организованные патриотами в американских городах в момент начала нового восстания в Нижней Канаде в ноябре 1838 г. Эти собрания уже прошли без большого энтузиазма, как год назад¹⁵⁹. Причиной этого были не только неудачи патриотов и отрицательная позиция правительства США в отношении движения, но и то, что к концу 1838 г. депрессия в США закончилась, увеличился спрос на рабочую силу, и это заставило многих безработных отказаться от опасных поисков благополучия в лагере повстанцев.

К концу 1838 г. происходит, по-видимому, перелом и в сознании лидеров освободительного движения. Поняв, что собственными силами осуществить революцию в Канаде и покончить с английским господством не удастся, единственной надеждой они сочли путь пограничных провокаций, который мог привести к большой войне между США и Англией и, в случае победы США, принести Канаде освобождение¹⁶⁰. К этому времени многие лидеры отходят от движения. Бирс подал в отставку с поста главнокомандующего Западной патриотической армией, Бирдж арестован по обвинению в нарушении закона о нейтралитете, фон Шульц погиб.

Зимой и ранней весной 1839 г. хантеры вели себя относительно спокойно, оправляясь от поражений и вырабатывая новую тактику и планы. В этот момент обострился пограничный конфликт из-за спорной территории между Нью-Брансуиком и Мэном. В феврале 1839 г. дело дошло до так называемой арустукской войны, когда 300 поселенцев из штата Мэн вступили в схватку с отрядами милиции из Нью-Брансуика и в результате 50 американцев были захвачены в плен. Возможность войны между Англией и США вселила новую надежду в ряды патриотов. Еще в последние дни 1838 г. Нельсон и его «исполнительный совет» обсуждали на конференции в Свэнтоне (северная часть штата Вермонт) задачи дальнейшей борьбы в условиях пограничного конфликта. По сообщениям агентов губернатора Артура, зимой 1839 г. патриоты-охотники провели собрания в Рочестере, Локпорте, Буффало, а численность общества продолжала возрастать.

Канадские власти были серьезно обеспокоены опасностью нового вторжения в случае возникновения войны из-за пограничного конфликта. В провинциях были предприняты дополнительные меры предосторожности. 7 января 1839 г. Грей писал отцу в Лондон: «Продолжают поступать сведения о предполагаемых действиях патриотов и их сторонников в различных приграничных

¹⁵⁸ The Arthur Papers, v. 2, p. 350.

¹⁵⁹ The Arthur Papers, v. 3, p. 30; Corey A. B. Op. cit., p. 84; Guillet E. C. Op. cit., p. 185—186.

¹⁶⁰ Kinchen O. A. Op. cit., p. 86; Grey C. Op. cit., p. 188.

пунктах. Полученное Джоном Колборном сообщение о предстоящем нападении в районе залива Миссискуа на границе с Вермонтом было настолько достоверным, что все полки, находившиеся по другую сторону реки, были стянуты к границе, а майор Денн был послан с письмом к командующему американскими войсками в Платсберге...»¹⁶¹.

Не меньшую активность к весне 1839 г. стали проявлять патриоты в западной части приграничной зоны. Генерал Хэнди разослал по всем ложам оптимистическое сообщение о создании новой патриотической армии под командованием Дональда Маклеода. К апрелю 1839 г. эта армия должна была включать 1500 индейцев и 1700 американцев, ирландцев и датчан из районов Иллинойса и Миссисипи. К этой армии предстояло присоединиться еще 4 тыс. патриотов из Верхней Канады, а также симпатизирующим индейским племенам. Оружие для армии, по сообщению Хэнди, должны были изготовить фабрики Детройта, как только патриоты соберут достаточно средств.

Однако именно недостаток оружия и растущая оппозиция движению по обе стороны границы вынудили руководителей отложить на время новое вторжение. К тому же весной 1839 г. кризис в пограничном вопросе стал спадать. В этой обстановке хантеры перешли к тактике мелких пограничных провокаций. Такие действия начались на оз. Онтарио, в районе Тысячи островов, где активизировал свои действия отряд патриотов под командованием Билла Джонсона и его четверых сыновей.

С именем Джонсона связана одна из наиболее романтических страниц в истории канадского освободительного движения. Билл Джонсон был когда-то владельцем маленького магазина в Кингстоне. В годы англо-американской войны 1812—1814 гг. он отсидел в тюрьме за дезертирство из армии и симпатии к американцам, а как только началось вооруженное восстание, примкнул к У. Макензи. После поражения восстания в 1837 г. он с небольшим отрядом стал действовать вдоль канадского берега р. Св. Лаврентия, совершая отдельные нападения на англичан и лоялистские элементы среди населения. Его отрядом была сожжена 30 мая 1838 г. английская шхуна «Сэр Роберт Пиль».

Отряд Джонсона был столь неуловим, что командир полка английских колониальных войск Чарлз Грей был вынужден сделать в своем дневнике 17 июня 1838 г. следующую запись: «Кажется, что он (Джонсон.— В. Т.) укрепился на одном из Тысячи островов, игнорирует канадские и американские власти и не собирается сдаваться живым. Его сторонники насчитывают около 25 человек постоянного состава и 120 человек присоединяются, когда это необходимо. Губернатор Мэрси предлагает объединить действия против Джонсона по обе стороны реки»¹⁶².

¹⁶¹ Grey C. Op. cit., p. 178.

¹⁶² Ibid., p. 38.

Вместе с Джонсоном в походах и в лесном шалаше всегда находилась его дочь — красавица, отличавшаяся таким же искусством и храбростью в набегах. «Одно время, — писал современник, — они слыли чуть ли не божеством среди патриотически настроенного населения вдоль границы, и, где бы они ни появлялись, всюду им воздавались соответствующие почести»¹⁶³.

Весной 1839 г. отряд Джонсона предпринял попытку захватить один из населенных пунктов Верхней Канады, но командир американских войск в этом районе границы предупредил английские военные власти, и рейд Джонсона окончился поражением¹⁶⁴.

По некоторым сведениям, хантеры наметили новое крупное вторжение в Канаду на 4 июля — годовщину американской независимости. Однако дело ограничилось тем, что патриоты отметили этот день торжественными собраниями в гостиницах и тавернах пограничных городов, провозглашая тосты за свободу, братство и независимость Канады¹⁶⁵.

В конце июля отряд патриотов под руководством Самуэля Харта и Бенджамена Летта совершил набег на город Коберг на северном берегу оз. Онтарио. В ночь на 22 июля к северу от Коберга в заброшенной бревенчатой хижине состоялся конвент верхнеканадских хантеров. Патриоты обсуждали вопрос об использовании обострившейся политической борьбы в целях достижения канадской независимости¹⁶⁶.

Надежду в патриотов вселило известие об обсуждении английским парламентом вопроса о положении в Канаде и заявление английского министра финансов о том, что восстание уже стоило казне 10 млн. долл. и дальше казна не выдержит таких расходов. 18 августа комитет спасения разослал по этому поводу циркуляр под названием «Славные новости для патриотов». Документ рекомендовал членам охотничьих лож продолжать тактику отдельных нападений с целью заставить корону тратить на оборону провинций непосильные для казны суммы денег и вынудить тем самым Англию предоставить Канаде независимость.

18 сентября 1839 г. в американском городе Локпорте 19 активных деятелей охотничьих лож обсуждали перспективы дальнейшей борьбы и приняли решение совершить еще одно нападение на Уинсор. Но крупное вооруженное выступление в Канаде в тот период было бесперспективным. Доклад Дарэма и некоторые уступки властей, а также концентрация большого числа военной силы в провинции сделали свое дело. К тому же начались судебные расправы над участниками движения. Столь же не-

¹⁶³ Preston T. R. Op. cit., v. 2, p. 10.

¹⁶⁴ О действиях Джонсона см.: Stanley G. F. G. William Johnson, Pirate or Patriot.— Historic Kingston, 1956, N 6, p. 13—28.

¹⁶⁵ Preston T. R. Op. cit., v. 1, p. 186.

¹⁶⁶ Guillet E. C. The Cobourg Conspiracy.— CHR, 1937, v. 18, N 1, p. 28—47.

благоприятно складывалась и обстановка в США, где в 1839 г. также были осуждены и посажены в тюрьмы ряд видных руководителей патриотов¹⁶⁷. Так наступил окончательный спад в освободительном движении на американо-канадской границе, хотя охотничьи логи просуществовали вплоть до 1846 г., а в 1841 г. в связи с обострением пограничного вопроса даже частично активизировали свою деятельность¹⁶⁸.

В 1839—1840 гг. освободительное движение в Канаде вновь после поражения вооруженных выступлений возвращается к мирным формам. В канадских провинциях развернулась острая политическая борьба за конституционные реформы, за право жителей Канады на самоуправление.

---

¹⁶⁷ *Corey A. B.* Op. cit., p. 122—123.

¹⁶⁸ *Kinchen O. A.* Op. cit., p. 108—122.

ЗАВОЕВАНИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Последовавшие за восстанием 1837—1838 гг. два десятилетия явились важнейшим периодом в истории становления канадской независимости. В результате крупных реформ 40—50-х годов XIX в. в Британской Северной Америке был нанесен сильнейший удар старым колониальным устоям, ликвидированы многие преграды, включая сеньориальный строй и крупное спекулятивное землевладение, сдерживавшие самостоятельное развитие Канады по капиталистическому пути. После образования в 1848 г. первого ответственного перед колониальным парламентом правительства в Канаде было введено колониальное самоуправление, что означало переход, хотя и в ограниченной форме, политической власти в руки местной канадской буржуазии. Все это открыло перспективы, и даже более того — сделало объективно неизбежным успешное завершение процесса складывания независимого общеканадского государства.

Оценка существа этого процесса, характера английской колониальной политики в Канаде в новейшей историографии стала предметом довольно острых дискуссий. Сравнительно до недавнего времени в историографии не наблюдалось особых разногласий относительно характеристики английской колониальной политики в Канаде в 30—40-е годы XIX в. Как замечает канадский историк П. Барроу, «историки традиционно рассматривали развитие Британской империи со времени американской революции до момента образования современного Содружества наций как эволюционный процесс, который мог быть поделен на отчетливые периоды в зависимости от преобладающего характера общественного мнения в Англии и проводимой страной политики в отношении колоний»¹. Так, известный английский историк XIX в. Х. Эгертон считал, что все изменения в колониях произошли по той причине, что в 1830—1855 гг. в политической

---

¹ British Attitudes towards Canada. 1822—1849. Ed. by P. Burroughs. Scarborough, 1971, p. 89.

жизни Англии господствовали «колониальные реформаторы»². Влиянием антиколониальных настроений в Англии во второй четверти XIX в. объяснял перемены в колониях и американский историк Р. Шайлер³. В этом же духе оценивали исторические события и А. Берт, Ч. Нью, Д. Крейтон и многие другие.

Одним из первых, кто предпринял частичную ревизию традиционной концепции, был английский историк К. Кнорр, обосновавший тезис, что критики английской колониальной системы совсем не были заинтересованы в упразднении ее, так же как и переход Англии к свободной торговле и колониальному самоуправлению не являлся процессом «деколонизации»⁴. О стремлении Великобритании сохранить и укрепить колониальную систему, а также избежать «повторения катастрофы, постигшей бывшие 13 английских колоний в Северной Америке», писала и Э. Мэннинг⁵.

В 60-х годах XX в. в зарубежной историографии утвердился подход, учитывавший при объяснении перемен в колониальной политике и отдельные факторы, относящиеся к внутренним событиям в колониях. Пожалуй, наиболее рьяным приверженцем этой интерпретации можно считать английского историка В. Харлоу, который, например, высказывался следующим образом: «Гражданская война по ту сторону Атлантического океана, известная как американская революция, убедительно продемонстрировала, что английские поселенцы совсем не подходят для традиционной формы господства, основанной на покорности и подчинении. С тех пор британские государственные деятели постепенно стали понимать, что демократические институты, будучи экспортированы, приходят в специфическое движение и, пока не будет достигнуто полного самоуправления, его остановить невозможно. Этот важнейший вывод был сделан, исходя из опыта канадских колоний с 1839 по 1850 г. Большую роль в этот период сыграло вдохновенное руководство Дарэма и Элджина, действовавших в сотрудничестве с такими канадскими лидерами, как Роберт Болдуин»⁶.

Одним из первых подверг резкой критике подобные заключения канадский историк-марксист С. Райерсон. «Хотя к настоящему времени этот давний миф о том, что колониальное самоуправление явилось добровольным даром великодушных имперских властей, и изрядно поизносился, он все еще существует,— отмечал он.— Профессор Харлоу в какой-то степени подновляет его, по-

² См.: *Egerton H. E. A Short History of British Colonial Policy*. London, 1897.

³ См.: *Schuyler R. L. The Fall of the Old Colonial System*. New York, 1945.

⁴ См.: *Knorr K. E. British Colonial Theories. 1570—1850*. London, 1944.

⁵ См.: *Manning H. T. British Colonial Government after the American Revolution (1782—1820)*. New Haven, 1933.

⁶ *Harlow V. T. The Historiography of the British Empire and Commonwealth since 1945*.— XI Congress International des Sciences Historiques. Rapports. Stockholm, 1960, v. V, p. 1—2.

сколько признает, что в стране действовали определенные движущие силы; он называет их «специфическим движением» демократических институтов, экспортированных в поселенческие колонии. Но что же *порождало* это движение? На чем был основан «важнейший вывод», который Лондон сделал с 1839 по 1850 г.? Несомненно, что этот вывод был сделан в результате борьбы самих колонистов, достигшей своей наивысшей точки во время восстаний 1837—1838 гг. (Харлоу многозначительно умалчивает об этих событиях). Что же касается «вдохновенного руководства» двух упомянутых лордов, то сделать это, мягко выражаясь, их заставил целый ряд восстаний и движение за автономию, начавшееся в колониях в последующее десятилетие»⁷.

Несмотря на столь резкую и убедительную критику, объективистский подход к оценке различных факторов, лежащих зачастую на поверхности исторического процесса, остается характерным для современной немарксистской историографии. Так, например, П. Барроу пишет: «Большинство англичан британские интересы в сфере колониальной политики и имперских связей ставили выше всего. В ходе коммерческих реформ того периода прежде всего учитывались интересы метрополии, хотя многие сторонники свободной торговли полагали, что отмена протекционизма будет способствовать и росту благосостояния колонистов. Точно так же и в политической сфере требования самоуправления со стороны колоний в Северной Америке были удовлетворены, поскольку неформальный контроль представлялся более эффективным средством достижения коммерческих и стратегических целей 40-х годов XIX в... Канада осталась частью империи, поскольку колонисты хотели сохранить эту связь. Так или иначе реальная ситуация в самих колониях в равной степени оказывала влияние на процесс перехода власти, как и общественное мнение в Англии, независимо от его доброжелательного или критического отношения к Британской империи в Северной Америке»⁸.

Несколько по-иному расставил акценты тот же автор в своем специальном исследовании по истории колониальной политики Англии в Канаде во второй четверти XIX в.: «К концу 40-х годов XIX в. имперские государственные деятели осознали, что требованиям самоуправления со стороны британских переселенческих колоний больше уже нельзя было сопротивляться... Что касается коммерции, то в век свободной торговли и британского промышленного превосходства имперское регулирование больше уже не требовалось. Поэтому и в административной сфере британский политический надзор был постепенно упразднен. Стратегическим интересам также весьма содействовало поощрение роста канадской нации в качестве противовеса влиянию Соединен-

⁷ Райерсон С. Б. Неравный союз. История Канады. 1815—1873. М., 1970, с. 113—114.

⁸ British Attitudes towards Canada, p. 151—152.

ных Штатов. В связи со всеми этими обстоятельствами наиболее подходящим и эффективным путем поддержания британских интересов в Северной Америке были признаны не прямые, а косвенные методы»⁹.

Это робкое признание роли борьбы колоний за независимость продолжает соседствовать в зарубежной литературе с попытками отрицать не только значение освободительной борьбы, но и роль экономических и стратегических факторов в действиях метрополии в области колониального переустройства. Как считает, например, Дж. Уорд, «ответственное правительство» было всего лишь проявлением «доверия метрополии» и ее уверенности «в великой судьбе и основополагающем здравом смысле больших английских общин за океаном»¹⁰.

МИССИЯ ЛОРДА ДАРЭМА И ВОЗРОЖДЕНИЕ БОРЬБЫ ЗА РЕФОРМЫ

Известие о восстании в Канаде достигло Лондона 22 декабря 1837 г. Правящие круги метрополии были единодушны в своем стремлении подавить силой оружия выступления жителей колонии и восстановить там порядок. После внеочередной сессии парламента было принято решение ввести чрезвычайное военное положение и распустить все гражданские органы управления в Нижней Канаде и послать за океан особую миссию по умирению восставших провинций.

Во главе миссии была поставлена сильная личность — один из лидеров радикального крыла партии вигов лорд Дарэм, который получил полномочия верховного комиссара е. в-ва и генерал-губернатора Британской Северной Америки, «а также неограниченную власть в отношении условий, которые должны быть предъявлены канадцам».

Дарэм прибыл в Канаду 29 мая 1838 г. Основные усилия он направил на умирение повстанцев. В погоне за популярностью Дарэм заменил группу осужденных патриотов смертный приговор ссылкой на Бермудские острова. Эта акция не была одобрена в Лондоне и стала причиной его преждевременной отставки осенью 1838 г. По мнению некоторых историков, Дарэм просто сбежал из Канады в преддверии нового вооруженного выступления, а его миссия провалилась¹¹. Сменившему его генерал-губернатору Колборну, как мы знаем, действительно скоро пришлось душировать новое вооруженное выступление в Нижней Канаде.

⁹ *Burroughs P.* The Canadian Crisis and British Colonial Policy. 1828—1841. London, 1972, p. 115—116.

¹⁰ *Ward J. M.* Colonial Self-government: The British Experience. 1759—1856. Toronto, 1976, p. VI, 249, 328.

¹¹ *Martin G.* The Durham Report and British Policy. A Critical Essay. Cambridge, 1972, p. 14, 26.

Важнейшим результатом миссии Дарэма стало представление на имя английской королевы «Доклада о состоянии дел в Британской Северной Америке», который появился на страницах английской прессы в феврале 1839 г. Доклад Дарэма был составлен при активном содействии таких членов миссии, как теоретик «систематической колонизации» Э. Уэйкфилд, сторонник колониального «гомруля» Ч. Буллер, известный либеральный журналист С. Дербишир. Взгляды последних оказали сильное влияние на отчет об итогах чрезвычайной миссии, а сам доклад Дарэма стал одним из наиболее известных документов в истории английской колониальной политики¹².

Перед миссией Дарэма стояла задача не только восстановить спокойствие в канадских провинциях, но и выработать рекомендации, как гласили королевские инструкции, «о наиболее подходящих формах будущего управления колонией». Несмотря на проницательный ум и репутацию «радикала», Дарэму, однако, не удалось добраться до подлинной сути происходившего в Канаде. Ситуация в Нижней Канаде, где освободительное движение проявилось в сложной и взаимосвязанной форме социальной и национальной борьбы, представилась английскому лорду в искаженно-упрощенном виде. Еще до составления своего доклада Дарэм писал из Квебека в секретном и конфиденциальном послании от 9 августа 1838 г. на имя министра по делам колоний: «В конечном итоге при внимательном рассмотрении политической борьбы между теми, кто называл себя лояльной партией и народной партией, выявляется, что объектом разногласий были не вопрос о связи с Англией или о форме конституции, а также не конкретные злоупотребления, затрагивающие все классы населения, а вопрос о существовании институтов, законов и обычаев французского происхождения, которые англичане хотели уничтожить, а канадцы боролись за их сохранение. В этом конфликте каждый класс выдвигает надуманные цели и ведет борьбу под фальшивыми лозунгами: англичане, демонстрируя лояльность к английской короне, канадцы, претендуя на звание реформаторов»¹³.

Из этой очень далекой от истины оценки лорд Дарэм делал вывод о бесперспективности существования отдельной франкоканадской общины и необходимости ее полной ассимиляции в пределах британских колониальных владений в Северной Америке. «Если бы Нижняя Канада была изолирована от других колоний и заселена таким образом, что в нее не было бы возможности эмиграции из Англии, тогда, вероятно, было бы правильным при

¹² См. подробнее: *Тышков В. А.* Отчет Лорда Дарэма «О состоянии дел в Британской Северной Америке. 1839» как исторический источник.— Вопросы новой и новейшей истории. Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1967, № 284, с. 273—295.

¹³ Public Archives of Canada. Report, 1923. Ottawa, 1924 (далее — PACR), p. 316—317.

завоевании сохранить французские институты и признать наличие канадской нации («Nation Canadienne»), но, учитывая, что рано или поздно английская нация будет, несомненно, господствовать в этой стране, такие меры представляются крайне неразумными. Несмотря на раздел Канады на две провинции с целью изоляции французов, англичане занимают господствующее положение во французской Канаде, конечно, не численно, а путем превосходящей энергии и богатства, а также их естественной близости к кормилу власти»¹⁴.

Эти открыто колониалистские, шовинистические взгляды верховного комиссара и генерал-губернатора в пространной и литературно безукоризненной форме были изложены в упомянутом докладе на имя королевы Виктории. Причиной восстания в колонии, по мнению лорда Дарэма, явился конфликт между «умственно превосходящим» английским меньшинством — носителем прогресса и цивилизации и «невежественными, пассивными, консервативными» французскими поселенцами, цепляющимися за старые обычаи, предрассудки и законы с «беспричинным упорством необразованных и непрогрессивных людей». «Я ожидал найти вражду между правительством и народом, — писал Дарэм, — но обнаружил две непримиримые нации, воюющие между собой внутри одного государства («two nations warring in the bosom of a single state») ... Я пришел к убеждению, что борьба, которая представлялась как борьба классов, на самом деле является борьбой между нациями»¹⁵.

Антифранкоканадские взгляды Дарэма, его утверждения о глубоко укоренившемся и непреодолимом антагонизме между двумя этническими общинами расходились даже с характером сведений, содержащихся в докладе. Сам же Дарэм отмечал, что среди простого населения чувство национальной неприязни не ощущается, что «большая часть английского населения постоянно голосовала против так называемой британской партии»¹⁶.

При всех предрассудках и заблуждениях Дарэм был достаточно разумным человеком, чтобы увидеть, какая опасность грозит империи в связи с происходившим в Канаде: «Без изменения нашей системы правления царящее сейчас недовольство будет распространяться все шире. Если английская нация будет по-прежнему сохранять свое несправедливое и бесплодное владычество, она лишь увеличит возможность иностранной агрессии со стороны могучего и честолобивого соседа. Это вторжение не найдет сопротивления, а наоборот, скорее получит активную поддержку со стороны части местного населения»¹⁷.

В докладе Дарэма резко критиковался колониальный строй и политика метрополии в Канаде и содержался план реформ. Преж-

¹⁴ Ibid., p. 318—319.

¹⁵ *Durham J. J. L. The Report of the Earl of Durham.* London, 1902, p. 15.

¹⁶ Ibid. p. 6.

¹⁷ Ibid., p. 194.

де всего признавалось необходимым создать в Канаде ответственное перед местным парламентом правительство, что должно было значительно ограничить власть губернатора. Но ответственное правительство не должно было получить в свои руки всю полноту власти. Доклад Дарэма предлагал новую форму управления объединенной Канадой, при которой все ключевые позиции фактически оставались в руках метрополии. Под контролем последней по-прежнему должны были находиться общественные земли и право их распределения; сохранялись земельные монополии и компании; губернатор, суд и все остальные важные должностные лица должны были назначаться в метрополии, а для более надежного контроля за избираемой нижней палатой колониального парламента — ассамблеей сохранялась назначаемая губернатором верхняя палата. Все вопросы внешней политики и торговли Канады также оставались прерогативой метрополии. Самоуправление, таким образом, ограничивалось сферой самых малозначительных сторон жизни колонии.

Предоставление ограниченного самоуправления объединенным провинциям Канады Дарэм считал также важнейшим средством против угрозы поглощения ее США. «Если мы хотим,— писал он,— предотвратить распространение их влияния (имеется в виду США.— В. Т.), то это может быть сделано лишь путем складывания из североамериканских колонистов некоей собственной нации, путем превращения мелких и незначительных общин в общество, имеющее определенные признаки национальной значимости. Тем самым мы создадим страну, жители которой не захотят, чтобы она была поглощена другой, более мощной». Чтобы успешнее конкурировать с сильным южным соседом в деле заселения территории, Дарэм рекомендовал увеличить британскую эмиграцию в Канаду на основе уже рассмотренной нами «систематической колонизации».

Дарэм настойчиво советовал объединить Верхнюю и Нижнюю Канаду в одну провинцию и построить железную дорогу через все британские владения в Северной Америке. Это должно было устранить помехи экономическому развитию Канады и сделать возможным заселение степных районов на западе. Объединение канадских провинций в экономическом и политическом отношениях позволило бы им, по мнению Дарэма, «противостоять возрастающему влиянию Соединенных Штатов на Американском континенте». Объединение он считал необходимой мерой и для усиления военного могущества Англии в Северной Америке. «Союз для общей обороны,— отмечал Дарэм,— является основой, объединяющей большие общества на земле; необходимость такого союза между этими колониями наиболее очевидна»¹⁸. Дарэм полагал, что объединение провинций поможет окончательно ликвидировать сопротивление франкоканадцев английскому владычеству. Он ви-

¹⁸ *Durham J. J. L. The Report of the Earl of Durham*, p. 299, 232.

дел выход в том, чтобы ассимилировать французов, лишив их возможности сохранить свою национальную культуру. Дарэм считал ошибочной политику, способствовавшую образованию в Канаде изолированной французской общины¹⁹.

Реформы, предложенные в докладе Дарэма, имели целью укрепить английское господство в Канаде, они не подрывали командных позиций метрополии и в то же время создавали видимость больших уступок с ее стороны. Эти уступки сводились к предоставлению Канаде того минимума независимости, который фактически уже был обеспечен демократическими силами в период борьбы за реформы и во время восстания. Выдвинутые Дарэмом рекомендации привели впоследствии к существенным переменам в английской политике в Канаде. Но эти перемены никогда бы не произошли, если бы не настойчивая и непрекращающаяся освободительная борьба канадцев.

После поражения первых вооруженных выступлений и введения военного положения деятельность сторонников реформ в канадских провинциях была поставлена в невыносимые условия. Ряды канадских патриотов были ослаблены в результате вынужденной эмиграции и ареста сотен лидеров и активных участников вооруженной борьбы. Несколько десятков человек были казнены, 58 патриотов сосланы на каторгу на Землю Ван-Димен в Австралию. По политическим мотивам Канаду покинули сотни, а по некоторым сведениям, тысячи жителей²⁰. В провинциях перестали выходить почти все газеты оппозиционного толка²¹. Всякая, даже самая умеренная, реформаторская деятельность считалась опасной и беспощадно подавлялась властями.

Однако с прибытием в Канаду миссии лорда Дарэма, свидетельствовавшей о намерении метрополии осуществить в колонии некоторые перемены, деятельность сторонников реформ оживилась вновь. На смену казненным или изгнанным лидерам канадских патриотов пришли новые, преимущественно из среды зарождавшегося капиталистического класса. Эти новые лидеры отличались умеренными реформистскими взглядами. В годы восстания они не считали нужным братья за оружие в борьбе с метрополией. Их идеалом было создание ответственного правительства при сохранении связей с метрополией, что дало бы возможность с помощью конституционной реформы получить самостоятельность во внутренних делах, контроль над местным рынком и ресурсами. Как отмечает С. Б. Райерсон, «поскольку требование самоуправления отвечало также и более широким интересам массы колонистов, постольку умеренные реформистские лидеры играли роль народных трибунов, выразителей общих де-

¹⁹ Ibid., p. 216—219.

²⁰ Longley R. S. Emigration and the Crisis of 1837 in Upper Canada.— CHR, 1936, v. 17, p. 28—40.

²¹ Wallace W. S. The Periodical Literature of Upper Canada.— CHR, 1931, v. 12, p. 10.

ФРЭНСИС ХИНКС

мократических устремлений. Лишь позднее вызов слева, брошенный им радикальными демократами, поставил под вопрос их историческую миссию»²².

В Верхней Канаде еще в мае 1838 г. с письмом-памфлетом выступил методистский священник Эгертон Райерсон, взявший под защиту таких сторонников реформ, как, например, Маршалл Бидуэлл, которого, по мнению Э. Райерсона, власти несправедливо причислили к радикальным элементам. Райерсон призвал возобновить борьбу «против господства олигархии военных и высшего духовенства»²³. В июне 1838 г. в Торонто начала выходить газета «Экзаминаер». Ее редактором был Фрэнсис Хинкс — начинающий молодой бизнесмен, прибывший в Канаду из Ирландии еще до восстания 1837 г.²⁴ Задачей этого органа была пропаганда требований умеренных реформаторов, взгляды которых фактически отражали интересы местной канадской буржуазии.

Свои требования лидеры умеренных Роберт Болдуин и Фрэнсис Хинкс представили лорду Дарэму во время его посещения

²² Райерсон С. Б. Указ. соч., с. 121.

²³ *Sissons S. B. Egerton Ryerson. His Life and Letters. V. 1—2. Toronto. 1937, v. 1, p. 434.*

²⁴ Подробнее о нем см.: *Longley P. S. Sir Francis Hincks. A Study of Canadian Politics, Railways and Finance in the Nineteenth Century. Toronto, 1943.*

Верхней Канады в июле 1838 г. С отцом и сыном Болдуинами Дарэм встречался лично и просил их изложить свои взгляды и предложения в письменной форме, что и было сделано Робертом Болдуином-младшим²⁵.

В письме на имя генерал-губернатора Роберт Болдуин выразительно и четко сформулировал и аргументировал требования умеренных реформаторов: «Народ колоний еще может понять, почему их связи с иностранными государствами должны находиться в других руках, но невозможно понять, почему их внутренние дела не могут регулироваться на основе тех же принципов, что применимы к деятельности имперского правительства... Вы должны установить правительство, сообразующееся с общественным мнением, а в нем должны состоять те, кто обладает доверием народа. В результате появится заинтересованность в сохранении системы Вашего правления и поддержании связей с метрополией; и тогда Вы не услышите уже больше жалоб, потому что реальные будут устранены, а выдуманные будут забыты»²⁶.

Публикация доклада Дарэма в английской и канадской прессе вызвала политическую бурю в провинциях Британской Северной Америки²⁷. В Верхней Канаде доклад привел в негодование все еще цепляющуюся за власть «семейную клику». Главный судья Робинсон заявил, что «ему было очень больно читать доклад», ибо в нем полностью искажалось положение дел в провинции²⁸. Этот отъявленный противник реформ отправился в Англию, где провел целый год, пытаясь предотвратить проведение в жизнь рекомендаций доклада Дарэма.

Представители «семейной клики» попытались выдвинуть контрпроекты колониального переустройства. Один из них предлагал вместо объединения провинций присоединение к Верхней Канаде Монреаля и его окрестностей, дабы обречь французскую Канаду на вечное экономическое прозябание и культурно-политическую изоляцию. При осуществлении этого проекта, как писал один из авторов, «правительство не будет испытывать потребности вступать в конфликт с франкоканадцами. Они смогут довольствоваться своими плохими законами, дорогами, повозками, пищей и невежественным отправлением законов, наслаждаясь тишиной и спокойствием, не задевая никого и не общаясь друг с другом»²⁹.

Аналогичный проект реформы был предложен в Канаде и представителями монреальских деловых кругов проанглийской

²⁵ Подробнее о нем см.: *Wilson G. E. The Life of Robert Baldwin*. Toronto, 1933.

²⁶ См. подробнее: PACR. 1923, p. 326—328.

²⁷ См. подробнее: *Smith W. The Reception of the Durham's Report in Canada*.— CHAR, 1928.

²⁸ *The Arthur Papers. 1822—1850*. Ed. by C. R. Sanderson. V. 1—3. Toronto, 1957—1959, v. 2, p. 47.

²⁹ *The Arthur Papers*, v. 1, p. 185.

ориентации. Заботясь о превращении таких растущих хозяйственных районов, как Монреаль, в оплот англоканадского экономического и политического влияния, эти круги выступили с планом быстрой ассимиляции франкоканадского населения и ослабления экономических и политических позиций франкоязычной общности. Проект предусматривал слияние двух канадских провинций под эгидой единых властей с последующим разделением на пять департаментов (Квебек, Монреаль, Ридо, Торонто и Ниагара) с собственной системой местного управления. Столицей нового колониального образования должен был стать город Монреаль, а под территорию департамента Квебек отводилась слабоосвоенная и малоплодородная северо-восточная часть Нижней Канады, где должны были сохраняться феодальный строй, политическое господство сеньоров и католической церкви. Автор сравнительно недавней публикации этого документа вполне справедливо называет предложенный проект системой «открытого апартеида» по отношению к франкоканадцам³⁰.

Поведение канадской правящей верхушки побудило реформаторов возобновить борьбу с особой энергией и настойчивостью. Сам факт обнародования доклада Дарэма и его рекомендаций еще не означал, что эти рекомендации будут претворены в жизнь. К тому же в самой метрополии развернулась острая политическая борьба по вопросам колониальной политики и будущего английских владений в Северной Америке.

Министр по делам колоний Джон Рассел высказал свое несогласие с рекомендацией Дарэма об установлении ответственного правительства в колонии. В послании от 11 октября 1839 г. на имя нового генерал-губернатора Британской Северной Америки Рассел недвусмысленно писал: «Сейчас они говорят, что хотят получить только контроль над внутренними делами. Но есть такие моменты в управлении колониями, которые очень серьезно затрагивают честь короны, доверие парламента или безопасность государства. Поэтому е. в-ву не представляется возможным передавать свою власть какому-либо правительству в колонии»³¹.

Единственное, что рекомендовал министр представителю короны в Канаде, так это «обеспечение наибольшей гармонии между политикой легислатуры и исполнительной власти», а также «использование на государственной службе тех лиц, кто своим положением и характером завоевали общее доверие и авторитет жителей провинции»³². В том же духе высказался и тогдашний премьер-министр Великобритании лорд Мельбурн: «Наша

³⁰ *Whebell C. F. J. The Bicultural Problem: An 1839 View.*— JCS, 1967, v. 2, N 3, p. 19.

³¹ *Select Speeches and Documents on Colonial Policy. 1763—1917.* Ed. by A. B. Keith, v. 1—2. London, 1948, v. 1, p. 174.

³² *Appendix to the First Volume of the Journals of the Legislative Assembly of the Province of Canada. Session 1841.* Kingston, 1842, App. B. B.

страна и ее правительство всецело против независимого ответственного правительства»³³.

В то же время доклад Дарэма был подвергнут острой критике в радикальной английской прессе, главным образом за его шовинистическую, антифранцузскую направленность. Одна из таких оценок газеты «Лондон тру стар» была перепечатана в «Макензи газетт»: «Жители Нижней Канады глубоко заинтересованы в постоянном и прогрессивном развитии провинции. Они искренне хотят содействовать всяческому совершенствованию, созданию новых и улучшению существующих дорог и каналов, развитию местных муниципальных органов, быстрому и дешевому отправлению правосудия... с другой стороны, большинство нижнеканадцев британского происхождения — это спекулянты земель, местные дельцы, официальные чиновники, которые, спекулируя земельными пожалованиями, ищут быстрого обогащения, и никому из них не присуща устойчивая заинтересованность в процветании Канады... Франкоканадцы также чувствуют дефекты своей системы земельного держания, но они хотят устранить эти дефекты соответственно своим чувствам и интересам, а не заменить их другими столь же гнусными и чуждыми их нуждам»³⁴.

В пользу колониальных реформ, за самоуправление и в то же время с осуждением шовинизма Дарэма выступили в Англии известные деятели ирландского освободительного движения и лидеры чартистов. Все это также оказало влияние на возрождение движения за конституционные реформы в Канаде.

Летом 1839 г., по словам Дж. Крэйга, «впервые за последние три года реформаторы снова перешли в наступление»³⁵. В различных районах Верхней Канады имели место «дарэмовские митинги», на которых принимались резолюции в поддержку предложений о колониальных реформах, содержащихся в докладе Дарэма. Публичные собрания под лозунгом реформы состоялись в Дандасе, Коберге, Гуэлфе, Гамильтоне, Хэлдименде, Уитби, Белвилле, Куксвилле, Бивертоне. Местные тори вместе с полицией пытались разгонять собрания, и некоторые из них завершили столкновениями и кровопролитием. На созданном Ф. Хинксом и Р. Болдуином «дарэмовском митинге» в Торонто 15 октября 1839 г. в результате полицейских репрессий двое участников были смертельно ранены³⁶.

К осени ряды сторонников реформ заметно выросли, а движение за колониальное самоуправление начало распространяться по всей провинции.

В поддержку «дарэмитов», как стали называть себя многие сторонники реформ (интересно, что местные тори называли их

³³ Цит. по: *Martin C. Lord Durham's Report and Its Consequences.*— CHR, 1939, v. 20, p. 178.

³⁴ «*Mackenzie's Gazette*», 1839, 19 January.

³⁵ *Craig G. M. Upper Canada...*, p. 268.

³⁶ *Examiner*, 1839, 30 October; *Longley R. S. Sir Francis Hincks...*, p. 48—49.

чартистами), выступил лидер методистской общины Эгертон Райерсон, в свое время активно отвергавший курс Макензи на восстание. Доклад поддерживали также и некоторые бывшие сторонники «семейной клики», в том числе крупные канадские предприниматели и торговцы Уильям Меррит, Исаак Бьюкенен и др., а с необходимостью перемен были вынуждены согласиться и руководители колониальной администрации. Так, губернатор Артур, признавая, что прежняя колониальная администрация изжила себя и в результате восстания фактически парализована, пытался ограниченными мерами подновить существующий порядок, наладить контакт с провинциальной ассамблеей, чтобы «выбить почву из-под ног сторонников колониального самоуправления»³⁷. Старый режим не хотел легко сдавать свои позиции и стремился всеми силами не допустить демократических преобразований.

В Нижней Канаде публикация доклада Дарэма и намерение колониальных властей осуществить объединение провинций с целью насильственной ассимиляции франкоканадцев вызвали волну негодования и возрождение деятельности патриотов. Несмотря на продолжающееся действие чрезвычайного положения, роспуск ассамблей, изгнание наиболее радикально настроенных и признанных лидеров, освободительное движение во французской Канаде находит новые силы и новые формы.

Шовинизм колониальных властей в отношении франкоканадцев, стремление разрешить колониальные трудности и покончить с освободительным движением путем уничтожения самобытности франкоканадской общности и ее какого-либо влияния в Британской Северной Америке вызвали в качестве ответной реакции взрыв франкоканадского национализма, решимость франкоканадцев отстоять свои национальные права.

Лидеры франкоканадцев не были едины в выборе методов борьбы. Сторонники радикальных средств — республиканизма и вооруженной борьбы — находились за пределами Канады и не могли оказать сколь-либо значительного влияния. Среди умеренных лидеров образовались две группировки. Одну из них, наиболее националистически настроенную, возглавляли племянник Папино Д.-В. Виже и Джон Нилсон — редактор двуязычной «Квебек газетт». Эта группировка полностью отвергала возможность какого-либо объединения провинций и призывала франкоканадцев единым фронтом повести борьбу против проекта Акта о союзе, за восстановление куцей автономии, которой обладала Нижняя Канада по Конституционному акту 1791 г. Во главу угла, таким образом, ставился вопрос не о демократических преобразованиях прежде всего, а об обеспечении ограниченных, узконационалистических требований. Эта позиция Дж. Нилсона, как известно, была отвергнута в ходе борьбы за реформы накануне восстания 1837 г.

³⁷ The Arthur Papers, v. 2, p. 114, 364.

Однако в начале 40-х годов в условиях господства реакции и рецидива ассимиляторства и шовинизма со стороны колониальных властей эта позиция вновь нашла довольно широкую поддержку среди франкоканадцев, особенно среди представителей мелкобуржуазных слоев населения, и, несомненно, имела определенную положительную направленность.

Опираясь преимущественно на верхушку франкоканадской общины, включая мэра города Квебека, состоятельных и известных юристов и других представителей свободных профессий, Нилсон и его помощники в ходе целого ряда собраний и публичных митингов создали в январе 1840 г. специальный комитет из 40 наиболее влиятельных и известных франкоканадцев по сбору подписей под петицией, названной «Против Союза, за сохранение конституции 1791 г.». Руководителями комитета были нотариус Э. Глэктэйер и будущий основоположник франкоканадской националистической историографии Ф.-К. Гарно. Ощутимую поддержку деятельности Дж. Нилсона и его комитета оказала верхушка римско-католической церкви³⁸. Римско-католическую церковь в данном случае не только устраивал ограниченный национализм Нилсона, но и страшила перспектива утраты своих позиций в связи с предполагаемыми конституционными изменениями и упразднением Нижней Канады как отдельной провинции.

В середине апреля только в городе Квебеке и в округе Труа-Ривьер было собрано 39 928 подписей под документом и известный франкоканадский торговец В. Тетю согласился доставить его лично в Вестминстер. Однако уже неоднократно подтвержденная обреченность подобных методов, ограниченность взглядов националистически настроенных деятелей не позволили группировке Нилсона занять ведущие позиции на новом этапе освободительного движения.

Эти позиции постепенно занимает более демократически настроенная группа франкоканадских лидеров во главе с монреальским адвокатом Луи-Ипполитом Лафонтеном, редактором квебекской газеты «Ле Канадье» Этьеном Парэном и автором известных Девяноста двух резолюций Августином Морэном. Выступая за сохранение франкоканадской целостности и самобытности, а значит, и против шовинистического доклада Дарэма, эта группировка франкоканадских реформаторов все же была готова согласиться с объединением провинций в единое образование и пойти на сотрудничество со сторонниками реформ в Верхней Канаде, направленное на демократические колониальные преобразования в духе английских конституционных принципов. Хотя предполагаемое объединение имело явно антифранцузскую направленность, все же для сторонников реформ в обеих частях Канады появлялась перспектива совместными усилиями добиться колони-

³⁸ См. подробнее: *Monet J. The Last Cannon Shot: A Study of French-Canadian Nationalism 1837—1850. Toronto, 1969.*

ЛУИ-ИППОЛИТ ЛАФОНТЕН

ального самоуправления и в его рамках обеспечить национальные права франкоканадцев.

Политическая платформа Лафонтена рассматривала национальное движение франкоканадцев в рамках общих задач борьбы за демократические преобразования. Это делало возможным объединение сторонников реформ обеих провинций, тем более в свете их предстоящего слияния в единое административное целое. Лидеры реформаторов в обеих провинциях достаточно ясно понимали необходимость объединения своих сил не по национальному, а по политическому принципу.

Инициатором создания коалиции выступили верхнеканадские реформаторы. Весной 1839 г. Ф. Хинкс направил письмо И. Лафонтену: «Вы можете быть уверены, что в борьбе за либеральное и экономное правительство реформаторы нашей провинции будут сотрудничать с реформаторами Нижней Канады. По национальным вопросам такое сотрудничество маловероятно... Если лорд Дарэм не прав, и вы в самом деле желаете иметь либеральные институты и экономичное правление, союз, по моему, даст вам все, что вы можете захотеть, *поскольку в объединенном парламенте реформаторы будут иметь подавляющее большинство.* Британская партия рассчитывает, как и лорд Дарэм, что франкоканадская партия будет уничтожена в объединенной законодательной власти. Это, как я уже сказал, может случиться, если будут пре-

следоваться только национальные цели и задачи. Но если мы все будем объединены как *канадцы* во имя интересов всех классов Канады, тогда нет сомнений, что при новой конституции, выработанной по предложениям лорда Дарэма, единственной пострадавшей партией будут бюрократы»³⁹. «Я уверен,— писал Ф. Хинкс в Нижнюю Канаду,— что, если нам удастся заполучить ответственное управление как в Англии, мы смогли бы в очень короткий срок добиться всего, за что выступаем... Вы нуждаетесь в нашей помощи, так же как и мы в вашей... Наши свободы не могут быть обеспечены иначе, кроме как в союзе»⁴⁰.

Не имея пока широкой поддержки и опасаясь открытой конфронтации с националистически настроенными лидерами, Лафонтен и его сторонники шли на союз с верхнеканадскими реформаторами с большой осторожностью, стараясь в то же время обеспечить себе равенство в этой коалиции. Когда же в 1840 г. после обмена визитами и личного знакомства Хинкса, Болдуина и Лафонтена этот союз состоялся, он превратился в мощную и ведущую политическую силу в канадском освободительном движении 40-х годов XIX в.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА И РЕФОРМЫ 40-Х ГОДОВ

Движение за претворение в жизнь колониальных преобразований приобрело столь широкий размах, что ситуация в канадских провинциях вновь приобрела для властей устрашающий характер. «Положение дел здесь намного хуже, чем я ожидал,— писал 25 ноября 1839 г. прибывший на смену Дарэму новый генерал-губернатор Чарлз Поулетт Томсон (получивший вскоре титул лорда Сайденхема).— Страна расколота на два лагеря, которые ненавидят друг друга. Народ настолько привык говорить об отделении, что готов уже уверовать в него... Что касается лично меня, очень плохо, что я не могу найти здесь ни одного человека, которому смог бы довериться или рассчитывать на его содействие»⁴¹.

Новый генерал-губернатор взял курс, соответствовавший новой линии в колониальной политике Великобритании. Эта линия отражала интересы растущей и крепнущей промышленной буржуазии метрополии, которая к середине XIX в. уже на протяжении ряда 10-летий вела борьбу с английской аристократией за преобразование форм и методов колониальной политики⁴². Но-

³⁹ Longley R. S. Sir Francis Hincks..., p. 51—52.

⁴⁰ Цит. по: Careless J. M. S. The Union of the Canadas. The Growth of the Canadian Institution. 1841—1857. Toronto, 1972, p. 12.

⁴¹ Letters from the Lord Sydenham. Ed. by P. Knaplund. London, 1931, p. 36—37.

⁴² Подробнее см.: Ерофеев Н. А. Английский колониализм в середине XIX века. Очерки. М., 1977, гл. 1—3.

вый подход предусматривал укрепление британского имперского господства в формах, выгодных британским вкладчикам капиталов. Канада, по мысли лорда Сайденхема, должна была прежде всего стать выгодным для английских капиталистов колониальным владением. Начавшийся переход от старой меркантилистской политики к фритреду предусматривал известное поощрение местного предпринимательства, развитие хозяйства колонии и установление деловых связей с местной канадской буржуазией. Что касается политического кредо губернатора Сайденхема, то оно сводилось к тому, чтобы, «с одной стороны, потихоньку подорвать власть местной клики, а с другой — подавить яростно настроенные радикальные элементы»⁴³.

Начало деятельности новой администрации ознаменовалось решением губернатора частично удовлетворить одно из основных требований широких слоев населения Канады — ограничить всевластие привилегированной церкви и отменить практику церковных резервов земли.

После принятия ассамблей Верхней Канады соответствующего законопроекта, предложенного Сайденхемом, последний 6 мая 1840 г. разъяснял в сообщении министру по делам колоний: «Церковные резервы были и остаются самой всеохватывающей причиной недовольства, корнем всех волнений в провинции и причиной восстания... И к тому же следует учесть, что если к моменту объединения провинций вы не устранили в Верхней Канаде этот извечный источник волнения, вы перенесете связанную с ним агитацию и в Нижнюю Канаду, где среди всех ее самых серьезных собственных бед религиозное недовольство пока не было известно. Это обстоятельство делает вдвойне необходимым решение вопроса в провинции»⁴⁴.

Когда же в колонии стало известно, что законопроект о церковных резервах застрял в стенах парламента метрополии и не получил королевского одобрения, не на шутку встревоженный генерал-губернатор писал в Лондон Дж. Расселу: «Я еще не потерял надежды, что Вам удастся провести билль через все преграды и ему будет дана королевская санкция, ибо только бог знает, что в палате лордов могут затеять с новым вариантом законопроекта. Если он снова будет предоставлять какие-то особые привилегии англиканской церкви, новое восстание окажется столь же неизбежным, как завтрашний восход солнца»⁴⁵.

Следует отметить, что законопроект о церковных резервах носил весьма умеренный характер и всего лишь предусматривал передачу около половины доходов от резервов в пользу других церквей, действующих в Канаде.

23 июля 1840 г. английским парламентом был принят Акт о союзе, объединивший Верхнюю и Нижнюю Канаду в одну про-

⁴³ Letters from the Lord Sydenham, p. 48.

⁴⁴ Ibid., p. 42—43.

⁴⁵ Ibid., p. 66.

винцию Канада. Предлагавшееся Дарэмом и требуемое колониями ответственное правительство не было создано. Лондон побоялся предоставить автономии Канаде, опасаясь, что за этим последует демократизация колониального общества в ущерб метрополии, правящим колониальным кликам и местной торговой элите. Ответственное правительство могло привести к усилению франкоканадской общины и ослаблению связей колонии с метрополией, чего больше всего боялись колонизаторы. Вместо этого Нижняя Канада ликвидировалась вообще как особое административно-политическое образование.

В законодательном совете и ассамблее новой объединенной провинции признавался только английский язык. Избирательная система была построена так, чтобы лишить права голоса десятки тысяч франкоязычных канадцев и обеспечить большинство мест в колониальном парламенте англоязычному меньшинству. Столицу Канады было решено перевести в город Кингстон, а имевшийся у Верхней Канады огромный внутренний долг должна была принять на себя вся объединенная провинция⁴⁶. С. Райерсон справедливо отмечает, что «отказ Лондона создать ответственное правительство свидетельствовал не только о нежелании предоставить автономии британской поселенческой колонии, но и о решимости дать отпор колониальным требованиям франкоканадцев»⁴⁷.

Губернатор лорд Сайденхем не спешил с введением в силу Акта о союзе, ибо обстановка и настроения жителей колонии, особенно в Нижней Канаде, оставались тревожными для властей. «Нет абсолютной необходимости провозглашать объединение до 15 февраля,— сообщал губернатор в Лондон в октябре 1840 г.,— а до этого времени мое деспотическое правление будет в этой провинции (Нижней Канаде.— В. Т.) продолжаться, так что у меня окажется резерв времени для каких-либо необходимых действий... От французов нельзя ничего ожидать, кроме неприятностей, ибо они еще не готовы для представительного управления»⁴⁸.

Наконец, в феврале 1841 г. Акт о союзе вступил в силу, и губернатор объявил о первых выборах в ассамблею объединенной провинции Канада, полагая, что в лице умеренных буржуазных элементов английской Канады будет иметь достаточно надежную опору в борьбе против как ультратори, так и радикалов-экстремистов.

Не дожидаясь результатов выборов, генерал-губернатор Сайденхем назначил новый исполнительный совет для объединенной провинции Канада, в который вошли наряду с тори некоторые умеренные сторонники реформ. Однако эта была видимость усту-

⁴⁶ Текст Акта 1840 г. см.: *Statutes, Treaties and Documents of the Canadian Constitution. 1713—1929*. Ed. by W. P. M. Kennedy. Toronto, 1930, p. 433—445.

⁴⁷ Райерсон С. Б. Указ. соч., p. 116.

⁴⁸ Letters from the Lord Sydenham, p. 99—100.

пок. О многом говорил за себя и этнический состав членов совета: из 25 человек 17 были англоязычные и 8 — франкоязычные канадцы⁴⁹. Наиболее известные лидеры реформаторов Р. Болдуин и И. Лафонтен отказались войти в состав исполнительного совета. Главное внимание канадских демократов было обращено на предстоящие выборы в ассамблею объединенной провинции, назначенные на март 1841 г.

Подготовку к выборам в колониальный парламент особенно активно развернули сторонники реформ в Нижней Канаде⁵⁰. И. Лафонтен обнародовал свою платформу еще в августе 1940 г. в знаменитом обращении «К избирателям графства Терребонн». В этом документе со всей определенностью были изложены освободительные, либерально-демократические устремления этой части франкоканадского национального движения. Лафонтен выступал от имени канадцев, независимо от их этнического происхождения, и обращался к тем, кто избрал своей родиной одну страну — Канаду и желают ей счастья и процветания: «Величайшим преимуществом жителей Америки является полное социальное равенство... Но кроме социального равенства нам нужна политическая свобода. Без нее у нас нет будущего, без нее наши интересы не будут соблюдаться, без нее мы не достигнем благосостояния, которое сулит нам богатая природа Америки... Да и само социальное равенство неотделимо от нашей политической свободы. Это — непреодолимая потребность английских колоний в Северной Америке. Нравы сильнее законов, и ничто не ослабит их власть над нами. Здесь в Канаде не может существовать привилегированный класс отдельно от основной массы жителей...».

Но каким же путем можно добиться этой политической свободы, столь необходимой для мира и благосостояния колоний, развития их богатых природных ресурсов, спрашивал Лафонтен. «Этот путь сводится к принятию законов с одобрения народа, контролю над расходами и налогообложению через народное представительство, законодательному влиянию на деятельность администрации и эффективному конституционному контролю над теми, кто возглавляет администрацию. Этот метод есть величайший вопрос сегодняшнего дня и может быть выражен одним словом — ответственное правительство...».

Лафонтен без колебаний объявил себя сторонником колониального самоуправления и создания правительства, которое представляло бы интересы большинства народа и контролировалось им.

Не менее важен, по мнению Лафонтена, вопрос, вызванный принятием деспотического и несправедливого Акта о союзе, кото-

⁴⁹ Garon A. Le Conseil législatif du Canada-Uni: Revision constitutionnelle et composition socio-économique.— Histoire Sociale/Social History, Nov. 1971, v. 8, p. 62.

⁵⁰ Несмотря на новые названия — Восточная и Западная Канада, современники продолжали употреблять чаще старые наименования бывших провинций.

рый лишил Нижнюю Канаду законного числа ее представителей в высших органах власти и права пользоваться родным языком на заседаниях ассамблеи, заставляет франкоканадцев платить чужие долги и позволяет исполнительной власти незаконно и без согласия выборных органов власти распоряжаться значительной частью доходов страны. Однако это не означает, что представители Нижней Канады должны требовать безоговорочной отмены Акта о союзе. «Реформаторы в обеих провинциях составляют подавляющее большинство. В Верхней Канаде реформаторы, по крайней мере ведущие их представители, осознают несправедливость принятия Акта о союзе со всеми его тиранническими проявлениями... Они не будут и не смогут согласиться с тем, какое обращение с жителями Нижней Канады предусматривает этот акт... Несмотря ни на что, у нас общее дело. В интересах реформаторов обеих провинций встретиться в стенах ассамблеи в духе мира, союза, братства и дружбы. Единство действий сейчас необходимо, как никогда. Я не сомневаюсь, что реформаторы Верхней Канады испытывают потребность в том же, что и мы, и на первой же сессии законодательной ассамблеи продемонстрируют явные доказательства этого, гарантировав тем самым прочное доверие и взаимопонимание»⁵¹.

В своих последующих выступлениях И. Лафонтен продолжал настаивать на демократических преобразованиях в колонии. Его программа «систематического конституционного законодательства» предусматривала: «сделать доступными обширные внутренние ресурсы», «обеспечить удобный путь из океана в озера» путем создания судоходного водного пути по р. Св. Лаврентия, ликвидировать сеньориальное землевладение и демократизировать систему образования — «первейшего блага, которое может дать правительство своему народу»⁵².

Эту программу поддерживали не все франкоканадские лидеры. Дж. Нилсон еще в октября 1840 г. создал Канадский комитет Квебека и повел собственную предвыборную агитацию, опубликовав «Обращение к избирателям всей провинции»⁵³. Этот документ во главу угла ставил вопрос о борьбе франкоканадцев за «выживание» как самостоятельной национальной общности, он резко осуждал условия объединения двух канадских провинций, а также возможность какого-либо сотрудничества с представителями английской Канады. Главным лозунгом франкоканадских лидеров националистического толка была борьба за отмену Акта о союзе. В этом проявились ограниченность и сепаратизм мелкобуржуазного франкоканадского национализма. Однако надо отметить, что Нилсона поддерживала довольно значительная часть населения французской Канады.

⁵¹ Le Canadien, 1840, 31 août.

⁵² Le Canadien, 1840, 18 oct.

⁵³ Quebec Gazette, 1840, Oct. 14.

В Верхней Канаде деятельность сторонников реформ накануне первых выборов также была довольно активной. В некоторых графствах состоялись конвенты по выдвижению кандидатов от реформаторов. В Торонто был создан комитет по избранию Роберта Болдуина и Данна в парламент «Эта деятельность на местах,— отмечает канадский историк Э. Джексон,— оставляет мало сомнений, что восстание и последующая «охота за ведьмами» не привели к гибели движение за реформу. Борьба за ответственное правительство обнаружила, что реформаторы остаются силой, с которой необходимо считаться в провинциальной политике»⁵⁴.

Эта сила стала еще более внушительной, когда реформаторам обеих провинций удалось достичь согласия и единства в борьбе. Ф. Хинкс писал накануне выборов в Нижнюю Канаду: «Ваши братья, реформаторы в Верхней Канаде, встретят вас и ваших соотечественников как канадцев... Не будет проявлено никакой национальной вражды»⁵⁵. В свою очередь ближайший соратник Лафонтена А. Морэн отвечал на этот призыв: «Я еще раз повторяю, что мы легко сможем понять друг друга. Вы, реформаторы, наши единственные и искренние друзья. Мы были всегда беззаветно преданы свободе и неустанно боролись за реформы (хотя и плохо понимаемы и вознаграждаемы в этой борьбе), чтобы позволить себе в настоящее время вступить в союз с людьми других убеждений»⁵⁶.

Чувствуя возросшую силу сторонников реформ, особенно во французской Канаде, власти попытались сделать все, чтобы не допустить их победы на выборах. Прокламацией от 4 марта 1841 г. генерал-губернатор объявил новые границы городских избирательных округов восточной части провинции. Сделано это было с целью лишить должного представительства франкоязычное население окраин таких больших городов, как, например, Монреаль. Кроме того, сторонники администрации при поддержке колониальной полиции буквально терроризировали население накануне и в ходе выборов. Избирательные участки и прилегающая к ним территория в ряде мест (графства Терребонн, Монреаль, Водрей, Боарнуа, Шамбли, Рувиль) были оккупированы отрядами вооруженных сторонников правительства⁵⁷. В графстве Водрей, где кандидат от франкоканадских реформаторов наверняка должен был одержать победу, англоязычные тори напали на избирательный участок, учинив погром, в результате чего два человека были убиты⁵⁸.

⁵⁴ Jackson E. The Organization of Upper Canadian Reformers. 1818—1867.—ОН, 1961, v. 53, p. 107.

⁵⁵ Цит. по: Martin Ch. Foundations of Canadian Nationhood. Toronto, 1955, p. 162.

⁵⁶ Hincks F. Reminiscences of His Public Life. Toronto, 1884, p. 56.

⁵⁷ Материалы разбирательств по этому поводу в ассамблее см.: Journal of Legislative Assembly of Province of Canada, 1843, v. 3, App. J. J.

⁵⁸ Le Canadien, 1841, 18 Mar.

В Боарнуа правительственные войска просто не допустили франкоканадцев к избирательным урнам. В Терребонне, где баллотировался И. Лафонтен, власти расположили избирательный участок в районе, где проживали преимущественно лояльные режиму англоканадцы, хотя по округу в целом франкоканадцы составляли девять десятых населения. Из-за угроз и насилия многие избиратели не смогли принять участия в выборах. Не удивительно, что И. Лафонтен, всегда получавший в своей округе большинство голосов на выборах, на сей раз не был избран, как и ряд других известных франкоканадских реформаторов.

В итоге скандальных выборов и отчаянных усилий властей сторонники колониальной администрации получили 28 из 44 депутатских мест⁵⁹. Это было разнородное и слабое большинство, которому противостояла все более спланирующаяся под лозунгом создания ответственного правительства партия реформаторов. Канадские демократы обеих частей провинции все более осознавали общность своих интересов и необходимость объединения. Доказательством этого стало избрание Лафонтена в ассамблею от одного из округов г. Йорка в Западной Канаде.

Англо-франкоканадская демократическая коалиция реформаторов внесла на обсуждение колониального парламента резолюции, требовавшие ограничения власти метрополии и введения ответственного самоуправления. Реформаторам удалось в законодательной ассамблее отеснить олигархические элементы и сторонников губернатора, которые вскоре после смерти Сайденхема в сентябре 1841 г. утратили свои ведущие позиции.

В январе 1842 г. в Канаду прибыл новый генерал-губернатор Чарлз Бэгот, получивший от лондонского министерства по делам колоний такие же указания, как и его предшественник Сайденхем. Хотя Бэгот по убеждениям был тори, он довольно скоро понял, что без поддержки со стороны франкоканадской общины и без уступок ее лидерам управлять колонией уже невозможно.

Новому губернатору не оставалось ничего иного, кроме как предложить Лафонтену и Болдуину главные посты в колониальном правительстве — исполнительном совете. В сентябре Лафонтен был назначен генеральным атторнеем Восточной Канады, а Болдуин занял ту же должность в Западной Канаде. В правительство вошли А. Морэн, Э. Парэн, Дж. Столл и другие видные реформаторы. Это была победа демократической коалиции, ознаменовавшая хотя и не полный, но приход к власти в Канаде национальных сил.

«Как ни бушевали реакционеры, а двунациональная реформистская коалиция, предотвратив образование которой как раз и должен был союз, пришла к власти, — пишет С. Б. Райерсон. — Наконец-то утверждался принцип ответственности исполнитель-

⁵⁹ *Cornell P. G. The Alignment of Political Groups in Canada. 1841—1867. Toronto, 1962, p. 7.*

ного органа перед большинством ассамблеи. Вместе с тем сам факт существования объединенной администрации англоканадцев и франкоканадцев свидетельствовал о возможности демократического решения в будущем таких жизненно важных вопросов, как вопросы национального равенства и колониальной автономии»⁶⁰.

Примечательна деятельность первого в истории Канады колониального правительства, большинство в котором составил блок умеренных реформаторов обеих частей провинции. Сразу же были приняты декреты о демократизации избирательной системы, о введении охранительных пошлин на американскую сельскохозяйственную продукцию, о финансировании ряда проектов, направленных на стимулирование хозяйственного развития страны. Эти меры канадских реформаторов говорили, что устремления Лафонтена и его сторонников из числа франкоканадцев были прежде всего направлены на решение общедемократических задач. В этом лидеры освободительного движения видели путь для достижения и национальных интересов франкоканадцев как отдельной этнической общности.

Свидетельством того, что главным для сторонников реформ в обеих частях Канады было достижение колониального самоуправления, являлось все более крепнущее единство двух отрядов освободительной борьбы в Канаде. В исполнительном совете Болдуин и Лафонтен фактически стали сопремьерами и пользовались огромной поддержкой среди населения. О силе этой поддержки и приверженности избирателей прежде всего демократическим принципам говорит избрание Р. Болдуина в ассамблею в январе 1843 г. от округа Римуски, где 99% избирателей составляли франкоканадцы.

Следует отметить, что законодательство, например, в области образования имело большое значение для демократизации и прогресса колониального общества. Достаточно напомнить, что в 1840 г. в Канаде только 4% населения посещало школы в сравнении с 11% в северных американских штатах и 25% в штате Нью-Йорк. Принятый ассамблеей в 1841 г. под давлением реформаторов Акт о публичных школах значительно увеличил правительственную поддержку образования в провинции Канада. Акт 1843 г. относительно Западной Канады уже устанавливал четкую организацию и укрепление системы ообщественного образования в этой части колоний.

Открывшаяся в сентябре 1843 г. новая сессия законодательной ассамблеи продолжила свою реформаторскую деятельность. Был принят законопроект о реформе судебной системы в Восточной Канаде. Специальным актом англиканский Королевский колледж был преобразован в светский Торонтский университет.

Правительство Р. Пиля в Лондоне не хотело поступиться своей властью в колонии. Министр по делам колоний лорд Стенли

⁶⁰ Райерсон С. Б. Указ. соч., с. 125.

инструктировал назначенного на смену больному Бэготу генерал-губернатора Чарлза Меткалфа, чтобы он не шел на уступки колониям. Сам Меткалф считал, что движение за создание ответственного правительства представляло угрозу империи: «Направленность и цель этого движения состоит в том, чтобы совершенно отстранить правительство метрополии от решения внутренних дел... *Пришло время борьбы за власть*». При губернаторе Бэготе сторонники реформ, по мнению Меткалфа, «проводя беспрепятственно свои собственные идеи ответственного правительства, встали на путь неограниченной узурпации». Подчиниться теперь их требованиям «означало бы отдать королевское правительство в руки бунтовщиков, а самому превратиться в позорное орудие в их руках»⁶¹. «Я скорее смещу исполнительный совет и возьму на себя всю ответственность за это, чем сделаю себя сторонником курса какой-либо партии»⁶², — писал генерал-губернатор в Лондон.

Воинственно настроенный Меткалф решил взять назад вынужденные уступки Бэгота и полностью восстановить власть метрополии в колонии, ориентируясь прежде всего на силы местных тори. Однако реставрировать автократическое правление и вернуться на исходные позиции колониальный режим в Канаде был уже не в силах.

Меткалфу все же удалось вынудить уйти в отставку правительство Лафонтена — Болдуина, а также распустить парламент, который осудил деспотические действия генерал-губернатора. Осенью 1844 г. в обстановке насилия и жульнических махинаций со стороны губернатора и его сторонников в провинции прошли выборы в ассамблею. В Западной Канаде реформаторы во главе с Р. Болдуином получили 12 мест, а противники — 30. В Восточной Канаде, несмотря на разногласия среди франкоканадских лидеров, Лафонтен и его партия получили 28 мест в парламенте⁶³. Противники самоуправления во главе с губернатором (сюда входили также члены «семейного союза», англиканская и католическая клерикальная иерархия, проанглийски настроенные местные купцы) не смогли добиться ощутимого перевеса над реформаторами.

Нанести решительный удар по движению за самоуправление колониальному режиму не позволила прежде всего победа сторонников Лафонтена в Восточной Канаде. Новое правительство генерал-губернатор поручил сформировать лидеру канадских тори, представителю крупного колониального бизнеса Уильяму Дрейперу. Это правительство продержалось почти три года, но оказалось недееспособным. Что касается законодательной ассамблеи, то она также была расколота на два непримиримых лагеря.

⁶¹ *Kaye J. W. Life and Correspondence of Lord Metcalfe. Toronto, 1858, p. 333, 371.*

⁶² *Ibid., p. 411.*

⁶³ *Cornell P. G. Op. cit., p. 17, 98.*

Середина 40-х годов стала решающей в ходе борьбы за ответственное правительство. Метрополия упорно не хотела удовлетворить главное требование реформаторов, сформулированное Лафонтеном еще в 1840 г.: «Колонии должны сами управлять своими собственными делами. Все свои усилия им следует направить на решение этой задачи. Чтобы добиться успеха, колониальная администрация должна формироваться и управляться большинством представителей народа»⁶⁴. В свою очередь сторонники демократических колониальных преобразований, уже добившиеся конкретных результатов в борьбе за реформы и национальные права, не были намерены складывать оружие и были готовы бросить решающий вызов старому порядку, который столь неохотно сдавал свои позиции.

В этот сложный и ответственный исторический момент освободительное движение в колониальной Канаде вновь приобрело массовый, боевой и поистине всенародный характер. В Западной Канаде реформаторы объединили свои силы, создав в феврале 1844 г. Ассоциацию реформаторов Канады и новый печатный орган — газету «Глоуб», издававшуюся в Торонто молодым шотландским эмигрантом Джорджем Брауном⁶⁵.

Главной целью ассоциации было объединение всех сил в борьбе за ответственное правительство, против попыток колониальных властей сдерживать процесс осуществления реформ в Канаде⁶⁶.

После ухода в отставку правительства Лафонтена — Болдуина местные ячейки Ассоциации реформаторов развернули по всей провинции кампанию массовых митингов и демонстраций. На митинге торонтских реформаторов Р. Болдуин заявил: «Это не обычная партийная борьба. Это Канада борется против своих угнетателей. Народ Канады, требующий английской конституции, борется против тех, кто ей в этом отказывает»⁶⁷.

Один из лидеров англоканадских демократов, Ф. Хинкс, переехал в Монреаль, где с марта 1844 г. стал издавать газету «Пайлот» и вместе с франкоканадцем Ж.-Э. Картье организовывал массовые митинги в поддержку колониального самоуправления.

Главную движущую силу освободительного движения в Канаде на этом этапе составили франкоканадские демократы, для которых одними из основных требований в борьбе за самоуправление были равенство национальных прав и ликвидация угнетенного статуса французской Канады. Для франкоканадских реформаторов борьба против Акта о союзе ассоциировалась прежде всего с борьбой против попытки ликвидировать самостоятельность франкоканадской общности. Этот национальный аспект, несомненно, накладывал отпечаток на характер борьбы за колониальное само-

⁶⁴ Le Canadien, 1840, 31 août.

⁶⁵ О нем см.: *Careless J. M. S. Brown of the Globe*, v. 1—2. Toronto, 1959—1963.

⁶⁶ Examiner, 1844, Febr. 28.

⁶⁷ Leacock S. Baldwin, Lafontaine, Hincks. London, 1907, p. 70.

управление во французской Канаде и придавал ей специфические черты, что давало повод противникам этой борьбы изображать движение за самоуправление как сугубо националистическое, а значит, якобы и реакционное.

Есть достаточно свидетельств, подтверждающих несостоятельность подобных инсинуаций. Один из современников писал, в частности, что «в действительности почти все ирландское население, а также значительная часть населения английского и шотландского происхождения, которая искренне стремилась к установлению ответственного правительства, шли под знаменем монсеньора Лафонтена»⁶⁸. Сам Лафонтен признавал, что больше половины населения английского происхождения города Монреаля принадлежали к числу его сторонников.

По мере развития освободительного движения в середине 40-х годов расширялась его социальная база, а вместе с этим наряду с национальной спецификой все более отчетливо проявлялись социально-политические различия в лагере канадских реформаторов. Главные противоречия возникли между умеренными и радикальными элементами. Радикально настроенные реформаторы обеих частей провинции Канада выступали против как рекомендаций доклада Дарэма, так и их действительного воплощения в Акте о союзе. Деятельность этих элементов после поражения восстания была чрезвычайно затруднена. В Западной Канаде известны лишь отдельные свидетельства их борьбы.

После первых выборов в объединенную законодательную ассамблею радикальные элементы получили всего лишь около пяти мест. В Западной Канаде возобновил свою деятельность Уильям Макензи, не расставшийся с идеей образования независимой канадской республики. Находясь в США, Макензи начал издавать новую газету «Рочестер волонтир», информацию для которой стал получать от своих уже немногих сторонников в бывшей Верхней Канаде, в том числе от нескольких вновь избранных депутатов ассамблей⁶⁹.

Однако умеренные реформаторы, признавшие реальность союза и новой политической структуры, прохладно встретили попытки Макензи установить с ними контакт и предложить свою газету в качестве органа лагеря сторонников реформ. Один из корреспондентов писал Макензи: «Все боятся или язвят, когда их спрашиваешь насчет переписки с Вами. Нет другого выхода, как только продолжать разжигать внутренние ссоры и тем самым поддерживать веру, что правительство ничего не сделает для действительного блага страны, и тем самым постепенно вселять в умы людей убеждение, что для них нет другого решения, кроме отделения»⁷⁰.

⁶⁸ *Gérin-Lajoie A. Dix ans au Canada de 1840 a 1850. Québec, 1888, p. 371.*

⁶⁹ См., например: *Gates L. F. W. L. Mackenzie's «Volunteer» and the First Parliament of United Canada.*— ОН, 1967, v. 59, p. 163—183.

⁷⁰ И. Баррилл — У. Л. Макензи, 28 июня 1841 г.— *Public Archives of Ontario Lindsey Papers.*

Оказавшись в изоляции, Макензи смог издавать свою газету до весны 1842 г. После этого мы почти не встречаем сведений об активной деятельности радикалов в Западной Канаде. После вступления в силу Акта о союзе движение за реформы в этой части страны заметно поправело. Часть активных реформаторов из числа местных бизнесменов и лиц свободных профессий была готова довольствоваться некоторыми послаблениями колониального режима. Люди, подобные Ф. Хинксу, энергично занялись хозяйственной деятельностью, стремясь как можно быстрее реализовать новые возможности в деловой сфере. В результате на выборах 1844 г. от Западной Канады реформаторы не смогли провести в ассамблею какое-либо значительное число своих представителей. Сплотом народного движения за конституционную реформу фактически стала французская Канада.

В Восточной Канаде ведущие позиции среди реформаторов заняло умеренное крыло во главе с И. Лафонтеном. Среди его ближайших сторонников были англоканадцы Элвин в Квебеке и Драммонд в Монреале, а также будущий лидер франкоканадских либералов Картье. На стороне Лафонтена были ряд влиятельных газет, в том числе известная монреальская газета «Минерв», возобновившая свою деятельность в 1842 г. Идеологом этого направления был Э. Парэн, который со страниц своей газеты продолжал обосновывать концепцию обеспечения национальных прав франкоканадцев на базе британских конституционных принципов.

Лидерами самостоятельной политической группировки франкоканадцев в середине 40-х годов выступили вернувшиеся из изгнания в 1847 г. Луи-Жозеф Папино и Д.-В. Виже. До возвращения Папино наиболее известной фигурой этой группы оставался Джон Нилсон. Политические позиции этой части участников освободительной борьбы зиждились на ультранационалистических идеях обеспечения «выживания» франкоканадцев только путем политической изоляции их территории расселения, на которой они могли бы быть полными хозяевами. Радикалы-националисты резко выступали против объединения обеих провинций.

Следует отметить, что в первые годы после поражения восстания влияние сторонников группы Виже—Нилсона было очень сильным во французской Канаде. Объяснялось это прежде всего неверием франкоканадцев в возможность обеспечения своих национальных прав путем ответственного самоуправления и союза с Верхней Канадой. Лишь со временем Лафонтену и его сторонникам удалось убедить большинство участников движения в необходимости вести борьбу за национальные права в рамках общей борьбы за демократические реформы и колониальное самоуправление.

Радикальным переменам в канадском освободительном движении, углублению его социально-политической направленности способствовал ряд дополнительных факторов. «Великий голод»

1845—1847 гг. в Ирландии привел к переезду в Британскую Северную Америку свыше 140 тыс. нищих иммигрантов⁷¹. В колонии заметно выросло число людей наемного труда, что в свою очередь обострило социальные проблемы в колониальном обществе. Так, в Нижней Канаде иммиграция при сохраняющемся сеньориальном строе, хроническом сельскохозяйственном кризисе и высоком уровне рождаемости привела к массовой безработице среди населения. В числе безработных или же людей, перебивающихся случайным заработком, были прежде всего ирландские пауперы, а также франкоканадская молодежь, вынужденная покидать бедствующие аграрные районы.

Бум начала 40-х годов в некоторых отраслях промышленно-сти, особенно в лесодобывающей и судостроении, при наличии избыточной дешевой рабочей силы привел к росту капиталистической эксплуатации, обострению антагонистических противоречий между трудом и капиталом. С начала 40-х годов в Нижней Канаде возникают первые франкоканадские профсоюзы, например объединение судовых плотников во главе с Франсуа Жиффором и Жозефом Лорэном⁷².

Именно в эти годы произошли первые открытые выступления рабочего класса против работодателей — стачки строителей каналов Лашин и Боарнуа, преимущественно ирландцев и франкоканадцев, против беспощадной эксплуатации со стороны компаний и фирм, контролируемых англоканадским капиталом. В феврале 1843 г. забастовали рабочие на канале Лашин, требуя увеличения заработной платы и улучшения условий жизни. В районе забастовки были направлены войска, последовали увольнения. Однако поход 500 рабочих в Монреаль, организованные реформаторами митинги поддержки, солидарность самих рабочих помогли забастовщикам добиться удовлетворения требования об увеличении заработной платы. В мае 1843 г. франкоканадские рабочие на канале Боарнуа объявили забастовку с требованием повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. Власти и туда направили войска, и в результате репрессий шесть забастовщиков были убиты⁷³.

Как справедливо отмечает С. Б. Райерсон, «классовая борьба, сотрясавшая колониально-викторианскую Канаду, напоминала о том, что, кроме широко дискутируемых политико-конституционного и национального вопросов, существует социальный вопрос, корни которого уходят гораздо глубже»⁷⁴.

⁷¹ *Ерофеев Н. А.* Народная иммиграция и классовая борьба в Англии в 1825—1850 гг. М., 1962, с. 500—501.

⁷² *Ouellet F.* Histoire économique et sociale du Québec. Montréal, 1966, p. 501.

⁷³ Подробнее см.: *Pentland H. C.* The Lachine Strike of 1843.—CHR, v. 29, Sept. 1948; *Scott J.* Sweat and Struggles in Canada. Working Class Struggles in Canada. V. 1, 1789—1899. Vancouver, 1974, p. 67—74.

⁷⁴ *Райерсон С. Б.* Указ. соч., с. 156.

Рождающееся рабочее движение в Канаде с самого начала становилось составной частью общей освободительной борьбы в колонии, а рабочий класс — дополнительной силой и даже опорой деятельности сторонников реформ и колониального самоуправления. Еще в ходе первых выборов в колониальный парламент Ф. Хинкс и Ж.-Э. Картье в районе Монреаля организовывали рабочих — строителей каналов в отряды по защите реформаторов от насилия и репрессий со стороны реакции и властей. В 1845 г. 100 ирландцев, работавших на строительстве канала Лашин, совершили поход в Монреаль, чтобы содействовать победе на выборах кандидата от партии реформаторов.

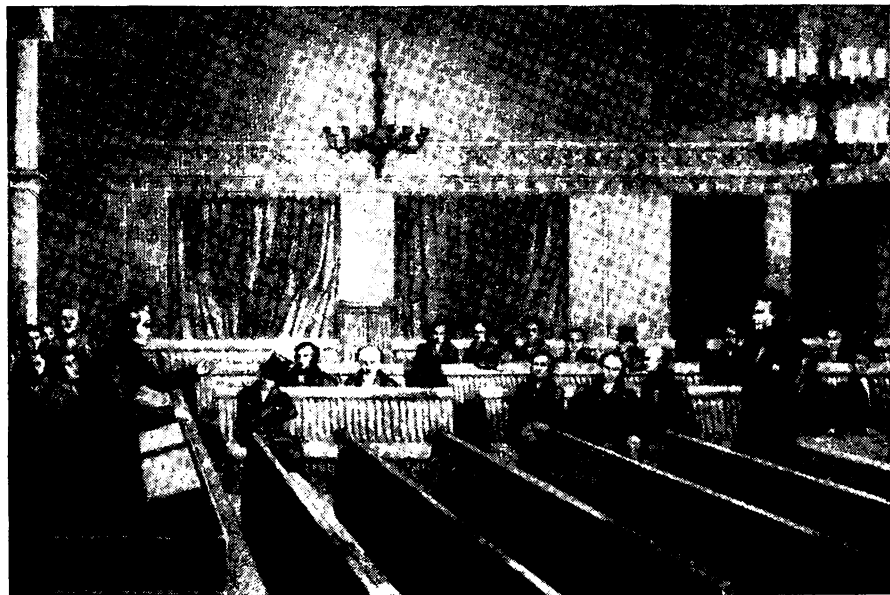
Колониальные власти были серьезно обеспокоены возможностью союза между по-боевому настроенными рабочими и франко-канадскими национальными демократами, другими словами, слияния франкоканадского национально-освободительного движения с классовой борьбой трудящихся. Эта обеспокоенность особенно возрастала в связи с подъемом национальных движений и революционными переменами в Европе. Движению за самоуправление в колонии способствовала борьба английских чартистов в самой метрополии, ирландское освободительное движение и, наконец, революционные бури 1848 г. во Франции, Германии, Австро-Венгрии и Италии.

С нескрываемой тревогой генерал-губернатор Британской Северной Америки писал в марте 1848 г. в Лондон: «Франция и Ирландия в огне, а почти половина населения этой колонии французы, причем половину остальных составляют ирландцы»⁷⁵.

Эти внешние факторы наряду с усиливающимся давлением со стороны народных масс колонии вынудили метрополию сделать решающие уступки в вопросах колониального самоуправления. В январе 1847 г. в Канаду прибыл генерал-губернатор лорд Элджин, сторонник принципа колониального самоуправления, которому в марте 1848 г. пришло указание из министерства по делам колоний сформировать собственно канадское правительство, пользующееся поддержкой ассамблеи, причем предписывалось сделать это прежде, чем весть о февральской революции 1848 г. в Париже дойдет до колоний.

Лорд Элджин распустил старый парламент и назначил новые выборы. На выборах большинство получили сторонники реформ. В марте 1848 г. Элджин поручил Лафонтену и Болдуину — лидерам большинства в ассамблее — сформировать правительство. Это было первое канадское правительство, формально ответственное перед колониальным парламентом. Ответственное правительство было установлено при условии, что колония сохраняет связь с метрополией и признает главенство метрополии в вопросах обороны, внешних сношений и торговли.

⁷⁵ Elgin — Grey Papers. 1846—1852. Comp. by A. G. Doughty, v. 1—4. Ottawa, 1937, v. 1, p. 139.

ЗАСЕДАНИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ПАРЛАМЕНТА, 1848 Г.

Вслед за созданием ответственного правительства английский парламент отменил запрет за пользование французским языком в официальных кругах провинции Канада, тем самым негласно признав несостоятельность как рекомендаций лорда Дарэма, так и намерений метрополии подвергнуть насильственной ассимиляции франкоканадскую национальную общность. И этот важный поворот в действиях Великобритании был результатом борьбы франкоканадцев за свои национальные права. Недаром в письме от 8 мая 1848 г., направленном Элджином лорду Грею и касающемся национального вопроса, Элджин писал: «Я должен признаться, что принадлежу к числу тех, кто глубоко убежден в неразумности политики денационализации французов. Откровенно говоря, эти меры производят обратное действие, вызывая пламя национальной вражды и предрассудков... Возможно, франкоканадцев удалось бы «американизировать», но вышеописанными методами никогда не удастся англоизировать французских жителей провинции. Наоборот, нужно дать им почувствовать, что их религия, обычаи, предубеждения и, если хотите, даже предрассудки уважаются здесь лучше, чем в остальных частях этого обширного континента, где господствует наиболее безрассудная, самодовольная и властная часть англосаксонской расы. Кто в этом случае отважится отрицать, что, может быть, последней рукой,

которая будет держать британский флаг на американской земле, будет рука франкоканадца?»⁷⁶.

Сформированное под руководством Болдуина и Лафонтена правительство просуществовало до 1851 г. Его деятельность была отмечена важными реформами, направленными на укрепление канадской автономии и демократизацию общественной жизни. Только сессия колониального парламента 1849 г. приняла около 200 законопроектов. Была создана система собственно канадских муниципальных органов власти, установлен контроль над почтой, школа отделена от церкви, началась секуляризация церковных земель и сеньориальной собственности, были отменены последние из навигационных актов, запрещавших иностранным судам торговать с Канадой.

В 1849 г. была объявлена амнистия всем участникам восстания 1837 г. и принят законопроект о возмещении ущерба жителям, пострадавшим в ходе восстания. Попытка местных консерваторов из числа «семейного союза» воспрепятствовать демократическим реформам окончилась провалом. Не помогли ни шовинистическая демагогия, ни петиции в Лондон и даже погром и поджог здания колониального парламента.

В сентябре 1849 г. произошли крупные столкновения в Байтауне между тори-оранжистами, которых энергично поддерживали местные привилегированные слои из числа лесопромышленников, крупных купцов и представителей некогда всемогущей местной политической элиты, и реформаторами, которых представляло франкоканадское и ирландское население города, как правило, из числа трудящегося, бедного населения. Конфликт имел религиозную окраску, но по сути таил в себе социально-классовые противоречия⁷⁷.

«Несмотря на ограниченный характер, перемены, произошедшие в 1848 г., — пишет С. Б. Райерсон, — озаменовали собой решающую стадию в буржуазно-демократической революции в Канаде. Коалиция реформистов, представляющая демократические массовые движения в обеих частях объединенной провинции, завоевала позиции, опираясь на которые деловые круги колонии могли пойти по пути все ускорявшегося независимого индустриального развития, а народы Канады могли двигаться ко все более широкому самоуправлению и более полному национальному равноправию»⁷⁸.

Так завершился длительный период борьбы демократических сил Канады, народных масс против произвола английских колонизаторов. Судьба канадской антиколониальной, буржуазной революции оказалась сложнее подобных классических образцов победоносных революций. Начавшись «снизу», как массовое

⁷⁶ Ibid., v. 1, p. 149—150.

⁷⁷ См.: Cross M. S. Stony Monday, 1849: The Rebellion Losses Riots in Bytown. — ОН, 1971, v. 63, N 3, p. 177—190.

⁷⁸ Райерсон С. Б. Указ. соч., с. 141—142.

антиколониальное, освободительное движение, революция в Канаде была прервана после поражения вооруженного восстания 1837 г. Однако под влиянием восстания и непрекращающейся борьбы народных масс против метрополии, а также революционно-демократического движения в Европе Великобритания вынуждена была пойти на серьезные уступки колонии. Канаде было предоставлено самоуправление, и власть перешла в руки национальной канадской буржуазии. Канадская революция, таким образом, оказалась завершенной «сверху», половинчатым, мирным путем, предопределив тем самым более сложный и длительный путь Канады к полной независимости.

ОБРАЗОВАНИЕ ДОМИНИОНА КАНАДА

Середина XIX в. стала временем начала бурного промышленного развития Канады. Самоуправление позволило канадской буржуазии довольно быстро утвердиться в качестве хозяина и заправили в стране. Многочисленные ограничения и препоны на пути развития местного предпринимательства и капиталистических отношений были устранены реформами 40-х годов. Мировой экономический и торговый бум в 50-х годах XIX в., окончательное утверждение в Англии политики свободной торговли не в малой степени содействовали промышленному развитию Канады, хотя уничтожение преференциальных пошлин на время поставило в трудное положение канадских хлеботорговцев и лесных магнатов.

Важным стимулом бурной колонизации Канады стал возросший извне спрос на такие продукты, как хлеб и лес. Благоприятные условия для развития зернового хозяйства Канады были созданы Крымской войной 1853—1856 гг., которая временно лишила мировой рынок русской пшеницы. Росту цен на хлеб способствовали также «золотые лихорадки» в Калифорнии, Австралии, а позднее в Британской Колумбии. Богатые урожаи канадских фермеров, усовершенствование трансокеанских перевозок позволили колониальному зерну выдержать конкуренцию на открытых рынках Англии и других стран.

Экспорт зерна из портов р. Св. Лаврентия вырос с 3645 тыс. бушелей в 1849 г. до 6597 тыс. бушелей в 1853 г. и до 9391 тыс. бушелей в 1856 г.⁷⁹ Значительно вырос экспорт зерна в США через континентальную границу. Из осваиваемой на западе территории Манитобы, где за 50-е годы урожай зерна вырос с 12 до 25 млн. бушелей, канадские фермеры вывозили свою продукцию в соседние штаты США. Спрос на сельскохозяйственную продукцию в Новой Англии и штате Нью-Йорк несколько поправил положение и в районах Восточной Канады,

⁷⁹ *Careless J. M. S. The Union of the Canadas*, p. 134.

где аграрная экономика переживала длительный и глубокий кризис.

Что касается лесной промышленности, то она довольно быстро оправилась от удара, нанесенного ей отменой преференциальных пошлин на канадский лес. Строевая сосна из долины р. Оттавы смогла выдержать конкуренцию даже с балтийским лесом. К тому же вырос спрос на древесину на североамериканском рынке, особенно в Соединенных Штатах, где бурно развивались промышленность и города. Еще до восстания 1837 г. и в 40-х годах началось проникновение американских капиталистов в канадскую лесную промышленность. Древесина вывозилась через Великие озера в штаты среднего запада Америки, а через р. Рипшель и канал Шамбли — в Нью-Йорк и Новую Англию. В 1853 г. экспорт древесины в США оценивался в 652 тыс. ф. ст. от общей стоимости канадского экспорта леса в 2350 тыс. ф. ст. Только в район Осуиго в 1850 г. было вывезено канадской древесины свыше 6 млн. куб. футов⁸⁰.

Растущая торговля пиломатериалами привела к переводу лесного бизнеса на промышленную основу. За десять лет, с 1851 по 1861 г., число паровых лесопилок в Канаде увеличилось вдвое. В середине 60-х годов только паровые лесопилки Гамильтона в Хоксбери на р. Оттаве выпускали 27 млн. футов досок.

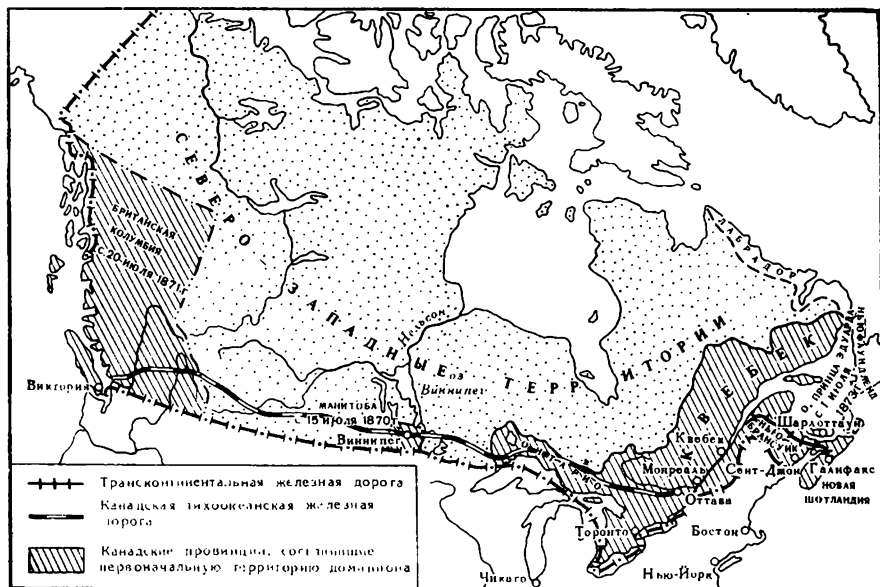
Вслед за растущим экспортом леса шло проникновение американского капитала в лесные районы Канады, создание там влиятельных американских фирм и появление крупных собственников иностранного происхождения. Так, самая большая тогда в Канаде паровая лесопилка на р. Сен-Морис, построенная в 1853 г., принадлежала американским капиталистам. Угроза внешнего влияния со стороны США становилась с каждым годом все более серьезной проблемой для молодой развивающейся страны.

Освоение новых земель под пшеницу, расширение районов лесоразработок, увеличение торговли привели к развитию новых транспортных путей и коммуникаций в Канаде. Водная система р. Св. Лаврентия по-прежнему сохраняла важнейшее значение для торговли и связей между западными и восточными районами колонии. Строительство системы каналов в обход порогов позволило океанским судам доходить до Монреаля, превратив этот город в крупный порт и центр деловой активности. Одновременно в Канаде начинается интенсивное железнодорожное строительство, инициатором которого выступала не только английская, но и канадская буржуазия.

Первые железные дороги были построены в Канаде еще в 30-х годах XIX в., но их протяженность к 1850 г. составляла 66 миль по сравнению с 9 тыс. миль в США⁸¹. Заинтересован-

⁸⁰ *Lower A. R. M. The North American Assault on the Canadian Forest. Toronto, 1938, p. 98—116.*

⁸¹ *Easterbrook W. T., Aitken H. G. J. Canadian Economic History. Toronto, 1956, p. 295.*

ДОМИНИОН КАНАДА

пость английских и американских капиталов в расширении своего проникновения в Канаду, растущие потребности и ресурсы самой колонии, десятки тысяч жаждущих работы иммигрантов создали основу для подлинного бума железнодорожного строительства в Канаде. Первая крупная железная дорога между Монреалем и американским городом Портлендом была построена в 1853 г. От р. Св. Лаврентия тем самым был проложен кратчайший путь к американскому побережью, и Монреаль как порт перестал зависеть от льдов, сковывавших устье р. Св. Лаврентия в холодную канадскую зиму. В 1852 г. началось строительство магистрали между Нижней и Верхней Канадой. От Монреаля эта линия дошла до Торонто в 1856 г., а в 1859 г. была доведена до Сарнии, расположенной на южном берегу оз. Гурон. Еще раньше Монреаль был соединен железной дорогой с Квебеком. Так называемая «Великая западная» магистраль не только связала главные центры Канады, но и сомкнулась с железнодорожной сетью США. Монреаль, Квебек, Торонто оказались связанными железными дорогами с Чикаго, Нью-Йорком, Бостоном и Портлендом.

К 1860 г. в Британской Северной Америке имелось уже более 2 тыс. миль железных дорог. За этот период импорт капитала в Канаду составлял 100 млн. долл. по сравнению с 35 млн. в 40-х годах. Торговля Канады с Соединенными Штатами с 1853

по 1860 г. удвоилась. Одновременно железные дороги привели к увеличению потока сырья и продукции в метрополию. Но, главное, железные дороги способствовали развитию внутреннего рынка и политической централизации Британской Северной Америки. В отличие от ведущих капиталистических стран того времени в Канаде железнодорожное строительство предшествовало массовому фабричному производству и послужило прелюдией к промышленной революции в этой стране.

Вместе с железнодорожной сетью в Канаде росли металлообрабатывающая и ремонтно-механическая промышленность, развивались добыча угля, выплавка стали, легкая и пищевая промышленность. Местные капиталисты стали создавать крупные предприятия и компании. В 50—60-х годах в Канаде строится ряд новых текстильных, мукомольных предприятий, сахарных и вагоностроительных заводов, развивается обувная и швейная промышленность. Возникла отсутствовавшая до этого тяжелая промышленность. В 60-х годах местная промышленность уже удовлетворяла потребности страны в большинстве металлических изделий. Центром металлообработки стал Монреаль, где действовало несколько крупных по тем временам фабрик и заводов. В 50-х годах в Канаде возникла и такая отрасль тяжелой промышленности, как металлургия. С 1857 г. началась добыча нефти, но ее захватили в свои руки американские капиталисты.

Железнодорожное строительство способствовало росту старых городов и возникновению новых поселений. Превратились в промышленные центры города Гамильтон, Лондон, Брэнтфорд, расположенные вдоль железных дорог. Население Лондона увеличилось с 5 тыс. до 15 тыс. человек с 1850 по 1856 г., а владельцы собственности в Торонто более чем удвоили свои состояния за этот же период. Торонто, благодаря своему положению, превратился в главный центр западной части Канады⁸².

Возникновение в середине XIX в. промышленного капитализма в Канаде привело к увеличению численности рабочего класса. За десятилетие, с 1851 по 1861 г., число рабочих в провинции Канада увеличилось с 71 тыс. до 145 тыс. человек. Вместе с этим утверждался и новый правящий класс колонии в лице промышленных капиталистов, которые пришли на смену «семейному союзу» и «дворцовой клике». Некоторые представители старой элиты вошли в новую или слились с ней, но ее основу теперь составляла власть денег. В 50-е годы возникли новые крупные банки, финансовые и страховые компании, капитал которых был местного, канадского происхождения.

Господствующие группировки канадской буржуазии использовали колониальное правительство, муниципальные власти, связи с метрополией во имя главной цели — собственной материальной выгоды и дальнейшего накопления капиталов. Посредством

⁸² *Careless J. M. S. The Union of the Canadas*, p. 144.

налоговой системы, правительственных тарифов, акционерных обществ поднимающийся капиталистический класс на волне железнодорожного бума и промышленного подъема нажил себе миллионные состояния. Подобострастие и подхалимство перед метрополией, свойственные старой колониальной верхушке, сменились теперь настроениями самоуверенности и стремлением к экономической независимости от внешних сил.

В приморских провинциях также окрепли капиталистические группировки в лице лесных и судоходных магнатов Сент-Джона и Галифакса, местных промышленников и купцов.

Интересы дальнейшего хозяйственного развития провинций Британской Северной Америки поставили на повестку дня вопрос об их более тесном союзе, устранении внутренних тарифных барьеров, принятии мер для защиты молодой канадской промышленности от внешней конкуренции. Задача расширения и объединения внутреннего канадского рынка требовала также создания новой политической структуры на месте разобщенных колониальных провинций Британской Северной Америки. Идея политического объединения колоний обсуждалась сразу же после создания ответственного правительства. Но дальше дело не пошло. Представитель приморских провинций, лидер сторонников реформ в Новой Шотландии Джозеф Хау сделал в 1850 г. следующее заявление: «Прежде чем станет возможно то или иное объединение, мы должны построить железные дороги. Стороннику законодательного союза я заявляю: ваш план невозможен без железных дорог... Народу приморских провинций я говорю: постройте железные дороги, чтобы вы могли понять, какая плодородная и всличественная территория простирается за вами. Канадцев я убеждаю: постройте дороги, чтобы вы могли приехать на побережье, увидеть, какая там активность, и оценить его неисчерпаемые богатства»⁸³.

Десять лет спустя железные дороги в провинции Канада были построены, и сразу же стали ощутимы преимущества этого. Удельный вес провинции Канада в экономике Британской Северной Америки резко возрос. Приморские провинции, где железнодорожное строительство только начиналось, а в промышленности преобладали мелкие капиталистические предприятия, стали сильно отставать от центральных районов. С 1851 по 1871 г. население Монреаля и Торонто удвоилось, а население Галифакса увеличилось лишь с 20 тыс. до 30 тыс., а Сент-Джона — с 23 тыс. до 29 тыс. Галифакс и Сент-Джон не были связаны железными дорогами с Канадой. Товары и капитал текли в Канаду и из нее, минуя Нью-Брансуик и Новую Шотландию, особенно в зимнее время. По этим причинам торгово-промышленная буржуазия Галифакса и Сент-Джона стала горячим поборником создания в Британской Северной Америке континентальной системы желез-

⁸³ Howe J. Speeches and Public Letters. Halifax, 1909, v. 2, p. 199.

ных дорог, объединения рынков провинций и создания их единого союза.

Так, в Британской Северной Америке сложились объективные предпосылки для дальнейшей борьбы за независимость, для политического объединения колониальных провинций в единое государство. Но это совсем не означало, что объединение должно было наступить автоматически. Политическая борьба в провинциях, расстановка классовых и национальных сил, отношения с США и Англией не в малой степени повлияли на ход и результат становления канадского самостоятельного государства.

Становление в Канаде промышленного капитализма и образование ответственного правительства привели к перегруппировке политических сил в стране. Власть сосредоточилась в руках новой промышленной элиты. Ее политическим оформлением стала коалиция либералов и консерваторов, державшая в своих руках власть в течение нескольких десятилетий. К этому сводились основные политические итоги буржуазной революции в Британской Северной Америке, которая после поражения вооруженной народной борьбы завершилась «сверху». Но и для осуществления основных реформ потребовалось мощное давление со стороны народа, борьба демократических сил с силами реакции. Массовые оппозиционные движения получили теперь опору в лице новых политических партий, которые сложились среди канадских радикалов после 1848 г. Это были партия «Клиэ гритс» в Западной Канаде во главе с Джорджем Брауном и «Парти руж» — в Восточной Канаде во главе с Антуаном Дорионом⁸⁴.

После образования «ответственного правительства» с еще большей остротой встал вопрос о земельной реформе, отмене сеньориального строя — одного из важнейших препятствий на пути развития капитализма в Канаде. В борьбе за отмену сеньориального строя столкнулись интересы различных классов и групп. Резче всего против отмены феодализма выступала церковь — самый крупный собственник земли в Канаде. Цеплялись за сеньориальный режим и свои привилегии сами сеньоры. Так, сеньор Монтебелло, а это был не кто иной, как вернувшийся из изгнания Л.-Ж. Папино, выступил с таким заявлением: «Я — убежденный реформатор, поскольку речь идет о необходимых политических переменах, но закоренелый консерватор, когда дело касается защиты священного права собственности»⁸⁵. Однако некоторые сеньоры, особенно английского происхождения, стремились развивать капиталистическое хозяйство и не возражали против изменения характера землевладения.

Против феодальной земельной собственности выступали англо-канадские торговые и промышленные круги. Феодальные порядки затрудняли капиталовложения и ограничивали рост внутрен-

⁸⁴ См. подробнее: *Bernard J.-P. Les Rouges: Liberalisme, Nationalisme et Anticlericalisme au milieu au XIX-e siècle. Montréal, 1971.*

⁸⁵ История XIX века. Под ред. проф. Лависса и Рамбо. М., 1938, т. 6, с. 181.

него рынка, ибо в сеньориях до сих пор сохранялись пережитки натурального хозяйства. Феодалная собственность ограничивала масштабы прибыльной земельной спекуляции.

Главной же силой, которая привела к упразднению сеньориального строя, стало массовое движение цензитариев и радикальных демократов из рядов среднего класса. Отмена феодального землевладения оставалась одним из основных требований в программе франкоканадского национального движения после поражения восстания 1837 г. В 40-х годах во французской Канаде около 33 тыс. человек подписали петицию с требованием отмены феодальных прав и повинностей. В провинции состоялся анти-сеньориальный конвент, на который съехалось 120 делегатов. Движение против сеньоров продолжалось и в 50-е годы. Как пишет канадский историк Жорж Белларжо, принятие акта 1854 г. «явилось результатом жалоб и петиций народа, которые вызывались в основном оскорбительными поборами со стороны ряда сеньоров... Эти поборы вызвали волну протестов, перед которой не могли устоять ни государственные деятели, ни правительство»⁸⁶.

Феодализм в Канаде был обречен. Сеньоров больше всего беспокоило, как бы избежать конфискации земли и взвалить на крестьян бремя выкупа сеньориальных прав. Здесь феодалы нашли союзников в лице нового правящего класса, которому были чужды судьбы тысяч франкоканадских крестьян. Коалиция канадских либералов и консерваторов, составлявшая тогда правительство, пошла на реформу. В 1854 г. парламент Канады принял закон об упразднении церковных отрезков и сеньориальных прав. Это был очень важный элемент буржуазной революции в обеих провинциях Канады. Закон 1854 г. передавал в пользу муниципалитетов все церковные резервы земли, секуляризация которых началась в 40-е годы, когда были упразднены феодальные права религиозного ордена сульпицианцев на о-ве Монреаль. По закону 1854 г., не сданная в аренду земля стала полной собственностью сеньоров. Сеньоры должны были также получить 10 млн. долл. компенсации за лишение их феодальных прав. Крестьянам было предоставлено право выкупать сразу или постепенно земельные подати и ренту. Очень немногие крестьяне сумели сразу выкупиться у сеньоров. Известно немало случаев, когда выкуп затянулся вплоть до 1940 г.!

Половинчатая реформа 1854 г. предопределила, таким образом, своеобразный прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве, главным образом Нижней Канады.

Другим вопросом, вокруг которого в провинции Канада развернулась острая политическая борьба, стал вопрос о реформе народного образования. В Канаде длительное время господство-

---

⁸⁶ *Baillargeon G.* La Tenure seigneuriale a-t-elle été abolie par suite des Plaintes des Censitaires?— RHAF, 1967, Juin.

вала система узкокастовых и религиозных школ и семинарий. Массы простых поселенцев были лишены возможности обучать своих детей. Нужды промышленной революции и демократизации канадского общества требовали создания свободных светских школ и широкого начального обучения населения. В 1850 г. в провинции был принят закон, предписавший муниципалитетам ввести налог на собственность для финансирования образования, но проведение в жизнь этого закона шло медленно. Состоятельные жители не хотели поддерживать, по их словам, «неправильное положение, устанавливающее коммунизм в деле образования и подрывающее тем самым собственность и общество»⁸⁷.

Во французской Канаде борьба за демократизацию системы образования осложнялась сопротивлением католической церкви созданию светских школ. Здесь церковь стремилась к установлению полного контроля над образованием. За гражданские школы выступали демократы из «Парти руж», франкоканадская интеллигенция, простые поселенцы. В 1845 г. был создан первый профсоюз светских учителей французской Канады, а в 1864 г. франкоканадские учителя основали собственную газету, бросившую вызов церкви. Но одолеть силу папской реакции было не просто. Католическое духовенство, используя национализм части франкоканадцев, их борьбу против англоизации, в конечном итоге добилось создания системы церковных школ и клерикализации образования во французской Канаде.

В 1840—1850 гг. произошли важные сдвиги в развитии франкоканадской общности и национального движения во французской Канаде. С развитием капитализма буржуазные отношения утвердились и во французской Канаде, хотя над ней продолжал довлеть «тяжелый груз влияния католицизма и отсталости, незрелости социальной структуры, определяемой господством сеньориальной системы, отмененной лишь в 1854 г.»⁸⁸. В эти годы были заложены основы франкоканадской литературы. Писатели О. Крэмази, А. Жеран-Лажуа воспевали прошлое, идеализировали сельскую жизнь. Появляются литературные журналы и общества. Растет интерес к историческому прошлому. В 1845—1848 гг. выходит трехтомная история Канады Франсуа-Ксавье Гарно, где прошлое страны объяснялось как процесс борьбы франкоканадцев за «выживание». Труд Гарно стал «национальной библией» и оказывал сильное влияние на франкоканадскую историческую мысль в течение многих десятилетий.

Итак, в процессе развития капитализма, борьбы против метрополии и англоканадского шовинизма населению французской Канады удалось не только сохранить свой язык и культуру, но и сплотиться во франкоканадскую нацию. Борьба этой нации за свои права и автономию стала важнейшим внутренним факто-

⁸⁷ The Globe, 1852, Jan. 31.

⁸⁸ Сороко-Цюпа О. С. Из истории франко-канадского национального вопроса. — В кн.: Национальные проблемы Канады. М., 1972, с. 85.

ром, определившим характер возникшего общеканадского государства. Движение за франкоканадскую автономию в рамках будущей конфедерации возглавили мелкобуржуазные демократы из «Парти руж» во главе с Дорионом и левое крыло либералов. Как отмечает советский исследователь, «силы массовой народной оппозиции во французской Канаде, требовавшие признания национальных различий и равноправия франкоканадской нации при объединении двух частей Канады, сделали невозможным создание унитарного государства»⁸⁹.

Едва местная буржуазия Канады получила политическую власть в 1848 г., как перед ней встал вопрос, сможет ли молодая капиталистическая экономика, испытывая давление со стороны мощной промышленности Англии и США, устоять. Эта новая обстановка побудила некоторую часть канадской буржуазии из числа крупных монреальских дельцов, связанных с лесным экспортом, мукомольем и судоходством, выступить за присоединение Канады к США. В октябре 1849 г. в Монреале был выпущен «Манифест аннексии», призывавший к «союзу на справедливых условиях с великой североамериканской конфедерацией суверенных штатов». Манифест подписали около тысячи человек, главным образом консервативно настроенные англоканадцы — самые крупные капиталисты колонии. Их возмущал отказ Англии от преференций и либерализм колониальных властей, в том числе в отношении франкоканадцев. Аннексионисты развернули шумную агитацию, но горячие сторонники у них оказались не в Канаде, а в северных штатах США, где сразу же стали созываться митинги, принимавшие резолюции с требованием к правительству США присоединить Канаду. В самой Канаде «Манифест аннексии» не встретил широкой поддержки. Имперские власти также резко выступили против аннексионистов. Элджину было приказано «бороться всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами против любой попытки, которая может быть предпринята с целью осуществить отделение Канады от английских владений»⁹⁰.

Однако на сей раз конфликт был решен без применения силы. Влиятельные группы канадской буржуазии считали более целесообразным добиваться торгового соглашения с США, которое открыло бы обеим сторонам рынки для сбыта продукции. Политика торговой взаимности с Соединенными Штатами выбила почву из-под ног открытых аннексионистов. Она отвечала и устремлениям английских вкладчиков капитала, имевших крупные интересы к югу от канадской границы.

В 1853 г. Канада изменила свою денежную систему и перешла с английского фунта на канадский доллар, как более удоб-

⁸⁹ Там же, с. 86.

⁹⁰ *Shippee L. B. Canadian-American Relations. 1849—1874.* New York, 1939, p. 21.

ный для торговли с США. В 1854 г. между Канадой и США был заключен Договор о взаимности, предусматривавший свободную торговлю сырьем и продукцией сельского хозяйства, открывавший канадские водные пути для американского судоходства наравне с английским, а также представлявший США свободный доступ к рыбным промыслам приморских провинций. В США была отменена пошлина на ввоз канадской продукции, и Канада получила свободный доступ на рынок США, где спрос на продовольствие был высок.

Договор о взаимности заставил канадских капиталистов позаботиться и об укреплении позиций собственной промышленности. В 1858 г. в Торонто была создана Ассоциация содействия канадской промышленности. В Монреале начала действовать Ассоциация тарифной системы. По инициативе министра финансов провинции Канада Голта у Англии было вырвано согласие установить в Канаде протекционистские пошлины на ввозимые товары, в том числе британские. В 1859 г. такие первые в истории Канады тарифы вступили в действие.

Протекционизм Канады и решимость канадских промышленников вопреки американской и английской конкуренции осуществить индустриализацию страны вызвали недовольство как в Англии, так и в США. Надеждам американцев превратить Канаду на основе Договора о взаимности в сырьевой придаток США тогда не суждено было сбыться. Это и послужило причиной отмены договора.

В 1861 г. в США началась гражданская война между промышленным Севером и рабовладельческим Югом. Это событие оказало сильное влияние на Канаду, став важнейшим фактором в образовании доминиона. Трудящееся население Канады, ненавидевшее рабство, и значительная часть буржуазии были на стороне Севера. У канадских демократов были давние традиции борьбы с рабством. Еще в 1793 г. в Верхней Канаде был принят законопроект о ликвидации рабства. В 1833 г. английским парламентом был принят закон, который официально запретил рабство в британских колониях. В 1837 г. в Верхней Канаде было создано антирабовладельческое общество. Уильям Макензи, несмотря на свои симпатии к американской республике, неоднократно выступал с осуждением «постыдной системы рабства людей».

Антирабовладельческие настроения в Канаде заметно усилились после принятия в 1851 г. закона о беглых рабах. На антирабовладельческой демонстрации 1852 г. лидер демократов в Западной Канаде Джорж Браун говорил: «Часто задают вопрос, какое нам, канадцам, дело до американского рабства? Нас это касается самым непосредственным образом... ибо дело идет о самозащите. Проказа чудовищной системы заражает все вокруг себя. Она отравляет мысли, чувства, институты народа, который соприкасается с ней... Мы находимся рядом с этим великим злом. Наши люди постоянно сталкиваются с ним... Наш долг, долг сво-

бодных людей, поднять голос протеста против системы, которая грязным пятном ложится на дело свободы народа»⁹¹.

Задолго до начала войны территория Канады стала желанным местом для беглых американских рабов. «Прощай, мой старый господин, меня ты не ищи. В Канаду пробираться я, свободны негры там», — пелось в одной из негритянских песен. В Канаде находился конечный пункт «Тайной железной дороги», по которой рабы бежали на свободу с южных плантаций⁹². Смелые и беззаветно преданные свободе «проводники» направляли с юга в северные районы, в том числе в Канаду, сотни и тысячи рабов. Так, «американская Жанна д'Арк» — негритянка Гарриет Табмэн⁹³ организовала переброску в Канаду 300 негров и приняла участие в создании в Сен-Катаринсе (Западная Канада) общества помощи беглым рабам. В 1850 г. в провинции Канада насчитывалось 30 тыс. негров, а к 1860 г. — уже 60 тыс. В мае 1858 г. в г. Чатеме (Западная Канада) состоялся конвент американских негров-аболиционистов. Инициатором конвента был знаменитый Джон Браун. Он избрал Канаду, ибо здесь, по его словам, имелся «материал самого лучшего качества» для выступления рабов против хозяев. На конвенте был разработан план похода Джона Брауна на Харперс-Ферри⁹⁴.

После начала гражданской войны в США настроения многих канадцев недвусмысленно выразила газета «Глоуб»: «Каждый канадец, желающий процветания своей стране, должен молиться, чтобы северные армии добились скорой победы и чтобы власть рабовладельцев была уничтожена»⁹⁵. Борьба северян против рабовладельцев Юга вызвала еще большее сочувствие канадских фермеров после принятия президентом США А. Линкольном Акта о гомстеде. «Демократическое земельное законодательство, дававшее юридическое право бесплатно получать участок земли в 64 акра, стало предметом чаяний трудящихся масс Канады»⁹⁶, — отмечает А. Г. Милейковский. Не случайно свыше 50 тыс. солдат армии Севера были гражданами Канады.

В отличие от большинства населения власти провинций Британской Северной Америки, как и правительство Англии, а также многие крупные канадские капиталисты поддерживали Юг. Конфедераты создали в Канаде базу для своих операций. Из Торонто и Монреаля, Галифакса и Сент-Джона они плели нити заговоров, предпринимали рейды и организовывали нападения на суда, лагеря для пленных и население северных городов.

⁹¹ Mackenzie A. The Life and Speeches of Honorable George Brown. Toronto, 1882, p. 260.

⁹² См.: Захарова М. Н. Народное движение в США против рабства. М., 1965, с. 93—97.

⁹³ О ней см.: Война В. Кондуктор «Тайной железной дороги». М., 1965.

⁹⁴ Захарова М. Н. Указ. соч., с. 215—216.

⁹⁵ «The Globe», 1861, 23 July.

⁹⁶ Милейковский А. Г. Канада и англо-американские противоречия. М., 1958, с. 157.

Провокационная политика британских властей в Канаде, рейдерские операции дали повод американской буржуазии требовать захвата Канады. Однако в годы гражданской войны захват Канады Соединенными Штатами был маловероятен. К тому же сам президент Линкольн пресекал амбиции экспансионистского крыла в среде влиятельных американцев и в 1861 г. при встрече с канадским министром А. Т. Голтом «поклонился чество, что ни он, ни члены его кабинета не имеют никаких агрессивных замыслов в отношении Канады»⁹⁷.

По окончании гражданской войны стремление захватить Канаду достигло в США небывалого размаха. Потерпевшие поражение плантаторы уже не могли помешать экспансионистам Севера. Алчных янки привлекали не только земли провинции Канады, но и богатства атлантических провинций. В июне 1866 г. генерал Натаниель Бэнкс внес в конгресс билль, в котором президенту США предлагалось издать декларацию о том, что любая провинция Британской Северной Америки по ее просьбе будет принята в состав США. Этот шаг вызвал беспокойство в Канаде: 20 лет назад подобные «просьбы» позволили США аннексировать территорию Техаса.

Свои цели американская буржуазия маскировала лозунгами борьбы против колониальной политики Англии. Одним из орудий аннексионистской политики стали ирландцы, действовавшие против Англии с территории США. Сюда эмигрировали преследуемые в Англии члены тайной организации «Фенианское общество». В 1865 г. в США они создали свою легальную организацию и приняли решение создать ирландскую армию и осуществить вторжение в Канаду. Фениев поддерживали многие влиятельные лица в Соединенных Штатах. В мае 1866 г. около 800 ирландцев переправились через р. Ниагару и захватили поселок Форт-Ири. Фении обратились с призывом к канадцам свергнуть власть Англии и учредить республику. Через несколько дней перед лицом десятикратно превосходивших сил фении отступили с занятой канадской территории, но их командование сразу же начало готовить новое нападение на Канаду. Рейды фениев, как и экспансионистская политика США, явились важнейшими внешними факторами, ускорившими образование союза колоний Британской Северной Америки.

Другой важной предпосылкой создания общеканадского государства стало стремление Англии укрепить свои позиции на огромных территориях к северо-западу от Великих озер и на Тихоокеанском побережье, что также требовало более прочной централизации и объединения всех британских владений в Северной Америке. В годы английского колониального господства открытие новых земель и дальнейшее освоение континента продолжались. Границы Канады были отодвинуты далеко на запад от Скали-

⁹⁷ Skelton O. D. Life and Times of Sir Alexander T. Galt. Toronto, 1920, p. 31.

стых гор, а затем и достигли Тихого океана. Одновременно и еще более энергично осваивали новые земли континента американцы. К 40-м годам XIX в. США уже являлись тихоокеанской державой, захватившей Орегон и Калифорнию. Американские фермеры, двигаясь на запад, неуклонно приближались к канадским границам. Некоторые колонисты с юга селились в канадских прериях. В 40-х годах в Калифорнии было открыто золото, и наступление американцев на западные земли и Тихоокеанское побережье обрело беспрецедентные масштабы. Магическая сила золота оживила весь Дальний Запад США.

По сравнению с этим Дальний Запад Британской Северной Америки пребывал в положении дикого, почти необитаемого края. Территории были открыты огромные, вплоть до Тихого океана, но поселенцев на них не было. Хозяйничала здесь Компания Гудзонова залива, которой в 1849 г. был передан о-в Ванкувер, где были основаны форты Виктория и Ванкувер. В конце 50-х годов на р. Фрейзер и в районе оз. Карибу было открыто золото. «Золотая лихорадка» и сюда привлекла тысячи переселенцев. Поселок Виктория превратился в город. Большая часть золотоискателей прибывала из Калифорнии и быстро «американизовала» районы приисков. Чтобы предотвратить присоединение к США британских владений на Дальнем Западе, английское правительство в 1858 г. выкупило у Компании Гудзонова залива о-в Ванкувер и основало колонию Британская Колумбия.

Однако стратегические позиции Англии на подступах к Тихому океану со стороны суши оставались непрочными. Монополия торговцев пушниной на огромной территории Британской Северной Америки создавала мертвое пространство в центре континента. Как отмечает А. Г. Милейковский, «задача ликвидации территориальной монополии компании Гудзонова залива диктовалась необходимостью не только противостоять экспансии США на континенте, но и интересами борьбы за господство на Тихом океане. Если с конца XVIII в. пушные короли помогли Англии укрепиться в северо-западной части Тихоокеанского побережья, то к середине XIX в. они стали сильнейшей помехой укреплению тыла английских владений на западе Северной Америки»⁹⁸.

Это заставило Лондон коренным образом пересмотреть вопрос о путях развития канадского Запада и склониться к централизации управления Британской Северной Америки, к объединению в федерацию ее колоний.

Складывание союза колоний началось еще в 50-е годы. В 1859 г. Голт предложил, чтобы Канада обратилась к другим провинциям с предложением наладить между ними свободную торговлю и ввести общий тариф. В 1862 г. межпровинциальная конференция в Квебеке обсуждала возможность введения свободы торговли готовыми промышленными изделиями. Однако переход

⁹⁸ Милейковский А. Г. Указ. соч., с. 148—149.

к более существенным действиям затруднялся непрекращающейся внутренней партийно-политической борьбой в Канаде. За десять лет, с 1854 г., в провинции сменились десять правительств. Наконец, в 1864 г. была создана «великая коалиция» видных политических деятелей, представлявших основные партии и группировки в обеих частях провинции. Основой для коалиции самых различных сил стало стремление выйти из конституционного тупика и решить вопрос о создании федеративного союза.

Ведущие позиции в новой правительственной комбинации занимали Дж. А. Макдональд и Александр Т. Голт, представлявшие интересы ведущей группировки англоканадских промышленников, тесно связанных с Лондоном и со штаб-квартирой в Монреале. К Макдональду присоединил свои силы и его давний противник Джордж Браун, выступавший от имени промышленников и торговцев Торонто, а также широких кругов реформистов городов и сельских мест Западной Канады. От французской Канады главной фигурой был Ж. Этьен Картье — представитель консервативного крыла франкоканадской буржуазии и церкви. Стоявшие за ним круги выступали за создание федерации, ибо были связаны с железнодорожным бизнесом, англоканадским капиталом, и ненавидели франкоканадскую радикальную демократию в лице «Парти руж», которая, кстати, осталась за пределами коалиции. Радикалы боролись против плана Макдональда и Картье о создании федерации, считая его антидемократическим и не обеспечивающим права франкоканадской нации.

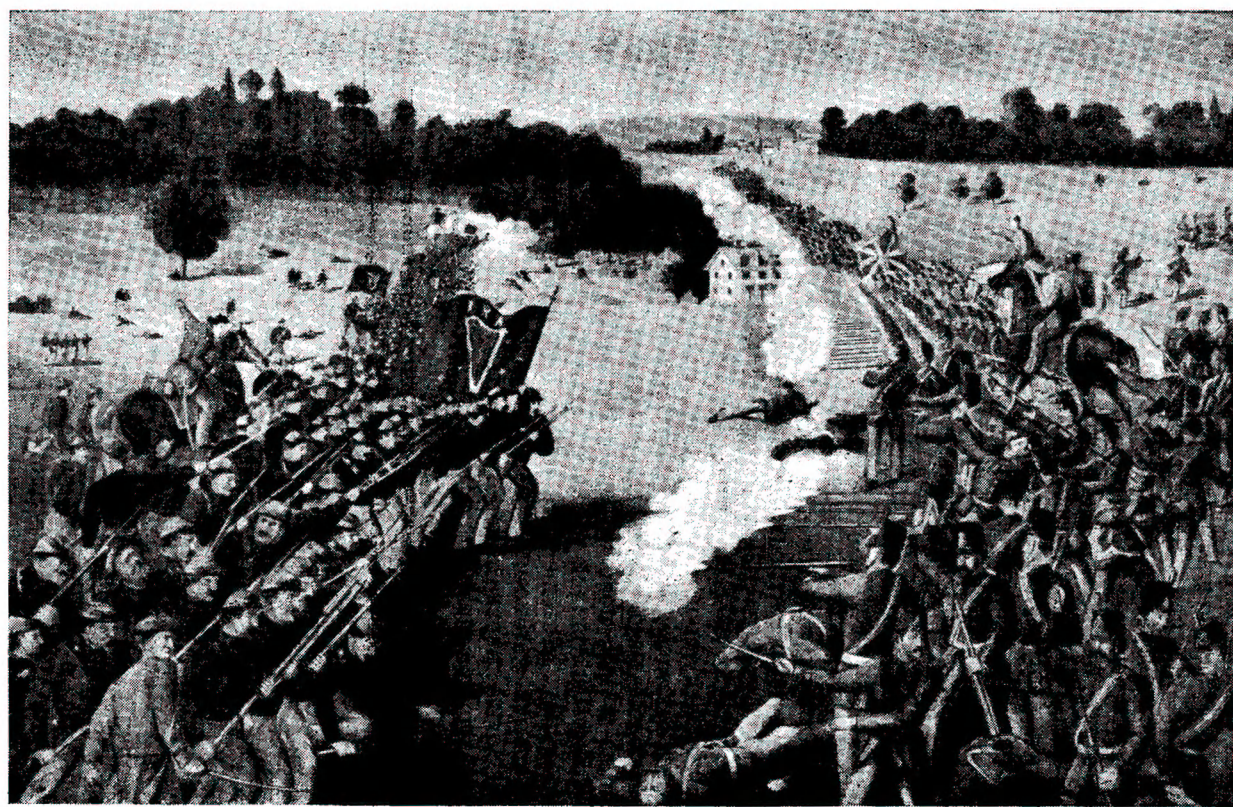
Создание коалиции Макдональда—Брауна—Картье явилось решающим шагом на пути образования федерации. Но с конкретной инициативой выступили атлантические провинции, созвавшие в сентябре 1864 г. в Шарлоттауне конференцию по вопросу об объединении трех провинций: Новой Шотландии, Нью-Брансуика и Острова Принца Эдуарда. Сюда прибыли представители провинции Канада с предложением создать более широкое объединение. Участники встречи договорились созвать в Квебеке новую конференцию.

10 октября 1864 г. в Квебеке собрались 33 делегата, чтобы выработать проект конституции нового союза. На конференции была одобрена идея более обширного федерального союза и общее согласие было зафиксировано в виде 72 резолюций, которые легли в основу Акта о Британской Северной Америке 1867 г.

В Квебекских резолюциях сформулированы основные принципы объединенного канадского федерального государства:

«1. Федеральный союз под короной Великобритании при условии, что он может быть достигнут на справедливых в отношении отдельных провинций принципах, будет благоприятствовать высшим интересам, настоящему и будущему благоденствию Британской Северной Америки.

2. В федерации Британской Северной Америки системой правительства, наилучшим образом защищающей в настоящих ус-

РЕЙД ИРЛАНДСКИХ ФЕНИЕВ 1866 Г.

ловиях разнообразные интересы отдельных провинций, обеспечивающей эффективность, гармонию союза и его постоянное функционирование, явилась бы такая система, при которой существовало как центральное правительство, в чьи функции входили бы вопросы, представляющие общий интерес для страны в целом, так и местные правительства для каждой из частей Канады и для провинций Новая Шотландия, Нью-Брансуик и Остров Принца Эдуарда. Эти правительства осуществляли бы контроль над местными делами на соответствующих территориях.

3. Выработывая конституцию центрального правительства, конференция, намереваясь увековечить наши связи с метрополией и в высших интересах народов этих провинций, стремится в той степени, в какой позволяют наши условия, принять за образец английскую конституцию»⁹⁹.

В то время когда провинциальные правительства обсуждали и ратифицировали Квебекские резолюции, в колониях поднялась волна антифедеративных настроений, разгорелись политические страсти. Едва ассамблея провинции Канада одобрила проект конституции, как избиратели Нью-Брансуика резко осудили ее принципы и вынудили правительство, выступавшее за конфедерацию, уйти в отставку. И ассамблея Острова Принца Эдуарда отвергла Квебекские резолюции. Правительство Ньюфаундленда, хотя и решило вопрос положительно, потерпело поражение на выборах. В Новой Шотландии правительство также отошло от согласованного курса. Жители этих провинций, озабоченные вопросом региональной автономии, стремились защитить свои демократические права перед лицом демонстративного нежелания творцов конфедерации прислушаться к мнению народа и отказаться от закулисных, верхушечных действий.

После того как власти провинций ратифицировали Квебекские резолюции, документ был доставлен в Лондон делегацией во главе с Макдональдом, Картье и Голтом. Правительство либералов в Англии, заинтересованное в образовании канадской федерации, энергично этому содействовало. Для метрополии было лучше согласиться с самостоятельностью Канады при сохранении самых тесных уз с бывшими владениями, чем утратить их совсем в результате новых антиколониальных выступлений или же аннексии со стороны США. Стало ясно, что процесс становления канадской независимости зашел так далеко, что Великобритания была уже не в силах предотвратить его. Афишировавшаяся незаинтересованность метрополии в колониальных делах проявилась в том, что полупустая палата общин в Вестминстере приняла в 1867 г. без всяких разногласий Акт о Британской Северной Америке.

---

⁹⁹ Documents on the Confederation of British North America. Ed. by G. P. Browne. Toronto, 1969, p. 154.

Новый закон начинался такими словами: «Принимая во внимание, что провинции Канада, Новая Шотландия и Нью-Брансуик выразили желание объединиться в единый федеративный доминион под короною Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, имеющий конституцию, в основном сходную с конституцией Соединенного Королевства... Да будет поэтому постановлено и объявлено превосходнейшим величеством королевы... [что] провинция Канада, Новая Шотландия и Нью-Брансуик образуют и составят единый доминион под именем Канада»¹⁰⁰.

Термин «доминион» для названия государства был заимствован из религиозного псалма и означал «владение». Решение так назвать новое государство, видимо, имело тактический смысл. Согласиться с предложением Макдональда назвать федерацию «канадским королевством», чтобы подчеркнуть монархическое устройство Канады, английская палата общин не рискнула. Это могло вызвать нежелательную реакцию в США. И в то же время слово «владение» давало понять, что на политической карте Северной Америки появлялось не полностью независимое государство, а полуавтономная конфедерация бывших колониальных провинций. Британская корона не уходила с исторической сцены на Американском континенте.

Официально днем образования доминиона считается 1 июля 1867 г., когда вступил в силу Акт о Британской Северной Америке — конституция Канады, действующая и поныне. В состав доминиона вошли четыре провинции: выделенные из провинции Канада франкоязычный Квебек и англоязычный Онтарио, а также Новая Шотландия и Нью-Брансуик. В 1870 г. с согласия английского правительства Компания Гудзонова залива уступила доминиону Канада обширные северо-западные территории — от Великих озер до Скалистых гор, где в том же году была образована провинция Манитоба, а позднее — Саскачеван и Альберта. В 1871 г. в состав доминиона вошла Британская Колумбия, а в 1873 г. — Остров Принца Эдуарда.

По Акту 1867 г., парламент доминиона был учрежден по типу английского — в составе двух палат: нижней, избираемой населением, и верхней, сената, назначаемого генерал-губернатором. Федеральному правительству были подведомственны оборона, финансы, транспорт, связь, регулирование торговли, налогообложение, иммиграционная политика. Правительству доминиона было предоставлено право назначать и увольнять лейтенант-губернаторов провинций.

Деятельность провинциальных правительств ограничивалась местными делами: самоуправление, просвещение, здравоохранение, охрана имущественных и гражданских прав в провинции.

Французский Квебек рассматривался в качестве одной из провинций и не более. Единственная статья, отражавшая двунацио-

¹⁰⁰ Конституции государств американского континента. М., 1959, ч. II, с. 13.

нальный состав возникшего государства, касалась признания права пользоваться французским языком в парламентских прениях. Признание языковых и религиозных прав франкоязычного населения в провинции Квебек создавало лишь иллюзию национального равенства. В государственной структуре, в определении общегосударственной экономической политики подлинно двунациональный характер государства не получил признания, не нашел он закрепления и в структуре федеральных органов власти.

Канадская конституция обеспечивала господствующее положение англоканадской нации. Проявлением этого стало утверждение монархического характера государства, сохранение за Англией внешнеполитического суверенитета, вопросов войны и мира, права толкования конституции и ее изменения и, наконец, контроль английского и англоканадского капитала над экономикой, привязанность доминиона к имперскому рынку.

Англоканадская буржуазия заняла господствующее положение в федеральных органах власти, английский и англоканадский капитал контролировал хозяйственную жизнь не только в англоязычных провинциях, но и в Квебеке.

Канадская конституция фактически была написана росчерками железнодорожных магистралей. Создание трансконтинентальной сети дорог сделало возможным появление централизованного государства — «доминиона от моря до моря», как гласит надпись на государственном гербе Канады. Железные дороги ускорили возникновение городов, рост промышленности и капиталов, а владельцам последних дали необходимую силу, дабы взять в свои руки дело создания самостоятельного государства и политическую власть в новом образовании. Но путь к основанию канадского государства был проложен прежде всего народными массами, освоившими огромные территории на континенте, создавшими на новой земле прекрасные материальные и культурные ценности, проявившими готовность взяться за оружие и отдать свою жизнь во имя освобождения от сил тирании и угнетения.

При всей своей незавершенности и ограниченности конфедерация 1867 г. была историческим достижением народа Канады. Новое государство воплотило многие демократические права, за которые велась борьба в 1837 г. Оно открыло путь самостоятельному развитию страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завоевание Великобританией французской колонии Новая Франция привело к установлению в Канаде нового колониального режима, отличавшегося деспотизмом в отношении основной массы местного населения французского происхождения. Сохранив старые узы эксплуатации и подчинения, в том числе феодальный сеньориальный строй, метрополия передала власть английскому меньшинству в лице чиновников колониальной администрации, крупных землевладельцев, торговцев и предпринимателей, действовавших в союзе с представителями бывшей правящей колониальной верхушки — франкоканадскими сеньорами и духовенством римско-католической церкви.

Английское завоевание и возникновение в связи с этим франкоканадского национального вопроса положили начало освободительной борьбе канадских поселенцев, которая на первых порах носила характер стихийного, неорганизованного протеста против попыток сохранить и упрочить существующий старый социальный строй, против новых форм эксплуатации и подчинения. Разобщенная крестьянская масса не была еще способна на самостоятельные политические действия, но ее стихийный протест явился питательной средой и резервом для более активных выступлений средних городских слоев в лице ремесленников, мелких торговцев, местной интеллигенции. Первоначально эти выступления принимали сравнительно мирную форму — петиции с требованиями уступок со стороны метрополии. Позиции участвовавших в этой борьбе представителей нарождающейся колониальной буржуазии были довольно противоречивы. С одной стороны, во имя собственных интересов и привилегий они выступали глашатаями ассимиляторской политики в отношении местного населения Квебека, с другой — добивались демократического по тем временам, представительного управления колонией через выборную ассамблею, отвергали увековечивание в Канаде феодальных порядков времен французского господства. Их борьба в определенной мере сливалась с борьбой североамериканских колонистов против ко-

ониального режима Великобритании, отвечала интересам франкоканадского крестьянства и носила в целом прогрессивный характер.

Заметное влияние на развитие освободительного движения в Канаде оказала американская буржуазная революция XVIII в. Опыт американских колонистов и сам факт образования по соседству независимого государства с республиканским строем стали мощным и долговременным фактором, стимулирующим освободительное движение в колонии. В то же время печальный опыт утраты 13 колоний привел Великобританию к более осторожной и изощренной политике в отношении оставшихся колониальных владений, усилил стремление метрополии превратить Канаду в оплот британского влияния на Североамериканском континенте. Неоднозначным оказалось влияние и такого важнейшего последствия войны за независимость, как лоялистская иммиграция в Канаду.

События времен войны за независимость, лоялистская иммиграция и связанное с этим возрастание населения английского происхождения, рост средних слоев, класса местной англоканадской буржуазии побудили метрополию внести коррективы в ее политику в Канаде. Однако решающую роль в осуществлении реформы 1791 г. сыграли требования широких слоев населения канадских провинций, демократическое движение за реформы, против колониального режима.

Сильный толчок франкоканадскому национальному движению дала Великая Французская революция. Распространение идей Просвещения и революционная агитация французов в Нижней Канаде ускорили процесс формирования политической оппозиции колониальному режиму и привели к ряду открытых выступлений крестьян против сеньориального строя и колониальных властей.

На первоначальном этапе — с момента английского завоевания в 1760 г. и примерно до начала XIX в. — освободительная борьба в колониальной Канаде расшатывала колониальный режим и закладывала основы будущего национально-освободительного движения.

Новый этап уже организованной освободительной борьбы приходится в Канаде на первую треть XIX в., когда провинции Британской Северной Америки достигли такой степени развития капиталистических отношений, хозяйственной и политической зрелости, что стало возможным бросить открытый вызов метрополии.

К этому времени в Канаде вокруг вопроса о земле сложился целый комплекс противоречий, явившихся одной из важнейших объективных предпосылок антиколониальной, буржуазной революции. Процесс созревания предпосылок антиколониальной, буржуазной революции наблюдался не только в канадской деревне, но и в торгово-промышленной сфере. Накопление капиталов, рост населения и рынка наемного труда создают объективные возмож-

ности для развития национальной канадской промышленности капиталистического типа. Однако условия колониального режима серьезно тормозили развитие национальной промышленности. Метрополия поддерживала только те отрасли и в то время, когда это было ей выгодно. В первой трети XIX в. в Британской Северной Америке складывается непримиримый конфликт между интересами развития самостоятельной колониальной экономики и потребностями канадского капитализма, с одной стороны, и старыми, отжившими формами хозяйственных отношений и колониальным режимом, с другой. В Канаде возникли объективные предпосылки для антиколониальной, буржуазной революции.

В первые два десятилетия XIX в. освободительное движение в Канаде ограничивалось борьбой за реформы с целью демократизации политических порядков в колонии. Представители средних слоев канадского общества, опираясь на поддержку широких слоев населения, выдвинули требования реформ в области просвещения, контроля над финансами, налогообложения, земельной политики и т. п. В Нижней Канаде особое значение приобрел вопрос о национальном равноправии, в Верхней Канаде — вопрос о религиозных свободах и гражданских правах для переселенцев из США. Основной формой освободительного движения на этом этапе была политическая борьба демократически настроенных депутатов законодательных ассамблей против губернаторов и их окружения, под контролем которых находились исполнительные власти канадских провинций.

Ограниченные рамки конституционной борьбы не принесли каких-либо серьезных перемен, хотя в ее ходе власть губернаторов была ослаблена, а антиправительственная оппозиция окрепла. Главный итог этого этапа — четкое размежевание политических сил в стране: с одной стороны, правящая группировка, концентрировавшаяся в каждой провинции вокруг колониальной администрации, с другой — лагерь сторонников реформ, центром деятельности которого являлись ассамблеи и органы оппозиционной печати.

Размежевание политических сил завершилось выработкой программы освободительного движения, содержащей основные требования канадских патриотов, в том числе установление колониального самоуправления в форме ответственного правительства. Программа патриотов отражала интересы не только демократически настроенной части канадской национальной буржуазии, но и интересы трудящегося населения колонии. Программа содействовала сплочению на ее основе всего освободительного движения.

Аграрный кризис 1835—1837 гг. и глубокие экономические потрясения 1837 г. привели к бедственному положению широких слоев канадского фермерства и мелкой и средней буржуазии, что до предела обострило в стране социальные противоречия и недовольство колониальным режимом. В эти годы движение переросло во всенародную борьбу канадских поселенцев против суще-

ствующего социального строя, за национальную независимость. В колонии возникают тайные революционные организации, имеющие целью подготовку вооруженного восстания против метрополии и установление в стране более справедливого социального строя. Налаживаются связи и сотрудничество между патриотами Верхней и Нижней Канады, однако добиться единства действий патриотам не удалось.

Кульминационным моментом истории освободительного движения в колонии, его высшим этапом стало вооруженное восстание 1837—1838 годов в Нижней Канаде и Верхней Канаде. Это восстание не было результатом действий «безответственных агитаторов и демагогов», междоусобной национальной вражды или же «заговора профессиональной элиты французской Канады», как все еще пытаются доказывать некоторые канадские историки. Да, конкретные планы вооруженных выступлений были намечены лидерами освободительного движения, которые в большинстве своем не являлись выходцами из народных низов и в борьбе против метрополии порой прежде всего преследовали собственные, довольно эгоистичные интересы. Однако следует помнить, что «об исторических событиях надо судить по движениям масс и классов в целом, а не по настроениям отдельных лиц и группок»¹.

Восстание 1837—1838 годов было неразрывно связано со всей предысторией освободительного движения в канадских провинциях. Оно, как и вся предшествовавшая борьба, имело глубокие социально-экономические причины, причем в своей основе общие для обеих частей Канады. Недовольство крестьянских масс, как феодально зависимых абитанов, так и фермеров, положением с землей и эксплуатацией, которой они подвергались; недовольство наемных рабочих, городских низов дискриминацией и эксплуатацией в сфере наемного труда; недовольство мелкой буржуазии, средних слоев общества засильем и всевластием колониально-феодальной олигархии, прежде всего земельной и торговой аристократии,— именно это сделало восстание 1837—1838 годов массовым народным выступлением.

Только «верхушечным заговором» или «национальным конфликтом» невозможно объяснить, почему фактически большинство населения участвовало в борьбе за реформы, а тысячи людей почти одновременно взялись за оружие как во франкоязычной, так и в англоязычной частях Канады. Общее число участников движения за реформы в 30-е годы XIX в. составляло в Британской Северной Америке многие десятки тысяч человек. Не менее 5 тыс. крестьян активно участвовали только в первом вооруженном выступлении в 1837 г. в Нижней Канаде и около 7 тыс.— в событиях осени 1838 г.²

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22. с. 85.

² Ouellet F. Le Bas-Canada. 1791—1840. Changements structuraux et crise. Ottawa, 1976, p. 512.

Восстание 1837—1838 годов нашло широкую поддержку среди сельскохозяйственных наемных рабочих и части промышленного пролетариата таких крупных городов, как Торонто и Монреаль. Так, в Верхней Канаде среди повстанцев, руководимых Ч. Данкомбом, около 20% составляли лица, работавшие по найму, хотя район выступления был преимущественно аграрным. В организациях «Сыны свободы» участвовало около 700—800 рабочих Нижней Канады³. Среди наиболее активных участников восстания в Нижней Канаде можно назвать и рабочих-ирландцев из Монреалья и районов каналостроения.

Бесспорно, определяющими при принятии канадскими колонистами решения взяться за оружие и выступить против существующего порядка являлись мотивы экономического характера. Это, в частности, подтверждает даже анализ возрастного состава наиболее активных участников освободительного движения. В списках повстанцев, принимавших самое активное участие в вооруженных выступлениях в сельских районах Нижней Канады, указан возраст 215 человек, и среди них 76% составляют люди старше 30 лет. Это в основном абитаны — главы семей, которые в условиях кризиса сеньориального строя были не в состоянии обеспечить детей собственными наделами. Не случайно из крестьян — активных участников восстания — в Нижней Канаде 51% имел в семьях по пятеро и более детей⁴.

Характеризуя революционный лагерь, канадский историк М. Кросс справедливо отмечает: «Повстанцы обеих провинций не представляли собой однородную массу, имели различное этническое происхождение, вероисповедание и социальное положение. Однако их объединяло нечто общее — это были люди, лишенные возможности воспользоваться обещаниями Нового Света в силу экономической системы эксплуатации и притеснения... Это были люди, готовые завоевать, даже силой оружия, принадлежавшую им по праву экономическую и политическую свободу»⁵.

Феодально зависимые крестьяне, фермеры-йомены, сельский и городской пролетариат составили главную движущую силу канадского восстания 1837—1838 годов, придав ему подлинно народный и социально-классовый характер. Несмотря на неверную концепцию, что «восстания 1837—1838 годов зародились среди элиты и только затем были распространены на массы», Ф. Уэллс все же вынужден признать, что «эти восстания носили глубоко народный характер» и что «городские и сельские массы, 95% всех революционных сил, составляли ударную силу движения»⁶.

³ Read C. F. The Rising in Western Upper Canada. 1837—1838: The Duncombe Revolt and after. Ph. D. Thesis. University of Toronto, 1974, p. 18; Ouellet F. Le Bas-Canada..., p. 512.

⁴ Ouellet F. Le Bas-Canada..., p. 513

⁵ The Wait Letters. By Benjamin Wait. Afterwards by M. Cross. Erin (Ontario), 1976, p. 154.

⁶ Ouellet F. Les insurrections de 1837—1838: un phénomène social.— Histoire Sociale, 1968, v. 2, november, p. 57—62.

Народные массы вынесли на себе и основную тяжесть вооруженной борьбы. Об этом свидетельствуют данные о социальном составе арестованных и брошенных в тюрьмы патриотов. Подсчет по списку арестованных в Верхней Канаде показывает следующий состав активных участников восстания в этой провинции ⁷:

Профессия	Число	%
Фермеры	395	45
Рабочие	345	39
Ремесленники	70	8
Служащие и лица свободных профессий	46	5
Купцы и мелкие торговцы	29	3
Всего:	885	100

На основании имеющихся официальных списков арестованных в округе Монреаль — главном районе восстания — социальный состав активных участников восстания в Нижней Канаде выглядит так ⁸:

Профессия	Арестовано с 1.XI 1837 г. по 3.XI 1838 г.		Арестовано с 4.XI. 1838 г. по апрель 1839 г.	
	Число	%	Число	%
Крестьяне	321	64	452	55
Рабочие	28	6	125	15
Ремесленники	9	2	86	11
Служащие и лица свободных профессий	40	8	78	10
Купцы и мелкие торговцы	59	12	58	7
Джентри	38	8	17	2
Всего:	495	100	816	100

Одним из аргументов противников признать народный характер восстания является утверждение, что социальный состав лагеря сторонников колониальных властей тот же, что и лагеря повстанцев. В действительности же фермеры и рабочие составляли незначительное меньшинство среди верноподданнической части населения ⁹.

Различия между лагерем патриотов и канадскими тори в ходе освободительного движения все больше определялись классовыми позициями, которые обуславливали взгляды и действия конкретных участников событий, причем характер борьбы в провинциях был неоднозначным и сложным. В Нижней Канаде его основную черту составляла антифеодалная направленность. Главной целью большинства франкоканадского населения, взявшегося в 1837 г.

⁷ Imperial Blue Books on Affairs Relating to Canada. London, 1839, v. 11, p. 1—19.

⁸ Imperial Blue Books on Affairs Relating to Canada. London, 1840, v. 13, p. 3—21.

⁹ См., например: Johnson J. K. The Social Composition of the Toronto Bank Guards, 1837—1838.— ОН, 1972, v. 64.

за оружие, было уничтожение феодального строя в виде сеньориальной системы землепользования и других форм докапиталистической эксплуатации. Небезынтересно на этот счет заключение лорда Дарэма: «Причиной страданий масс французского населения были злоупотребления сеньориальной системой. Есть все основания считать, что большинство крестьян, сражавшихся у Сен-Дени и Сен-Шарля, верили, что в случае победы главным ее результатом будет уничтожение церковной десятины и других форм феодального бремени»¹⁰.

Полная отмена сеньориального строя и привилегий церкви провозглашалась в важнейшем документе повстанцев — Декларации независимости народа Нижней Канады, свидетельствовавшей не только об антифеодальных, но и буржуазно-демократических устремлениях повстанцев Нижней Канады. Эти тенденции отразились и в надеждах на ограничение и даже ликвидацию крупной частной собственности. Имеются свидетельства, что патриоты планировали национализировать канал Лашин и железную дорогу Ла-Прери¹¹.

В Верхней Канаде главным устремлением народных масс было уничтожение системы крупного, спекулятивного землевладения, ликвидация наиболее открытых и грубых форм ранней капиталистической эксплуатации и демократизация общественного строя. Буржуазно-демократическая направленность борьбы верхнеканадских фермеров и рабочих отразилась в романтизированном идеале создания независимого государства свободных аграриев, живущих вне системы прямой эксплуатации.

Восстание 1837—1838 годов по своей форме было прежде всего выступлением против английского колониального режима, за национальную независимость. Характер канадского освободительного движения на его высшем этапе вооруженной борьбы был, таким образом, неразрывным в своей антифеодальной, буржуазно-демократической и национально-освободительной направленности. Отделение от метрополии и создание независимого государства стало основным политическим лозунгом канадских повстанцев, отражавшим глубокие и осознанные чаяния широких масс поселенцев.

Для понимания характера и исторического места восстания 1837 г. важно отметить, что оно явилось не только результатом внутренних противоречий и потребностей развития канадских провинций, но также испытало сильное влияние общей революционной обстановки в мире, и прежде всего борьбы за демократические реформы и чартистского движения в Англии, буржуазных революций в Европе, национально-освободительных войн и революций в Латинской Америке. Критикуя взгляды канадских историков на восстание как выпадающее из логики исторического

¹⁰ *Durham J.* The Report of the earl of Durham. London, 1902, p. 13.

¹¹ *Ouellet F.* Les insurrections de 1837—1838..., p. 74.

развития и мешающее этому развитию событие, М. Кросс, пожалуй, первым из историков отметил следующее: «Восстание в канадских провинциях можно вполне рассматривать как освободительную борьбу, ибо оно было частью волны освободительной революции, которая охватила весь западный мир в тот период. От восстания декабристов 1825 г. в России и революции 1830 г. в Западной и Центральной Европе к чартистскому движению в Англии и революциям 1848 г. в Европе — повсюду народ выступал против изживающей себя автократии, за свободу. Почему же Канада должна была избежать влияния этих освободительных веяний и почему канадские восстания должны оцениваться столь негативно и упрощенно? Сопоставление канадского восстания с его европейскими аналогами ставит его в единый контекст мирового исторического процесса...»¹².

Рассмотрев природу, главные движущие силы и направленность восстания 1837—1838 годов, следует обратиться к вопросу о руководстве восстанием и причинах его поражения. Главными глашатаями и руководителями борьбы в обеих провинциях были представители мелкобуржуазных слоев колониального общества — мелкие предприниматели, торговцы, лица свободных профессий. Исключение среди них составляли в Нижней Канаде несколько выходцев из сеньоров и священников, а в Верхней Канаде — из фермеров.

Призыв к вооруженной борьбе против колониальных властей и олигархических клик стал для национальной буржуазии последним средством обеспечить собственные экономические интересы и занять соответствующее их растущему влиянию место в политической структуре общества. В Нижней Канаде это призыв в значительной мере был облачен в националистическую форму, направленную против господства англичан вообще. Национализм, как одна из форм мелкобуржуазной идеологии в ходе национально-освободительного движения, был свойствен части руководителей патриотов французской Канады. Однако он не являлся определяющим мотивом в действиях как рядовых участников борьбы, так и лидеров. Иначе невозможно объяснить наличие среди основных руководителей восстания в Нижней Канаде братьев Нельсонов, Брауна, О'Коллагэна и других канадцев не-французского происхождения.

Мелкобуржуазная природа лидеров восстания определила двойственность и нерешительность их поведения. Вплоть до самого последнего момента они не могли отважиться взять твердый курс на восстание. Поведение Папино, Брауна — в Нижней Канаде, Рольфа, Болдуина — в Верхней Канаде организационно разоружило повстанцев, обезглавило и обрекло на неудачу само восстание. Имеются свидетельства, что лидеры восстания опасались

---

¹² The Wait Letters..., p. 149.

его подлинно всенародного характера и антифеодальной, антиклерикальной направленности¹³.

Таким образом, отсутствие единого последовательного революционного руководства, раскол в лагере патриотов и отход умеренных элементов колониальной буржуазии от борьбы, разобщенность сил повстанцев, слабая организация и оборонительная тактика стали основными причинами поражения восстания 1837—1838 годов.

Решающую роль в разгроме повстанцев сыграли английские регулярные войска, поддерживаемые лоялистски настроенной частью населения. Огромные усилия по удержанию народных масс в лоне верноподданничества приложила церковь, особенно римско-католическое духовенство в Нижней Канаде, и, как справедливо считает С. Кларк, «занятая церковью позиция имела, возможно, решающее значение в ослаблении массовой базы восстания»¹⁴.

Наконец, не последнюю роль в поражении восстания 1837—1838 годов сыграл ряд внешних факторов, прежде всего сговор властей Великобритании и США, направленный против канадского освободительного движения. Такова уж логика развития буржуазного государства, что армия Соединенных Штатов была использована в борьбе против канадских патриотов, на знаменах которых дословно были начертаны лозунги, сформулированные 60 лет назад в ходе американской войны за независимость!

Восстание 1837—1838 годов потерпело поражение, а вместе с ним и радикальная буржуазно-демократическая тенденция в ходе антиколониальной буржуазной революции в Канаде. Тем не менее, как отмечает С. Райерсон, «поражение буржуазных и национальных революций в обеих частях Канады означало не конец, а скорее начало процесса утверждения буржуазной демократии в Британской Северной Америке»¹⁵.

В результате вооруженных выступлений значительно ослабили и политические позиции колониальной верхушки. Плодами народной борьбы воспользовалась канадская буржуазия. На долю народных масс, как и в ранних буржуазных революциях, в данном случае пришлось «работа по расчистке почвы от всех остатков и пережитков феодализма, но расти на этой расчищенной, удобренной кровью борцов революции почве суждено было капитализму»¹⁶.

Кризис, в котором оказались канадские провинции в результате восстания, заставил английские правящие круги срочно искать

¹³ *Ouellet F.* Les insurrections de 1837—1838..., p. 82.

¹⁴ *Clark S. D.* Movements of Political Protest in Canada. 1640—1840. Toronto, 1959, p. 460.

¹⁵ *Ryerson S. B.* The Unequal Union. Confederation and the Roots of Conflict in the Canadas. 1815—1873. New York, 1968, p. 84.

¹⁶ *Чистозвонов А. Н.* Некоторые основные теоретические вопросы проблемы генезиса капитализма в европейских странах.— В кн.: Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. Отв. ред. С. Д. Сказкин. М., 1969, с. 101.

выход из создавшегося положения, опираясь не только на силу оружия, но и на политику уступок и компромиссов. Но лишь новый подъем борьбы за демократические преобразования и ответственное правительство вынудил Великобританию после упорного сопротивления предоставить в 1848 г. Канаде самоуправление.

На этом завершающем этапе буржуазной антиколониальной революции лидерство в лагере реформаторов захватили умеренные элементы из числа канадской буржуазии, выступавшие в годы восстания против того, чтобы братья за оружие. Их главной целью становится создание наиболее благоприятных условий для капиталистического предпринимательства в стране, получение самостоятельности во внутренних делах, контроля над местным рынком и ресурсами. Канадская буржуазия, окончательно утратив свою революционность, стала доводить до конца дело освобождения осторожными, паллиативными мерами, готовая мириться с существованием колониальных ограничений и верховенством британской короны. Революционный процесс, таким образом, начавшись «снизу», в результате поражения восстаний стал завершаться «сверху», половинчато, мирно, что предопределило более сложный и длительный путь Канады к полной независимости и незавершенность буржуазной революции в этой стране.

Пребывание у власти в Канаде местной буржуазии во время «переходного периода» от колониального самоуправления к независимости сильно сказалось на характере окончательного решения важнейших задач освободительного движения. С большим трудом, под давлением народных масс, в стране были осуществлены реформы, уничтожившие остатки феодализма и земельную монополию церкви. Недемократизм и двойственность канадской буржуазии проявились и при решении вопроса об образовании самостоятельного канадского государства, что нашло отражение в фиксации ограниченного внешнеполитического суверенитета и неравноправия франкоканадской этнической общности в едином государстве.

Спектр исторических событий, которые составили процесс образования доминиона Канада в 1867 г., заслуживает дополнительного и специального исследования. Для нас же в итоге бесспорно одно, что появление на политической карте мира независимого канадского государства произошло прежде всего в итоге длительной освободительной борьбы народных масс. Утверждение в этом государстве еще прогрессивного по тем временам буржуазного строя, пришедшего на смену феодальным отношениям и колониальному режиму, также явилось результатом освободительного движения против господства земельной аристократии и колониальной зависимости.

БИБЛИОГРАФИЯ

Маркс К. К критике политической экономии.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13.

Маркс К. Американский вопрос в Англии.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 15.

Маркс К. Гражданская война в Северной Америке.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 15.

Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16.

Маркс К. Капитал, т. I.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23.

Энгельс Ф. Уроки американской войны.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 15.

Энгельс Ф. Протекционизм и свобода торговли.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3.

Ленин В. И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск 1. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки.— Полн. собр. соч., т. 27.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полн. собр. соч., т. 27.

Ленин В. И. Государство и революция.— Полн. собр. соч., т. 33.

Ленин В. И. Крах II Интернационала.— Полн. собр. соч., т. 26.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Архив внешней политики России (АВПР)

Переписка русских дипломатов в Америке с министром иностранных дел.

Ф. Канцелярия, Вашингтон, 1819 г. (д. 12189—12194), 1820 г. (д. 12195—12198), 1821 г. (д. 12199), 1826 г. (д. 12225, 12226), 1827 г. (д. 12228—12235), 1828 г. (д. 12236—12241), 1832 г. д. 280, 281), 1836 г. (д. 219, 220), 1838 г. (д. 246). 1838 г. (д. 221, 222). Ф. Посольство в Вашингтоне, 1838—1841 гг. Public Archives of Canada (PAC). Great Britain. Colonial Office. Canada. Acts. William Lyon Mackenzie's Correspondence. 1818—1861. Public Archives of Ontario (PAO). Mackenzie-Lindsey collection. Mackenzie's Papers.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Bibliography of Materials at the Public Archives of Canada Relating to the Rebellion of 1837—1838. Ottawa, 1940.

Catalogue of Pamphlets, Journals and Reports in the Dominion Archives. 1611—1867. Ottawa, 1911.

Golder F. A. Guide to Materials for American History in Russian Archives. V. 1. Washington, 1917.

Inventaire des Documents relatifs aux Evenements de 1837 et 1838.—RAPQ. 1925—1926. Québec, 1926.

Severance F. H. Contributions Towards a Bibliography of the Niagara Region. The Upper Canada Rebellion of 1837—1838.—BNSPR, 1902, v. 5.

Staton F. Bibliography of the Rebellion of 1837—1838. Toronto, 1924. Toronto Public Library. The Rebellion of 1837—1838: A Bibliography of

the Sources of Information in the Public Reference Library. Toronto, 1924.

ПРЕССА

Московские ведомости, 1815—1839.

Сын отечества, СПб., 1815—1839.

Canadian Correspondent and Advocate, Toronto, 1833—1837.

Le Canadien, Québec, 1806—1856.

Colonial Advocate, Queenston and Toronto, 1824—1834.

Constitution, Toronto, 1836—1837.

Examiner, Toronto, 1838—1856.

The Globe, Toronto, 1844—1856.

Le Minerve, Montreal, 1826—1837.

Nile's Weekly Register, Baltimore, 1815—1836.

Vindicator, Montreal, 1828—1837.

Welland Canal, Toronto, 1835.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

The Arthur Papers. 1822—1850. Ed. by C. R. Sanderson. V. 1—3. Toronto, 1957—1959.

British Parliamentary Papers. Colonies. Canada. 1828—1894. V. 1—32. Shannon, 1968—1970.

British Colonial Developments. 1774—1834: Selected Documents. Ed. by V. T. Harlow, A. F. Madden. Oxford, 1953.

Canada. Laws and Statutes. Statutes de la province du Canada. Québec. 1863.

> Canadian Historical Documents Series. Ed. by P. B. Waite. Scarborough, 1965.

> Documents on the Confederation of British North America. Ed. by G. P. Browne. Toronto, 1969.

> Documents Relating to the Constitutional History of Canada. 1759—1828. Ed. by A. Shortt, A. G. Doughty, N. Story. V. 1—3. Ottawa, 1914—1935.

Documents sur le British North America. 1759—1775. Ed. by J.-P. Wallot. Montréal, 1973.

Documents Relating to the Seigniorial Tenure in Canada. 1598—1854. Ed. by W. B. Munro. Toronto, 1908.

Elgin—Grey Papers. 1846—1852. Comp. by A. G. Doughty. V. 1—4. Ottawa, 1937.

Historical Aspects of the Immigration Problem. Select Documents. Ed. by E. Abbot. Chicago, 1926.

Letters from Lord Sydenham, governor-general of Canada. 1839—1841, to Lord John Russell. Ed. by P. Knaplund. London, 1931.

Journals of the Continental Congress. 1774—1789. Ed. by W. Ch. Ford. V. 1—34. Washington, 1904—1937.

> Naval Documents of the American Revolution. Ed. by W. B. Clark. V. 1—6. Washington, 1964—1972.

The Papers of the Prime Ministers. The Letters of Sir John A. Macdonald. 1836—1861. V. 1—2. Ottawa, 1968—1969.

> Proceedings and Debates of the British Parliaments Respecting North America. Ed. by L. F. Stock. V. 1—5. Washington, 1924—1941.

Rapport de l'archiviste de la province de Québec. V. 1—51. Québec, 1921—1973.

Report of the Public Archives of Canada. V. 1—59. Ottawa, 1872—1972.

Report of the Bureau of Archives for the Province of Ontario. V. 1—23. Toronto, 1904—1934.

Report of the State Trials, before a General Court Martial Held at Montreal in 1838—1839. Exhibiting a Complete History of the Late Rebellion in Lower Canada. V. 1—2. Montreal, 1839.

Select Documents in British Colonial Policy. 1830—1860. Ed. by K. N. Bell, W. P. Morell. Oxford, 1926.

Select Documents in Canadian Economic History. 1783—1885. Ed. by H. A. Innis, A. R. M. Lower. Toronto, 1933.

Statutes, Treaties and Documents of the Canadian Constitution. 1713—1929. Ed. by W. P. M. Kennedy. Toronto—London, 1930.

Winslow Papers. 1776—1826. Printed under the auspices of the New Brunswick Historical Society. Ed. by Rev. W. O. Raymond. St. John, 1901.

ПАМФЛЕТЫ, ПЕТИЦИИ, ДОКЛАДЫ

Canada Correspondence. The Series of Letters... from Canada from an Old Correspondent of 1837. Montreal, s. a.

Canadian Controversy; Its Origin, Nature and Merits. London, 1838.

Copy of Communication and Other Papers Received by the Speaker of the House of Assembly of Lower Canada from the Honourable Denis Benjamin Viger, esq. Quebec, 1832.

A Correct Account of the Rise and Progress of the Recent Popular Movement in Lower Canada. S. 1., 1837.

Dumesnil C. De l'abolition des droits féodaux et seigneuriaux au Canada. Montréal, 1969 (Reprint 1849).

Durham J. G. L. The Report on the Affairs of British North America, London, 1902.

Emigration and the Conditions of the Labouring Poor. A Letter, Addressed to the Gentlemen of the Grand-jury, and Other Land-owners of the County Essex. Colchester, 1832.

The Question Answered: Did the Ministry Intend to Pay Rebels? Montreal, 1968 (Reprint 1849).

An Impartial and Authentic Account of the Civil War in the Canadas... London, 1838.

The Ministerial Crisis: Mr. D. B. Viger, and his Position... Montreal, 1968 (reprint).

Journal Historique des Evenements Arrives a Saint Eustache... Montréal, 1838.

Observations on the Petitions of Grievances, addressed to the Imperial Parliament, from the Districts of Quebec, Montreal and Three-Rivers. Quebec, 1828.

Petition from the Lower Canada with Explanatory Remarks. London, 1835.

Petition of the House of Assembly of Lower Canada to the King, and the Houses of Parliament. 1836.

The Politics of 1837 by an Old Reformer. London, 1837.

A Plain Statement of the Quarrel with Canada, in which is Considered who First Infringed the Constitution of the Colony. London, 1838.

Papineau L. J. Histoire de l'insurrection du Canada. Montréal, 1968 (reprint, 1839).

Papineau L. J. Adresse à Tous les électeurs du Bas-Canada. Montréal, 1968 (reprint 1827).

Resume impartial de la discussion Papineau-Nelson sur les evenements de Saint-Denis en 1837. Montréal, 1968 (reprint 1848).

Remarks on the Proceedings as to Canada, in the Present Session of Parliament: by one of the Commissioners. London, 1837.

The Seventh Report from the Select Committee of the House of Assembly of Upper Canada on Grievances... Toronto, 1835.

ПЕРЕПИСКА, СОЧИНЕНИЯ, МЕМУАРЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ И УЧАСТНИКОВ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Beauclerk Ch. Lithographic Views of Military Operations in Canada under His Excellency sir John Colborne during the Late Insurrection. London, 1840.

Bethune A. Memoires of the Right Reverence John Strachan. Toronto, 1870.

Brown T. S. 1837 and My Connection with It. Quebec, 1898.

Durand C. Reminiscences of the Rebellion of 1837. Toronto, 1898.

Head F. B. A Narrative. London, 1839.

Hincks F. Reminiscences of His Public Life. Montreal, 1884.

Globensky C. A. M. La Rebellion de 1837 a Saint-Eustache... Québec, 1883.

Grey C. Crisis in the Canadas: 1838—1839. The Grey's Journals and Letters. London, 1965.

Mackenzie W. L. Sketches of Canada and the United States. London, 1833.

McLeod D. A. Brief Review of the Settlement of Upper Canada... Cleveland, 1841.

Papineau L. J. Textes choisis et presentes par Fernan Ouellet. Québec, 1958.

Papineau A. Journal d'un Fils de la Liberté, réfugié aux Etats-Unis, par suite de l'Insurrection Canadienne, en 1837. V. 1. Québec, 1972.

Ryerson E. Story of My Life. Toronto, 1883.

Select Writings of William Lyon Mackenzie. 1824—1837. Ed. by Fairley M. Toronto, 1960.

Viger D. B. Oeuvres politiques. Extraits. Montréal, 1970.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ
ОПИСАНИЯ,
ТРУДЫ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ,
ПИСАТЕЛЕЙ, ПУБЛИЦИСТОВ
И ДРУГИЕ РАБОТЫ
СОВРЕМЕННОКОВ СОБЫТИЙ

- Arfwedson C. D.* The United States and Canada in 1832, 1833, and 1834. V. 1—2. London, 1834.
- Begsby J. M. D.* The Shoe and Canoe or Pictures of Travel in the Canadas. V. 1—2. London, 1850.
- Bonnycastle R. H.* The Canadas in 1841. V. 1—2. London, 1841.
- Bouchette J.* The British Dominions in North America. Topographical and Statistical Description of the Province of Lower Canada, Upper Canada, New Brunswick and Nova Scotia... V. 1—2. London, 1832.
- Bouchette J.* A Topographical Description of the Province of Lower Canada, with Remarks upon Upper Canada and on the Relative Connection of Both Provinces with the United States of America. London, 1815.
- Christie R.* A History of the Late Province of Lower Canada. V. 1—6. Quebec, 1848—1855.
- Clarke Ch.* Sixty Years in Upper Canada. Toronto, 1908.
- Doige T.* An Alphabetical List of Merchants, Traders and Householders Residing in Montreal. Montreal, 1819.
- Douglas H.* Considerations on the Value and Importance of the British North American Provinces. London, 1831.
- Early Travellers in the Canadas. Ed. by G. M. Craig. Toronto, 1955.
- Fidler I.* Observation on the Professions, Literature, Manners, and Emigration in the United States and Canada, Made During a Residence There in 1832. New York, 1833.
- Gourlay R.* Statistical Account of Upper Canada. V. 1—2. London, 1822.
- Howison J.* Sketches of Upper Canada... Edinburgh, 1821.
- Jackson J. M.* View of the Political Situation of the Province of Upper Canada. 1809.
- Jameson A.* Winter Studies and Summer Rambles in Canada. Toronto, 1943.

- Kalm P.* Travels in North America. Ed. by A. Benson. New York, 1937.
- Lambert J.* Travels Through Lower Canada and the United States of America in the Years 1806, 1807 and 1808. London, 1810.
- Macgregor J.* Observations on Emigration to British North America. London, 1829.
- Mactaggart J.* Three Years in Canada: An Account of the Actual State of the Country in 1826—1828. V. 1—2. London, 1829.
- March to Quebec. Journals of the Members of Arnold's Expedition. Comp. by K. Roberts. Garden City (New York), 1959.
- Martin R. M.* History, Statistics and Geography of Upper and Lower Canada. London, 1838.
- Martin R. M.* History of the Colonies of the British Empire. London, 1843.
- Magrath T. W.* Authentic Letters from Upper Canada. Toronto, 1953 (reprint 1833).
- Need T.* Six Years in the Bush. London, 1838.
- Old Inhabitant. Observations on the Importance of the North American Colonies to Great Britain. London, 1831.
- Old Toronto. Ed. by E. C. Kyte. Toronto, 1954.
- Pickering J.* Inquiries of an Emigrant: Being the Narrative of an English Farmer from the Year 1824 to 1830. London, 1832.
- Preston T. R.* Three Years Residence in Canada, from 1837 to 1839. V. 1—2. London, 1840.
- Salles-La Terriere P. A.* A Political and Historical Account of Lower Canada. London, 1830.
- Scadding H.* Toronto of Old. Ed. by F. A. Armstrong. Toronto, 1966.
- Stuart C.* The Emigrant's Guide to Upper Canada. London, 1820.
- Trail C. P.* The Backwoods of Canada: Being Letters from the Wife of an Emigrant Officer. London, 1836.
- Theller E. A.* Canada in 1837—1838. Showing by Historical Facts The Cause of the Late Attempted Revolution and Its Failure. V. 1—2. Philadelphia, 1841.

БИОГРАФИИ

- Boyd J. Sir George Etienne Cartier.* Montreal, 1918.
- Burt A. L. Guy Carleton, Lord Dorchester. 1724—1808.* Ottawa, 1960.
- Careless J. M. S. Brown of «The Globe». V. 1—2.* Toronto, 1959.
- Grant W. L. The Tribune of Nova Scotia.* Toronto, 1920.
- Burwash N. Egerton Ryerson.* Toronto, 1908.
- Hamil F. C. Lake Erie Baron. The Story of Colonel Thomas Talbot.* Toronto, 1955.
- Kilbourn W. The Firebrand. William Lyon Mackenzie and the Rebellion in Upper Canada.* Toronto, 1956.
- Lindsey C. The Life and Times of William Lyon Mackenzie. V. 1—2.* Toronto, 1862.
- Longley R. S. Sir Francis Hincks. A Study of Canadian Politics, Railways, and Finance in the Nineteenth Century.* Toronto, 1943.
- Mackenzie A. The Life and Speeches of Hon. George Brown.* Toronto, 1882.
- Milany L. D. Robert Gourlay, Godfrey: The Biography of Robert Gourlay. 1778—1863. Forerunner of the Rebellion in Upper Canada. 1837.* Thornhill (Ontario), 1971.
- Murray-Beck J. Joseph Howe-anti-confederate.* Ottawa, 1965.
- Ouellet F. Louis-Joseph Papineau: A Divided Soul.—Canadian Historical Association Booklets, N 11.* Ottawa, 1960.
- Riddell W. P. Robert Gourlay.* Toronto, 1916.
- Robinson C. W. Life of Sir John Beverley Robinson.* Edinburgh—London, 1904.
- Sissons C. B. Egerton Ryerson. His Life and Letters. V. 1—2.* Toronto, 1937.
- Thomson Dale C. Alexander Mackenzie: «Clear Grit». A Biography.* Toronto, 1960.
- Wilson G. E. The Life of Robert Baldwin.* Toronto, 1933.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверкиева Ю. П. Индейцы в Северной Америке.* М., 1974.
- Альперович М. С. Война за независимость Мексики (1810—1824).* М., 1964.

- Альперович М. С. Революция и диктатура в Парагвае (1810—1840).* М., 1975.
- Аптекер Г. Американская революция 1763—1783 гг.* М., 1962.
- Берзина М. Я. Формирование этнического состава населения Канады.* М., 1971.
- Богина Ш. А. Иммиграция в США.* М., 1965.
- Болховитинов Н. Н. Россия и война США за независимость. 1775—1783.* М., 1976.
- Война за независимость и образование США.* Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1976.
- Ерофеев Н. А. Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825—1850 гг.* М., 1962.
- Ерофеев Н. А. Английский колониализм в середине XIX века. Очерки.* М., 1977.
- Ерофеев Н. А. Очерки по истории Англии. 1815—1917 гг.* М., 1959.
- Ефимов А. В. Очерки истории США.* М., 1958.
- Ефимов А. В. США. Пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха).* М., 1969.
- Захарова М. Н. Народное движение в США против рабства. 1831—1860.* М., 1965.
- Иванов Р. Ф. Авраам Линкольн и гражданская война в США.* М., 1964.
- Куропятник Г. П. Вторая американская революция.* М., 1961.
- Куропятник Г. П. Борьба двух тенденций капиталистического развития США в эпоху буржуазных революций.—Новая и новейшая история, 1976, № 2.*
- Милейковский А. Г. Канада и англо-американские противоречия.* М., 1958.
- Райерсон С. Б. Основание Канады. Канада с древнейших времен до 1815 г.* М., 1963.
- Райерсон С. Б. Неравный союз. История Канады. 1815—1873.* М., 1970.
- Самойло А. С. Английские колонии в Северной Америке в XVII веке. Начальный период в истории США.* М., 1963.
- Севостьянов Г. Н., Уткин А. И. Томас Джефферсон.* М., 1976.
- Слэзкин Л. Ю. Россия и война за независимость в Испанской Америке.* М., 1964.

- Сороко-Цюпа О. С. Из истории франкоканадского национального вопроса.— Национальные проблемы Канады. М., 1972.
- Татаринова К. Н. Очерки по истории Англии. 1640—1815 гг. М., 1958.
- Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV—начало XIX в.). М., 1965.
- Тишков В. А. Отчет лорда Дарэма «О состоянии дел в Британской Северной Америке. 1839», как исторический источник.— Вопросы новой и новейшей истории. Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, т. 284. М., 1967.
- Тишков В. А. Политические взгляды и деятельность Уильяма Лайона Макензи (К истории освободительной борьбы в Канаде).— Из истории международных отношений и освободительных движений XIX—XX веков. Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, т. 343. М., 1970.
- Тишков В. А. Проблема заселения и развития капиталистических отношений в Канаде в период английского колониального господства (конец XVIII—первая треть XIX в.).— Американский ежегодник. 1973. М., 1973.
- Тишков В. А. Американская революция XVIII в. и колониальная политика Великобритании в Канаде.— Американский ежегодник. 1975. М., 1975.
- Тишков В. А. К истории возникновения франкоканадского национального вопроса.— Вопросы истории, 1974, № 1.
- Тишков В. А. Россия и восстание 1837—1838 гг. в Канаде.— Американский ежегодник. 1976. М., 1976.
- Тишков В. А. Страна кленового листа. Начало истории. М., 1977.
- Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1897.
- Фурсенко А. А. Американская буржуазная революция XVIII в. М.—Л., 1960.
- Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. М., 1953.
- Черняк Е. Б. Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII—начале XIX в. М., 1962.
- Штрахов А. И. Война за независимость Аргентины. М., 1976.
- Aitken H. G. J. The Welland Canal Company: A Study in Canadian Enterprise. Cambridge (Mass.), 1954.
- Approaches to Canadian History. Essays by W. A. Mackintosh. A. R. M. Lower, F. H. Underhill. Toronto, 1967.
- Armstrong F. H. William Lyon Mackenzie: A Study of a Critic in Power.— CHR, 1967, v. 48, N 4.
- Armstrong F. H. William Lyon Mackenzie: the persistent hero.— JCS, 1971, v. VI, N 3.
- Arthur M. E. French-Canadian Participation in the Government of Canada. 1775—1785.— CHR, 1951, v. 32, N 4.
- Bernett J. Silas Fletcher. Instigator of the Upper Canadian Rebellion.— OH, 1949, v. 41.
- Bell D. The Loyalist Tradition in Canada.— JCS, 1970, v. 5, N 2.
- Bernard J.-P. Les Rouges: Libéralisme, Nationalisme et anticléricalisme au milieu du XIXe siècle. Québec. 1971.
- Bourque G. Classes Sociales et Question Nationale au Québec. 1760—1840. Montréal, 1970.
- Bourinot J. G. Canada under British Rule, 1760—1900. Cambridge, 1900.
- British Attitudes Towards Canada. 1829—1849. Ed. by P. Burroughs. Scarborough, 1971.
- Brebner J. B. Dominion of the North. Boston, 1944.
- Brebner J. B. North Atlantic Triangle. The Interplay of Canada, the United States and Great Britain. New York, 1958.
- Brebner J. B. The Neutral Yankees of Nova Scotia. A Marginal Colony during the Revolutionary Years. New York, 1970.
- Brunet M. La Presence Anglaise et les Canadiens. Montréal, 1958.
- Brunet M. Les Canadiens apres la Conquête. Montréal, 1969.
- Bradshaw F. A. Selfgovernment in Canada and How it Was Achieved: the Story of Lord Durham's Report. London, 1903.
- Brown W. The King's Friends. Providence, 1965.
- Burroughs P. The Canadian Crisis and British Colonial Policy 1828—1841. Toronto, 1972.
- Burt A. L. The Old Province of Quebec. Toronto, 1933.

- Burt A. L.** *The Evolution of the British Empire and Commonwealth*. Boston, 1956.
- Callahan H.** *Flight from the Republic. The Tories of the American Revolution*. New York, 1967.
- Le Canada à l'époque de la «Révolution atlantique»** (Fin XVIIIe — début XIXe siècle). — *Annales historiques de la Révolution française*, 1973, A. 45, N 213 (3).
- Canada and Its Provinces. A History of the Canadian People and Their Institutions.** Ed. by A. Shortt, A. G. Doughty (gen. eds). V. 1—3. Toronto, 1913.
- Canadian History before Confederation: Essays and Interpretations.** Ed. by J. M. Bumsted. Georgetown (Ontario), 1972.
- Careless J. M. S.** *The Union of the Canadas. The Growth of Canadian Institutions 1841—1857*. Toronto, 1967.
- Caron J.** *Une société secrète dans le Bas-Canada en 1838: L'Association des Frères Chasseurs*. TRSC, Sec. I., 1926. Toronto, 1967.
- Carrier L. N.** *Les Evenements de 1837—1838. Esquisse historique de l'insurrection du Bas-Canada*. Québec, 1877.
- Carrier N. S., Jeffery J. R.** *External Migration. A Study of Available Statistics, 1815—1940*. London, 1953.
- Capitalism and the National Question in Canada.** Ed. by G. Teeple. Toronto, 1972.
- Chapais T.** *Cours d'histoire du Canada*. T. 1—8. Québec, 1919—1934.
- Clark S. D.** *Movements of Political Protest in Canada. 1640—1840*. Toronto, 1959.
- Constitutionalism and Nationalism in Lower Canada.** Toronto, 1969.
- Coffin V.** *The Province of Quebec and the Early American Revolution*. New York, 1970 (led. 1896).
- Coupland R.** *The Quebec Act. A Study in Statesmanship*. Oxford, 1968.
- Cowan H. J.** *British Emigration to British North America*. Toronto, 1961.
- Cook R.** *Canada and the French-Canadian Question*. Toronto, 1966.
- Corey A. B.** *The Crises of 1830—1842 in Canadian-American Relations*. New Haven, 1941.
- Cornell P.** *The Alignment of Political Groups in Canada. 1841—1867*. Toronto, 1962.
- Craig G. M.** *Upper Canada. The Formative Years. 1784—1841*. London, 1963.
- Craig G. M.** *The United States and Canada*. Cambridge, 1968.
- Craig G. M.** *The American Impact on the Upper Canadian Reform Movement Before 1837*. — *CHR*, 1948, v. 29.
- Cross M.** *Free Trade, Annexation and reciprocity. 1846—1854*. Toronto, 1971.
- Cross M.** *The Age of Gentility: The Formation of an Aristocracy in the Ottawa Valley*. — *CHAR*, 1967.
- Cross M.** *Stony Monday, 1849: The Rebellion Losses Riots in Bytown*. — *OH*, 1971, v. 63, N 3.
- Creighton D. G.** *Dominion of the North. A History of Canada*. Toronto, 1944.
- Creighton D. G.** *The Commerical Empire of St. Lawrence. 1760—1850*. Toronto, 1959.
- Creighton D. G.** *Economic Background to the Rebellion of 1837*. — *CJEPS*, 1937, v. 3.
- Creighton D. G.** *The Struggle for Financial Control in Lower Canada. 1818—1831*. — *CHR*, 1931, v. 12.
- Creighton D. G.** *The Decline and Fall of the Empire of the St. Lawrence*. — *CHAR*, 1969.
- Crouzet F.** *L'économie britannique et le blocus continental (1806—1813)*. T. 1—2. Paris, 1958.
- Cruikshank E. A.** *The Government of Upper Canada and Robert Gourlay*. — *OHSPR*, 1927, v. 23.
- Cruikshank E. A.** *Post-War Discontent at Niagara in 1818*. — *OHSPR*, 1933, v. 29.
- Cruikshank E. A.** *The Insurrection in the Short Hills in 1838*. — *OHSPR*, 1907, v. VIII.
- Cruikshank E. A.** *The Invasion of Navy Island in 1837—1838*. — *OHSPR*, 1937, v. XXXII.
- David L. O.** *Les Patriotes de 1837—1838*. Montréal, 1884.
- David L. O.** *L'Union des deux Canadas. 1841—1867*. Montréal, 1898.
- Decelles A. D.** *Lafontaine et son temps*. T. 1—2. Montréal, 1907.
- Decelles A. D.** *The Patriotes of 1837. A Chronicle of Lower Canadian Rebellion*. Toronto, 1920.
- Denison M.** *Canada's First Bank. A History of the Bank of Montreal*. V. 1—2. Toronto, 1966.

- Dent J. C.* The Story of the Upper Canadian Rebellion. V. 1—2. Toronto, 1885.
- Dent J. C.* The Last Forty Years: The Union of 1841 to Confederation. Toronto, 1972 (led. 1881).
- Douglas R. A.* The Battle of Windsor.—OH, 1969, v. 61.
- Dubuc A.* Problems in the Study of the Stratification of the Canadian Society from 1760 to 1840.—CHAR, 1965.
- Dunham A.* Political Unrest in Upper Canada. 1815—1836. Toronto, 1963.
- Easterbrook W. T., Aitken H. G. J.* Canadian Economic History. Toronto, 1963.
- Egerton H. E.* A Short History of British Colonial Policy. London, 1897.
- Egerton H. E.* A Historical Geography of the British Dominions. V. 1, Oxford, 1923.
- Ferland J. B. A.* Cours d'histoire du Canada. T. 1—2. Québec, 1861.
- Filteau G.* Histoire des Patriotes. T. 1—2. Montréal, 1941.
- Flenley R.* The French Revolution and French Canada.—In: Essays in Canadian History. Ed. by R. Flenley. Toronto, 1939.
- Forsey E.* The History of Canadian Trade Unionism 1812—1902. 1971 (manuscript).
- Fregault G.* La Guerre de la Conquête. Montréal, 1955.
- Galarneau C.* La France devant l'opinion canadienne. 1760—1815. Québec — Paris, 1970.
- Garneau F. X.* Histoire du Canada. T. 1—9. Montréal, 1944—1946.
- Garner J.* The Franchise and Politics in British North America. 1775—1867. Toronto, 1969.
- Garon A.* Le Conseil législatif du Canada-Uni: Revision Constitutionnelle et composition socio-économique.—Histoire Sociale, nov. 1971, v. 8.
- Garon A.* La fonction politique et sociale des chambres hautes canadiennes. 1791—1841.—Histoire Sociale, avr. 1970, v. 5.
- Gates L. F. W. L.* Mackenzie's «Volunteer» and the First Parliament of United Canada.—OH, 1967, v. 59.
- Gates L. F.* Land Policies of Upper Canada. Toronto, 1968.
- Gates L. F.* The Decided Policy of William Lyon Mackenzie.—CHR, 1938, v. 19.
- Glazebrook G. P. de T.* A History of Transportation in Canada. Toronto, 1938.
- Graham G. S.* British Policy and Canada. 1774—1901. Westport, 1974.
- Grey H. G.* The Colonial Policy of Lord John Russell. New York, 1970.
- Griffiths P.* Empire into Commonwealth. London, 1969.
- Groulx L.* Histoire du Canada Français. T. 1—2. Montreal, 1962.
- Guest H. M.* Upper Canada's First Political Party.—OH, 1962, v. 54.
- Guillet E. C.* The Lives and Times of the Patriots. An Account of the Rebellion in Upper Canada 1837—1838 and the Patriot Agitation in the United States 1837—1842. Toronto, 1963 (1-st ed.—1938).
- Guillet E. C.* Early Life in Upper Canada. Toronto, 1963 (1-st ed.—1933).
- Hansen M. L., Brebner J. B.* The Mingling of the Canadian and American Peoples. V. 1. Toronto, 1940.
- Hardy R.* La Rébellion de 1837—1938 et l'essor du protestantisme canadien-français.—RHAF, sept. 1975, v. 29, N 2.
- Harlow V. T.* The Founding of the Second British Empire. 1763—1793. V. 2. New Continents and Changing Values. London, 1964.
- Henry J. J.* Account of Arnold's Campaign against Quebec and of the Hardships and Sufferings... New York, 1968.
- Houston S. E.* The Impetus to Reform: Urban Crime, Poverty, and Ignorance in Ontario. 1850—1875. Ph. D. Thesis. University of Toronto, 1974.
- Innis H. A.* The Fur Trade in Canada: An Introduction to Canadian Economic History. New Haven, 1930.
- Innis H. A.* Essays in Canadian Economic History. Toronto, 1965.
- Innis M. Q.* An Economic History of Canada. Toronto, 1954.
- Jackson E.* The Organization of Upper Canadian Reforms 1818—1867.—OH, 1961, v. 53.
- Johnson L. A.* Land Policy, Population Growth and Social Structure in the Home District. 1793—1851.—OH, 1971, v. 63.
- Johnson S. C. A.* History of Emigration from the United Kingdom to North America. 1763—1912. London, 1912.

- Johnson W.** Pastor Invictus or Rebellion in St. Eustache. Montreal, 1931.
- Jones R. L.** History of Agriculture in Ontario. 1613—1880. Toronto, 1948.
- Jones R. L.** French-Canadian Agriculture in the St. Lawrence Valley. 1815—1850.—Agricultural History, 1942, v. 16.
- Katz M.** The People of Hamilton, Canada West. Cambridge (Mass.), 1975.
- Kinchen O. A.** Lord Russell's Canadian Policy. Texas, 1945.
- Kinchen O. A.** The Rise and Fall of Patriot Hunters. New York, 1956.
- Kingsford W.** History of Canada. V. 9—10. London, 1897—1898.
- Lancot G.** Canada and the American Revolution. 1774—1783. Toronto, 1967.
- Landon F.** Western Ontario and the American Frontier. Toronto, 1941.
- Landon F.** The Common Man in the Era of the Rebellion in Upper Canada.—CHAR, 1937.
- Langdon S.** The Emergence of the Canadian Working Class Movement, 1845—1875.—JCS, 1973, v. VII, N 2.
- Langstone R. W.** Responsible Government in Canada. London, 1931.
- Lawrence S.** «Le Canadien» and the British Constitution.—CHR, 1957, v. 38.
- Lefebvre A.** La Montréal Gazette et le nationalisme canadien, 1835—1842. Montréal, 1970.
- Legget R. F.** Rideau Waterway. Toronto, 1955.
- Lipton C.** The Trade Union Movement in Canada. 1827—1959. Montréal, 1967.
- Logan H. A.** The History of Trade Union Organization in Canada. Chicago, 1928.
- Longley R. S.** Emigration and the Crisis of 1837 in Upper Canada.—CHR, 1936, v. 17.
- Lower A. R. M.** Colony to Nation. A History of Canada. Toronto, 1964.
- McDiarmid O. J.** Commercial Policy in the Canadian Economy. Cambridge (Mass.), 1946.
- Macdonald N.** Canada. 1763—1841. Immigration and Settlement. The Administration of the Imperial Land Regulations. London, 1939.
- MacMeachan A.** The Winning of Popular Government. Toronto, 1920.
- MacNutt W. S.** The Making of the Maritime Provinces. 1713—1783. Ottawa, 1955.
- MacNutt W. S.** The Atlantic Provinces. The Emergence of Colonial Society. 1712—1857. Toronto, 1965.
- Mackay R. A.** Political Ideas of William Lyon Mackenzie.—CJEPS, 1937, v. 3.
- Manning H. T.** The Revolt of French Canada. 1800—1835. New York, 1962.
- Manning H. T.** The Civil List of Lower Canada.—CHR, 1943, v. 24.
- Manning H. T.** British Colonial Government after the American Revolution (1782—1820). New Haven, 1933.
- Martin Ch.** Empire and Commonwealth. Oxford, 1929.
- Martin G.** The Durham Report and British Policy. Cambridge, 1972.
- Martin K. L. P.** The Union Bill of 1822.—CHR, 1924, v. 5.
- Metzger C. H.** The Quebec Act. A Primary Cause of the American Revolution. New York, 1936.
- Monet J.** The Last Cannon Shot. A Study of French-Canadian Nationalism. 1837—1850. Toronto, 1969.
- Montgomery M.** The British Colonies, Their History, Extent, Condition and Resources. V. 1. London, 1849.
- Morrison The Toon O'maxwell**—an Owen Settlement in Lambton Cty., Ont.—OHSPR, 1914, v. 17.
- Nelson W. H.** The American Tory. London, 1961.
- New C. W.** Lord Durham's Mission to Canada. Toronto, 1962.
- New C. W.** The Rebellion in 1837 in its Larger Setting: Presidential Address.—CHAR, 1937.
- Morton W. L.** The Critical Years. The Union of British North America, 1857—1873. Toronto, 1964.
- Myers G.** A History of Canadian Wealth. Toronto, 1972 (1-st ed.—1914).
- Neatby H.** Quebec, the Revolutionary Age. 1760—1791. Toronto, 1966.
- Neatby H.** The Quebec Act: Protest and Policy. Toronto, 1972.
- Ormsby W.** Problem of Canadian Unity, 1822—1828.—CHR, 1958 v. 39.
- Ormsby W.** The Emergence of the Federal Concept in Canada. 1839—1845. Toronto, 1962.
- Ouellet F.** Histoire économique et sociale du Québec. 1760—1850: Stru

- ctures et Conjuncture. Montréal, 1966.
- Ouellet F. *Le Nationalisme Canadien-français de ses origines à l'insurrection de 1837*.—CHR, 1964, v. 45.
- Ouellet F. *Papineau dans la Révolution de 1837—1838*.—CHAR, 1958.
- Ouellet F., Hamelin J. *La crise agricole dans le Bas-Canada. 1802—1837*.—CHAR, 1962.
- Ouellet F. *Le Bas-Canada. 1791—1840. Changements structuraux et crise*. Ottawa, 1976.
- Paquet G., Wallot J. P. *Patronage et pouvoir dans le Bas-Canada (1794—1812)*. Montréal, 1973.
- Paquet J., Wallot J. P. *International Circumstances of Lower Canada, 1786—1810; Prolegomenon*.—CHR, 1972, v. 53, N 4.
- Parizeau G. *Aperçu de la situation économique dans le Bas-Canada vers 1837*.—CHAR, 1937.
- Parker W. H. *A New Look at Unrest in Lower Canada in the 1830's*.—CHR, 1959, v. 40.
- Patterson G. *Land Settlement in Upper Canada. 1783—1840*. Toronto, 1921.
- Pentland H. C. *Labour and the Development of Industrial Capitalism in Canada*. Ph. D. Thesis. University of Toronto, 1960 (manuscript).
- Pentland H. C. *The Lachine Strike of 1843*.—CHR, 1948, v. 29, N 3.
- Pentland H. C. *The Development of a Capitalistic Labour Market in Canada*.—CJEPS, 1959, v. 25, N 4.
- Pentland H. C. *The Role of Capital in Canadian Economic Development Before 1875*.—CJEPS, 1950, v. 16, N 4.
- Phillips P. *Land Tenure and Economic development: a comparison of Upper and Lower Canada*.—JCS, 1974, v. 9, N 2.
- Romney P. *William Lyon Mackenzie as Major of Toronto*.—CHR, 1975, v. 56, N 4.
- Read D. B. *The Canadian Rebellion of 1837*. Toronto, 1896.
- Rich E. E. *The Fur Trade and the Northwest to 1857*. Toronto, 1967.
- Riddell R. G. *A Study in the Land Policy of the Colonial Office, 1763—1855*.—CHR, 1937, v. 18.
- Riddell R. G. *Egerton Ryerson's Views on the Government of Upper Canada*.—CHR, 1938, v. 19.
- Ryerson S. B. 1937.—*The Birth of Canadian Democracy*. Toronto, 1937.
- Roy R. *Resistance indépendantiste. 1793—1798. Notes pour servir à l'histoire du Franc-Canada*. Montréal, 1973.
- Neatby H. *Quebec. The Revolutionary Age. 1760—1791*. Toronto, 1966.
- Scott Y. *Sweat and Struggle: working class struggles in 1789—1899*. V. 1. Vancouver, 1974.
- Sequin R. L. *Le Mouvement insurrectionnel dans la Presqu'île de Vaudrevil. 1837—1838*. Montréal, 1955.
- Sequin M. *L'Idée d'indépendance au Québec: Genèse et historique*.—Trois-Rivières, 1968.
- Smith J. H. *Our Struggle for the Fourteenth Colony*. New York, 1907.
- Smith W. *The Reception of the Durham Report in Canada*.—CHAR, 1928.
- Stanley G. F. G. *Canada Invaded. 1775—1776*. Toronto, 1973.
- Talman J. J. *The Printing Presses of William Lyon Mackenzie Prior to 1837*.—CHR, 1937, v. 18.
- Talman J. J. *The Church of England in Upper Canada. 1791—1840*.—CHR, 1934, v. 15.
- Talman J. J. *The Newspapers of Upper Canada a Century Ago*.—CHR, 1938, v. 19.
- Tosignant P. *Problématique pour une nouvelle approche de la constitution de 1791*.—RHAFF, 1973, v. 27, N 2.
- Tremaine M. *Early Printing in Canada*. Toronto, 1934.
- Tucker G. N. *The Canadian Commercial Revolution. 1845—1851*. New Haven, 1936.
- Trudel M. *L'influence de Voltaire au Canada*. Montréal, 1945.
- Trudel M. *Louis XVI, le Congrès américain et le Canada. 1774—1789*. Québec, 1949.
- Vaugeois D. *L'union des deux Canadas. Nouvelle Conquête? Trois-Rivières, 1962*.
- Wallot J. P. *Intrigues françaises et américaines au Canada*. Montréal, 1965.
- Wallot J. P. *Religion and French-Canadian Mores in the Early Nineteenth Century*.—CHR, 1971, v. 52, N 1.
- Wallot J. P. *Le régime seigneurial et son abolition au Canada*.—CHR, 1969, v. 50, N 4.
- Wade M. *The French Canadians*. V. 1—2. Toronto, 1968.

- Wallace W. S.* The Family Compact: A Chronicle of lower Canadian Rebellion. Toronto, 1920.
- Wallace W. S.* The Periodical Literature of Upper Canada.—CHR, 1931, v. 12.
- Wilson A.* The Clergy Reserves of Upper Canada. A Canadian Mortmain. Toronto, 1968.
- Wrong G. M.* Canada and the American Revolution. New York, 1968 (1-st ed.—1935).
- Zins H.* Historia Kanady. Wroclaw, 1975.

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Губер А. А.* Проблемы национально-освободительной борьбы в Латинской Америке в трудах советских историков.—Новая и новейшая история, 1970, № 1.
- Болховитинов Н. Н.* Теоретические и историографические проблемы американской революции XVIII в. М., 1973.
- Севостьянов Г. Н.* Некоторые проблемы истории американской революции.—Новая и новейшая история, 1973, № 3.
- Сороко-Цюпа О. С.* Историческая концепция Ф. Д. Тернера и канадская историография.—Американский ежегодник. 1972. М., 1972.
- Тишков В. А.* Восстание 1837—1838 годов в Канаде (обзор литературы).—Новая и новейшая история, 1970, № 5.
- Тишков В. А.* Англо-американская война 1812—14 годов.—В кн.: Основные проблемы истории США в американской историографии. Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1971.
- Тишков В. А.* Американские лоялисты: старые мифы и новые интерпретации.—Вопросы истории, 1970, № 1.
- Тишков В. А.* Основные направления современной канадской историографии (обзор новейших исследований).—Новая и новейшая история, 1977, № 2.
- Brunet M.* French-Canadian Interpretations of Canadian History.—Canadian Forum, Apr. 1964, v. XLIV.
- Brunet M.* The British Conquest: Canadian Social Scientists and The Fate of Canadiens.—CHR, 1959, v. 40.
- Cook R.* Some French-Canadian Interpretations of the British Conquest.—CHAR, 1966.
- Cook R.* French Canadian Interpretations of Canadian History.—JCS, 1967, v. 2, N 2.
- Creighton D. G.* Confederation: The Use and Abuse of History.—JCS, 1966, v. 1, N 1.
- Drache D.* Rediscovering Canadian History.—Canadian Journal of History, 1971, v. 6, N 3.
- Dagneau J.* Les Historiens Canadiens-français face aux événements de 1837—1838. Ideologie et Historiographie. B. A. These Laval University, 1968.
- The Historiography of the British Empire-Commonwealth. Ed. by R. W. Winks. Durham, 1966.
- Mealing S. R.* The Concept of Social Class in the Interpretation of Canadian History.—CHR, 1965, v. 46, N 3.
- Morton W. L.* Some Thoughts on Understanding Canadian History.—Acadiensis, 1973, v. 2, N 2.
- Morton H. A.* The American Revolution: A View from the North.—JCS, 1972, v. 7, N 2.
- Le Goff T. J. A.* The Agricultural Crisis in Lower Canada. 1802—1812: A Review of a Controversy.—CHR, 1974, v. 55, N 1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР	Архив внешней политики России
BHSPR	Buffalo Historical Society's Papers and Records
CHAR	Canadian Historical Association's Report
CHR	Canadian Historical Review
CJEPS	Canadian Journal of Economics and Political Science
JCS	Journal of Canadian Studies
OH	Ontario History
OHSPR	Ohio Historical Society's Papers and Records
PAC	Public Archives of Canada
PACR	Public Archives of Canada's Report
PAO	Public Archives of Ontario
RAPQ	Rapport de l'archiviste de la province de Quebec
RHAF	Revue d'histoire de l'Amerique francaise
TRSC	Transactions of the Royal Society of Canada

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава первая	
АНГЛИЙСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФРАНКОКАНАДСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА	22
Режим военной оккупации	26
Оформление колониального правления	34
Квебекский акт 1774 года и реакция поселенцев	41
Глава вторая	
КАНАДА И АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII В.	50
Экспедиция американских колонистов в Канаду в 1775— 1776 гг.	51
Квебек и американская революция	62
Освободительная борьба в Новой Шотландии	69
Глава третья	
СОЗДАНИЕ БРИТАНСКОЙ «ВТОРОЙ ИМПЕРИИ» В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ	75
Лоялистская иммиграция и ее социально-политические по- следствия	76
Движение за отмену Квебекского акта	86
Колониальная реформа 1791 года	93
Глава четвертая	
ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА КАНАДУ	105
Распространение идей Просвещения во французской Канаде	106
Революционная пропаганда французов	111

Глава пятая

СКЛАДЫВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК АНТИКОЛОНИАЛЬНОЙ, БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 121

Иммиграция и обострение земельного вопроса в колониях 121

Кризис сеньориального строя и развитие буржуазных отношений в сельском хозяйстве 135

Промышленность, банковское дело, торговля 148

Глава шестая

КРИЗИС СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ И ИДЕЙНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ 163

Классовая структура канадского общества 163

Обострение политических противоречий и франкоканадского национального вопроса 181

Формирование идеологии освободительного движения 193

Глава седьмая

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРОВИНЦИЯХ БРИТАНСКОЙ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В. 210

Нижняя Канада 210

Верхняя Канада 240

Глава восьмая

ВОССТАНИЕ 1837—1838 ГОДОВ 263

Вооруженные выступления в ноябре-декабре 1837 года в Нижней и Верхней Канаде 263

Республика на Нейви-айленд 279

Тайные революционные общества на американо-канадской границе 292

Глава девятая

ЗАВОЕВАНИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ 312

Миссия лорда Дарэма и возрождение борьбы за реформы . . 315

Социально-политическая борьба и реформы 40-х годов . . . 327

Образование доминиона Канада 343

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 361

БИБЛИОГРАФИЯ 371

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 382